

ISSN: 2542-212X

Электронный журнал

Кавказология

Caucasology

III

2021

Электронный журнал

Кавказология

Caucasology

№ 3 / 2021

DOI: 10.31143/2542-212X-2021-3

*Свидетельство о
регистрации*

Эл № ФС77-59844
от 17 ноября 2014

ISSN

2542-212X

Периодичность

4 раза в год

Учредитель/Издатель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Кабардино-Балкарский
государственный университет
им. Х.М. Бербекова»

Е-mail редакции

caucasology.kbsu@gmail.com

URL-адрес издания

[http://www.kbsu.ru/nauchnye-
izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/](http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/)

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, главный научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, директор Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дердугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, профессор, руководитель Центра развития цифровой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии образования, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афаковна, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллери Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Principal research fellow, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, Director, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, Professor, CEO, Lomonosov Moscow State University Digital Economy Development Center, Full Member of the Russian Academy of Education, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Professor, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Principal Research Fellow, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор

Боров Аслан Хажисмелович

Редакционная коллегия

Кажаров А.Г. (заместитель главного редактора),
Азикова Ю.М. (ответственный секретарь),
Аккиева С.И., Аствацатурова М.А., Баразбиев М.И.,
Бауаев К.К., Берберов Б.А., Бозиева Н.Б., Борова А.Р.,
Бугай Н.Ф., Бухуров М.Ф., Геграев Х.К., Гутов А.М.,
Дзамихов К.Ф., Иванова С.Ю., Канукова З.В.,
Кочесоков Р.Х., Кудаева З.Ж., Кузьминов П.А.,
Кучукова З.А., Мамсиров Х.Б., Муратова Е.Г.,
Нальчикова Е.А., Прасолов Д.Н., Сабанчиев Х.-М.А.,
Тамазов М.С., Текуева М.А., Тимижев Х.Т.,
Тхагапсоев Х.Г., Тенов Т.З., Узнародов Д.И.,
Узнародов И.М.

Editor-in-Chief

Borov Aslan Hazhismelovich

Editorial board

Kazharov A.G. (Deputy Editor-in-Chief),
Azikova Yu.M. (Executive Secretary),
Akkieva S.I., Astvatsaturova M.A., Barazbiev M.I.,
Bauaev K.K., Berberov B.A., Bozieva N.B., Borova A.R.,
Bugay N.F., Buhurov M.F., Gegraev Kh.K., Gutov A.M.,
Dzamirov K.F., Ivanova S.Yu., Kanukova Z.V.,
Kochesokov R.Kh., Kudayeva Z.Z., Kuzminov P.A.,
Kuchukova Z.A., Mamsirov Kh.B., Muratova E.G.,
Nalchikova E.A., Prasolov D.N., Sabadchiev Kh.-M.A.,
Tamazov M.S., Tekueva M.A., Timizhev Kh.T.,
Thagapsoev Kh.G., Tenov T.Z., Uznarodov D.I.,
Uznarodov I.M.

СОДЕРЖАНИЕ***ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ*****Средневековая и новая история****Фоменко В.А., Яновский В.С.**

Об истории и памятниках селений Абуковых второй половины XVIII – начала XX в. **12-43**

Тхамокова И.Х.

Выселение хакучей в Османскую империю и Кубанскую область (1864-1870): причины, основные этапы, итоги **44-62**

Прасолов Д.Н.

Сценарии верноподданничества в отношениях кабардинцев и балкарцев с имперской администрацией: символика, прагматика, политический эффект **63-81**

Дзуганов Т.А.

Предпринимательские практики в слободе Нальчик (вторая половина XIX – начало XX в.) **82-110**

Новейшая история**Боров А.Х., Кажаров А.Г.**

Становление Кабардино-Балкарской автономной области: механизмы, этапы, значение **111-161**

Гунаев Е.А.

Итоги политики коренизации на Северном Кавказе к середине 1930-х – началу 1940-х гг. **162-175**

Хубулова Э.В., Хаблиева Л.Ч.

Наказы избирателей как репрезентация послевоенных повседневных проблем населения г. Моздока **176-188**

Муратова Е.Г., Органова Ю.А.

Из истории археологического изучения Кабардино-Балкарии: профессор КГПИ Константин Эдуардович Гриневич **189-205**

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА**Биттирова Т.Ш., Измайлова Т.С.**

Конструирование горских реалий в русскоязычной публицистике карачаево-балкарских просветителей начала XX века: очерки Мисоста Абаева **206-218**

Хакуашева М.А., Хавжокова Л.Б.

Формирование жанра повести в черкесской литературе: идейно-тематические ориентиры **219-228**

Болатова (Атабиева) А.Д.

Критерии эпопейности и повествовательные стратегии романа А. Теппеева «Мост Сират» **229-246**

Локьяева Ж.М., Узденова Ф.Т.

Алгыш (благопожелание) в фольклоре и литературе карачаевцев и балкарцев: специфика жанра, таксономия, поэтика **247-259**

Наши авторы

260-262

CONTENTS

*HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY***Medieval and modern history****Fomenko V.A., Yanovskiy V.S.**

On the history and historical relics from the Abukov family settlements
(the second half of 18th – early 20th century) **12-43**

Tkhamokova I.H.

Khakuchi forced migration to Ottoman empire and Kuban region
(1864–1870): causes, main phases and results **44-62**

Prasolov D.N.

Scenarios of Loyalty in the relations of Kabardians and Balkars with the
imperial administration: symbolism, pragmatics and political effect **63-81**

Dzuganov T.A.

Business practices in the sloboda Nalchik (second half of the 19th – early
20th century) **82-110**

Contemporary history**Borov A.Kh., Kazharov A.G.**

Formation of the Kabardin-Balkar autonomous region: mechanisms,
phases, significance **111-161**

Gunaev E.A.

The results of the korenization policy in the North Caucasus by the middle
1930s – early 1940s **162-175**

Khubulova E.V., Khablieva L.Ch.

The instructions of voters as a representation of the post-war everyday
problems of the population of Mozdok **176-188**

Muratova E.G., Ortanova Yu.A.

From the history of archaeological study of Kabardino-Balkaria: professor
Konstantin Eduardovich Grinevich **189-205**

*FOLKLORE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS***Bittirova T.Sh., Izmailova T.S.**

Construction of mountain realities in the Russian-language publicist
writings of the Karachay-Balkar enlighteners of the early twentieth
century: essays by Misost Abaev **206-218**

Khakuasheva M.A., Khavzhokova L.B.

Formation of the genre of the story in the Cherkess literature: ideological guides and thematic references **219-228**

Bolatova (Atabieva) A.D.

Criteria of epicness and narrative strategies of A. Teppeev's novel "The Sirat bridge" **229-246**

Lokyaeva Zh.M., Uzdenova F.T.

Algysh (Goodwill) in the folklore and literature of Karachais and Balkars: specifics of genre, taxonomy, poetics **247-259**

Our authors

260-262

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Средневековая и новая история**

УДК 94(470.63/64)

DOI 10.31143/2542-212X-2021-3-12-43

**ОБ ИСТОРИИ И ПАМЯТНИКАХ СЕЛЕНИЙ АБУКОВЫХ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XX В.****В.А. ФОМЕНКО**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: fva2005@gmail.com*

В.С. ЯНОВСКИЙ

*Информационно-культурный центр «Музей А.И. Солженицына» в г. Кисловодске –
экспозиционный отдел Государственного музея истории российской литературы
имени В.И. Даля
357700, г. Кисловодск, ул. Солженицына, 3
E-mail: vyacheslavyanovsky@yandex.ru*

Аннотация. Во введении рассмотрены основные источники и литература, связанные с историей селений Абуковых, а также говорится об особенностях исследовательского подхода, примененного авторами статьи. Далее приведены краткие данные о двух селениях Абуковых в верховьях реки Подкумок (в урочище Юрла и на месте современного селения Первомайское), о селениях Абуковых у Хумары на берегу Кубани и на реке Золка (нынешний поселок Залукокоаже). В описания включены некоторые биографические данные о представителях фамилии Абуковых, сведения о кладбищах их селений. Вместе со сведениями географического, исторического и некрополистического характера авторы статьи обзорно характеризуют или упоминают некоторые археологические памятники, располагавшиеся в окрестностях селений Абуковых. Например: городище Уллу-Дорбунла и другие средневековые поселения, остатки старинных дорог. В заключении авторы настоящей работы говорят об особом статусе Абуковых в проводимой в XIX и начале XX в. местными российскими властями политике, что позволяет считать этот род и зависимое от него население субэтносоциальной группой кабардинского народа, существовавшей в прошлом.

Ключевые слова: Северный Кавказ; вторая половина XVIII – начало XX в.; селения Абуковых; окрестные археологические памятники; старинные дороги; фамилия Абуковы; биографические данные; некрополистические сведения; местная российская политика; субэтносоциальная группа.

ON THE HISTORY AND HISTORICAL RELICS FROM THE ABUKOV FAMILY SETTLEMENTS (THE SECOND HALF OF 18th – EARLY 20th CENTURY)

V.A. FOMENKO

*Institute for Humanitarian studies – Affiliated FSBSE «Federal Scientific Center 'Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: fva2005@gmail.com*

V.S. YANOVSKIY

*Information and cultural center «Museum of A.I. Solzhenitsyn» in Kislovodsk – Expository
Department of the Vladimir Dahl Russian State Literary Museum
357700, Stavropol area, Kislovodsk, Solzhenitsyn st., 3
E-mail: vyacheslavyanovsky@yandex.ru*

Abstract. In the preface of the article authors consider main sources of information and scientific literature devoted to history Abukov family settlements. Also the features of the research approach are revealed. The following is brief information about the two Abukov family settlements in the upper reaches of the river Podkumok and, besides, Abukov family settlements on Kuban and Zolka rivers. Also description includes some biographical information of the most prominent representatives of the Abukov family. Some information about Abukov family cemeteries is given. Together with the information of a geographical, historical and necropolistic nature, the authors of the article review or mention some archaeological monuments located in the vicinity of the Abukov family settlements. For example, ancient settlement Ullu-Dorbunla, fragments of ancient and medieval roads, etc. In conclusion, the authors of this work talk about the special status of the Abukov family in the policy pursued by the local Russian authorities in the 19th and early 20th centuries, which allows us to consider this family and the population dependent on it as a subethnosocial group of the Kabardian people that existed in the past.

Keywords: North Caucasus; 18–20 centuries; Abukov family; Abukov family settlements; archaeological monuments; ancient and medieval roads; biographical information; necropolistic information; local Russian policy; subethnosocial group.

Введение

Абуковы (по-кабардински – Абыкъу/Абыкъуэ), от абазинского слова абхъв (переводится как скала, утес, гора, горный [Абазинско-русский словарь... 1967: 123]) – знатный дворянский род Большой Кабарды. Имеет абазинское происхождение [Абазины... 1989: 33], как и многие жители, возглавляемых Абуковыми селений. Представители этого рода относились к абазинскому сословию «агмистаду» (первостепенные дворяне) и кабардинскому дворянскому сословию «беслен-уорков» [Савойский 2017].

Проследить документально в деталях историю оснований и перемещений аулов (поселений) Абуковых довольно сложно, т. к. до реформы по укрупнению аулов существовал ряд возможностей для смены места расположения селений по желанию их владельцев, в целях улучшения жизненных условий.

Потому мы определяем основную цель исследования как краткую характеристику только четырех, основанных Абуковыми, селений:

1. аул Абуковых в верховьях реки Подкумок в урочище Юрла (территория Малокарачаевского района Карачаево-Черкесии);
2. Абыкъухъэблежь – селение в верховьях Подкумка на месте современного селения Первомайское в Малокарачаевском районе КЧР;
3. селение Абуковых у Хумаринского поста в долине Кубани (современный аул Хумара в Карачаево-Черкесии);
4. Абуково на реке Золка (современный поселок Залукокоаже – центр Зольского района Кабардино-Балкарии).

Источники и литература о селениях Абуковых немногочисленны. Фамилия Абуковы упоминается в различных исторических документах, хранящихся в центральных и региональных архивах. Часть этих документов названа в исследовании А.Б. Мамхегова, посвященном биографии чиновника Лукмана Магометовича (в крещении – Дмитрия Степановича) Кодзокова (1820/21–1893) [Мамхегов 2019]. Действительный статский советник Д.С. Кодзоков родился в селении Абуковых и, вероятно, являлся их родственником. А.Б. Мамхегов привел основную, известную на сегодня, информацию о роде Абуковых со второй половины XVIII до середины XIX в. [Мамхегов 2019: 103–110].

Важную информацию с описанием селения Абуковых в верховьях Подкумка в 1858 г. содержит раздел «Гостеприимный прием у абазинского князя» в книге «*Letteres Le Caucase et la Crimée*» путешественника Флориана Жилия [Письма о Кавказе... 2009: 79–85].

Работа М.В. Дышекова посвящена деятельности одного из самых известных общественно-политических и религиозных деятелей Кабарды конца XVIII – начала XIX в. Исхака Абукова [Дышеков 2014].

Определенная информация по избранной нами теме содержится в литературе по истории населенных пунктов Карачаево-Черкесии [Михайлов 2001: 165–166] и Кабардино-Балкарии [Бжеников 2016], в т.ч. в краеведческих статьях, опубликованных в прессе [Жэмышъуэ 2012] и размещенных в интернете [Бжеников 2015; Савойский 2017]. Селение Абуковых в урочище Юрла упоминается в публикации археологических памятников верховьев реки Подкумок [Рунич и др. 1983: 56–66].

Особенностью исследовательского подхода авторов статьи является дополнение исторических данных о селениях Абуковых некоторыми географическими, некрополистическими, биографическими сведениями, а также информацией о некоторых наиболее ярких археологических памятниках, находящихся в ближайших окрестностях. Авторы не только используют возможности междисциплинарного подхода в рассмотрении избранной темы, но и сознательно допускают некоторую эклектичность статьи. Это связано и с характером анализируемых источников, и с формулировкой основной цели настоящего исследования, а также с возможностью учета влияния природного и исторического ландшафта, окружающего селения Абуковых.

Данные о селениях Абуковых и соседних исторических памятниках

Селение Абуковых в урочище Юрла. Руины одного из селений Абуковых (точное название его пока установить не удалось) находятся на водораздельном плоскогорье между верховьями реки Подкумок и ущельем реки Эшкакон в урочище Юрла на высоте более 1600 м над уровнем моря. Сведений об этом давно заброшенном населенном пункте очень мало.

Это селение было основано не позднее конца XVIII века. Причина основания поселения людей в довольно удаленной и горной местности возможно указана в работе военного историка В.А. Потто. В книге «Два века Терского казачества» кратко говорится о действиях российских войск под командованием князя Ратиева и атамана Савельева против «нежелающих ни русского, ни турецкого подданства», укрывшихся в горах кабардинцев. 6 июня 1769 г. у ущелья Эшкакона произошло сражение, после которого часть кабардинцев во главе с Мисостом Баматовым отошла дальше в горы [Потто 1912: 89–90]. То есть ущелье Эшкакона было еще в XVIII веке известно, как труднодоступное место, где можно было находиться длительное время. Скорее всего, это и стало причиной основания здесь селения Абуковых.

Вероятно, с условиями жизни на краю плоскогорья в урочище Юрла связано прозвище «бгыкIэрыс» (дословно с кабардино-черкесского можно перевести как «живущие у края горы»), распространившееся на часть абуковцев в более позднее время [Бжеников 2015].

Наряду с труднодоступностью у этой местности были и другие выгодные качества: обилие горных пастбищ, отличные источники пресной воды, наличие леса и строительного камня. Что собой представляло селение Абуковых в междуречье Эшкакона и Подкумка мы не знаем, так как оно опустело в начале XX в.

По сведениям краеведа Н.А. Шарданова, вероятно, здесь, в местности называемой Щыпэж (ЩыпIэжь на кабардино-черкесском – старое место), на рубеже XIX–XX вв. разместился аул Мухамеда Абукова, переселившийся в начале XX в. на реку Золку.

Остатки руин небольшого аула Абуково на плоскогорье между Подкумком и Эшкаконом упоминаются на страницах путеводителя В.А. Никитина, изданного в 1964 г. [Никитин 1964: 53].

В публикации 1983 года пятигорский краевед А.П. Рунич (1911–1986), используя карты начала XX в. и собственные наблюдения, нанес границы этого селения на схему под названием «развалины аула Абуковых» [Рунич и др. 1983: 64, Рис. 1]. Из этой схемы понятно, что площадь селения была не маленькой и здесь могли проживать не менее 100 человек.

В 2020 году один из авторов настоящей статьи побывал в урочище Юрла и не выявил каких-либо более или менее масштабных развалин. Это свидетельствует о том, что камень из остатков существовавших построек был вывезен местным населением во второй половине XX и начале XXI в. и использован для возведения современных зданий.

О кладбище в урочище Юрла. Этот старый некрополь селения Абуковых находится на высоте 1620 м над уровнем моря. В плане он представляет собой неправильный четырёхугольник (Рис. 1). Ориентация длинной оси кладбищенского участка – с севера на юг.

Некрополь имеет ограду, представляющую собой кладку из плиток местного доломитизированного известняка (Рис. 2). Высота ограды неравномерна ввиду ее частичного разрушения. Наиболее высокие участки ограды достигают полуметра. В юго-западной стороне ограда как будто бы разрушена. Возможно, что эта «брешь» в ограде и служила входом. Но хорошо видимых и обозначенных ворот найти не удалось.

На этом старинном некрополе сохранились не более полутора – двух десятков грубых стел (приблизительно такой же высоты, как и ограда) и просто небольших надгробных камней. Некоторые камни имеют высоту всего около 20 см. Невысокие надгробные камни трудно поддаются подсчету, поскольку частично или даже почти полностью скрыты слежавшейся травой.

Материал плит и камней – также местный доломитизированный известняк. Надгробия сконцентрированы, прежде всего, в северо-западной части участка, в то время как южная половина кладбища, вероятно, вообще осталась незанятой, так как надгробий там нет. Стелы «лицевой» стороной обращены на юг, вероятно, в сторону Мекки. В хорошую погоду с кладбища открывается вид на Эльбрус.

Самая высокая стела на кладбище высотой около 1 метра. На этом намогильном памятнике сохранилась тамга (Рис. 3). В списке знаков собственности абазинских селений этнограф Ш.Ш. Хуранов отнес эту тамгу к фамилии Абуковых [Хуранов 1979: 172, № 127]. Других изображений тамг или эпитафий на кладбище найти не удалось.

Рис. 1. Кладбище селения Абуковых в урочище Юрла. Снимок из программы Google Earth.

Рис. 2. Часть ограды кладбища селения Абуковых в урочище Юрла. Снимок В.С. Яновского, 2020 г.

Рис. 3. Стела с тамгой на кладбище селения Абуковых в урочище Юрла. Снимок В.С. Яновского, 2020 г.

Рядом с описанным селением Абуково в междуречье Подкумка и его притока Эшкакона расположено большое число хорошо заметных археологических памятников. На правом высоком берегу р. Подкумок в 3–4 км от окраины селения Терезе расположен крупный археологический объект – городище Уллу-Дорбунла¹. Впервые это укрепление упомянуто известным собирателем древностей Авраамом Самуиловичем Фирковичем, посетившим эту местность в 1848 г. [Фиркович 2006: 53–54]. Исследования на данном памятнике в 70-х гг. XX в. проводились пятигорским краеведом-археологом А.П. Руничем (совместно с его учениками – Я.Б. Березиным и С.Н. Савенко) [Рунич и др. 1983].

Рис. 4. Укрепление Уллу-Дорбунла. Изображение из видеофильма «Уллу-Дорбунла» на канале «Пеший бродяга». См.: https://www.youtube.com/watch?v=8Wu_DwyjUsQ (дата обращения: 25.03.2021).

На современном научном уровне укрепление Уллу-Дорбунла и связанные с ним археологические памятники характеризуются в исследованиях археолога-медиевиста Д.С. Коробова. В 2005 и 2011 г. Дмитрий Сергеевич провел исследования на территории городища. Эти материалы опубликованы в его статье и монографии [Коробов 2013; Коробов 2017: 86–100].

Укрепление Уллу-Дорбунла (Рис. 4) было защищено оборонительными стенами. Третья и четвертая стены к настоящему времени практически полностью разобраны на камень и фактически являются задернованными отвалами, образовавшимся после выборки крупного камня. Южнее городища находится относительно ровный участок плоскогорья, в западной части которого имеется мощный пресный источник.

¹ Топоним Уллу-Дорбунла переводится с карачаевского языка как словосочетание «большие пещеры».

Комплекс памятников Уллу-Дорбунла является одним из крупнейших в окрестностях Кисловодска. В настоящее время археологи относят период заселенности городища к эпохе Средневековья (V–XII вв.). Большая часть построек, видимых на поверхности, скорее всего, датируются X–XII вв. [Коробов 2017: 100].

В публикации 1983 года краевед А.П. Рунич и его соавторы отметили, что городище Уллу-Дорбунла было расположено вблизи от одного из торговых путей и могло являться, упоминаемым в византийских письменных источниках городом Фуст (Фист). Название Фист сохранилось на старых картах данной местности как одно из имен реки Большая Корсунка, протекающей рядом с археологическим памятником [Рунич и др. 1983: 61–62]. В 12 км от Уллу-Дорбунла находится Рим-горское городище – крупнейшее поселение X–XII вв. в Центральном Предкавказье.

Уникальным археологическим и историческим памятником являются остатки старинной дороги (Рис. 5), связывавшей верховья Подкумка с ущельем реки Эшкакон. Она поднимается из долины Подкумка, идет серпантинном по западной стороне городища Уллу-Дорбунла. Дорога поднимается на мысовую часть городища через проход в скале, расположенный между второй и третьей оборонительными стенами.

Д.С. Коробов считает, что эта дорога имеет средневековое происхождение, но используется и в настоящее время для конной езды и перегона скота. Ширина дороги доходит до 5 м. На некоторых участках дороги прослеживаются подпорные стенки, сложенные из рядов камней (Рис. 6).

Рис. 5. Старинная дорога на городище Уллу-Дорбунла. Изображение из видеофильма «Уллу-Дорбунла» на канале «Пеший бродяга». См.: https://www.youtube.com/watch?v=8Wu_DwyjUsQ (дата обращения 25.03.2021).

Рис. 6. Подпорная стенка старинной дороги на городище Уллу-Дорбунла. Снимок В.С. Яновского, 2019 г.

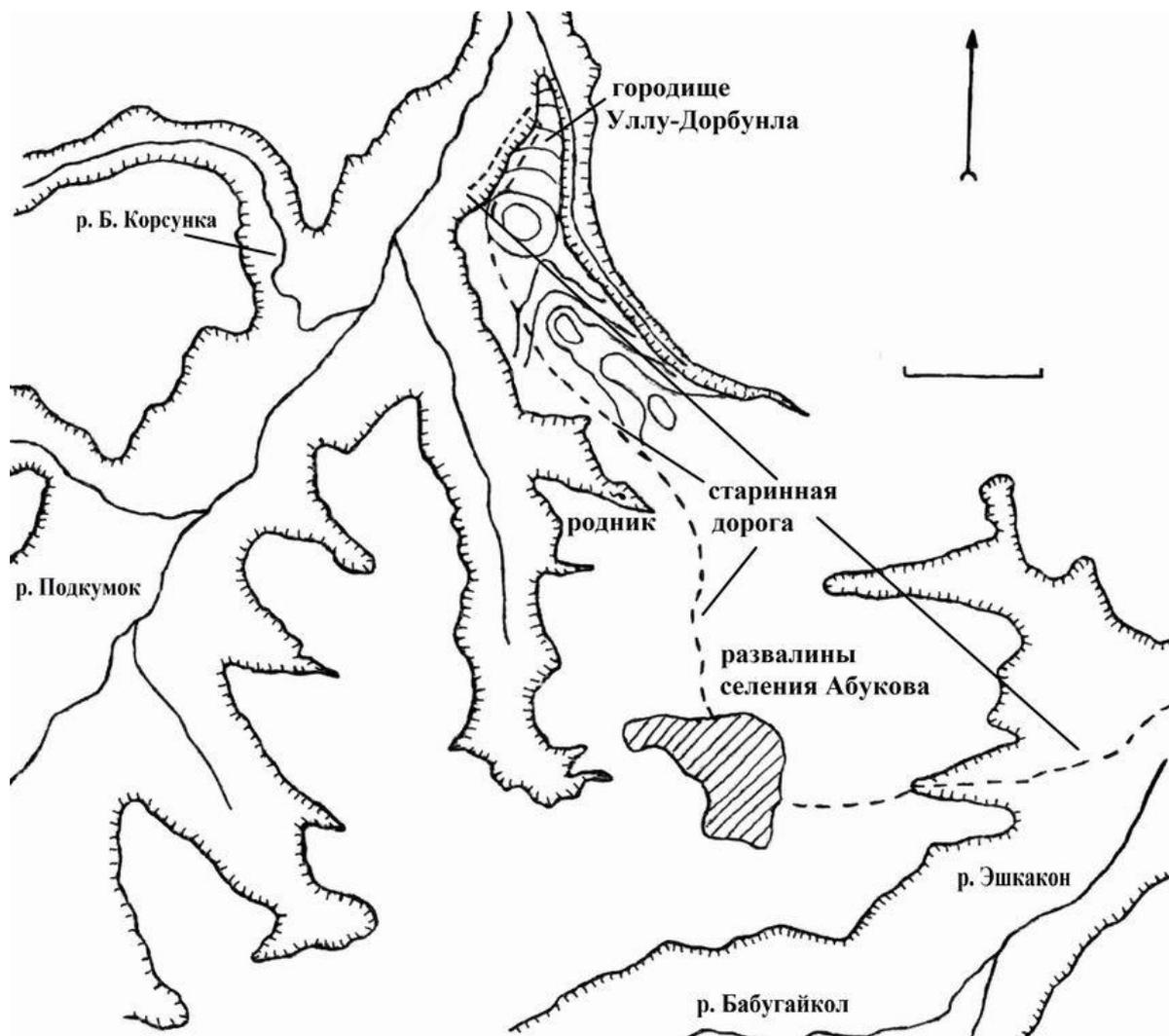

Рис. 7. Схема старинной дороги, проходившей у городища Уллу-Дорбунла и развалин селения Абукова [Рунич и др. 1983: 64, Рис. 1].

По данным А.П. Рунича и его соавторов старинная дорога, проходящая от поймы Подкумка через городище Уллу-Дорбунла, шла дальше на юг и, пройдя развалины верхнего селения Абукова, поворачивала на восток и спускалась в ущелье Эшкакона (Рис. 7), вероятно направляясь к Рим-горскому городищу. В 2020 г. один из авторов настоящей статьи осмотрел юго-восточный участок старинной дороги и сделал фотографии. Здесь дорога спускается к Эшкакону по одной из боковых балок, начинающейся примерно с урочища Юрла, находящегося на подкумско-эшкаконском водоразделе.

Сохранившийся участок этой дороги тянется вдоль скального обрыва. Он хорошо прослеживается на протяжении более чем 300 м, укреплен подпорной стенкой довольно качественной кладки из камня (местный доломитизированный известняк). В верхней части хорошо видимого участка дороги подпорная стенка имеет высоту около 2 м (Рис. 8, 9). Ширина полотна, по сравнению с грунтовыми дорогами XIX и тем более XX в., довольно узкая, из тех, на которых «две арбы не разъедутся». В скалах, которые тянутся вдоль дороги выше неё, кое-где видны следы выемки камня. Камень, вероятно, брали на сооружение подпорной стенки.

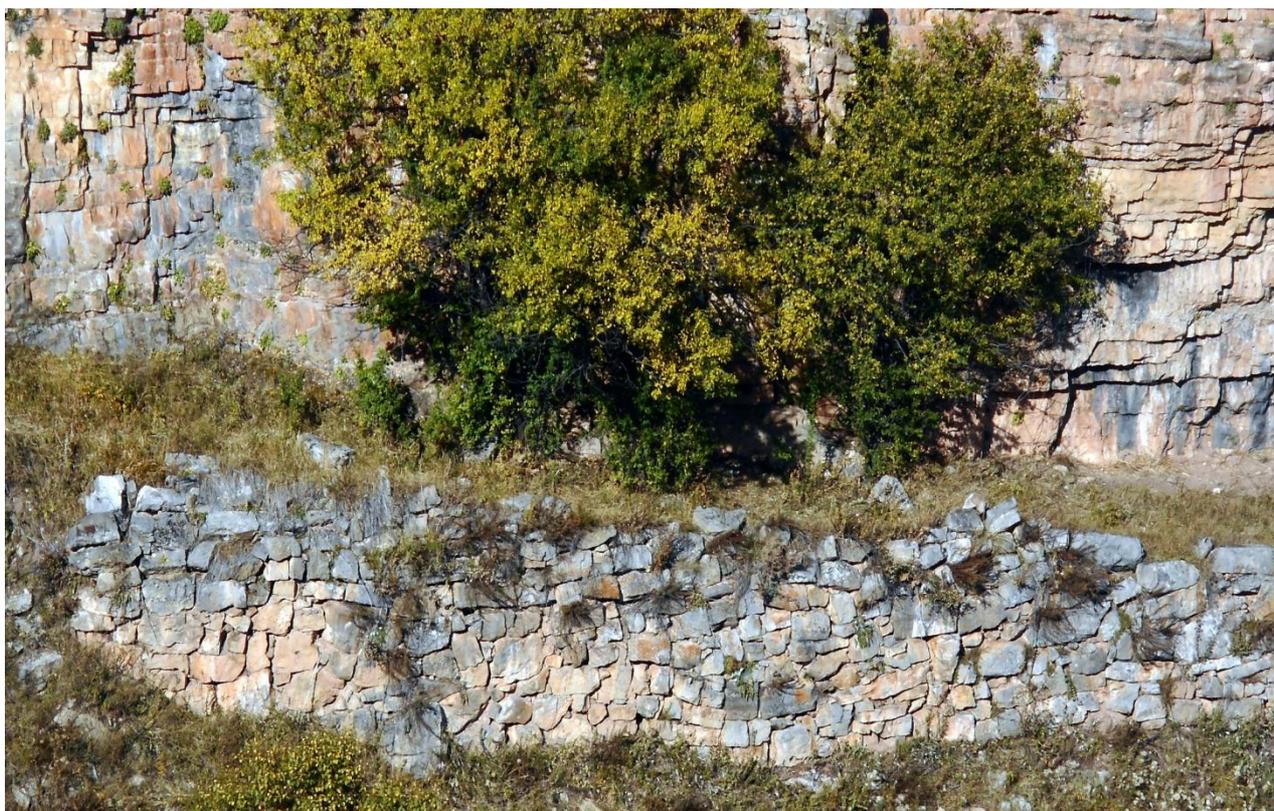

Рис. 8. Участок старинной дороги (вид с боку), ведущей к современному Эшкаконскому водохранилищу. Снимок В.С. Яновского, 2020 г.

Рис. 9. Участок старинной дороги на спуске к современному Эшкаконскому водохранилищу. Снимок В.С. Яновского, 2020 г.

Кроме того, было замечено, что к югу от урочища Юрла в балку Бабугай-кол с плоскогорья спускается ещё одна старая дорога. В её верхней части, в природном скальном ярусе, проделаны своеобразные «ворота» (Рис. 10).

Рис. 10. «Ворота» старинной дороги в урочище Бабугай-кол. Снимок В.С. Яновского, 2020 г.

Старинная дорога с подпорной стенкой недавно была найдена археологами в балке Зубчихинской у реки Березовки близ Кисловодска. Дорога связана с укреплением Зубчихинским 1, вероятно относящимся ко второй половине I тыс. н.э. По данным Д.С. Коробова, эта дорога ведет на многочисленные участки земледелия с видимыми на поверхности межевыми стенками [Коробов 2017: 229–230]. Остатки средневековых дорог для колесного транспорта известны также на городище Рим-гора у слияния Подкумка и Эшкакона к западу от Кисловодска [Рунич, Михайлов 1976: 168–169], а также на поселении у подножия и на седловине горы Развалка близ Железноводска [Фоменко 2015: 54].

Интересную аналогию упомянутым выше средневековым путям сообщения представляет «аробная дорога», изображенная на открытке начала XX в. Эта дорога использовалась жителями селения Хасаут (Рис. 11).

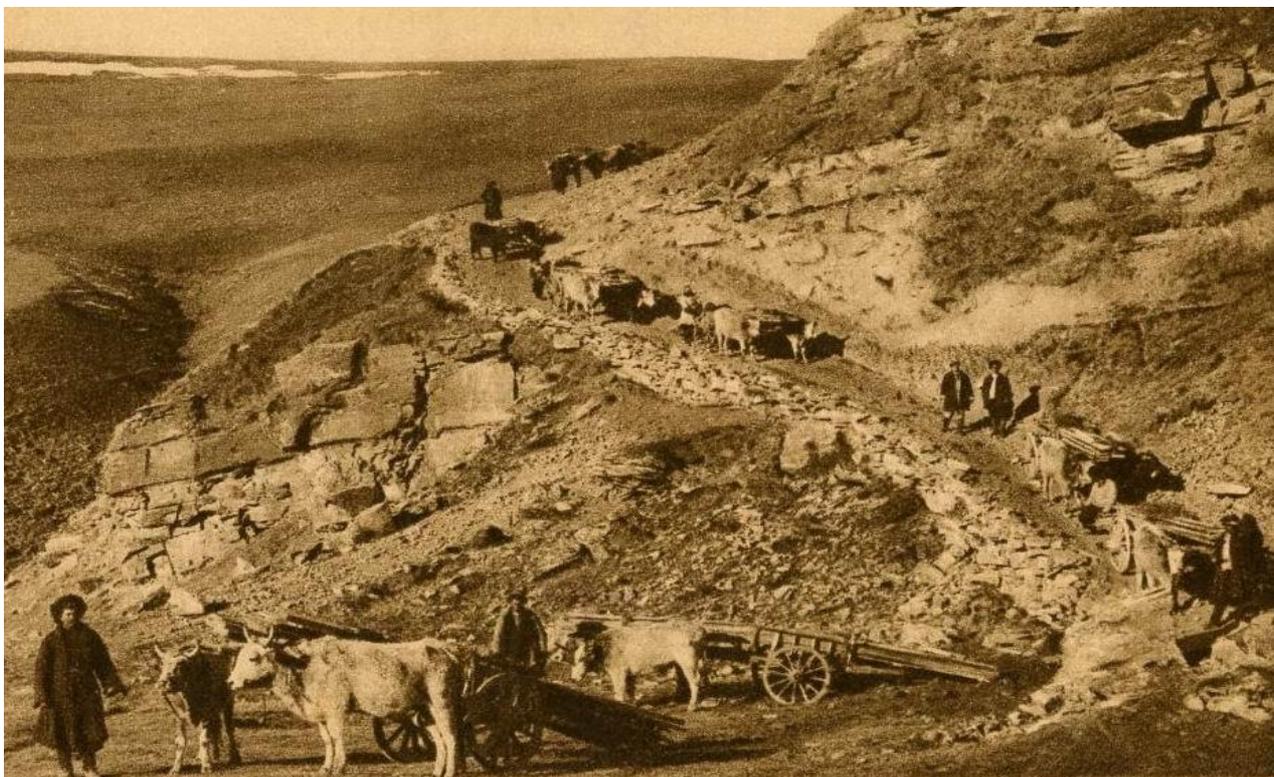

Рис. 11. Аробная дорога у селения Хасаут. Фото на открытке начала XX в.

Селение Абыкъухъэблежь (дословно с кабардинского – старое селение Абуковых) находилось в долине Подкумка на месте современного селения Первомайское (территория Малокарачаевского района КЧР). Население этого аула первоначально составила часть жителей соседнего верхнего селения Абуковых в урочище Юрла, получивших возможность жить на более равнинной и более пригодной для сельскохозяйственной деятельности местности. Несомненно, в составе населения Абыкъухъэблежь были переселившиеся сюда небольшие группы абуковцев из долин Баксана, Куркужина, Подкумка и других районов.

Считается, что это селение осовано в 1846 году Абуковым Атажуко Мусовичем. Известно, что ему был выделен участок земли на месте современного Первомайского. Однако часть абуковцев могла переселиться из урочища Юрла к Подкумку намного раньше.

Благодаря путешественнику Флориану Жилью, сохранилось описание селения Хаджи-Атажуко Абукова¹. Ф.А. Жиль в 1858 г. посетил Абуково в верховьях Подкумка и опубликовал свои воспоминания в рассказе под названием «Гостеприимный прием у абазинского князя»²: «Этот абазинский вождь долгое время служил в мусульманских ополчениях, что сражались на Кавказе на стороне России. Он был полковником. Сегодня он живет в своем ауле из 50 дворов, посреди земель, ему дарованных, вблизи 1500 коней и 15000 баранов, что составляют, помимо крупного скота, главное его богатство. У него девять сыновей и две дочери, отданные замуж в дворянские семьи Кабарды. ...

Мы прибыли к аулу, где обнаружили князя, нас встретившего во главе достаточно многочисленного кортежа. Я увидел красивого старца с головой, опоясанной белой чалмой, признаком участия в паломничестве в Мекку, принесшем ему звание хаджи. По завершении обмена приветствиями он отвел меня сперва в хаджаш или хаджеш (дом для гостей).

Он расположен снаружи ограды из плетня, что окружает, подобно крепостной стене, жилище князя. Этот хаджеш является, в сущности, длинным павильоном. В середине фасада находится открытое углубление, сделанное под соломенной крышей и образующее что-то вроде маленькой внешней галереи, откуда можно любоваться видом пейзажа. Справа и слева – две жилые комнаты. В той, что слева, куда меня ввели, у окна расположен камин и стоят две очень большие деревянные кушетки, весьма опрятные, с решеткой с трех сторон. На ней размещены тонкий тюфяк и ковры. За этими двумя комнатами находятся помещения для слуг и маленькая конюшня. В крае, где личная безопасность обеспечивается самостоятельно или покоится на слове, предоставленном гостеприимством, недоверие сохраняется, и этикет требует, дабы гость легко и быстро мог вскочить на коня, если вестник какой-либо опасности извне побудит его внезапно удалиться. Если бы я провел ночь у князя, то именно в хаджаше меня и уложили бы спать.

Затем я проник в само огороженное пространство аула. Прочный плетень, что окружает его, защищает, подобно крепостной стене, дом князя, дома его сыновей, кои расположены обособленно, два или три других дома, в равной степени стоящих врозь и служащих нуждам семьи; дома слуг; наконец, дома, предназначенные исполнять функцию кладовых. Дома крестьян или, скорее, вассалов князя разбросаны за оградой его жилища; наконец, все это, то есть сам аул с его 50 дворами, окружено общим большим поясом ограждений,

¹ Абуков Атажуко Мусович (1790 года рождения), подполковник (к 1851), из кабардинских (бывших абазинских) узденей 2-й степени. В «экспедициях против непокорных горцев» под командованием генерала А.П. Ермолова с 1822. Брат Ислам [Казаков 2006: 20].

² Флориан Жиль неточно называет Атажуко Абукова князем. Очевидно потому, что на кабардинском языке владелец селения именуется къуажэпшы, что дословно переводится как князь села.

достигающих в высоту до семи или восьми футов, настоящим заслоном из плетня, очень крепко связанного и имеющего щели, сквозь кои можно стрелять, как сквозь бойницы крепостной стены.

Если обозревать аул издали, замечаешь над длинной линией, что образуется этим заслоном, крыши каждого из домов и деревья садилов, их окружающих, но ни одного достаточно большого проема, дабы позволить увидеть внутреннюю часть.

Это закрытая цитадель, сразу же дающая представление об обнесенной оградой жизни на Кавказе, где каждая семья вынуждена и по причине самих нравов его обитателей, и из-за их междоусобных войн, набегов, кровной мести и внешних нападений, коих они обязаны страшиться, оставаться начеку.

Вскоре меня отпотчевали пиршеством гостеприимства. Вот меню абазинского обеда с названиями блюд на языке этого черкесского племени. *Лигава ... Шекатура ... Лепс ... Пилав с шипс ... Шипык ...*

... мне понравился и кумыс, что был предложен мне в качестве второго напитка к середине ужина. ... мне поднесли в стеклянном кувшине бузу, приготовленную из просяной муки, воды и меда, своего рода пиво ...

Ржаной хлеб ... является европейским приложением, ибо хлеб заменяется здесь просянными лепешками.

Я должен добавить поджаренных куропаток, ... к коим следует присовокупить два сорта сыра, бешелек, козьего и коровьего, а также сотовый мед. ...

Полковник Агишев и я были единственными, кому досталась честь отведать ужин, и единственными, кто сидел вместе с Хаджи-Атажуко, воздерживавшимся от участия в этом, следуя восточному этикету. ...

Полковник сказал князю, что я разбираюсь в древних видах оружия. Он приказал тогда принести свое. Я увидел сперва красивые ружья со стволами из дамасской стали, круглыми и нарезными, изготовленными в Крыму; одно – оружейником Хаджи-Мустафой, чье имя пользуется доброй славой на Кавказе; другое, с вытравленными золотыми узорами, имело у затвора арабскую надпись: «Девлет Ери (Герей) Хан» – и на конце: «сын Хасана Ери Хана». Оправа из черненого серебра и приклад из красивого вязового дерева являлись тонкой работой кабардинского оружейника.

Затем мне, одну за другой, принесли несколько шашек с оправой из черненого и золоченого серебра, все с рифлеными клинками. Князь спросил меня, могу ли я объяснить надписи, что есть на них; они были наполовину стертыми. Я был достаточно доволен тем, что смог различить несколько протравленных азотной кислотой слов, как *Vincere aut mori*. Речь зашла о Риме и о предположении, что древние римляне имели на ней свой лагерь. По этому поводу я сказал князю, что присущим римлянам оружием являлся короткий меч с прямым клинком, широким и заостренным, на коем иногда делалась надпись: *Rome ordonne de vaincre*.

Это суровое предание было выслушано с видимым чувством глубокого интереса и князем, и его слугами, кои, будучи внимательными и молчаливыми, стояли у входа в комнату. Не менее интересным для меня было объяснить эти слова среди данного собрания, принадлежащего героическим племенам Кавказа.

На другом клинке я смог разобрать из надписи в три линии лишь несколько оставшихся видимыми слов: ... TUTAMEN ... ET ... SUE

Слово tutamen, наложенное на клинок, с его пространно переданным смыслом, оказало огромное впечатление на людей, приученных к мысли, что они связаны с храбрым воином, названным в их песнях «мечом своего народа».

Я полагал, что признал в большинстве этих шашек очень древние итальянские клинки. Я сказал князю, что венецианцы и генуэзцы, соперничавшие друг с другом народы, обладали монополией на черноморскую торговлю и боролись за нее с помощью страшных войн. Это тоже было легко понято людьми, знавшими Азовское море и устье Кубани.

Князь явно был доволен внимательностью, с коей я рассматривал его прекрасное оружие, аккуратно кладя его, одно за другим, на персидский ковер. Я сам был еще более доволен.

Настало время отъезда. Я встал. В этот момент в комнату вошел старший сын, Хаджи-Махмуд. Он дважды совершил паломничество в Мекку, не знал ни единого русского слова, но взамен весьма был сведущ в знании арабского языка и писаных законов. Молчаливый, аскетический, пользующийся большим авторитетом, он является святым человеком этого рода, кой сам по себе представляет в сжатом виде историю разных племен Кавказа и то, каковыми они могут стать.

Отец является представителем или потомком одного из самых знатных родов края. Будь то по той или иной причине, но он перешел на русскую сторону. Его старший сын, оставшийся верным семейной традиции, воздержался от этого, живя у отца и посвятив себя молитвенной жизни, второй сын воевал в местных войсках. Третий сын, служивший в полку гусар герцога де Люхтенберга, был столь серьезно ранен в Балаклавской битве, что остался наполовину изувеченным. Подобраный на поле брани, отвезенный в Константинополь, он возвратился к мирной жизни, получив вместе с чином майора и крестом Святого Владимира пенсию, к коей приложено было значительное денежное жалованье. Этот член семьи является абсолютным сторонником России и, вероятно, благодаря своему влиянию станет главой рода, кой превратится вместе со многими иными семьями в основание нового мусульманского населения, полностью покорного России и уже формирующегося на Кавказе.

Поблагодарив князя и сказав ему, что бережно буду хранить воспоминание о его гостеприимстве, я еще раз вынужден был поблагодарить его, ибо он подарил мне сперва прекрасный башлык из местного сукна светло-коричневого цвета, весь обшитый серебряными галунами и черным шелком, затем сам преподнес мне два камня с обтесанными гранями; один, сказал он, защитит меня от укуса змей во время моей поездки (если он говорил аллегорическим образом, то я хотел бы, дабы он был правдив); другой спасет меня от горячки. Он привез из Мекки эти два камня, один из коих является черной яшмой, а другой – яшмой кровавого цвета.

Он сопровождал меня со всеми своими людьми до наружных границ пояса укреплений, до домика для гостей, где располагался конвой. Я откланялся ему

со всем почтением, вызванным его возрастом, и, весьма тронутый его приемом, еще раз взял его за руку в ответ на его мольбу: «Пусть Бог хранит вас» – после пожелания, что я высказал, «процветания его дому».

Мы возвратились в станицу Боргустан, где я простился на два дня с полковником, отправлявшимся посетить пред тем, как возвратиться в Ессентуки, некоторые свои посты.

Есаул Тамбиев сопровождал меня почти до станицы. Я пожал руку этому достойному офицеру, уже стареющему, но еще сохранившему энергичность хорошего командира казаков» [Письма о Кавказе... 2009: 79–85].

Из рассказа Флориана Жилия можно предположить, что Абуковым были не безразличны археологические памятники, расположенные возле их сел, также как и средневековое оружие и другие древности найденные вблизи Рим-горы и других городищ. Абуковы собирали и бережно хранили эти ценности, показывая их гостям.

Окрестности верхнего аула Абуковых и селения Абыкьухьэблежь посещали известные путешественники и собиратели древностей. Например, караимский ученый, коллекционер старинных рукописей Авраам Самуилович Фиркович упоминает в своих опубликованных дневниковых записях Рим-гору и городище Уллу-Дорбунла [Фиркович 2006: 51–54].

Интересно, что у аула Абукова в 1927 г. была найдена редчайшая для нашего региона старинная японская ваза, относящаяся, вероятно, к эпохе Средневековья (Рис. 12).

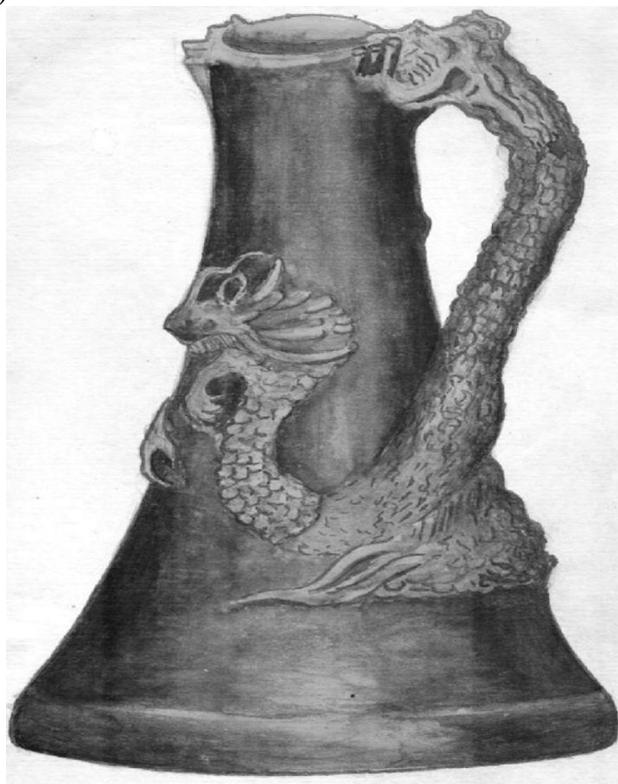

Рис. 12. Копия рисунка краеведа А.П. Рунича, поступившего в Пятигорский краеведческий музей в 1927 г. На рисунке японская ваза из аула Абукова [Савенко 2017: 23, Рис. 8].

Любимым занятием жителей селения Абыкъхьэблежь и, конечно, представителей рода Абуковых было коневодство [Бжеников 2015].

Часть абуковцев в 1860-х годах переселилась в Кабарду (селения Верхний и Нижний Куркужин) [Абазины 1989: 33], часть семей, вместе с Атажуко Абуковым эмигрировала на территорию Османской империи [Кумыков 1985: 54]. В 1904 году жители аула Мухамеда Абукова из верховий Подкумка из-за малоземелья и довольно сурового климата с обильными снегопадами переселились ближе к Кабарде на реку Золка, где был основан Абыкъхьэблэ (современный поселок Залукокоаже) [Коков 2000: 52].

Самым известным уроженцем селения Абуково в верховьях Подкумка можно назвать, упомянутого нами выше, Лукмана Магометовича (в крещении – Дмитрия Степановича) Кодзокова (1820/21–1893). Он был первым кабардинцем, окончившим Московский университет. Дмитрий Степанович являлся видным общественным и политическим деятелем на Северном Кавказе во второй половине XIX века, дослужился до чина действительного статского советника [Мамхегов 2019]. О жизни и деятельности Д.С. Кодзокова написано немало [Кумыков 1985], но существуют и некоторые пробелы в изученности его биографии и, в частности, периодов его проживания в Абуково и кратковременных посещений родного села.

В воспоминаниях советского кинорежиссера Джанет Атушевы Тамбиевой (1912–2008) содержатся важные сведения о Старо-Абуковском ауле. Согласно им, Абыкъхьэблежь и хутор (или поселок) Тамбиевых¹ составляли один населенный пункт: «В Старо-Абуковском ауле были огромные семьи Тамбиевых, которых мы называли по именам их дедов. Так, наша семья звалась Антоновской по имени деда Антона, Сергеевская, Григорьевская, Мартиросовская, соответственно, также по именам дедов – Сергея, Григория и так далее». Тамбиевы были очень дружны с Абуковыми. В детские годы, – пишет Джанет Атушева, – мне запомнились Абуковы, Усмель и Даха. С приходом Советской власти для землевладельцев Тамбиевых настали тяжелые времена: «родительский дом в Абуковском сожгли, имущество отобрали» [Джаубаева 2017].

Часть представителей рода Абуковых, опасаясь репрессий, уехали в далекие края и внесли весомый вклад в развитие некоторых регионов. Например, в Туркмении главным инженером Каракумстроя работал А.Г. Абуков [Политические репрессии... 2017: 307, 782]. Уехавшие в годы репрессий в Азербайджан Абуковы – через несколько десятилетий вернулись на малую Родину в селение Первомайское.

В современном Первомайском, бывшем Абыкъхьэблежь, сохранилось несколько памятников дореволюционной эпохи: кладбище Абуковых, христианское кладбище Тамбиевых, могила сына Шамяля.

Третий сын имама Магомед-Шефи (1840-1906) был российским военным, в 1885 году был произведен в генерал-майоры. Далее жил в Казани. Скончался

¹ Здесь и далее в тексте идет речь только о ветви знатного кабардинского рода Тамбиевых – Гаур-Тамбиевых, которые были армяно-григорианского вероисповедания.

Магомед-Шефи в 1906 году во время лечения на Кавминводах в Кисловодске [Шамиль 1997: 14]. Был похоронен на кладбище рядом с селением Абуковых (ныне Первомайское). В настоящее время могила Магомеда-Шефи является одним из символов дружбы народов Дагестана и Карачаево-Черкесии [Богатырева 2020].

Старинное кладбище Абуковых в Первомайском находилось у современного автомобильного моста через Подкумок. Оно не сохранилось. Известно, что оно имело ограду, сложенную из камня. Ограда была разобрана до середины XX в. Территория этого некрополя застроена. Рядом сохранились более поздние и существуют действующие кладбища. На некоторых из них похоронены представители рода Абуковых. Также на одном из местных кладбищ находится могила Магомеда-Шефи.

В современном Первомайском наиболее старым является кладбище на улице Тамбиевской. Оно имеет вид огороженного участка, напоминающего в плане четырёхугольник с округлёнными краями, размерами примерно 95 на 40 м. Здесь сохранились надгробные памятники разных эпох (Рис. 13). Несколько надгробий предположительно относятся ко времени до 1917 года. Часть из них имеют арабские надписи, часть вовсе без таковых. Остальные захоронения, судя по символике и надписям, совершены в советское время, причём немало – уже поздних лет (1970–1980-х). Есть здесь и захоронения постсоветского времени. Некоторая часть кладбища заросла кустарником и молодой древесной порослью. Следует также сказать, что даже самые старые надгробия данного некрополя оформлены тоньше, чем более грубые надгробия «верхнего» кладбища в урочище Юрла.

Рис. 13. Намогильные памятники старого кладбища селения Первомайское. Снимок В.С. Яновского, 2020 г.

Абуковы, также как и их ближайшие соседи Тамбиевы, владели недвижимостью в Кисловодске. В центре современного города-курорта около нынешнего рынка в XX веке существовало небольшое мусульманское кладбище. В 1927 году этот несохранившийся до наших дней некрополь осмотрел и описал советский востоковед А.П. Ковалевский. В центральной части кладбища в железной оgrade находился «розкішний пам'ятник» Гошеляны Абуковой, высотой до 2 м (Рис. 14). На памятнике арабская надпись: «Умерла и прощена Гошеляна дочь Бекмурзы, жена Локмана». На задней стороне памятника надпись на русском языке: «Здесь погребена Гошеляна Бекмурзовна Абукова, скончавшаяся 12 д. 1915» [Ковалівський 1928: 197–198].

Рис. 14. Надгробие Гошеляны Бекмурзовны Абуковой (ум. 1915), Кисловодск [Ковалівський 1928: приложение (цветной рисунок)].

Рис. 15. Гошеляна Бекмурзовна Абукова (Шарданова). Снимок конца XIX в.

По данным краеведа Н.А. Шарданова, Гошеляна Бекмурзовна Абукова (Рис. 15) была дочерью Бекмурзы Якубовича Шарданова.

Вполне возможно, памятники Абуковых сохранились или были на кладбищах соседних с Первомайским и Кисловодском населенных пунктов. Так, в поселке Мирном краеведами зафиксировано надгробие Таужан Локмановны Жогешева (Абуковой) (1887–1972?) (Рис. 16), жены одного из первых профессиональных врачей среди адыгов Кургоко Жогешева (около 1871–1949), с 1921 г. проживавшего в Кисловодске [Габуева 2017].

Рис. 16. Памятник Таужан Локмановны Жогишевой (Абуковой). Поселок Мирный. Фото предоставлено А.К. Шапаровой.

Селение Абуковых в верховьях Кубани. С 1925 года имеет современное название Хумара (на абазинском – Х'вмара, на кабардино-черкесском Х'бумэрэн). Считается, что из-за спора между братьями Абуковыми, жившими в верховьях Подкумка, Абуков Али и зависимые от него люди ушли в долину Кубани. Первоначально абуковцы обосновались в устье реки Мара, затем перешли ближе к современному расположению села, а на нынешнем месте (Рис. 17), у подножия горы Калеж (Хумара), Абуковы поселились в 1862 году.

Рис. 17. Селение Хумара (бывшее Абуково). Вид сверху. Снимок В.С. Яновского. 2016 г.

В селении Абуково (Старая Хумара) родился один из зачинателей и классиков черкесской литературы Абуков Халид Кучукович (1900-1937). С 1924 г. публиковал в газете «Адыгэ ПсэукIэ» (Черкесская жизнь) сообщения, фельетоны и очерки. В 1930 г. в Черкесске был выпущен роман Халида Абукова «На берегах Зеленчука» (ИнжыджIуфэм и деж). В романе говорится о распространении идей социализма в Черкесии. В 1935 году Х.К. Абуков был репрессирован [Баков 2018: 111–115].

Репрессиям в 30-е гг. подверглись и другие представители рода Абуковых, как оставшиеся в Хумаре, так и уехавшие из этого селения. Так, в 1937 г. был осужден Абуков Хатажук Османович (1887 г.р.), работавший в родном селе в колхозе им. Ежова¹.

Хумаринские Абуковы, проживали и в Абхазии. В селении Мерхеули родился Алексей Хуршудович Абуков (1919–2003), участник Великой Отечественной войны, один из выдающихся организаторов отечественного спорта, в 1969–1989 гг. являлся председателем Центрального совета по туризму и экскурсиям². Его брат Григорий Хуршудович (1917–1938) был репрессирован [Большой террор... 2017: 119].

¹ Абуков Хатажук Османович (1887) // Открытый список: сайт. URL: [https://ru.openlist.wiki/Абуков_Хатажук_Османович_\(1887\)](https://ru.openlist.wiki/Абуков_Хатажук_Османович_(1887)) (дата обращения: 16.02.2021).

² Абуков Алексей Хуршудович. 15.03.2016 // Спорт-страна.ру: портал по истории российского спорта. URL: <http://sport-strana.ru/abukov-aleksey-xurshudovich/> (дата обращения: 16.02.2021).

Селение Абуковых в долине реки Золки. Жители селения Абыкъухъэблеж в верховьях Подкумка неоднократно обращались к местным российским властям с просьбами о выделении земли. Однако проблема малоземелья здесь в значительной степени была решена только в 1904 г., когда часть абуковцев получила возможность переселиться в Кабарду на реку Золка.

По данным краеведа М. Бженикова, обустройство селения в долине Золки происходило летом и осенью 1904 г. [Бжеников 2015]. Сохранилось также предание о том, что «... землю для аула выделили с условием, что дома жителей будут стоять на большом расстоянии от реки, чтобы жители Кабарды могли свободно прогонять свой скот. Это условие выполнялось довольно долго, о чем свидетельствует тот факт, что центральной улицей села раньше была ул. Ногмова, лежащая параллельно реке, в 2-3 км от нее» [Савойский 2017].

Первыми переселились восемьдесят дворов. Ближайшими соседями абуковцев, обосновавшихся на новом месте, стали казаки из расположенной рядом станицы Зольской. Новое поселение быстро вошло в общественную и хозяйственную жизнь Нальчикского округа. Абуково на Золке мало отличалось от других кабардинских сел начала XX в. [Бжеников 2015].

По данным краеведов, в начале XX в. по инициативе Маца (Таусултана) Абукова (Рис. 18) был посажен фруктовый сад. Вокруг сада были высажены вербы. Некоторые из них сохранились. Сад существовал до середины 70-х гг. XX в. На месте старых деревьев (вероятно из корней) выросли несколько культурных (не одичавших) яблонь и груша.

Рис. 18. Мац (Таусултан) Абуков (в центре), Мариам Абукова (слева) и Таужан Локмановна Абукова (Жогишева) (справа). Снимок начала XX в.

После установления советской власти Абуково было переименовано в Залукокоаже (Дзэлыкьуэ кьуажэ, с кабардинского, «селение на Золке» или «селение в долине ив») [Коков 2000: 52, 119]. По данным краеведов М.М. Бженикова и А.В. Савойского, это произошло в 1920 г.

В революционном 1917 году и позднее отдельные представители Абуковых активно участвовали в политической жизни. Например, Магомед Лукманович Абуков (24 августа 1887, Пятигорск – после 1935) (Рис. 19) был известен как юрист, общественный деятель в Российской империи и зарубежье. Он участвовал в создании Временного ЦК объединенных горцев (март 1917), был председателем Кисловодского горско-мусульманского комитета, членом Нальчикского окружного исполнительного комитета, участником съездов народов Терека. Позже эмигрировал во Францию и был известен там как один из крупных общественных лидеров северокавказских народов. Также М.Л. Абуков работал журналистом и редактором журналов [Бабич и др. 2020: 18].

Рис. 19. Магомед Лукманович Абуков. Снимок начала XX в.

Сохранились некоторые сведения об Абукове Батырбеке Локмановиче (1896/1899 – 1938). Он являлся членом партии большевиков, в 20-х гг. работал на руководящих должностях в Наркомнаце, в 30-х гг. – в обкоме ВКП(б). В 1937 г. был арестован, в 1938 – расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.¹

Семьи Абуковых, оставшиеся в Залукокоаже, были репрессированы также как и их родственники, проживавшие в Первомайском, Хумаре, Кисловодске, Куркужине, Псыхурее. По данным потомков Абуковых, живущих в наши дни в Залукокоаже, род их жил здесь до 30-х годов [Савойский 2017].

В 20–30-х гг. репрессии, и особенно социальные реформы советской власти коснулись многих жителей Кабардино-Балкарии.

Однако люди приспособлялись к новой жизни. Обилие плодородной земли и трудолюбие сельских жителей способствовали тому что к 1941 году Залукокоаже стало одним из зажиточных селений Кабардино-Балкарии [Бжеников 2015].

В 1948 г. Залукокоаже получило статус районного центра. В послевоенный период были построены клуб, школа, административные здания, больница, магазины. С 1975 г. Залукокоаже является посёлком городского типа. В 2014 году жители Зольского района отметили 110-летний юбилей своего районного центра. В настоящее время в поселке проживает более десяти тысяч жителей [Бжеников 2015]. Зольчане бережно относятся к истории Залукокоаже (Рис. 20).

Рис. 20. Деталь экспозиции «Абыкъухъэблэ зыгуау лъэпкъхэр» в библиотеке поселка Залукокоаже. Иллюстрация опубликована в паспорте муниципального образования Залукокоаже.

См.: http://gpzalukokoazhe.ru/files/file/pasp_gpzaluk.pdf.

¹ Абуков Батырбек Локманович (1899) // Открытый список: сайт. URL: [https://ru.openlist.wiki/Абуков_Батырбек_Локманович_\(1899\)](https://ru.openlist.wiki/Абуков_Батырбек_Локманович_(1899)) (дата обращения: 16.02.2021).

О специфике расселения, статусе и других особенностях

Некоторые современные исследователи, в частности М. Бжеников [Бжеников 2015], считают, что первые селения Абуковых были основаны в Большой Кабарде и лишь потом в верховьях Подкумка. С этим предположением трудно согласиться по нескольким причинам:

1. Изначальное происхождение Абуковых связано с абазинским населением Северо-Западного Кавказа. Само название их фамилии может быть переведено с абазинского или абхазского языков.

2. Наиболее ранним селением Абуковых есть основание считать аул в урочище Юрла, между верховьями Подкумка и Эшкаконом.

3. Поселения Абуковых в Большой Кабарде или в окрестностях Георгиевска и Пятигорска не были долговременными и более-менее многочисленными по ряду причин.

Статус Абуковых в Кабарде вряд ли был стабильным и, скорее всего, они, учитывая сложности княжеско-дворянских взаимоотношений, стремились к самостоятельности и использовали поддержку местных российских властей. Тем не менее, важно, что язык дворян Абуковых и зависимых от них людей постепенно переходил от абазинского к кабардино-черкесскому. Так эфенди Исхак Абуков в конце XVIII и начале XIX в. вряд ли смог бы успешно вести работу по распространению религии в Кабарде [Дышеков 2014: 52–56], если бы не владел кабардинским языком. Следует также отметить, что к середине XX в. или несколько раньше язык населения Абыкъухъэблежь был кабардино-черкесским, обладая лишь небольшими отличиями [Багов 1958: 420–424].

Для местной российской администрации статус Абуковых имел некоторые особенности и может быть назван привилегированным. Связано это было, во-первых с тем, что среди этого рода было много военных. Ниже приведен неполный список Абуковых служивших в дореволюционной российской армии.

Абуков Хаджи, подполковник.

Абуков Хамыш, корнет.

Абуков Хапача Кемалович, подпоручик.

Абуков Исхак, майор.

Абуков Магомет Хаджи Солеманович, поручик.

Абуков Исмаил Магометович, всадник.

Абуков Султан-Бек (Тлостан-Бек) Магометович, прапорщик.

Абуков Хамид (Мурат) Магометович, старший урядник.

Абуков Атажуко Мусович (Хаджи-Мусович), полковник.

Абуков Беслан (Бейслан, Биерслан) Атажукович (Хаджи-Атажукович), майор.

Абуков Каспот Атажукович, офицер.

Абуков Пшимаф Батырович, поручик.

Абуков Аслан-бек, подпоручик.

Абуков Ахмет Хаджи-Салманович, корнет.

Абуков Бек-Мурза, всадник.

Абуков Хатажук (Атажук, Хатакшуко) Султанович, урядник.

Абуков Мурад Магометович, старший урядник [Дзыба 2016: 117–128].

Абуковы дружили с Тамбиевыми, среди которых также было много военных. Исходя из рассказа Франсуа Жиля, можно предположить, что подполковник Атажуко Мусович Абуков был знаком с князем М.С. Воронцовым. После того как власть большевиков укрепилась в Кисловодске, возросла опасность уничтожения находившейся на курорте российской знати. 23 сентября 1918 года многие представители российского дворянства и крупной буржуазии, переживавшие на юге столичные «беспорядки», вынуждены были спешно покинуть Кисловодск, а вскоре – и вовсе эмигрировать из страны. Эти события описаны в воспоминаниях М.Ф. Кшесинской [Кшесинская 1998: 299–301]. Бежавшие в тот день из Кисловодска люди, в том числе близкие родственники царской семьи, остановились в поселке Тамбиевском. По данным Дж.А. Тамбиевой, Абыкъухъэблежь и хутор (или поселок) Тамбиевых были одним населенным пунктом [Джаубаева 2017].

В историографии часто упоминается о малоземелье жителей селений Абуковых в верховьях Подкумка. Но этот вопрос российской бюрократией решался и неоднократно. Так в 1847 году из долины Подкумка к реке Бугунте была перенесена станица Боргустанская, причем на менее удобные земли. В начале XX в. Абуковым для создания нового поселения была выделена земля на реке Золка.

Важной особенностью быта и экономики селений Абуковых было развитие коневодства. Абуковы владели собственной породой лошадей, также как и некоторые другие очень знатные кабардинские и абазинские фамилии (Атажукины, Куденетовы, Тамбиевы, Трамовы и др.). Сохранилась кабардинская поговорка, подтверждающая высокий социальный статус владельцев породистых лошадей: «Зы абыкъурэ аркъэнрэ уиІэмэ, уунагъуэщ» (если у тебя есть одна абуковская лошадь и аркан – ты имеешь хозяйство) [Кожев 2012: 11].

Вполне возможно, что развитие коневодства в Малом Карачае в советское время связано с породистыми лошадьми, оставшимися от Тамбиевых и Абуковых [Кожев, Мирзоев 2016: 232].

Еще одна характерная особенность жизни абуковцев была связана с тем, что их первоначальное поселение находилось в горной и малодоступной местности в междуречье Подкумка и Эшкакона. Это обусловило использование Абуковыми старинных дорог. Такие пути сообщения, имеющие раннесредневековое происхождение, очевидно, время от времени ремонтировались, поддерживались в рабочем состоянии, что позволяет использовать часть этих дорог и в наши дни.

Выводы

В результате проведенного исследования авторы настоящей работы пришли к следующим выводам:

1. Дворяне Абуковы обладали особым статусом в проводимой в XIX и начале XX в. местными российскими властями политике. Также как и

Гаур-Тамбиевы они пользовались некоторыми привилегиями периферийных по отношению к Кабарде групп адыгского и адыго-абазинского населения, находившимися под российским покровительством.

2. Окружающие первые селения Абуковых горы, плоскогорья и поросшие лесом ущелья, а также древние и средневековые памятники (городища, могильники, дороги), несомненно, оказывали влияние и способствовали формированию различных черт быта и духовной культуры абуковцев.

3. Особенности расселения и статуса позволяют считать род Абуковых и зависимое от него население субэтносоциальной группой кабардинского народа, сохранявшей свои особенности, вероятно, до середины XX столетия.

Благодарности

Авторы статьи выражают свою признательность за помощь в сборе документальных и иллюстративных материалов заведующей научным архивом Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН Айшат Кучуковне Шапаровой, директору Историко-краеведческого музея Зольского района КБР Галимат Хабасовне Макоевой и краеведу-историку из города Нальчик, заслуженному врачу Кабардино-Балкарской Республики и Российской Федерации, кандидату медицинских наук Нодару Абуевичу Шарданову, родившемуся и выросшему в селе Первомайском (Абыкъухьэблежь). Нодар Абуевич предоставил авторам, публикуемые в настоящей статье, фотографии Гошеляны Бекмурзовны, Таусултана Мухамедовича, Мухамеда Лукмановича и других представителей фамилии Абуковых.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абазинско-русский словарь... 1967 – *Абазинско-русский словарь* (около 14 000 слов) / под ред. В.Б. Тугова. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 536 с.

Абазины... 1989 – *Абазины*. Историко-этнографический очерк / научн. ред. А.И. Першиц. – Черкесск: Карачаево-Черкесский ордена «Знак почета» научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики, 1989. – 240 с., илл.

Бабич и др. 2020 – *Бабич И.Л., Гладкова Т.Л., Мнухин Л.А.* Северокавказцы в эмиграции в XX веке. Материалы к биографическому словарю / отв. ред. А.Н. Кожановский. – Москва–Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 297 с., илл.

Багов 1958 – *Багов П.М.* Некоторые фонетические особенности речи кабардинцев с. Первомайского Карачаево-Черкесской автономной области // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1958. – Т. XIV. – С. 420–424.

Баков 2018 – *Баков Х.И.* О творческой судьбе первого черкесского романиста Халида Абукова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: филология и искусствоведение. – Майкоп, 2018. – Вып. 1 (212). – С. 111–115.

Бжеников 2015 – *Бжеников М.* Из истории Залукокоаже. 03.05.2015 // Золка.ру: сайт. URL: <https://www.zolka.ru/iz-istorii-zalukokoazhe/> (дата обращения: 16.02.2021).

Бжеников 2016 – *Бжеников М.М.* Абуково – Залукокоаже: история и судьбы. – Нальчик: Печатный двор, 2016. – 480 с., илл.

Богатырева 2020 – *Богатырева Ш.* Пусть крепнут побратимские связи! 26.08.2020 // День республики: интернет-сайт газеты. URL: <https://denresp.ru/2020/08/26/pust-krepnut-pobratimskie-svyazi/> (дата обращения: 16.02.2021).

Большой террор... 2017 – *Большой террор* в Абхазии (Абхазская АССР): 1937–1938 гг. – Strasbourg: Council of Europe, 2017. – Т. I. – 402 с.

Габуева 2017 – *Габуева А.* Наш дорогой Кургоко // Кабардино-Балкарская правда. – Нальчик, 15.04.2017. – № 67. – С. 5.

Джаубаева 2017 – *Джаубаева А.* Рисунок режиссерской судьбы. 29.11.2017 // День республики: интернет-сайт газеты. URL: <https://denresp.ru/2017/11/29/risunok-reghisserskoi-sudibi/> (дата обращения: 16.02.2021).

Дзыба 2016 – *Дзыба В.А.* Абазины в войнах России XIX и начала XX веков. – М.: Центрполиграф, 2016. 352 с., илл.

Дышеков 2014 – *Дышеков М.В.* Кавказская война в лицах: штрихи к историческому портрету Исхака Абукова // Кавказская война: события, факты, уроки. Материалы международной научной конференции (г. Нальчик 15–19 октября 2014 г.). – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. – С. 50–56.

Жэмышъуэ 2012 – *Жэмышъуэ М.* Абыкъухэ я къуэпсыр жыжьэ дьдэ къыщожьэ // Адыгэ псалъэ. – Налшык, 3.07.2012. (Жемухова М. Далекие корни рода Абуковых).

Казаков 2006 – *Казаков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Биографический справочник. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – 392 с.

Ковалівський 1928 – *Ковалівський А.П.* Розписи мусульманського кладовища // Східній світ. – Харків: Державне видавництво України, 1928. – № 6. – С. 195–211.

Кожев 2012 – *Кожев З.А.* Черкесское (адыгское) коневодство и всадническая традиция // Исторический вестник. – Нальчик, 2012. – Вып. XI. – С. 3–26.

Кожев, Мирзоев 2016 – *Кожев З.А., Мирзоев А.С.* Кабардинская порода лошадей: ретроспектива, современное состояние, перспективы сохранения и развития // Качество, инновации, образование. – 2016. – № 8–10 (135–137). – С. 231–239.

Коков 2000 – *Коков Дж.Н.* Избранные труды. – Т. 1. Адыгская топонимия. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 488 с.

Коробов 2013 – *Коробов Д.С.* Уллу-Дорбунла – средневековое городище в верховьях Подкумка // Очерки средневековой археологии Кавказа: к 85-летию со дня рождения В.А. Кузнецова. Сб. статей / отв. ред. В.И. Козенкова. – М.: Институт археологии РАН, 2013. – С. 114–139.

Коробов 2017 – *Коробов Д.С.* Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). – М.; СПб.: Нестор-История, 2017. – Том 2: Каталог поселений Кисловодской котловины. – 312 с., илл.

Кумыков 1985 – *Кумыков Т.Х.* Дмитрий Кодзоков. – Нальчик: Эльбрус, 1985. – 180 с.

Кшесинская 1998 – *Кшесинская М.* Воспоминания / пер. с французского Л. Папилиной. – Смоленск: «Русич», 1998. – 416 с., илл.

Мамхегов 2019 – *Мамхегов А.Б.* Материалы к биографии действительного статского советника Д.С. Кодзокова // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 1. – С. 95–122. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-1-95-122>

Михайлов 2001 – *Михайлов И.В.* Населенные пункты Карачаево-Черкесской республики. – Черкесск: Центр детского и юношеского туризма КЧР, 2001. – 192 с., илл.

Никитин 1964 – *Никитин В.А.* По живописным местам. Кавминводы. Теберда. Архыз. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1964. – 182 с.

Письма о Кавказе... 2009 – *Письма о Кавказе* и Крыме. Флориан Антуан Жиль. Перевод К. Мальбахова. – Нальчик: Эль-Фа, 2009. – 287 с., илл.

Политические репрессии... 2017 – *Политические репрессии* черкесов на Северном Кавказе (1918–1940-е гг.). Историко-архивные материалы и воспоминания / автор-составитель А.К. Шапарова. – Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 824 с., илл.

Потто 1912 – *Потто В.А.* Два века Терского казачества. – Владикавказ: Электротпечатня типографии Терского областного правления, 1912. – Т. 2. – VIII + 236 с.

Рунич и др. 1983 – *Рунич А.П., Березин Я.Б., Савенко С.Н.* Комплекс памятников раннего средневековья в верховьях реки Подкумок // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии / отв. ред. Е.П. Алексеева. – Черкесск: КЧНИИИФЭ, 1983. – С. 56–66.

Рунич, Михайлов 1976 – *Рунич А.П., Михайлов Н.Н.* Городище Бургусант или Рим-Гора // Материалы по изучению Ставропольского края. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1976. – Вып. 14. – С. 162–182.

Савенко 2017 – *Савенко С.Н.* Новые биографические данные о В.Р. Апухтине, Н.М. Егорове, В.Ф. Смолине, М.И. Рыбенко и А.П. Руниче // Третий Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов / под ред. С.Н. Савенко. – Ставрополь: Печатный двор, 2017. – С. 9–34.

Савойский 2017 – *Савойский А.В.* Род Абуковых в истории Залукокоаже. 06.02.2017 // Золка.ру: сайт. URL: <https://www.zolka.ru/rod-abukovux-v-istorii-zalukokoazhe/> (дата обращения: 16.02.2021).

Фиркович 2006 – *Фиркович А.* Археологические разведки на Кавказе // Балкария: страницы прошлого. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т.), 2006. – Вып. III. – С. 46–69.

Фоменко 2015 – *Фоменко В.А.* Северо-Западный и Центральный Кавказ в древности и средневековье (вторая половина II тыс. до н. э. – середина II тыс. н. э.): обзор актуальных вопросов социально-экономического и культурно-этнического развития. – Нальчик: КБИГИ, 2015. – 176 с., илл.

Хуранов 1979 – *Хуранов Ш.Ш.* Об абазинских тамгах // Археология и этнография Карачаево-Черкесии. – Черкесск: Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт экономики, истории, языка и литературы, 1979. – С. 157–188.

Шамиль... 1997 – *Шамиль.* Иллюстрированная энциклопедия / гл. ред. Ш.М. Казиев. – М.: Эхо Кавказа, 1997. – 224 с., илл.

REFERENCES

Abazinsko-russkii slovar' (okolo 14 000 slov) / pod red. V.B. Tugova [Abaza-Russian dictionary (approximately 14 000 words) / Edited by V.B. Tugov]. – М.: Sovetskaya entsiklopediya, 1967. – 536 p. (In Russian)

Abaziny. Istoriko-etnograficheskie ocherk / nauchn. red. A.I. Pershits [Abaza. Historical and ethnographic essay. Edited by A.I. Pershits]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskii ordena «Znak pocheta» nauchno-issledovatel'skii institut istorii, filologii i ekonomiki, 1989. – 240 p., ill. (In Russian)

BABICH I.L., GLADKOVA T.L., MNUKHIN L.A. *Severokavkaztsy v emigratsii v XX veke. Materialy k biograficheskomu slovaryu* [The natives of the North Caucasian region in emigration in the XXth century. Materials for biographical dictionary]. – Moscow–Berlin: Direkt-Media, 2020. – 297 p., ill. (In Russian)

BAGOV P.M. *Nekotorye foneticheskie osobennosti rechi kabardintsev s. Pervomaiskogo Karachaevo-Cherkesskoi avtonomnoi oblasti* [Some phonetic features of the speech of Kabardians of Pervomaisky village in Karachay-Cherkess Autonomous region]. IN: *Uchenye zapiski Kabardino-Balkarskogo NII* [Scientific notes of the Kabardin-Balkar research institute]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1958. – Vol. XIV. – P. 420–424. (In Russian)

BAKOV Kh.I. *O tvorcheskoi sud'be pervogo cherkesskogo romanista Khalida Abukova* [About the creative fate of the first Circassian novelist Khalid Abukov]. IN: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: filologiya i iskusstvovedenie.* – 2018. – Iss. 1 (212). – P. 111–115. (In Russian)

BOGATYREVA Sh. *Pust' krepnut pobratimskie svyazi! 26.08.2020* [Let the twinning ties grow stronger!]. IN: Den' respubliki: newspaper website. URL: <https://denresp.ru/2020/08/26/pust-krepnut-pobratimskie-svyazi/> (data obrashcheniya: 16.02.2021). (In Russian)

Bol'shoi terror v Abkhazii (Abkhazskaya ASSR): 1937–1938 gg. [The Great Terror in Abkhazia (Abkhazian ASSR): 1937–1938]. – Strasbourg: Council of Europe, 2017. – Vol. I. – 402 p. (In Russian)

BZHENIKOV M. *Iz istorii Zalukokoazhe. 03.05.2015* [From the history of Zalukokoazhe]. IN: Zolka.ru: website. URL: <https://www.zolka.ru/iz-istorii-zalukokoazhe/> (data obrashcheniya: 16.02.2021). (In Russian)

BZHENIKOV M.M. *Abukovo – Zalukokoazhe: istoriya i sud'by* [Abukovo-Zalukokoazhe: history and destinies]. – Nalchik: Pechatnyi dvor, 2016. – 480 p., ill. (In Russian)

DYSHEKOV M.V. *Kavkazskaya voina v litsakh: shtrikhi k istoricheskomu portretu Iskhaka Abukova* [The Caucasian War in faces: strokes to the historical portrait of Iskhak Abukov]. IN: *Kavkazskaya voina: sobytiya, fakty, uroki. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Nalchik 15–19 oktyabrya 2014 g.)* [The Caucasian War: events, facts, lessons. Materials of the international scientific conference (Nalchik, October 15–19, 2014)]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2014. – P. 50–56. (In Russian)

DZHAUBAEVA A. *Risunok rezhisserskoi sud'by. 29.11.2017* [Drawing of the director's fate]. IN: Den' respubliki: newspaper website. URL: <https://denresp.ru/2017/11/29/risunok-rezhisserskoi-sudibi/> (data obrashcheniya: 16.02.2021). (In Russian)

DZYBA V.A. *Abaziny v voynakh Rossii XIX i nachala XX vekov* [Abazins in the wars of Russia of the XIX and early XX centuries]. – M.: Tsentrpoligraf, 2016. 352 p., ill. (In Russian)

FIRKOVICH A. *Arkheologicheskie razvedki na Kavkaze* [Archaeological exploration in the Caucasus]. IN: *Balkariya: stranitsy proshlogo* [Balkaria: pages of the past]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh (Poligrafservis i T.), 2006. – Iss. III. – P. 46–69. (In Russian)

FOMENKO V.A. *Severo-Zapadnyi i Tsentral'nyi Kavkaz v drevnosti i srednevekov'e (vtoraya polovina II tys. do n. e. – seredina II tys. n. e.): obzor aktual'nykh voprosov sotsial'no-ekonomicheskogo i kul'turno-etnicheskogo razvitiya* [The North-Western and Central Caucasus in antiquity and the Middle Ages (the second half of the II millennium BC – the middle of the II millennium AD): an overview of topical issues of socio-economic, cultural and ethnic development]. – Nalchik: KBIGI, 2015. – 176 p., ill. (In Russian)

GABUEVA A. *Nash dorogoi Kurgoko* [Our dear Kurgoko]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – Nalchik, 15.04.2017. – No. 67. – P. 5. (In Russian)

KAZAKOV A.V. *Adygi (cherkesy) na rossiiskoi voennoi sluzhbe. Voevody i ofitsery. Seredina XVI – nachalo XX v. Biograficheskii spravochnik* [Adygi (Circassians) in the Russian military service. Voivodes and officers. Mid. XVI – early XX century. Biographical reference book]. – Nalchik: El'-Fa, 2006. – 392 p. (In Russian)

KHURANOV Sh.Sh. *Ob abazinskikh tamgakh* [About abasin tamgas]. IN: *Arkheologiya i etnografiya Karachaevo-Cherkessii* [Archeology and Ethnography of Karachay-Cherkessia]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskii nauchno-issledovatel'skii institut ekonomiki, istorii, yazyka i literatury, 1979. – P. 157–188. (In Russian)

KOKOV Dzh.N. *Izbrannye trudy. – Vol. 1. Adygskaya toponimiya* [Selected works. – Vol. 1. Adyghe toponymy]. – Nalchik: El'brus, 2000. – 488 p. (In Russian)

KOROBOV D.S. *Sistema rasseleniya alan Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v I tys. n.e. (landshaftnaya arkheologiya Kislovodskoi kotloviny)* [The system of settlement of the Alans of the Central Pre-Caucasus in the I millennium AD (landscape archeology of the Kislovodsk basin)]. – M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2017. – Vol. 2: Katalog poselenii Kislovodskoi kotloviny. – 312 p., ill. (In Russian)

KOROBOV D.S. *Ullu-Dorbunla – srednevekovoe gorodishche v verkhov'yakh Podkumka* [Ullu-Dorbunla – a medieval settlement in the upper reaches of the Podkumka River]. IN: *Ocherki srednevekovoi arkheologii Kavkaza: k 85-letiyu so dnya rozhdeniya V.A. Kuznetsova. Sb. statei / otv. red. V.I. Kozenkova* [Essays of medieval archeology of the Caucasus: to the 85th anniversary of the birth of V.A. Kuznetsov. Collection of articles / ed. by V.I. Kozenkova]. – M.: Institut arkheologii RAN, 2013. – P. 114–139. (In Russian)

KOVALIVSKY A.P. *Rozpisi musul'mans'kogo kladovishcha* [Description of the muslim cemetery]. IN: *Skhidnii svit* [Oriental world]. – Kharkiv: Derzhavne vidavniststvo Ukraïni, 1928. – No. 6. – P. 195–211. (In Ukrainian)

KOZHEV Z.A. *Cherkesskoe (adygskoe) konevodstvo i vsadnicheskaya traditsiya* IN: *Istoricheskii vestnik* [Circassian (Adyghe) horse breeding and equestrian tradition]. – Nalchik, 2012. – Iss. XI. – P. 3–26. (In Russian)

KOZHEV Z.A., MIRZOEV A.S. *Kabardinskaya poroda loshadei: retrospektiva, sovremennoe sostoyanie, perspektivy sokhraneniya i razvitiya* [Kabardian horse breed: a retrospective, current state, prospects for conservation and development]. IN: *Kachestvo, innovatsii, obrazovanie*. – 2016. – No. 8–10 (135–137). – P. 231–239. (In Russian)

KSHESINSKAYA M. *Vospominaniya / per. s frantsuzskogo L. Papilinoi* [Memoirs / translated from the French by L. Papilina]. – Smolensk: «Rusich», 1998. – 416 p., ill. (In Russian)

KUMYKOV T.Kh. *Dmitrii Kodzokov*. – Nalchik: El'brus, 1985. – 180 p. (In Russian)

MAMKHEGOV A.B. *Materialy k biografii deistvitel'nogo statskogo sovetnika D.S. Kodzokova* [Materials for the biography of the actual state councilor D.S. Kodzokov]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2019. – No. 1. – P. 95–122. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-1-95-122> (In Russian)

MIKHAILOV I.V. *Naselennye punkty Karachaevo-Cherkesskoi respubliki* [Settlements of the Karachay-Cherkess Republic]. – Cherkessk: Tsentr detskogo i yunosheskogo turizma KChR, 2001. – 192 p., ill. (In Russian)

NIKITIN V.A. *Po zhivopisnym mestam. Kavminvody. Teberda. Arkhyz* [In pictorial places. Area of Caucasian Mineral Waters. Teberda. Arkhyz]. – Stavropol: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964. – 182 p. (In Russian)

Pis'ma o Kavkaze i Kryme. Florian Antuan Zhil' / Perevod K. Mal'bakhova [Letters about the Caucasus and the Crimea. Florian Antoine Gilles. Translated by K. Malbakhov]. – Nalchik: El'-Fa, 2009. – 287 p., ill. (In Russian)

Politicheskie repressii cherkesov na Severnom Kavkaze (1918–1940-e gg.). Istoriko-arkhivnye materialy i vospominaniya / avtor-sostavitel' A.K. Shaparova [Political repressions of Circassians in the North Caucasus (1918–1940-ies). Historical and archival materials and memoirs / author-compiler A.K. Shaparova]. – Nalchik: IGI KBNTs RAN, 2017. – 824 p., ill. (In Russian)

POTTO V.A. *Dva veka Terskogo kazachestva* [Two centuries of the Terek Cossacks]. – Vladikavkaz: Elektropечатnya tipografii Terskogo oblastnogo pravleniya, 1912. – Vol. 2. – VIII + 236 c. (In Russian)

RUNICH A.P., BEREZIN Ya.B., SAVENKO S.N. *Kompleks pamyatnikov rannego srednevekov'ya v verkhov'yakh reki Podkumok* [The complex of monuments of the early Middle Ages in the upper reaches of the Podkumok River]. IN: *Problemy arkheologii i etnografii Karachaevo-Cherkessii / otv. red. E.P. Alekseeva* [Problems of archeology and ethnography of Karachay-Cherkessia / ed. by E.P. Alekseeva]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Scientific Research Institute of History, Language and Economics, 1983. – P. 56–66. (In Russian)

RUNICH A.P., MIKHAILOV N.N. *Gorodishche Burgusant ili Rim-Gora* [The settlement of Burgusant or Rim-Gora]. IN: *Materialy po izucheniyu Stavropol'skogo kraya* [Materials on the study of the Stavropol Territory]. – Stavropol: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1976. – Iss. 14. – P. 162–182. (In Russian)

SAVENKO S.N. *Novye biograficheskie dannye o V.R. Apukhtine, N.M. Egorove, V.F. Smoline, M.I. Rybenko i A.P. Runiche* [New biographical data about V.R. Apukhtin, N.M. Egorov, V.F. Smolin, M.I. Rybenko and A.P. Runich]. IN: *Tretii Kavminvodskii mezhhregional'nyi muzeino-nauchnyi seminar pamyati kraevedov / pod red. S.N. Savenko* [Third Kavminvod Interregional Museum and Scientific Seminar in memory of local historians / edited by S.N. Savenko]. – Stavropol: Pечатnyi dvor, 2017. – P. 9–34. (In Russian)

SAVOISKY A.V. *Rod Abukovykh v istorii Zalukokoazhe. 06.02.2017* [The Abukov family in the history of Zalukokoage]. IN: Zolka.ru: website. URL: <https://www.zolka.ru/rod-abukovykh-v-istorii-zalukokoazhe/> (data obrashcheniya: 16.02.2021). (In Russian)

Shamil'. Illyustrirovannaya entsiklopediya / gl. red. Sh.M. Kaziev [Shamil. Illustrated encyclopedia / ch. ed. Sh. M. Kaziev]. – M.: Ekho Kavkaza, 1997. – 224 p., ill. (In Russian)

ZHEMYKH"UE M. *Abyk"ukhe ya k"uepsyr zhyzh'e dyde k"yshchozh'e* [Distant roots of the Abukov family]. IN: *Adyge psal"e*. – Nalchik, 3.07.2012. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Средневековая и новая история**

УДК 94 (470.6)

DOI 10.31143/2542-212X-2021-3-44-62

**ВЫСЕЛЕНИЕ ХАКУЧЕЙ В ОСМАНСКУЮ
ИМПЕРИЮ И КУБАНСКУЮ ОБЛАСТЬ (1864-1870):
ПРИЧИНЫ, ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ, ИТОГИ****И.Х. ТХАМОКОВА**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр РАН»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: omarakana@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуются причины, ход и последствия выселения хакучей в Турцию и Кубанскую область после окончания Кавказской войны. Хакучи – небольшая группа адыгов, проживавшая в середине XIX в. в горах, недалеко от Черного моря. Выселение их началось весной 1864 г. и продолжалось несколько лет. Для того чтобы вынудить их переселиться, потребовались неоднократные военные экспедиции, уничтожение аулов и запасов продовольствия. Только после этого большинство хакучей уехало в Турцию, а меньшая часть – в Кубанскую область. Однако отдельные малочисленные группы продолжали скрываться в горах. Благодаря упорству и стойкости, умелому использованию горного ландшафта и природных ресурсов, хакучи сумели избежать поголовного выселения, часть из них все же осталась на родине. Небольшие группы пленных хакучей были расселены в казачьих станицах между Новороссийском и Туапсе, а также в местах расположения воинских частей на реках Псецуапсе, Аше и Кудепста. Горцы должны были научить новых жителей Северо-Западного Кавказа особенностям ведения хозяйства в местных условиях. Затем стали возвращаться в родные места и те хакучи, которых первоначально переселили в Кубанскую область. Современные причерноморские шапсуги в большинстве своем являются потомками хакучей.

Ключевые слова: Черноморское побережье Кавказа; Кавказская война; адыги; шапсуги; хакучи; выселение.

**KNAKUCHI FORCED MIGRATION TO OTTOMAN EMPIRE AND KUBAN
REGION (1864–1870): CAUSES, MAIN PHASES AND RESULTS****I.H. TKHAMOKOVA**

*Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budget Scientific Establishment
«Federal Scientific Center 'Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of
Sciences'»*

360000, KBR, Nalchik, Pushkina st., 18

E-mail: omarakana@mail.ru

Abstract. The article dwells upon the reasons, process, and consequences of the Khakuchi forced migration to Turkey and the Kuban region after the end of the Caucasian War. The Khakuchi was a small group of the Adyghes, who lived in mountains not far from the Black Sea in the middle of the 19th century. The forced migration of the group started in spring 1864 and took several years. The resettlement was a result of numerous military expeditions, aul and food reserve destruction. Only after that, most of the Khakuchi migrated to Turkey, and a smaller part resettled to the Kuban region. However, several small groups continued hiding in the mountains. Due to persistence and resilience, skillful use of the mountain landscape and natural resources, the Khakuchi managed to avoid mass eviction, some of them still remained in their homeland. Small groups of the captured Khakuchi settled in Cossack villages between Novorossiysk and Tuapse, as well as in military districts near the rivers Psezuapse, Ashe, and Kudepsta. The highlanders had to teach the peculiarities of farming in local conditions to the new residents of the Northwest Caucasus. Later, the Khakuchi who had earlier been resettled to the Kuban region began to return as well. Contemporary Black Sea Shapsugs are mostly descendants of the Khakuchi.

Keywords: Black Sea coast of the Caucasus; Caucasian War; Adygs; Shapsugs; Khakuchi; forced migration.

Выселение народов Северного Кавказа в Турцию – одна из важнейших проблем истории Кавказа. Библиография ее насчитывает сотни работ. Только в последние десять лет вышел ряд новых статей на эту тему [Султанян 2012; Сивер 2013; Скибицкая 2013; Алоев 2013; Марзей 2013; Кушхабиев 2014; Озова 2015; Зубариев 2017], однако она все еще остается дискуссионной. Больше всего разногласий вызывают причины и общая оценка происходившего, что требует продолжения исследований. Одно из перспективных направлений дальнейшей работы – более глубокое изучение причин, хода и последствий выселения отдельных народов, отдельных этнических и локальных групп Северного Кавказа. Поскольку выселение продолжалось много лет и затронуло так или иначе многие народы региона, то и предпосылки, и результаты его были во многом различными. Выявление этих особенностей до настоящего времени остается нерешенной задачей.

Исследование ее может быть проведено на примере хакучей. Их выселение в Турцию началось весной 1864 г. и продолжалось несколько лет, но так и не было полностью завершено. Часть из них все же осталась на Черноморском побережье Кавказа, что отличает их от их ближайших соседей – убыхов и той части шапсугов и натухайцев, которые проживали на берегу моря и практически в полном составе покинули родину.

Ученые, если и касались проблемы выселения хакучей, то, как правило, очень кратко [Марзей 2013: 37–38]. Наиболее подробно она рассмотрена в книге Т.В. Половинкиной [Половинкина 2014: 362–382]. Эта работа основана на изучении большого количества источников, в первую очередь – обзоров

военных экспедиций в землю хакучей, в которых подробно описаны действия как царских войск, так и горцев. Автор использует также архивные, статистические и иные материалы. Это позволило охарактеризовать происходившие в 1864–1865 гг. события как этнические чистки [Половинкина 2014: 365]. Справедливо отмечено также поразительное упорство, с которым хакучи сопротивлялись депортации [Половинкина 2014: 388].

Но это исследование можно дополнить другими, не использовавшимися ранее документами, выявленными в архивах, а также опубликованными в ряде сборников и на интернет-сайте adugi.ru. Они позволяют уточнить территорию расселения хакучей, выявить новые факты, относящиеся к экспедициям 1865 г., но особенно – к выселению их в Кубанскую область в 1868–1869 гг. и к проживанию их в районе черноморского побережья. Обобщение всех этих сведений позволяет вновь рассмотреть вопросы о причинах и ходе выселения хакучей, а также о причинах незавершенности этого процесса.

Хакучи – небольшая группа адыгов, жившая в горах недалеко от Черноморского побережья Кавказа. Для того, чтобы уточнить территорию их расселения, необходимо учитывать несоответствия между старыми и современными географическими названиями. Судя по картам и описаниям 1860 годов, верхняя часть реки Псезуапсе тогда называлась Хакучипсы. И только после слияния ее с рекой Хаджуко она получала наименование Псезуапсе [Васильев 1872: 274–275; Духовский 1864, № 12: 358–359; Хатисов, Ротиньянц 1867: 121, приложение; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6696. Ч. 13 (4). Л. 289–289 об.].

Название Хакучипсы уже само по себе свидетельствует о том, что там (т.е. в верховьях Псезуапсе) когда-то жили хакучи. Кроме того, один из притоков этой реки (видимо, р. Широкая на современных картах) назывался Хакучишхо – еще одно напоминание о хакучах. Они селились также и в ущельях еще нескольких рек: Копсе, Тотай, Гастагакей (Оздтроке) [Проблемы Кавказской войны... 2001: 335; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6696. Ч. 13 (4). Л. 307].

Второй район проживания хакучей находился за Хакучинским перевалом, по притокам реки Пшехи. В источниках XIX в. эти реки назывались Гогопс, Гугупс, Пцели (Цели) и Уздыченей [Гейнс 1866: 19–20; Духовский 1864, № 12: 358–359; ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 480. Л. 79]. Судя по современным картам, ближе всего к верховьям Псезуапсе-Хакучипсы расположены реки Тугупс с притоками и Хахопсе с притоками. Один из притоков Хахопсе – Гогопс – находится немного дальше, но и он мог быть частью территории хакучей. Всего хакучи включали в свой состав около 10 общин, общая их численность составляла несколько тысяч человек, точнее определить ее невозможно.

Насколько позволяют судить источники, именно жители этих общин и сами себя считали хакучами, и такое же название давали им их соседи. В то же время ущелье Псезуапсе было населено не только хакучами. Даже те, кто жил на реке Хаджуко (Хаджоко), притоке Псезуапсе, отличали себя от хакучей, хотя и были их ближайшими соседями. В описаниях XIX в. они упоминаются как

отдельное общество [РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 6696. Ч. 13 (4). Л. 306 об., 307 об.]

Точно так же жители верховий реки Аше и ее притоков не называли себя хакучами. Здесь располагались несколько самостоятельных обществ – Наужий, Бекишей, Захитляш [РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 6696. Ч. 13 (4). Л. 289, 307, 312].

Однако адыги, жившие к северу от главного Кавказского хребта, придавали названию хакучи более широкое значение. Они называли хакучами даже жителей ущелья Агой, расположенного севернее Туапсе, что вызывало у тех резкий протест. А все горцы, жившие между реками Шахе и Туапсе, тем более должны были считаться хакучами [ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 480. Л. 65–68; Д. 590. Л. 22 об. – 23]. Генералы и офицеры русской армии тоже часто относили к хакучам население не только верховий Псезуапсе, но также и реки Аше и ее притоков [Гейнс 1866: 10; ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 480. Л. 69], а иногда и других горцев. Термин «хакучи», таким образом, не имел единого, общепринятого значения. Но все же чаще так называли жителей верховий Псезуапсе, Аше и притоков Пшехи. Именно о них преимущественно и пойдет речь далее.

Некоторые авторы считали хакучей отдельным народом или «племенем», другие полагали, что среди них были выходцы из нескольких различных групп адыгов и других народов, включая даже старообрядцев [Васильев 1872: 260; Духовский 1864, № 12: 348; Гейнс 1866: 10–11; Ржондковский 1867, № 89: 429; № 97: 474]. Но существует и иное мнение: хакучи – это часть шапсугов [Волкова 1973: 38] или горные шапсуги [Половинкина 2014: 388]. Современные шапсуги Причерноморья – это в большинстве своем именно потомки хакучей [Марзей 2013: 38].

Хакучи, как и другие адыги, занимались земледелием (в том числе и садоводством), а также скотоводством, хотя удобных для сельского хозяйства земель во многих местах их расселения было недостаточно. Каждый пригодный клочок земли в горах возделывался. Иногда местные жители выращивали зерновые на крутых горных склонах или устраивали искусственные террасы – каменные стены поддерживали насыпную землю [Ржондковский 1867, № 92: 447; № 95–96: 466]. Ее часто приходилось обрабатывать вручную, потому что применить пахотные орудия на многих участках было невозможно. Но, несмотря на тяжелый труд, горцы с верховий Аше и Псезуапсе, были более бедными, чем их соседи, проживавшие ниже по течению этих и соседних рек [Ржондковский 1867, № 97: 473].

Общинами хакучей (как и других шапсугов, а также натухайцев и абадзехов) управляли «старшины». Чаще всего это были обычные крестьяне, но пользовавшиеся уважением и доверием своих соседей и родственников. Они не имели большой власти. Народ выполнял принятые ими решения лишь в тех случаях, когда был согласен с ними.

Хакучи жили очень обособленно, их отношения с другими группами адыгов и с убыхами были неприязненными и даже враждебными [Гейнс 1866: 11; Васильев 1872: 260]. В то же время оружие имели не все хакучи (по словам генерала Геймана, возглавлявшего экспедицию против них – лишь каждый

десятый) [Проблемы Кавказской войны... 2001: 336]. Это отличало их от других групп адыгов, где большинство мужчин были вооружены. Проживая в труднодоступной местности, хакучи почти не принимали участия в Кавказской войне. Русская армия не входила в их землю вплоть до 1864 г., а хакучам трудно было добраться до русских крепостей или казачьих станиц, учитывая большие расстояния и враждебные отношения с соседями.

В последний период Кавказской войны началось массовое выселение народов Северо-Западного Кавказа в Турцию. Одной из главных его причин явилось стратегическое значение Черноморского побережья Кавказа [Фадеев 1889: 149]. Авторы XIX в. неоднократно писали о том, что в столь важном пограничном районе должно жить благонадежное русское население [Верещагин 1885: 8; Кривенко 1893: 71]. Исходя из подобных взглядов, горцев следовало отсюда выселить. В XX в. подобные действия стали называться этническими чистками.

Местным жителям предлагалось переселиться в Кубанскую область или в Османскую империю. Но, по мнению генерала Евдокимова, а также военного министра Д.А. Милютина, предпочтительнее было выселять горцев именно в Турцию, а не на Кубань. Во-первых, это позволяло России завершить Кавказскую войну в кратчайшие сроки и с наименьшими затратами сил, а во-вторых, облегчало дальнейшее обустройство края [АКАК 1904: 983, 1010]. С ними был согласен и великий князь Михаил Николаевич, командовавший Кавказской армией. Он писал, что «непременным условием окончания этой войны должно быть совершенное очищение восточного Черноморского побережья и переселение горцев в Турцию» [Проблемы Кавказской войны... 2001: 264]. Хакучи жили в горах недалеко от берега моря, поэтому они тоже должны были покинуть свою родину.

В конце февраля 1864 г., в последний период Кавказской войны, русские войска вышли на берег Черного моря в районе Туапсе. Даховский отряд прошел вдоль рек Аше и Псезуапсе, сжигая все встреченные аулы. Но тогда пострадали в основном жители низовьев этих рек. В землю хакучей отряд и в этот раз не входил, его столкновения с хакучами ограничились несколькими перестрелками, не имевшими особых последствий [Духовский 1864, № 12: 293, 300]. Соседи хакучей – убыхи и шапсуги, жившие поблизости от морского берега и пострадавшие от военных действий или опасавшиеся их, вступили в переговоры с генералом Гейманом, командовавшим Даховским отрядом. Приехали к нему и хакучинские старшины, которые пообещали, что хакучи тоже выселятся в Турцию. Однако они не смогли убедить своих соотечественников, и в Османскую империю тогда уехали только несколько сот хакучинских семей [Духовский 1864, № 12: 318–319, 346–349; Васильев 1872: 261]. Они испытали те же лишения, что и другие переселенцы. От болезней, голода, тяжелых условий жизни в переполненных лагерях погибло множество людей. Некоторым из уехавших в Турцию хакучей, потерявших своих родных, удалось вскоре вернуться на родину, но это были лишь редкие случаи [ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 480. Л. 65–70].

Большинство хакучей тогда еще не покидали свои горы. Для их выселения были предприняты специальные военные экспедиции. Первая из них состоялась летом 1864 г., т.е. уже после официального окончания Кавказской войны. Генерал Гейман, возглавлявший эту экспедицию, обратился к хакучам с письмом, в котором предлагал им начать переговоры о переселении, обещая, что их бесплатно отправят в Турцию. В случае неповиновения он угрожал послать войска, которые уничтожат их или выселят внутрь России [Духовский 1864, № 12: 350]. Однако хакучи не хотели уезжать в Турцию, несмотря на выгодные условия, предложенные генералом, а надеялись остаться на родине. Чтобы выдворить их силой, войска тремя колоннами с трех сторон вошли в их землю. Задачи участников экспедиции заключались в прокладке дорог, в уничтожении аулов и в вытеснении оставшегося населения. Согласно инструкции генерала Геймана, действовать полагалось решительно: «истреблять жилища их дотла; с жителями поступать, как с пленными; в плен брать только тех, которые будут выходить сами; в переговоры не вступать, а если придут с этой целью к кому-нибудь депутаты, то отсылать их к генералу Гейману...» [Гейнс 1866: 18].

Всего в экспедиции принимало участие около 4 тысяч человек, а противостояли им, как считали ее участники, не более 1 тысячи хакучей с оружием в руках [Гейнс 1866: 23]. Крупных столкновений с ними почти не происходило, но постоянно случались мелкие стычки и перестрелки. Местные жители при приближении войск покидали аулы и укрывались в лесах. Поскольку отыскать их там было трудно, то «как вернейший и скорейший способ покончить с ними все расчеты, было предложено уничтожить весь хлеб на корню и все, что могло служить поддержанию существования жителей...» [Гейнс 1866: 25].

В результате действий отряда аулы хакучей были сожжены, посеы и найденные запасы продовольствия уничтожены, скот был угнан, несколько десятков человек были взяты в плен [Гейнс 1866: 30; Духовский 1864, № 12: 350, 355]. Были созданы небольшие отряды «охотников», преследовавшие горцев и убивавшие их или бравшие в плен. Была основана Хакучинская кордонная линия – несколько военных постов и укреплений от низовьев до верховьев реки Псезуапсе (Хакучипсы), но осенью ее пришлось упразднить, поскольку связь между укреплениями в плохую погоду становилась невозможной. Уничтожение аулов и запасов продовольствия вынудило часть горцев согласиться на переселение в Турцию, однако точная их численность неизвестна.

В октябре 1864 г. Гейман повторил экспедицию и «разорил множество аулов хакучей» [Хронологический указатель... 1911: 73]. По его мнению, горцы понесли громадные потери, от которых они уже не в состоянии были оправиться. Он так подводил итоги этой экспедиции: «Аулы и запасы хлеба и фруктов выжжены; с достоверностью можно полагать, что население должно будет в течение зимы или умереть с голоду, или выйти к нашим приморским пунктам для переселения в Турцию» [Проблемы Кавказской войны... 2001: 336].

Однако хакучи не оправдали его надежд: они не вымерли и никуда не уехали. Они выжили за счет еще сохранявшихся у них запасов, за счет фруктов из заброшенных садов и лесов, а отчасти и за счет угона скота у жителей только что поселенных рядом с ними казачьих станиц. Весной 1865 г. «для наказания горцев за хищничества и для понуждения их выселиться из гор была назначена экспедиция под начальством полковника Кузьминского» [Васильев 1872: 263].

В тот период горцы жили еще в верховьях и на притоках рек Псеуапсе и Аше, а также на реке Копыгу и в урочище Чемиж-Ваш. Расположение последних двух мест в точности не известно. По мнению Т.В. Половинкиной, Копыгу – это Копыбгу, правый приток Аше [Половинкина 2014: 372], что вполне возможно. Судя по описанию экспедиции, эти места находились сравнительно недалеко от реки Макопсе. Там были расположены два крупных аула, значительно более зажиточных, чем поселения в верховьях Аше и Псеуапсе. В ауле Чемиж-Ваш прочные дома были построены из орехового и каштанового дерева, сады и виноградники тянулись на несколько верст. Но в результате двухдневных действий войск эти аулы были уничтожены, и почти все их жители были вынуждены выселиться на берег моря, а оттуда – в Турцию [Ржондковский 1867, № 97: 473].

Поселения в верховьях рек Шепси, Шуюк и Макопсе тоже были «истреблены» в ходе этой экспедиции [Ржондковский 1867, № 93: 455]. Севернее Туапсе, на реках Агой и Небуг, также еще оставались местные жители. В ходе переговоров они пообещали выселиться в Турцию, но потом переселение было отложено по причине болезни, появившейся в тех местах [Ржондковский 1867, № 95–96: 468]. Кроме того, на северном склоне хребта, в верховьях рек Пшиш и Пшеха, скрывались остатки шапсугов, абадзехов и хакучей из разоренных аулов. Но и там солдаты и казаки сжигали аулы, захватывали пленных и скот, вынуждая людей выселяться [Ржондковский, 1867 № 91: 442; № 98: 481].

Основной зоной действий отряда Кузьминского были верховья реки Аше. В первые дни экспедиции горцы попытались оказать сопротивление. Примерно сто из них погибли в бою. Отряд захватил в плен «около ста девятнадцати человек, преимущественно женщин и детей», а также много одежды, домашней утвари и скота [Ржондковский 1867, № 92: 447–448]. В последующие дни были взяты в плен еще десятки людей [Ржондковский 1867, № 93: 455; № 97: 473; № 98: 480–482].

Как обычно, войска истребляли аулы. В течение первых восьми дней похода было сожжено более 500 домов, затем еще более 250 домов, уничтожение аулов продолжалось и впоследствии [Ржондковский, 1867 № 93: 453, 455].

Горцев обвиняли в том, что они угнали у казаков станицы Георгиевской, находившейся в верховьях реки Туапсе, 22 лошади и 6 голов скота [Ржондковский, 1867 № 91: 442]. Это явилось одним из поводов для экспедиции в их землю. В ходе этой экспедиции уже у них отбирали скот, причем, в значительно бóльших количествах, чем это делали они. В первые же дни у них были отбиты 25 лошадей, 197 штук крупного и 2686 мелкого

рогатого скота. Затем это число все увеличивалось и увеличивалось [Ржондковский 1867, № 93: 453, 455; № 97: 473; № 98: 480]. Весь захваченный скот делили «поровну между всеми частями отряда» [Ржондковский 1867, № 93: 453], что помогало улучшить питание солдат и офицеров в ходе экспедиции.

Местные жители лишились запасов продовольствия и всего своего имущества. Хотя они прятали зерно и свой небогатый скарб под землей [Ржондковский 1867, № 92: 447], но это не помогло спасти его. «Солдаты, со свойственной им опытностью, нашли укрытые в пещерах и зарытые в земле сукна и полотна горской выделки, готовые одеяла, разного рода платья, турецкие материи, медную посуду...» [Ржондковский 1867, № 93: 453]. Всеми этими вещами, а также оружием они обменивались и продавали их, так что военный лагерь превратился в настоящий базар.

Только после разорения и уничтожения аулов начались переговоры со старшинами общества Наужий. Им объявили, что главнокомандующий кавказской армией великий князь Михаил Николаевич в виде «особой милости» разрешает им переселиться в Турцию или на Кубань, но если они не поторопятся уехать, то их ждет полное разорение [Ржондковский 1867, № 97: 474]. После окончания Кавказской войны прошел уже целый год. Большая часть адыгов давно уже покинула Кавказ, поэтому в декабре 1864 г. царским приказом было запрещено выселение «горцев в Турцию массаами». С этого времени допускались «только одиночные выселения горцев, таких, которых будет признано полезным по каким-либо видам не удерживать в крае» [ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 225. Л. 1–1 об.]. С середины 1865 г. местное начальство всячески затрудняло отъезд жителей Северо-Западного Кавказа в Турцию и «дозволяло переселение только в крайних случаях» [Берже 1882: 1]. Однако к хакучам это не относилось. Им не только не запретили выселяться в Турцию, но и предприняли специальные военные экспедиции именно для того, чтобы выселить их. Стремление российских властей полностью «очистить» черноморское побережье и прилегающие к нему регионы от горцев оставалось неизменным.

Наужинские старшины обещали содействовать выселению своего общества в Турцию, просили только дать им короткую отсрочку и не уничтожать запасы их продовольствия и их имущество [Ржондковский 1867, № 97: 473–474]. Часть наужинцев действительно начала выселяться, некоторые из них даже перешли на сторону противника, стали проводниками и лазутчиками, помогая разыскивать своих соплеменников и их имущество.

Другие же наужинцы, не желавшие покидать свою родину, нашли убежище в окрестных горах: «горцы укрывались в таких местах, в которых присутствия человека и подозревать было трудно; некоторые из них, со своими стадами, укрывались в пещерах на отвесных скалах. Только горец в состоянии взобраться туда, и непостижимо, каким образом возможно было втянуть на такие крутизны скотину» [Ржондковский 1867, № 98: 481]. Для таких случаев и нужны были лазутчики из числа самих наужинцев. Они помогали разыскивать и спускали вниз спрятавшихся людей и скот. Однако не всех удалось найти и

схватить. Некоторые жители бежали к верховьям Псезуапсе и в другие труднодоступные места.

О нежелании горцев выселяться источники сообщают неоднократно. Один из старшин говорил о том, что многие люди из общества Наужий «упорно желают жить и умереть в своих родных горах» [Ржондковский 1867, № 97: 474]. Впоследствии эти слова будут не раз повторяться. Участники экспедиции отмечали, что местные жители «оставляли свои горы с выражением самого глубокого отчаяния». Когда переселенцы начали свой путь к морю, то «многие из них, остановившись у реки, совершали свой последний намаз на родной земле. Женщины подняли страшный, разрывающий душу, вой...» [Ржондковский 1867, № 98: 482].

Подводя итоги этой экспедиции, один из ее участников писал: «густо населенная местность опустела; оставались только, как памятники прошедшего, – остовы обгоревших саклей, вблизи которых очень часто попадались свежие, наскоро насыпанные могилы» [Ржондковский 1867, № 99: 485]. Так выглядела река Аше и ее притоки.

Но в верховьях Псезуапсе (Хакучипсы) все еще скрывались не только местные жители, но и беженцы из других обществ, поэтому туда была направлена часть войск после завершения операции на реке Аше. Войска действовали привычными методами: добравшись до устья реки Хакучишхо, где «было самое густое население», и, сломив сопротивление горцев, они грабили и сжигали аулы, захватывали пленных и скот. Успеху экспедиции препятствовала плохая погода «Солдаты едва могли подниматься за горами по скользким тропинкам, и потому много жителей успело укрыться в леса» [Васильев 1872: 265].

В сентябре 1865 г. начались переговоры с горцами, жившими на реке Псезуапсе и ее притоках, а также в верховьях Аше, об их выселении. И снова они никак не хотели покидать родину. Один из старшин общества Захитляш на вопрос о том, почему он не уехал раньше, ответил: «Мы думали, что русские не узнают об оставшейся в горах горсти людей и таким образом дадут нам возможность умереть на родной земле» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6696. Ч. 13. Л. 313]. Некоторые из хакучей предпочитали покончить с собой, но не покидать свою родину [Васильев 1872: 266].

Одной из причин отказа хакучей выселяться в Турцию, а тем более в Кубанскую область было опасение, что их могут сослать «куда-то в роде Сибири» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6696. Ч. 13. Л. 309 об., 315 об.]. В ходе переговоров старшины прежде всего стремились удостовериться в том, что им это не грозит. После этого они брались убедить свои общества выселиться, причем, им пообещали, «что труды их будут вознаграждены хорошо» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6696. Ч. 13. Л. 315]. Подкуп «старшин» – это обычная практика российской администрации и военного командования на Кавказе. Тем не менее, она оказалась действенной только после того, как множество аулов было сожжено, а запасы продовольствия разграблены или уничтожены. Но и тогда лишь часть горцев согласилась на переселение, остальные надеялись скрыться в труднодоступных местах. В обществе Хаджоко только треть всех

жителей готова была уехать, хакучи с рек Копсе и Тотой тоже колебались [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6696. Ч. 13. Л. 310–316].

Общество Бекишей не принимало участия в переговорах и не желало переселяться, поэтому 16 и 19 сентября 1865 г. против него были направлены войска для истребления аулов и хлебов [Хронологический указатель... 1911: 73; Васильев 1872: 266].

За время действия экспедиции Кузьминского с 15 мая по 1 сентября было выселено с гор и отправлено в Турцию около 3 тысяч человек, а еще примерно 1 тысяча человек переселилась в горские округа Кубанской области. В сентябре были выселены из гор еще 1193 человека [Васильев 1872: 266].

Однако не успела закончиться эта экспедиция, как в октябре 1865 г. началась еще одна экспедиция в землю хакучей под командованием генерала Своева. Войска были разделены на 5 колонн и действовали таким образом, чтобы не дать местному населению возможности скрыться. Основной зоной их действий были верховья реки Псезуапсе. Но войска доходили также и до реки Аше и далее до Туапсе, а также до реки Шахе, были они и в верховьях Пшехи. Как и раньше, «все аулы и хлеба на пути следования были сожигаемы» [Васильев 1872: 269]. Горцы в этот раз почти не оказывали сопротивления. Они, «бросив свои аулы, или разбежались по лесам, или укрылись в скалистых пещерах, доступ в которые был весьма затруднителен или даже невозможен» [Васильев 1872: 270]. Они забирали вместе с собой скот и ценные вещи, а зерно прятали в земле. Если войскам удавалось найти местных жителей, их брали в плен и отбирали у них скот. «Много семейств найдено было в пещерах, закрытых с наружной стороны камнями и кустами» [Васильев 1872: 272]. Все они тоже стали пленными. В лесах у горы Аутль и между реками Аше и Псезуапсе были обнаружены и уничтожены большие запасы зерна [Васильев 1872: 271].

Результатом военных действий и уничтожения аулов и продовольствия явилось согласие старшин общества Хаджожко переселиться в Турцию [Васильев 1872: 270] (хотя и в этот раз переселилось не все общество). Затем и другие горцы стали выходить к морю. В октябре 1865 г. в Турцию направились 2223 человека, в Кубанскую область переселился только 21 человек и 303 человека были взяты в плен [Хронологический указатель... 1911: 74; Васильев 1872: 273].

Всего же в течение 1865 г. было выселено приблизительно 7,5–8 тыс. человек – большая часть остававшихся в горах жителей – хакучей и их соседей. Из них только около 1000 человек переселились в аулы Кубанской области, а все остальные – в Турцию.

В течение 1866 г. малочисленные группы хакучей добровольно выходили к морю для переселения в Турцию [Кавказская летопись... 1866b: 424]. Но начиная с 1867–1868 гг., сведения о подобном переселении исчезают. Основная цель изгнания народов региона к этому времени была достигнута: черноморское побережье и горы были почти полностью «очищены» от прежних жителей. В 1867 г. великий князь Михаил Николаевич, наместник Кавказа, «совершая объезд Кубанской области, лично объявил горцам, что переселение

их в Турцию должно прекратиться окончательно» [Берже 1882: 2]. Конечно, оно не прекратилось окончательно, но значительно уменьшилось по сравнению с предшествующим периодом. Начался новый этап в истории выселения хакучей. Теперь их отправляли уже не в Турцию, а в аулы Кубанской области.

Небольшим группам хакучей удавалось скрываться в родных горах на протяжении еще нескольких лет. В поисках безопасного убежища они меняли районы своего проживания. Один из старшин, Меляхо Хуштов, рассказывал о том, что раньше они «жили в самых крутых местах по горным ущельям северного склона около вершины речек Гугупс, Пцели и Уздыченей». Но в ходе военных экспедиций многие из них попали в плен. После этого оставшиеся «перебрались в землю убыхов, где было удобнее для жизни и скрытнее», и поселились на реке Шахе [ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 480. Л. 79–79 об.]. К этому времени убыхи уже выселились в Турцию, поэтому хакучи свободно могли занять их место. Они обосновались в верховьях реки Шахе, почти у подножья Кавказского хребта [Хатисов, Ротиньянц 1867: 44]. К 1868 г. они жили также по притокам Шахе – рекам Бзыныч и Кичмай. По соседству с ними размещалась и оставшаяся в горах часть общества Хаджоко [ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 480. Л. 24]. Они и раньше были соседями хакучей, остались ими и впоследствии.

Горцы выживали в очень сложных условиях: их дома были сожжены, и часто они не имели возможности построить себе новые, потому что те выдали бы их присутствие. «Скалы и трущобы дают им приют, жилищ же они для себя не устраивают, дабы не показывать следов своих» [ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 480. Л. 50 об.].

Заниматься сельским хозяйством было не менее сложно: посевы или пасущийся скот тоже были бы очевидными признаками того, что местность населена, не говоря уже о том, что их легко можно было захватить или уничтожить. Однако хакучи все же выращивали кукурузу, просо и бобы. Их поля «находились на самых неприступных местах, которые с первого раза могут показаться совершенно невозможными для культуры» [Хатисов, Ротиньянц 1867: 45, 55, 62, 65]. Количество крупного рогатого скота, который им удалось сохранить, исчислялось единицами, коз и овец было немногим больше [ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 469. Л. 31–39].

По мере того как возможностей возделывать поля и разводить скот оставалось все меньше, все более важным источником средств существования становились леса, а также заброшенные сады, где можно было найти фрукты, орехи, виноград. Но особенно большое значение для выживания имели каштаны: «Насущная их пища есть каштан, из которого они добывают муку, а из этой муки готовят разного рода пищу. Следовательно, хотя запасы хлебов их уничтожены, но они не особенно падают духом насчет своего продовольствия» [ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 480. Л. 51 об.]. Подспорьем в питании была также особая трава («род лебеды») [Хатисов, Ротиньянц 1867: 55]. Горцы могли угнать скот в соседних станицах или укреплениях, но, как отмечают источники, эти грабежи были незначительными [ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 480. Л. 79 об., 92 об.].

У хакучей не было соли, им также недоставало одежды, но и тут они нашли выход. Они добывали в лесах мед и воск диких пчел, а затем меняли его на одежду и на соль в аулах Кубанской области. Более ста «мирных» горцев вели с ними меновую торговлю [ГАКК. Ф. 774. Оп.1. Д. 480. Л. 92 об.]. Очень быстро хакучи приспособились к выживанию в экстремальных условиях. Этому помогали такие их качества, как ловкость, выносливость и неутомимость, способность довольствоваться самой скудной пищей, которые поражали наблюдателей [Хатисов, Ротиньянц 1867: 54, 55]. Это позволило им скрываться на протяжении нескольких лет.

Но власти продолжали борьбу с ними, хотя методы ее изменились. Поскольку хакучей осталось очень мало, против них больше не направлялись военные экспедиции. Вместо этого в горах были размещены воинские части, которые находились там постоянно. Еще в 1865 г., в ходе одной из последних экспедиций, на реках Псезуапсе и Аше был расквартирован Кавказский линейный № 5 батальон [Васильев 1872: 266]. В его задачу и входили поиски и захват оставшихся хакучей. Но это было не единственное его предназначение. Власти планировали осваивать горные районы Причерноморья, расселяя в этих местах семейных солдат, и рассчитывая, что они останутся там навсегда [Кривенко 1893: 70]. Для того, чтобы научиться вести хозяйство в непривычных для них условиях, новым поселенцам нужен был опыт местных жителей. По инициативе командующего войсками Кубанской области Ф.Н. Сумарокова-Эльстона 37 семей пленных хакучей были расселены рядом с Кавказскими линейными батальонами № 5 и № 2. В 1866 г. пленные хакучи жили уже у реки Аше и у реки Псезуапсе [Хатисов, Ротиньянц 1867: 54, 65] Батальон № 2 был размещен между реками Мзымта и Шахе [Указ императора... 1869: 775]. Рядом с одним из его поселков в урочище Псахо у реки Кудепста тоже были поселены пленные хакучи [Верещагин 1874: 80].

Кроме того, 69 семей пленных небольшими группами были расселены в станицах Шапсугского казачьего берегового батальона, располагавшихся между Новороссийском и Туапсе. Здесь хакучи тоже должны были помогать казакам в освоении методов хозяйствования, подходящих для Черноморского побережья Кавказа. Поскольку у пленных не было никаких средств к существованию, то им даже выдавали паек и небольшое пособие на обзаведение хозяйством¹. Уже в июне 1866 г. в станице Береговой жили 26 горцев, в Джубской – 37, в Новомихайловской – 51, в Ольгинской – 13, в Небугской – 26, в Вельяминовской – 15, в Вуланской – 48. Тогда же из Сочи в Новороссийск морем были доставлены еще 45 хакучей – возможно, тоже для расселения в станицах [Кавказская летопись... 1866а: 192–193]. Рядом со станицами появились небольшие аулы, в которых жили горцы [ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 549. Л. 10–10 об.]

¹ О поселении горцев между казаками Закубанского края // Информационно-исторический сайт АДЫГИ.RU. URL: <https://www.adygi.ru/index.php?newsid=8831> (дата обращения: 09.07.2021).

В этот период выселением хакучей занимались не только армейские подразделения, но и представители администрации Кубанской области, которые чаще использовали в своей работе методы убеждения. Одним из активных участников переговоров был переводчик Лабинского окружного управления Соколов. Он должен был уговорить хакучей переселиться на равнину. Для того, «чтобы расположить их к доверию, урядник Соколов по обычаю горцев отдал себя (в зеусханы) в воспитанники семейству Мертеча», т.е. одного из хакучинских старшин [ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 480. Л. 49 об.]. Действия Соколова принесли результат: с 15 октября 1868 по первое января 1869 г. он вывел с верховьев реки Шахе 14 семей, однако остальные жители тех мест отказались переселяться из-за зимнего времени. Когда Соколов уехал от них, оставшиеся «хакучинцы вновь собрались и порешили не выходить на плоскость и помереть в горах...» [ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 480. Л. 90]. В очередной раз они подтвердили свое нежелание покидать родные места.

Кроме Соколова, переговоры с хакучами вели также и жители Псекупского и Лабинского округов, в том числе «милиционеры», т.е. адыги, находившиеся на службе у кавказской администрации. К ноябрю 1868 г. им удалось выселить с гор в эти округа до 215 человек [ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 480. Л. 43]. В марте 1869 г. с верховьев рек Шахе, Бзыныч, Кичмай и Хаджуко вышли еще 23 семьи или 106 человек. Большинство из них переселили в Лабинский округ, но трое были отправлены в укрепление Головинское, где уже жили их родственники [ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 469. Л. 27, 31, 39].

По другим же сведениям, в Кубанскую область были выселены в общей сложности «более 500 душ хакучей, до того времени ни за что не хотевших оставить свои труппы и предпочитавших явную смерть вероятности плена» [Архивные материалы... 2003: 378]. Еще раз была отмечена привязанность хакучей к родным горам и к независимости. Кубанские равнины они, видимо, считали почти такой же чужой землей, как Турцию.

Жизнь на черноморском побережье, даже под контролем царской администрации, казалась хакучам более приемлемой. «Все выходцы единогласно заявили, что горцы, еще скитающиеся в горах, выйдут поголовно все, если будут уверены, что им позволят поселиться на Южном склоне одним большим аулом» [ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 480. Л. 93]. Один большой аул не был создан, но численность хакучей в уже существовавших поселках постепенно увеличивалась.

В 1869 г. в прибрежных районах жили 109 семей хакучей, а затем вышла еще 41 семья. Основными местами их жительства оставались поселок у реки Кудепста – 59 семей, Божьи воды на реке Псезуапсе – 40 семей, Александровское на реке Аше – 8 семей. Хакучи по-прежнему жили также и рядом со станицами [Волкова 1974: 241]. Всего же в Черноморском округе в тот период насчитывалось 736 хакучей, не считая тех, кто еще скрывался в горах. По некоторым сведениям, выселение малочисленных групп хакучей из их горных убежищ продолжалось до 1874 г. [Половинкина, 2014: 382]

Все горцы, которые жили в станицах или рядом с воинскими частями, находились под самым строгим надзором властей. Каждый, кто хотел куда-

либо отлучиться, должен был брать разрешение («билет») у ротного командира [Верещагин 1874: 80–81].

Несмотря на это, их подозревали в совершении разбоев или же в помощи грабителям. В 1870 г. наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич вновь поставил вопрос о выселении хакучей на Кубань или в Турцию. Однако расследование, проведенное генерал-майором Джемарджидзе, не обнаружило никаких доказательств их участия в преступлениях. Выяснилось также, что представление о хакучах как о разбойниках не соответствует действительности. Казаки считали горцев, живших в их станицах, спокойными и трудолюбивыми людьми, добрыми поселянами, хорошими, зажиточными хозяевами, разумными соседями и вообще, людьми, приносящими не вред, а видимую пользу. Проживавшие на реках Аше, Псеуапсе и Кудепста хакучи были хуже обеспечены материально, но и они пользовались относительным достатком, и о них тоже отзывались как о людях мирных и работающих¹. В Турцию уезжать никто из горцев не соглашался, в Кубанскую область они тоже отказались переселяться, и им все же разрешили остаться в Черноморском округе. Очень быстро хакучи сумели адаптироваться к новым для них условиям жизни в Российской империи.

К 1881 г. в Черноморском округе было 4 черкесских поселка и общая численность черкес достигала 1046 человек [Верещагин 1885: 10–11]. Хакучи из урочища Псахо на Кудепсте получили разрешение вернуться на реку Шахе, где они скрывались за несколько лет до того. На побережье стали возвращаться и те хакучи, которых первоначально переселили в Кубанскую область. К 1891 г. численность хакучей в 7 аулах Черноморского округа достигла 1726 человек [Половинкина 2014: 385]. Постепенно воссоздавалось сообщество причерноморских шапсугов, хотя численность его значительно уменьшилась по сравнению с тем, какой она была до начала их выселения.

Хакучами в XIX в. называли, прежде всего, жителей верховья реки Псеуапсе (Хакучипсы) и нескольких ее притоков, а также притоков реки Пшехи. Но часто это слово употреблялось в более широком значении – к хакучам относили всех шапсугов горной части Причерноморья от реки Шахе до Туапсе или даже до реки Агой.

Выселение хакучей в Турцию и в Кубанскую область началось весной 1864 г., одновременно с выселением убыхов и большинства адыгов, и продолжалось несколько лет. Оно осуществлялось насильственными методами. Хакучи неоднократно повторяли, что хотят жить и умереть в своих родных горах. Потребовалось несколько военных экспедиций для того, чтобы заставить многих из них покинуть родину. Аулы и запасы продовольствия сжигались, жителей ставили перед выбором: умереть от голода или уехать. Только после этого их старшины вступали в переговоры о выселении. Большая часть горцев перебралась в Турцию. Точная их численность неизвестна. Мы не знаем,

¹ О поселении горцев между казаками Закубанского края // Информационно-исторический сайт АДЫГИ.RU. URL: <https://www.adygi.ru/index.php?newsid=8831> (дата обращения: 09.07.2021).

сколько хакучей уехало в 1864 или в 1866 гг. Но только в 1865 г. Кавказ покинули около 6–7 тыс. хакучей и их соседей. Среди них были не только жители верховий Псеуапсе или Аше, но также и население нескольких аулов, располагавшихся в горах между реками Аше и Агой.

Значительно меньшая часть населения этого региона переселилась в 1865 г. в аулы Кубанской области – около 1000 человек (среди них могли быть не только хакучи). В последующие годы туда же были выведены еще от 300 до 500 человек. Лишь небольшие группы хакучей были расселены на Черноморском побережье Кавказа рядом со станицами и местами расположения воинских подразделений. На рубеже 1860–1870 годов их насчитывалось 736 человек. Еще несколько десятков хакучей в этот период продолжали скрываться в горах. Таковы были итоги выселения хакучей.

Что касается причин этой миграции, то пример хакучей подтверждает выводы тех авторов, которые пишут о принудительном выселении черкесов как результате военных действий [Марзей 2013: 38; Озова 2013: 27; Кушхабиев 2014: 140]. Можно согласиться также с тем, что проживание хакучей и их соседей на черноморском побережье или поблизости от него уже являлось для России основанием для их экспатриации. В то же время в выселении хакучей никакой роли не играли ни религиозный фанатизм, ни турецкая пропаганда, которые, по мнению ряда ученых, вызвали массовый исход адыгов [Султанян 2012: 162–163; Сивер 2013: 198]. Если где-то когда-то эти факторы и сыграли роль в выселении народов Северного Кавказа, то к хакучам это точно не относится. Стремления мигрировать в Турцию для повышения своего статуса или улучшения материального положения [Зубариев, 2017: 56, 57] хакучи тоже не обнаруживали. Они воспринимали свой отъезд как трагедию. Что касается влияния знати (в случае с хакучами это были их «старшины»), то до начала военных экспедиций они не смогли убедить сколько-нибудь значительное число своих соотечественников покинуть родину.

В истории выселения хакучей можно выделить два основных периода. Первый охватывал 1864–1865 гг., когда состоялось несколько военных экспедиций, в результате которых большая часть хакучей покинула родину. 1866 г. можно считать переходным. Экспедиции, насколько известно, больше не проводились, но малочисленные группы хакучей продолжали выселяться в Турцию. В 1867 г. начинается новый период. Хакучей теперь отправляли не в Турцию, а только в Кубанскую область, и представители администрации области активно убеждали их переселяться на равнину, на что они тоже продолжительное время не соглашались.

Хакучи сопротивлялись выселению значительно дольше, чем другие народы и группы Черноморского побережья Кавказа. Отдельные небольшие общества скрывались в горах до 1870 г., а возможно и в последующие несколько лет. Они жили в пещерах, они довольствовались самой скудной пищей, но упорно отказывались покидать свою родину. Им помогала труднодоступность их гор, способность адаптироваться к жизни в сложных условиях, стойкость и выносливость. Хотя и небольшой части хакучей, но все же, удалось остаться в их родных горах. Впоследствии они сумели быстро

освоиться и с жизнью в условиях Российской империи. Современные шапсуги Черноморского побережья Кавказа в большинстве своем являются потомками хакучей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АКАК 1904 – *Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею*: в 12-ти т. Т. 12. – Тифлис: Тип. Главного управления наместника Кавказского, 1904. – 1556 с.

Алоев 2013 – *Алоев Т.Х.* Гибель Натухая и феномен Куштанок: от идиосинкратичности образов к целостному видению // Черкесский вопрос: опыт, проблемы, перспективы научного осмысления. Материалы круглого стола. – Нальчик: Кабардино-Балкарский институт бизнеса, 2013. – С. 64–107.

Архивные материалы... 2003 – *Архивные материалы* о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874). Часть 2. – Нальчик: Эль-фа, 2003. – 413 с.

Берже 1882 – *Берже А.П.* Выселение горцев с Кавказа // *Русская старина*. – 1882. – Т. XXXVI. В. 10. – С. 1–32.

Васильев 1872 – *Васильев Е.* Экспедиция в Землю Хакучей // *Военный сборник*. – 1872. – Т. 86. – № 8. – С. 259–274.

Верещагин 1885 – *Верещагин А.В.* Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и ее результат. – СПб.: тип. «Общественная польза», 1885. – 36 с.

Верещагин 1874 – *Верещагин А.В.* Путевые заметки по Черноморскому округу. – М.: тип. Н.Н. Мамонтова, 1874. – 204 с.

Волкова 1973 – *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М.: Наука, 1973. – 208 с.

Волкова 1974 – *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. – М.: Наука, 1974. – 275 с.

Гейнс 1866 – *Гейнс К.* Пешеходный отряд с октября 1862 по ноябрь 1864 года // *Военный сборник*. – 1866. – Т. 49. №5. – С. 3–40.

Духовский 1864 – *Духовский С.* Материалы для описания войны на западном Кавказе. Даховский отряд на южном склоне гор в 1864 году // *Военный сборник*. – 1864. – Т. 40. – № 12. – С. 277–357.

Зубариев 2017 – *Зубариев Р.Б.* Причины и обстоятельства мухаджирства части населения Северного Кавказа в Османскую империю в 50–90 гг. XIX века // *Гуманитарные и юридические исследования*. – 2017. – № 2. – С. 52–58.

Кавказская летопись... 1866a – *Кавказская летопись*. Новороссийск // *Кавказ. Газета политическая и литературная*. – 1866. – № 43. – С. 192–193.

Кавказская летопись... 1866b – *Кавказская летопись*. Сухум // *Кавказ. Газета политическая и литературная*. – 1866. – № 89. – С. 424–425.

Кривенко 1893 – *Кривенко В.С.* Очерки Кавказа. Поездка на Кавказ осенью 1888 г. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1893. – 246 с.

Кушхабиев 2014 – *Кушхабиев А.В.* Проблема массового выселения черкесов (адыгов) в Османскую империю (1858–1865 гг.) в работах Российских историков // *Известия КБНЦ РАН*. – 2014. – №1 (57). – С. 137–143.

Марзей 2013 – *Марзей А.С.* Выселение адыгов западной Черкесии в Османскую империю в период с 1862 по 1865 годы: определяющие факторы процесса // Черкесский вопрос: опыт, проблемы, перспективы научного осмысления. Материалы круглого стола. – Нальчик: Кабардино-Балкарский институт бизнеса, 2013. – С. 19–41.

Озова 2015 – *Озова Ф.А.* Депортация черкесов в 1856–1864 гг.: план и его реализация // *Клио*. – 2015. – №5 (101). – С. 59–70.

Половинкина 2014 – *Половинкина Т.В.* Черкесия – боль моя и надежда. Древнейшее время – начало XX века. – Нальчик: Изд. Котляровых, 2014. – 560 с.

Проблемы Кавказской войны... 2001 – *Проблемы Кавказской войны* и выселение черкесов в пределы Османской империи (20–70-е гг. XIX в.): Сб. арх. док. / Выявление, ред. и коммент. Т. Х. Кумыкова. – Нальчик: Эльбрус, – 2001. – 488 с.

Ржондковский 1867 – *Ржондковский А.* Экспедиция в Хакучи, 1865 года // Кавказ. Газета политическая и литературная. – 1867. – № 89, 91, 92, 93, 95–99.

Сивер 2013 – *Сивер А.В.* Кавказская война и черноморские шапсуги: итоги войны как фактор этнической истории // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2013. – № 6 (56). – С. 196–202.

Скибицкая 2013 – *Скибицкая И.М.* Переселение адыгов во взглядах русского командования // Голос минувшего. – 2013. – № 1–2. – С. 30–55.

Султанян 2012 – *Султанян А.С.* Миграции народов Западного Кавказа в Османскую империю во второй половине XIX века: основные причины // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. – 2012. – №7–2. – С. 161–165.

Указ императора... 1869 – *Указ императора* Александра II за №47745 от 4 декабря 1869 г. «О присвоении 36-ти поселениям 1-го, 2-го, 3-го, 4-го и 21-го Кавказских линейных батальонов и роты 17-го батальона, водворенных на южной и северной покатостях Главного Кавказского хребта – в районах Кубанской области, Черноморского округа и Сухумского отдела, особых наименований» // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Санкт-Петербург, 1830–1884. Собрание II. Т. XLIV. – Санкт-Петербург, 1873. – № 47745. – Ч. 3. – С. 775.

Фадеев 1889 – *Фадеев Р.А.* Собрание сочинений. Т. 1. – СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1889. – 642 с.

Хатисов, Ротиньянц 1867 – *Хатисов И.С., Ротиньянц А.Д.* Отчет комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря, между реками Туапсе и Бзыбью. – Тифлис: тип. Меликова и К°, 1867. – 136 с., 2 л.: карта, табл. (Приложение к «Запискам Кавказского общества сельского хозяйства». – 1867. – № 5/6)

Хронологический указатель... 1911 – *Хронологический указатель* военных действий русской армии и флота: в 5 томах. Т. 4. – Санкт-Петербург: Типо-литография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1911. – 198 с.

ГАКК – *Государственный архив Краснодарского края.*

РГВИА – *Российский государственный военно-исторический архив.*

REFERENCES

Akty, sobrannye Kavkazskoyu arkheograficheskoyu komissieyu: v 12-ti t. T. 12 [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 volumes. V. 12]. – Tiflis: Тип. Glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo, 1904. – 1556 p. (In Russian)

ALOEVA T.Kh. *Gibel' Natukhaya i fenomen Kushtanoka: ot idiosinkratichnosti obrazov k tselostnomu videniyu* [The death of Natukhay and the phenomenon of Kushtanok: from idiosyncratic images to a holistic vision]. IN: *Cherkesskii vopros: opyt, problemy, perspektivy nauchnogo osmysleniya. Materialy kruglogo stola* [The Circassian Question: Experience, Problems, and Prospects for Scientific Understanding. Materials of the round table]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskii institut biznesa, 2013. – P. 64–107. (In Russian)

Arkhivnye materialy o Kavkazskoi voine i vyselenii cherkesov (adygov) v Turtsiyu (1848–1874). Chast' 2 [Archival materials on the Caucasian War and the eviction of Circassians (Adygs) to Turkey (1848–1874): in 2 parts. Part 2]. – Nalchik: El'-fa, 2003. – 413 p. (In Russian)

BERZHE A.P. *Vyselenie gortsev s Kavkaza* IN: *Russkaya starina* [Eviction of Highlanders from the Caucasus]. – 1882. – Vol. XXXVI. V. 10. – P. 1–32. (In Russian)

DUKHOVSKY S. *Materialy dlya opisaniya voyny na zapadnom Kavkaze. Dakhovskii otryad na yuzhnom sklone gor v 1864 godu* [Materials for the description of the war in the Western Caucasus. Dakhov's detachment on the southern slope of the mountains in 1864]. IN: *Voennyi sbornik*. – 1864. – Vol. 40. – No. 12. – P. 277–357. (In Russian)

FADEEV R.A. *Sobranie sochinenii. T. 1* [Collected Works] in 3 Volumes. Vol. 1]. – SPb.: Tip. V.V. Komarova, 1889. – 642 p. (In Russian)

GEINS K. *Pshehskii otryad s oktyabrya 1862 po noyabr' 1864 goda* [Psheh detachment from October 1862 to November 1864]. IN: *Voennyi sbornik*. – 1866. – Vol. 49. – No. 5. – P. 3–40. (In Russian)

Kavkazskaya letopis'. Novorossiisk [Caucasian Chronicle. Novorossiysk]. IN: *Kavkaz. Gazeta politicheskaya i literaturnaya*. – 1866. – No. 43. – P. 192–193. (In Russian)

Kavkazskaya letopis'. Sukhum [Caucasian Chronicle. Sukhum]. IN: *Kavkaz. Gazeta politicheskaya i literaturnaya*. – 1866. – No. 89. – P. 424–425. (In Russian)

KHATISOV I.P., ROTIN'YANTS A.D. *Otchet komissii po issledovaniyu zemel' na severovostochnom beregu Chernogo morya, mezhdru rekami Tuapse i Bzyb'yu* [Report of the Land Survey Commission on the Northeastern Shore of the Black Sea between the Tuapse and Bzyb rivers]. – Tiflis: tip. Melikova i K°, 1867. – 136 p. (Application to «Zapiski Kavkazskogo obshchestva sel'skogo khozyaistva»). – 1867. – No. 5/6) (In Russian)

Khronologicheskii ukazatel' voennykh deistvii russkoi armii i flota: v 5 tomakh. T. 4 flota [Chronological Index of Military Operations of the Russian Army and Navy: In 5 Volumes. Vol. 4] – Sankt-Peterburg: Tipo-litografiya Sankt-Peterburgskoi tyur'my, 1911. – 198 p. (In Russian)

KRIVENKO V.S. *Ocherki Kavkaza. Poezdka na Kavkaz osen'yu 1888 g.* [Essays on the Caucasus. A Trip to the Caucasus in the Fall of 1888]. – SPb.: tip. A.S. Suvorina, 1893. – 246 p. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V. *Problema massovogo vyseleniya cherkesov (adygov) v Osmanskuyu imperiyu (1858–1865 gg.) v rabotakh Rossiiskikh istorikov* [Problem of mass eviction of Circassians (Adygs) to the Ottoman Empire (1858–1865) in the works of Russian historians]. IN: *Izvestiya KBNTs RAN*. – 2014. – No. 1 (57). – P. 137–143. (In Russian)

MARZEI A.S. *Vyselenie adygov zapadnoi Cherkesii v Osmanskuyu imperiyu v period s 1862 po 1865 gody: opredelyayushchie faktory protsessa* [Eviction of the Adygs of Western Circassia to the Ottoman Empire during the period from 1862 to 1865: the determinants of the process]. IN: *Cherkesskii vopros: opyt, problemy, perspektivy nauchnogo osmysleniya. Materialy kruglogo stola* [The Circassian Question: Experience, Problems, and Prospects for Scientific Understanding. Materials of the round table]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskii institut biznesa, 2013. – P. 19–41. (In Russian)

OZOVA F.A. *Deportatsiya cherkesov v 1856–1864 gg.: plan i ego realizatsiya* [Deportation of the Circassians in 1856–1864: the plan and its implementation]. IN: *Klio*. – 2015. – No. 5 (101). – P. 59–70. (In Russian)

POLOVINKINA T.V. *Cherkesiya – bol' moya i nadezhda. Drevneishee vremya – nachalo XX veka* [Circassia is my pain and hope. Ancient times – beginning of the XX century]. – Nalchik: Izd. Kotlyarovykh, 2014. – 560 p. (In Russian)

Problemy Kavkazskoi voyny i vyselenie cherkesov v predely Osmanskoi imperii (20–70-e gg. XIX v.): Sb. arkh. dok. / Vyyavlenie, red. i komment. T.Kh. Kumykova [Problems of the Caucasian War and the Eviction of the Circassians to the Ottoman Empire (20–70 years of the XIX century). Collection of archival documents. Ed. by T.Kh. Kumykov]. – Nalchik: El'brus, – 2001. – 488 p. (In Russian)

RZHONDKOVSKY A. *Ekspeditsiya v Khakuchi, 1865 goda* [Hakuchi Expedition, 1865]. IN: *Kavkaz. Gazeta politicheskaya i literaturnaya*. – 1867. – No. 89, 91, 92, 93, 95–99. (In Russian)

SIVER A.V. *Kavkazskaya voyna i chernomorskie shapsugi: itogi voyny kak faktor etnicheskoi istorii* [The Caucasus War and the Black Sea Shapsugs: Results of the War as a Factor of Ethnic History]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2013. – No. 6 (56). – P. 196–202. (In Russian)

SKIBITSKAYA I.M. *Pereselenie adygov vo vzglyadakh russkogo komandovaniya* [Resettlement of Adygs in the views of the Russian command]. IN: *Golos minuvshogo*. – 2013. – No. 1–2. – P. 30–55. (In Russian)

SULTANYAN A.S. *Migratsii narodov Zapadnogo Kavkaza v Osmanskuyu imperiyu vo vtoroi polovine XIX veka: osnovnye prichiny* [Migrations of the Peoples of the Western Caucasus to the Ottoman Empire in the Second Half of the 19th Century: Main Reasons]. IN: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie: voprosy teorii i praktiki*. – 2012. – No. 7–2. – P. 161–165. (In Russian)

Ukaz imperatora Aleksandra II za № 47745 ot 4 dekabrya 1869 g. «O prisvoenii 36-ti poseleniyam 1-go, 2-go, 3-go, 4-go i 21-go Kavkazskikh lineinykh batal'onov i roty 17-go batal'ona, vodvorennykh na yuzhnoi i severnoi pokatostyakh Glavnogo Kavkazskogo khrebt – v raionakh Kubanskoi oblasti, Chernomorskogo okruga i Sukhumskogo otdela, osobykh naimenovaniy» [Decree of Emperor Alexander II No. 47745 of December 4, 1869 "On designating 36 settlements of the 1st, 2nd, 3rd, 4th and 21st Caucasus linear battalions and company of the 17th battalion, planted on the southern and northern slopes of the Main Caucasus Range – in areas of Kuban region, Black Sea district and Sukhumi department, with special names"]. IN: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI). Sankt-Peterburg, 1830–1884. Sobranie II. T. XLIV* [Complete Compilation of the Laws of Russian Empire. St. Petersburg, 1830–1884. – Collect. II. Vol. XLIV]. – Sankt-Petersburg, 1873. – No. 47745. – Part 3. – P. 775. (In Russian)

VASILEV E. *Ekspeditsiya v Zemlyu Khakuchei* [Expedition to the land of the Hakuchi]. IN: *Voennyi sbornik*. – 1872. – Vol. 86. – No. 8. – P. 259–274. (In Russian)

VERESHCHAGIN A.V. *Istoricheskii obzor kolonizatsii Chernomorskogo pribrezh'ya Kavkaza i ee rezul'tat* [Historical overview of the colonization of the Black Sea coast of the Caucasus and its results]. – SPb.: tip. «Obshchestvennaya pol'za», 1885. – 36 p. (In Russian)

VERESHCHAGIN A.V. *Putevye zametki po Chernomorskomu okrugu* [Travel notes on the Black Sea region]. – M.: tip. N.N. Mamontova, 1874. – 204 p. (In Russian)

VOLKOVA N.G. *Etnicheskii sostav naseleniya Severnogo Kavkaza v XVIII – nachale XX veka* [Ethnic Composition of the North Caucasus Population in the 18th and Early 20th Centuries]. – M.: Nauka, 1974. – 275 p. (In Russian)

VOLKOVA N.G. *Etonimy i plemennye nazvaniya Severnogo Kavkaza* [Ethnonyms and tribal names of the North Caucasus]. – M.: Nauka, 1973. – 208 p. (In Russian)

ZUBARIEV R.B. *Prichiny i obstoyatel'stva mukhadzhirstva chasti naseleniya Severnogo Kavkaza v Osmanskuyu imperiyu v 50–90 gg. XIX veka* [Reasons and Circumstances of Muhajirs of the North Caucasus Population to the Ottoman Empire in the 50–90 Years of the 19th Century]. IN: *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. – 2017. – No. 2. – P. 52–58. (In Russian)

GAKK – *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya* [State Archive of Krasnodar Region]. (In Russian)

RGVIA – *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive]. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Средневековая и новая история**

УДК 94(470.6)

DOI 10.31143/2542-212X-2021-3-63-81

**СЦЕНАРИИ ВЕРНОПОДДАННИЧЕСТВА В ОТНОШЕНИЯХ
КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ С ИМПЕРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ:
СИМВОЛИКА, ПРАГМАТИКА, ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ****Д.Н. ПРАСОЛОВ**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр РАН»*

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

E-mail: dmpрасолов@gmail.com

Аннотация. Включение кабардинцев и балкарцев в административно-политическое пространство Российской империи сопровождалось формированием в их политической культуре общественных практик, связанных с выражением преданности династии Романовых. В рамках военно-народного управления одним из наиболее распространенных способов оформления верноподданнических изъявлений выступали съезды доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских (балкарских) обществ. На основе архивных документов и материалов периодической печати рассматривается формирование символической и практической составляющей сценария верноподданничества. Его ключевыми символами выступали «народное знамя», пожалованное Николаем I в 1844 г., и исторические примеры, которые подчеркивали глубокую историческую традицию службы российскому престолу начиная с Ивана IV. Практическая сторона верноподданничества предполагала регулярные подтверждения готовности мобилизовать человеческие и финансовые ресурсы общества. Анализ сюжетов позволил выявить последовательный прагматизм в использовании акций выражения верности престолу для благоприятного для разрешения актуальных общественных проблем. Такой подход во взаимоотношениях с имперскими властями продемонстрировал определённую практическую эффективность. 21 мая 1889 г. состоялось «высочайшее пожалование» Александром III в постоянное и неотъемлемое пользование кабардинцев и пяти горских (балкарских) обществ Зольских и Горных пастбищ на условиях соблюдения верноподданничества. С 25 августа 1905 г. произошло административное воссоединение Большой и Малой Кабарды в составе Нальчикского округа.

Ключевые слова: кабардинцы; балкарцы; Нальчикский округ; Терская область; Кавказское наместничество; съезд доверенных; верноподданничество.

SCENARIOS OF LOYALTY IN THE RELATIONS OF KABARDINIANS AND BALKARS WITH THE IMPERIAL ADMINISTRATION: SYMBOLISM, PRAGMATICS AND POLITICAL EFFECT

D.N. PRASOLOV

*Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budget Scientific Establishment
«Federal Scientific Center 'Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of
Sciences'»*

360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18

E-mail: dmprasolov@gmail.com

Abstract. The inclusion of Kabardinians and Balkars in the administrative and political space of the Russian Empire was accompanied by the formation in their political culture of public practices related to the expression of loyalty to the Romanov dynasty. Within the framework of military-popular administration one of the most widespread ways of registration of loyalty declarations were congress of entrusted of Great and Minor Kabarda and five mountain (Balkar) societies. Based on archival documents and periodical press materials, the formation of the symbolic and practical component of the loyalty scenarios is examined. Its key symbols were the "people's banner", granted by Nicholas I in 1844, and historical examples, which emphasized the deep historical tradition of serving the Russian throne, starting from Ivan IV. The practical side of loyalty implied regular confirmations of readiness to mobilize the human and financial resources of society. An analysis of the stories revealed a consistent pragmatism in the use of actions of loyalty to the throne for the favorable resolution of urgent social problems. Such an approach in relations with the imperial authorities has demonstrated a certain practical effectiveness. On May 21, 1889, Alexander III bestowed Kabardians and five mountain (Balkarian) societies of Zolsky and Gorny pastures under the condition of allegiance. Since August 25th, 1905 there was an administrative reunion of Great and Minor Kabarda in structure of Nalchiksky area.

Keywords: Kabardians; Balkars; Nalchik District; Tersky Oblast'; Caucasian Viceroyalty; congress of entrusted; loyalty.

Проявления политической культуры, связанные с взаимными коммуникациями народов Российской империи и династии Романовых, активно исследуются в новейшей историографии. Общие формы и принципы ритуальной практики представления монархической семьи своим подданным подробно рассмотрены в классической работе Р. Уортмана [Уортман 2004]. Общие и некоторые особенные черты взаимной репрезентации имперской власти и народов национальных окраин в широком сравнительно-историческом контексте Московского царства и Российской империи, в том числе и на Северном Кавказе, проанализированы В.В. Трепавловым [Трепавлов 2018]. Исследованиям языка верноподданничества как части политической риторики посвящен недавний номер «Нового литературного обозрения», статьи которого помещают данный аспект политической культуры в фокус интеллектуальной истории [Атнашев, Велижев 2021; Долбилов 2021]. На материалах истории Кабарды С.Н. Бейтуганов рассматривал отдельные эпизоды проявления верноподданничества, однако не увидел их развития от «меры подчинения кабардинских князей» для русских военных властей, и «тактической уловки,

как средства ведения войны» для кабардинцев [Бейтуганов 2007: 30, 153, 163–170, 541] до политического обыкновения, обеспечивавшего символическим капиталом все прямые и опосредованные контакты кабардинской элиты с династией Романовых. Столичные церемониальные традиции, связанные с участием горцев Северного Кавказа в коронациях, рассмотрены в статье М. Арсанукаевой [Арсанукаева 2015]. В статье Е.Г. Муратовой верноподданнические практики показаны в контексте включения кабардинцев и балкарцев в социокультурное пространство Российской империи в первой половине XIX в. [Муратова 2018]. Специфика формирования и проявления имперских идентичностей в мероприятиях народов Терской области, связанных с памятливыми датами в календаре императорской фамилии, в частности, с 300-летним юбилеем династии Романовых, описаны М.З. Саблировым [Саблиров 2001: 63–66] и А.П. Рыжовой [Рыжова 2020].

Выявленные архивные источники и материалы периодической печати позволяют дополнить новыми деталями характеристику и оценки символического и политико-культурного содержания верноподданнических практик через деятельность местного самоуправления кабардинцев и балкарцев. Ситуативные и регулярные праздники, политические ритуалы включались в репрезентацию имперского политического порядка, в котором происходило соприкосновение политических границ сообществ различного уровня. Использование в публичной и письменной риторике оборотов верноподданства свидетельствовало об усвоении инструментария официальной вербальной коммуникации, свойственной российской имперской политической культуре. Сравнительное рассмотрение таких практик может показать особенности выстраивания этническими элитами особых стратегий во взаимоотношениях с династией Романовых. Для более точного понимания содержательных нюансов языка региональной публичной политики иногда требуется использование подробных цитат из архивных документов и материалов периодической печати.

В феврале 1843 г. депутаты кабардинского временного суда обратились к командующему Центра Кавказской линии генерал-майору кн. В.С. Голицыну с выражением готовности «почетнейших людей Кабарды доказать на деле правительству преданность» [Бейтуганов 2007: 162]. В сентябре 1843 г. стало известно, что Николай I оценил преданность «кабардинских жителей, которые, хотя и не имели еще случая оказать особенных подвигов в делах противу неприятеля, но, тем не менее, показывают всегдашнюю готовность их к сбору по распоряжению начальства, для действий противу непокорных горцев, Всемилостивейше соизволил пожаловать им знамя» [УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 252. Л. 1].

Массовые мероприятия, организованные в Нальчике по поводу «высочайшего пожалования», в конце 1843 – первой половине 1844 гг. положили начало новым верноподданническим традициям, определявшим характер взаимоотношений кабардинцев с династией Романовых до начала XX в. Подробные отчеты о нальчикских празднествах отразились в документальном делопроизводстве Центра Кавказской линии.

Информативность этих источников позволяет оценить специфику формирования организационных принципов и ритуализации верноподданнических практик. Бюрократический и публицистический язык описания общественно-политических мероприятий и вербальные клише верноподданнических изъявлений, конечно, отражали главным образом официальный, формализованный уровень политической культуры. Несмотря на известную стандартизацию и фильтрацию этих практик, осуществляемую Министерством императорского двора, регулярные и особенно ситуативные проявления верноподданничества требовали от представителей коронной власти на различных уровнях внимательного и гибкого подхода в реагировании на демонстрации преданности дому Романовых [Долбилов 2021: 22–23].

В октябре 1843 г. о пожаловании почетного знамени «объявлено было народу», представители которого попросили ходатайствовать В. Голицына «о позволении отправить в Санкт-Петербург депутацию от кабардинского народа для принесения у подножия престола всеподданнейшей благодарности за оказанную им милость». Излагая свои соображения о целесообразности этой акции, начальник Центра Кавказской линии посчитал полезной такую поездку, поскольку «рассказы депутатов, по большей части маститых стариков, когда они возвратятся из столицы, послужат к убеждению всей страны, сколь непомерно велико могущество России и сверх того заставит возмутителя отложить последнюю надежду к возбуждению в Кабарде смуты и предательства» [УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 252. Л. 3–3 об.]. Таким образом, визит в столицу рассматривался как средство произвести впечатление на кабардинских представителей, чтобы использовать их влияние на общественное мнение соотечественников как дополнительный идеологический аргумент для убеждения в лояльности.

После торжественного объявления о пожаловании знамени при собрании депутатов Кабардинского временного суда, князей и старших узденей в крепости Нальчик, по описанию В. Голицына, восприняв новость «с неизъяснимым восторгом», присутствующие решили организовать верноподданнический народный праздник в день тезоименитства Николая I. Мероприятия 6 декабря 1843 г. подробнейшим образом и очень эмоционально были описаны в рапорте начальника Центра Кавказской линии. Они были реализованы как своеобразный культурный гибрид, сочетавший локальные маркерные традиции и элементы общеимперского военно-праздничного церемониала с участием владельцев всех кабардинских аулов и «старшин» соседних горских обществ: чегемцев, балкарцев и дигорцев. Описывая следующий день, Голицын отмечал: «Почетные из кабардинцев и других племён собрались у меня и благодарили снова за невиданный доселе приём и радушное угощение, о котором известие скоро долетело во внутренности гор – потом все разъехались по домам, довольные и прославляя щедрость великого монарха России, отыскивающего в отдалённых пределах неизмеримой империи своей, заслуги верных слуг кабардинцев для оказания им милости, которой справедливо гордиться будут их поздние потомки». В заключении пространного описания кн. Голицын высказался о практической значимости

организованных мероприятий: «Празднества, которым признательная Кабарда ознаменовала радость свою за Высочайшее благоволение ей оказанное, должно иметь полезное влияние на горские народы, я постарался его учредить в таком размере, чтобы оставить о нем память в крае» [УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 252. Л. 5–7].

В начале января 1844 г. была составлена депутация кабардинских князей, дворян и представителей духовенства. В переписке, сопровождавшей отбор участников, В. Голицын отмечал: «Сколько я мог понять, то главная цель просьб депутации заключаться будет в Всемиловейшем утверждении за Кабардою земель между речками Этокою и Золкою» [УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 252. Л. 31 об.]. Таким образом, верноподданническую акцию рассматривали как возможность обратиться к императору по поводу пастбищного вопроса, инициированного еще в июле 1842 г., когда народным сбором «по доверенности народа кабардинского» было решено обратиться к военному министру А.И. Чернышеву с прошением о возвращении кабардинцам пастбищ по рекам Малке, Золке и Этоко [Территория... 1992: 39–42].

2 марта в Петербурге Николай I лично вручил представителям Кабарды знамя и удостоверяющее его грамоту. Тогда же император принял «всеподданнейшее прошение ... о вечном закреплении за кабардинским народом издавна состоящих во владении его пастбищных мест по рекам Золке и Этоке» и словесно одобрил его [Баев 1905: 2].

По возвращении депутации 4 мая 1844 г. в Нальчике праздничные мероприятия продолжились. По распоряжению кн. Голицына торжественная встреча знамени с военным парадом, салютом и массовым угощением были организованы «на счет общественной кабардинской суммы», что по оценке начальника Центра Кавказской линии должно было способствовать «сближению более и более жителей Кабарды с русскими» [УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 388. Л. 6–6 об.]. В дальнейшем кабардинский общественный капитал стал главным источником финансирования верноподданнических практик.

Роль местного представителя коронных властей в организации верноподданнических мероприятий всегда была значимой, что подробно отражалось в делопроизводственной переписке с многочисленными согласованиями по составу участников и церемониальному сценарию. Однако усердие В. Голицына не только в организации первых местных демонстраций благодарной преданности монарху, но прежде всего в чрезмерно подробном и эмоциональном описании проведенных празднеств, очевидно, превысило разумные рамки бюрократического протокола. Начальнику Центра Кавказской линии поставили на вид, что достаточно было сообщить «только о получении знамени и грамоты» и в мае 1844 г. «за отступление от службы» вынесли выговор [УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 388. Л. 7–7 об.].

Полученная кабардинцами воинская реликвия закрепляла новые обязательства монаршей службы, предполагавшие использование мобилизационных возможностей кабардинского общества «при ополчении против неприятных Империи Нашей народов» [Кудашев 1913: 126–127].

Пожалования аналогичных воинских регалий были одним из системных средств укрепления верноподданнических ориентаций среди лояльных престолу горских народов. Народное знамя и грамота в 1840 г. были дарованы ингушам [Грабовский 1876: 13], а в 1845 г. осетинам [Баев 1991: 16–17]. В свою очередь пожалованное знамя, как престижный атрибут сопричастности к имперской военной и политической культуре, впоследствии стало ключевым символом верноподданнических мероприятий. Например, инструкцией по случаю ожидаемого проезда цесаревича Александра Николаевича в сентябре 1850 г. предписывалось: «Почетные лица всех фамилий должны быть собраны в Нальчике и ожидать прибытия Его Высочества в 2-х верстах от Нальчика, имея при себе знамя, Кабардинскому народу пожалованное» [УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 2. Д. 123. Л. 2 об.].

Иррегулярные подразделения, в составе которых были кабардинские и балкарские всадники, отправлялись со знаменем на русско-турецкую войну 1877–1878 гг. и Первую мировую войну [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 75. Т. 1. Л. 114]. При знамени начальник Терской области объявил в Нальчике представителям Кабарды и пяти горских обществ о «высочайшем пожаловании» 21 мая 1889 г. Александром III в их постоянное и неотъемлемое пользование Зольских и Горных пастбищ [Слобода Нальчик... 1889]. В мае 1913 г. на праздновании в Нальчике 300-летия династии Романовых знамя выставлялось вместе с портретом императора и шкатулкой, в которой хранилась грамота 1844 г. [УЦГА АС КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 40. Т. 1. Л. 91].

Словесно заявленное и документально оформленное верноподданство впредь подлежало регулярной аттестации и сомнение в его достоверности служило поводом к ограничениям со стороны коронных властей. Так, реализация обещанного закрепления Зольских пастбищ была приостановлена после того, как в апреле 1846 г., по оценке Кавказского наместника кн. М. Воронцова, «кабардинцы не вполне оказали преданность России при вторжении Шамиля». Поэтому было предложено «не выдавать им акт на закрепление за ними этой земли, а оставить таковую лишь во временном их пользовании» [Аграрные... 2008: 65–67].

Сомнения в преданности российскому престолу при общей оценке лояльности российскими военными властями повышали вероятность дополнительных репутационных рисков для кабардинцев. В 1860 г. переселенческие настроения среди части привилегированных сословий Кабарды, увлекающей население в Османскую империю, стали поводом для генерала Н. Евдокимова выразить сомнения в верноподданстве кабардинцев в рапорте к начальнику главного штаба Кавказской армии Д. Милютину [Бейтуганов 2007: 652]. Поэтому во избежание утраты доверия требовались регулярные изъявления верноподданства, особенно ценные в форме демонстрации мобилизационной готовности.

23 августа 1863 г. начальник Кабардинского округа сообщил о поданном ему «почетными представителями жителей» письме с выражением «верноподданнических чувств народа» Александру II. Неотъемлемым элементом риторического и символического канона демонстрациям

преданности правящей династии стала апелляция к многовековым традициям кабардино-русского взаимодействия. Очевидно, что артикулируемая галерея образов прошлого должна была усиливать эффект для политического убеждения монархии в лояльности народа, а под ее впечатлением – содействовать благоприятному разрешению социально-экономических проблем текущего момента. В рассматриваемом документе историческая ретроспекция начиналась с напоминания об участии кабардинцев в сражении при Дебрецене 1849 г. и в кампании на Висле 1831 г., где «весь Кавказско-горский полуэскадрон без исключения получил Георгиевские кресты за взятие штурмом Варшавы» [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 576. Л. 2–2 об.]. Но эксклюзивным историческим фактом, отличавшим многие верноподданнические мероприятия кабардинцев и в дальнейшем, становятся упоминания о родственных отношениях с первым русским царем. В обращении говорилось: «Народные наши предания заповедали нашим горам не жалеть жизни за Русского Царя; так указал отцам нашим Великий Предок Твой Иоанн III-й [правильно – Иван IV. Интересно, что при последующей публикации всеподданнейшего адреса в газете «Русский инвалид» ошибка сохранилась. – Д.П.], удостоивший племя наше своим родством. У нас говорят: «"Сделать все можно, нельзя только расстаться с Баксаном и Русским Царем"; река же Баксан составляет сердце Кабарды». В письме, которое подписали «93 человека князей, узденей и вольноотпущенников», выражалась готовность принять участие в действиях против восстания, начавшегося в Польских губерниях Российской империи в январе 1863 г. Причем, готовность к мобилизации заявлялась с еще большим всеобщим единодушием, превосходящим прежние военные традиции: «По обычаям нашим, доселе сражались одни знатные наши люди, а народ оберегал от нападений враждебных соседей свои дома и семейства; Твоими же, Государь, попечениями страна наша обильна, успокоена и обеспечена; повели, выйдем все – и князья, и дворяне, и вольные люди; и тогда только пустим скакунов наших отдыхать на родных пастбищах, когда забывшийся в далеких от нас странах народ возвратится к милосердному Твоему прощению, а восстающие соседи сознают Твою справедливость» [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 576. Л. 2–2 об.].

С. Бейтуганов полностью опубликовал архивный текст письма, однако при его анализе его заинтересовало только лишь упоминание в документе исторического фольклорного артефакта о необходимости сохранять верность русскому царю и Баксану [Бейтуганов 2007: 30–31]. Тем самым вне его исследовательского внимания остались существенные детали и политико-культурный контекст этого этапного события в развитии традиции верноподданнической коммуникации кабардинцев и династии Романовых.

Упоминание в письме пастбищ представляется не случайным, как и всеобщность верноподданнического волеизъявления. Формат организации общественного решения о письме источники не объясняют, однако можно предположить, что это произошло на съезде доверенных Большой и Малой Кабарды, проходившем в те же дни в слободе Нальчик. 20 августа 1863 г. созванные председателем Терской сословно-поземельной комиссии

Д. Кодзоковым «кабардинские князья, уздени, вольные люди и черный народ, доверенные от наших аулов, приглашенные ... для обсуждения общественных наших дел» приняли Акт, которым признали: «Земля кабардинского народа составляет общее наше достояние и мы желаем ею пользоваться на общинном праве владения и в тех взаимных отношениях, при каких издревле жили мы кабардинцы, по нашим народным обычаям, нам оставленными в своей силе» жалованными грамотами Екатерины II и Александра I. К заявленному общественными доверенными прибавлялась просьба об остающемся актуальным пастбищном вопросе: «Чтобы от щедрот Монарших дарованы были нам земли по Золке и Этоке, отданные нам в 1845 году в пользование и для хозяйства нашего крайне нужные; а равно приведены в положительную известность границы кабардинских земель со стороны горцев, осетин, карачаевцев, казачьих и кордонных дач с утверждением за нами Высочайшим Его императорского Величества соизволением и выдачею нам на оную плана». Акт 20 августа 1863 г. оформлял исходные условия начинавшихся в округе земельных и сословных реформ, к которым доверенные просили приступить с вниманием к общественному волеизъявлению «по устройстве поземельных и личных наших прав» [УЦГА АС КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Т. 1. Л. 13–13об.].

Кажется не случайным, что Акт, составители которого рассчитывали на сохранение сословных и поземельных отношений, «при каких издревле жили» кабардинцы, был составлен в одно время с очередным выражением преданности престолу, актуализированным, к тому же, прежними заслугами в умиротворении предыдущего польского восстания. Интересно, что Акт подписали в общей сложности 28 представителей кабардинского общества и они известны персонально, а поименный список авторов письма Александру II не сохранился, кроме указания их количества, которое, по неизвестным причинам, сократилось с 93 до 88 к моменту подачи адреса императору. По сообщению газеты «Русский инвалид», 11 октября 1863 г. в Ливадийской резиденции в Крыму Александр II принял «приехавшие с Кавказа депутации для поднесения Его Императорскому Величеству всеподданнейших адресов от Кабарды и Осетии» [Русский инвалид... 1863: 1]. Сообщение о приеме представителей кабардинцев и осетин, выразивших «готовность идти на защиту государства от угрожавшей ему опасности», оставил и очевидец – генерал-адъютант и на тот момент уже военный министр Д.А. Милютин [Милютин 2003: 288].

В рассмотренном сюжете очевидны свидетельства усвоения кабардинской элитой правил игры в рамках патерналистских и подданнических традиций политической культуры Российской империи. Отразившиеся здесь риторические и ритуальные особенности сценариев верноподданства, как результативного способа взаимной коммуникации с российским престолом, использовались неоднократно и в дальнейшем, что было продемонстрировано уже в ближайших официальных событиях.

1 ноября 1863 г. на северной границе Кабардинского округа встречали наместника на Кавказе великого князя Михаила Николаевича: «народные судьи, почетные князья, уздени, старики, имея при себе Высочайше

пожалованное» в 1844 г. знамя. Выбор участников церемониала соответствовал традиционным и новым престижным критериям, учитывавшим административно-судебные должности, воинские звания, сословный статус и почтенный возраст. В представлении общества участвовали не только лучшие из подданных, но и лучшее из их достояния. Для внушительности впечатлений в ходе проезда до Нальчика младшего брата царя удивляли «нарочно пригнанными стадами кабардинских табунов, придавших много одушевления широкому простору Кабарды, а ловкие табунщики показывали свою удаль: между прочим они отделили от табуна несколько лошадей и так искусно направили их бег, что метко брошенный аркан остановил одного из коней у самого экипажа Их Высочеств». Демонстрация имущественного достатка, как для Наместника, так и для местных властей, являлась способом воочию убедиться в благополучии подданных, как свидетельстве результативности своего управления.

В окружном центре в ходе обеда, к которому «приглашены были шесть кабардинцев, по народному выбору», состоялся ритуальный обмен приветствиями. В ответ на выражение «признательности и верноподданнической преданности Государю Императору» Михаил Николаевич высказал уверенность «в искренности чувств благородного кабардинского народа и что кабардинцы на деле всегда докажут себя достойными считаться детьми Великого Государя». На следующее утро, как «посильное выражение народного усердия в память пребывания в Кабарде Царского семейства», наместнику подвели кабардинского коня с изящным седлом, а влиятельнейший полковник князь Атажуко Атажукин «поднес фамильную шашку, оправленную в черкесском вкусе». Принятие народных подарков Михаилом Николаевичем корреспондент газеты «Кавказ» описал следующими словами: «Дары эти, олицетворяя в себе символ кабардинской жизни, не могли быть отринуты и Его Высочество опоясав шашку, и сев на подведенную ему лошадь, объехал крепость» [Путешествие... 1863: 2–3].

28 января 1864 г. более 20 офицеров из кабардинской и балкарской аристократии Кабардинского округа выразила начальнику Терской области М.Т. Лорис-Меликову готовность принять участие в действиях по противодействию волнениям в Чечне [РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 30. Л. 3–4].

В путешествии по Терской области в августе 1871 г. Александра II и наследника Александра Александровича приветствовали «кабардинские князья и уздени и высшее сословие со всеми почетными лицами осетинского племени, также под жалованными этим двум племенам, за их постоянно верную службу, знаменами». Не типичную для местной культуры светскость этому политическому событию придавало участие на балу у начальника Терской области «почетнейших дам» в национальной одежде, среди которых особенное внимание привлек «своеобразный костюм княгинь Наурузовой и Касаевой и нескольких прибывших с ними девиц почетнейших кабардинских фамилий» [Заметки... 1871]. И вновь встреча с императором предоставила возможность заявить локальный земельный вопрос. Депутаты Малой Кабарды использовали этот визит для обращения по поводу сохранения в общественном пользовании

земель между реками Терек и Курп [УЦГА АС КБР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 275. Л. 54–55].

30 октября 1876 г. Александр II выступил с жесткой критикой политики Османской империи по отношению к подданным ей славянским народам, а на следующий день была объявлена мобилизация, сопровождавшаяся, однако, заявлениями о нежелании развязывать войну [Уортман 2004: 192]. 11 декабря 1876 г. начальник Пятигорского округа В. Мазараки обратился к начальнику Терской области А. Свистуну с рапортом, где сообщал о просьбе доверенных кабардинского народа, возникшей «вследствие выхода из пределов области Терско-Горского конного иррегулярного полка [сформирован из осетин и ингушей в конце ноября 1876 г. – Д.П.] и дурных слухов, касающихся до ненадежности Кабарды». Согласно рапорту, «почетнейшие из кабардинцев, убедившись в готовности народа принести посильную пользу Его Императорскому Величеству Государю Императору, просят Ваше Превосходительство разрешить подать верноподданнический адрес Его Величеству с изъявлением полного желания, в случае надобности, по первому велению Государя Императора стать против врагов Его Величества, жертвуя жизнью и всем своим состоянием в защиту Престола и требований Его Императорского Величества». По словам начальника округа, «почетнейшие из Кабардинцев ждут разрешения Вашего о сборе народа для составления адреса Государю Императору, повергая на усмотрение Вашего Превосходительства разрешить подать адрес лично Его Величеству, назначив для этого депутацию или представить Вашему Превосходительству» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 2. Д. 431. Л. 1–2].

4 декабря было получено разрешение наместника Михаила Николаевича «собрать кабардинское общество для исполнения желания их» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 2. Д. 431. Л. 4]. 18–20 декабря в слободе Нальчик состоялся ежегодный съезд доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ. Помимо регулярного избрания состава окружного Горского словесного суда был рассмотрен и вопрос об утверждении «всеподданнейшего адреса с выражением готовности на всякие жертвы» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 2. Д. 431. Л. 3].

23 декабря 1876 г. великому князю Михаилу Николаевичу был представлен «адрес от кабардинцев» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 2. Д. 431. Л. 8]. 26 января 1877 г. газета «Кавказ» опубликовала ряд обращений от различных сообществ Кавказского края «с выражением верноподданнических чувств по случаю настоящих событий», по поводу которых от императора поступило распоряжение: «Благодарить всех и публиковать».

Обращение кабардинцев содержало ряд коммеморативных ссылок, придающих историческую внушительность традиции их верноподданства российскому престолу: «Всемилодивейший Государь! Более полутора лет Кабардинский народ находится в милостивом подданничестве Великих

Императоров России¹. Ныне до нас дошли слова Твои, Великий Государь, сказанные в первопрестольной столице.

Во время посещения Твоего, Император, города Владикавказа в 1871 году, мы высказали Тебе, Благодетель, готовность нашу во всякое время стать против врагов Твоих.

Позволь и теперь, Государь, привести Тебе, Освободителю, наши верноподданнические чувства, и будь уверен, Государь, по первому Твоему повелению готовы идти против неисполняющих Твоих человеколюбивых требований.

Клянемся, Император, что, если представится надобность, мы готовы по первому Твоему слову жертвовать жизнью и всем достоянием нашим в защиту Тебя, Великий наш Кабардинский князь, и Твоего Императорского Престола. Декабря 18 дня 1876 года, в слободе Нальчик» [Кавказ... 1877: 1].

В конце января 1877 г. под впечатлением от реакции горцев Терской области на назревающую войну с Турцией в редакционной статье газеты «Кавказ» всячески опровергались домыслы столичной прессы о нелояльности российскому престолу кабардинцев, осетин, ингушей и чеченцев [Современные отношения... 1877].

В середине февраля 1877 г. был сформирован Кабардино-Кумыкский конно-иррегулярный полк, принявший участие в кампании Российской империи против Турции на Закавказском театре военных действий. В этих мероприятиях проявилась не только мобилизационная готовность кабардинцев, но и демонстрация лояльности ввиду сохранявшихся связей с единоверцами и соотечественниками, уходившими в предыдущие десятилетия в пределы Османской империи. Этот вопрос особенно актуализировался в связи с восстанием в Абхазии, а также в Чечне и Дагестане весной – осенью 1877 г. В конце мая 1877 г. появились сведения, что в Сухуме ожидается высадка турецкого десанта из кавказских мухаджиров, который, возможно, через Сванетию и Кабарду попытается прорваться в Чечню. Для противодействия этому кавказским командованием было предложено сформировать еще один полк, «в состав которого должны были войти преимущественно почетные жители Кабарды». Однако ее мобилизационные возможности были не безграничны, что понималось и руководством Терской области. А. Свистунов писал впоследствии, что «по желанию кабардинцев, очень недавно понесших чувствительные жертвы людьми и деньгами на формирование полка (Кабардино-Кумыкского), уже находившегося вне пределов области, предложение это, как совершенно несвоевременное, было отклонено». Организовать оборону округа со стороны Сухума «кабардинцы обязались посредством выставления в потребном числе местной милиции» [А.С. 1896: 81–82].

Вне периодов военных тревог акции верноподданничества продолжали использоваться для обращений к властям по наиболее актуальным для

¹ Вероятно, здесь имеется в виду грамота Петра I от 4 марта 1711 г. о принятии кабардинского народа в подданство России [КРО 1957: 3].

общества проблемам. И вновь при подтверждениях мобилизационных обязательств напоминались исторические сюжеты, подчёркивающие особенный характер взаимоотношений Кабарды с русским престолом, а для репрезентации преемственности традиции государственной службы применялись впечатляющие наглядные образы. В описании встречи во Владикавказе в 1888 г. Александра III с представителями народов Терской области В. Потто особо отметил 108-летнего Эльмурзу Анзорова, который был «еще в конвое Ермолова; он явился одетый, как всегда, в свой знаменитый в Кабарде, панцирь, который был на предке его, Догужии, в то время, когда Грозный брал Астрахань» [Потто 1889: 43]. В продолжении встречи в словах Э. Анзорова, переведенных на русский язык генералом Т. Шипшевым, прозвучало протокольно необходимое верноподданническое заявление: «Мы были всегда верными Тебе кабардинцами. Повелишь – и мы поголовно пойдем против врагов Твоих» [Потто 1889: 47].

Воспользовавшись аудиенцией, «представители от сельских обществ Большой и Малой Кабарды подали на высочайшее имя прошение об окончательном закреплении за кабардинским народом на праве собственности запасных пастбищных земель и лесов» [Аграрные... 2008: 76–82]. Вскоре после этой встречи стало известно о «высочайшем пожаловании» Александром III 21 мая 1889 г. в постоянное и неотъемлемое пользование кабардинцев и пяти горских (балкарских) обществ Зольских и Горных пастбищ, «до тех пор, пока означенное население будет вести себя, как приличествует верноподданным Его Императорского Величества» [Аграрные отношения... 2008: 84–86]. Это событие стало наиболее результативным итогом многолетнего диалога кабардинцев с правящей династией по пастбищному вопросу. После торжественного объявления об этом на съезде доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ 23 июня 1889 г. народными представителями был принят общественный приговор об установлении 21 мая регулярных окружных празднеств с выражением народной благодарности Александру III [Слобода Нальчик... 1889].

Неожиданное проявление верноподданничества произошло в окружном центре в конце декабря 1905 г. В Нальчике произошли волнения, вызванные слухами о приближающихся погромах. Многонациональное население слободы и близлежащих кабардинских селений под предводительством князя Измаила Атажукина стихийно мобилизовалось с целью самообороны. Сообщая о последующих попытках окружных властей представить локальные недоразумения как революционный мятеж и вооруженное восстание, автор «Русского слова» иронично замечал: «О том, насколько слобожане были проникнуты "революционными идеями", видно из того, что по окончании "бунта своего" они послали на имя Государя телеграмму с выражением верноподданнических чувств» [Владикавказ... 1906].

И даже вполне гражданские, культурно-просветительские мероприятия сопровождалась мобилизационной верноподданнической риторикой. В 1911 г. на торжествах по случаю закладки нового здания Нальчикского реального училища от имени Кабарды и балкарских обществ выражалась благодарность

Николаю II за спокойствие «под защитой его твердой власти», и готовность «чутко прислушиваться к желанию русского царя и не остановимся ни перед какими жертвами, которые окажутся нужны Его Величеству» [Торжество закладки... 1911: 11]. 20 октября 1913 г. в Нальчике состоялось торжественное открытие нового здания Реального училища, которому в память о пожаловании 21 мая 1889 г., присвоили имя Александра III. Празднество стало поводом выразить в телеграмме Николаю II решимость «на всякую минуту принести не только все свое достояние, но и самую жизнь к подножию Престола Вашего Величества» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1391. Л. 2].

В ходе подготовки мероприятий, приуроченных к 300-летию правления династии Романовых по приговору доверенных кабардинского народа и пяти горских обществ известному краеведу П.Л. Юдину из кабардинской общественной суммы выделили средства «для работы в московских архивах по отысканию материалов к истории кабардинского народа с условием составления по этому поводу особой докладной записки» [К истории... 1913]. Вскоре за счет общественного капитала, как «издание кабардинского народа», была опубликована брошюра «Верность кабардинцев русскому престолу...», содержание которой дополнило известные коммеморативные сюжеты историей о последовательной приверженности кабардинских князей царской династии Романовых [Верность кабардинцев... 1913].

3 мая 1905 г., в приветственном адресе Кавказскому наместнику И.И. Воронцову-Дашкову, врученном на железнодорожной станции Беслан, доверенные от Малой Кабарды напоминали: «Еще в седой глубине веков при царе Иване Грозном Кабарда завязала мирные сношения с Россией, а в 18-м столетии наш народ признал добровольно над собою власть русского правительства и отдал себя под высокое покровительство русских государей и высочайшие милости к нашему народу тогда же были отмечены в грамотах императрицы Екатерины II и императора Александра I». Здесь же подчеркивалось, что «в титуле русских царей и императоров начиная с царя Ивана Грозного красуются дорогие для каждого кабардинца слова – "Государь кабардинской земли"» [К путешествию... 1905]. В этом обращении верноподданнические исторические ретроспекции вновь получили прикладное применение в рамках ходатайства об административном воссоединении Малой и Большой Кабарды. С 25 августа 1905 г. 9 малокабардинских сельских обществ, с 1888 г. находившихся в составе Сунженского отдела Терской области, приказом И.И. Воронцова-Дашкова были присоединены к Нальчикскому округу [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 668. Л. 65].

С началом русско-японской войны мобилизационный сценарий верноподданства в деятельности окружного самоуправления дополняется ассигнованием средств Кабардинской общественной суммы. Областными властями особенно подчеркивалась необходимость придания этим расходам инициативы со стороны сельских обществ. В телеграмме от 29 февраля 1904 г. начальник области распорядился начальнику округа: «По просьбе многих кабардинцев назначаю на 15 марта съезд их выборных в Нальчике для обсуждения вопроса о пожертвовании кабардинского народа на нужды войны»,

с условием, «чтобы вопрос этот предварительно обсудили на сельских сходах». Поэтому специальные полномочия доверенных для данного съезда были особо оговорены протоколом каждого сельского схода. Интересно, что верноподданнические речевые обороты этих документов не были унифицированы и зависели, вероятно, от стилистических талантов сельских писарей [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 626. Л. 11]. 15 марта 1904 г. экстренный съезд доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ, оформляя общественную волю в знакомой верноподданнической риторике, постановил: «Повергнуть к стопам Его Императорского Величества нашу беспредельную преданность в виду открытия военных действий на Дальнем Востоке готовность пожертвовать своим достоянием и жизнью за обожаемого царя и дорогую отчизну и теперь же отчисляем из нашего общественного капитала на нужды отечественного флота десять тысяч рублей [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 727. Л. 55]. Обязательный в таком опосредованном политическом диалоге благодарственный ответ поступил не только от Николая II [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 626. Л. 109], но и от великого князя Александра Михайловича [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 727. Л. 62], возглавлявшего «Особый комитет по усилению военного флота на добровольные пожертвования».

Начало первой мировой войны дало новые основания для репрезентации верноподданства. 24 июля 1914 г. на экстренном съезде доверенных от селений Большой и Малой Кабарды и пяти Горских обществ Нальчикского округа были выражены «чувство верноподданнической преданности и пожелания победы над врагом русскому оружию». Также к императору была обращена просьба «разрешить населению Кабарды и пяти Горских обществ выставить за счет населения на театр военных действий Кабардинский конный полк четырехсотенного состава» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 75. Т. 1. Л. 28].

Особенным символическим смыслом отличались заявления о верности престолу ввиду вступления в войну Турции на стороне Германии. В конце октября 1914 г. появился повод реализовать локальный верноподданнический ритуал, интерпретация которого была не одинакова в делопроизводстве и региональной прессе. Начальник округа С. Клишбиев в телеграмме генерал-губернатору Терской области передавал верноподданническое послание подведомственного ему населения в привычном высокопарном стиле: Собравшись в слободе Нальчике «представители кабардинского народа и горцы Нальчикского округа... сознавая свои обязанности перед царем и Родиной, всегда готовые пожертвовать всем своим достоянием и жизнью на защиту дорогого отечества до последней капли крови, просят повергнуть одушевляющие их чувства к стопам обожаемого монарха» [УЦГА АС КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 40. Т. 2. Л. 394]. Для выражения верноподданнических чувств по случаю объявления войны с Турцией 27 октября в областной центр Владикавказ на средства Кабардинской общественной суммы была организована депутация из 7 представителей от кабардинцев и балкарцев [УЦГА АС КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 40. Т. 2. Л. 402 об.]. Газета «Кубанский край» с некоторыми дополнительными подробностями 28 октября сообщала об этом

событии: «Представители кабардинского народа просили начальника области повергнуть к стопам Государя чувства возмущения кабардинского народа поведением Турции и готовности пролить последнюю каплю крови в защиту дорогого отечества и постановили принять участие в попечении раненных в народной лечебнице в Нальчике» [Голос... 1914].

Очевидно, что большинство верноподданнических мероприятий инициировались коронными властями, и их общественное воплощение было обусловлено господствующей подданнической политической культурой. Однако ее воздействие не ограничилось только лишь монархическим подобострастием. Многолетние риторические упражнения закрепляли политические ориентаций на неотъемлемое существование в составе российского государства. Традиция монархического верноподданства иссякла сразу же с февральской революцией 1917 г. Но, несмотря на крах самодержавной политической системы Российской империи, на большей части ее бывшей территории национальные окраины по инерции сохранили «удивительную инерцию своей приверженностью к сохранению общего политического пространства» [Новая имперская история... 2017: 600].

Уже в марте 1917 г. в общественно-политической практике Нальчикского округа как общероссийская тенденция проявился гражданский патриотизм, выраженный знакомыми речевыми оборотами солидарности и самопожертвования, однако уже не окрашенный монархической риторикой. Окружное самоуправление, впервые собравшееся после отстранения от власти коронной администрации, наряду с десятками других национальных окраин бывшей Российской империи, направило в адрес новой российской власти телеграмму: «Жители слободы Нальчик, гарнизон, местные кооперативы [и. – Д.П.] съезд всего кабардинского народа, состоящий из представителей всех аулов, избранных прямым тайным голосованием, шлют гос. думе благодарность [за провозглашение. – Д.П.] добытых свобод временному правительству», выразив свое «настойчивое желание довести войну [до. – Д.П.] победного конца, для чего готовы пожертвовать жизнью и имуществом» [РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1342. Л. 1].

Таким образом, с включением кабардинцев и балкарцев в административно-политическое пространство Российской империи и утверждением практик военно-народного управления в местной политической культуре формировался определенный верноподданнический канон. В региональной политической культуре верноподданничество, культивируемое коронными властями, сочеталось с использованием его идеологического эффекта местным населением для решения актуальных социально-экономических задач. В регулярной деятельности съездов доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ публичное использование этого канона вышло за рамки узко верноподданнических ориентаций и превратилось в стандартизированную функцию местного самоуправления, выраженную главным образом в организации и финансировании мероприятий, способствовавших закреплению и воспроизводству среди местного населения представлений о неразрывной связи с российским государством.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

А.С. 1896 – *А.С.* Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб.: Типография главного управления уделов, 1896. – 124 с.

Аграрные... 2008 – *Аграрные* отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века. Архивные материалы и научные исследования: в 2-х т. Т. II / Сост. П. А. Кузьминов. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. – 552 с.

Арсанукаева 2015 – *Арсанукаева М.С.* Горцы Северного Кавказа на коронациях российских императоров (XIX – начало XX в.) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2015. – № 1 (41). – С. 84–87.

Атнашев, Велижев 2021 – *Атнашев Т., Велижев М.* Три дилеммы интеллектуальной истории: the state of the craft // Новое литературное обозрение. – 2021. – № 5(171). – С. 11–21.

Баев 1905 – *Баев Г.* О присоединении Малой Кабарды к Большой // Пятигорский листок. – 1905. – № 337. – С. 2.

Баев 1991 – *Баев Г.* Боевая служба осетин. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1991. – 68 с.

Бейтуганов 2007 – *Бейтуганов С.Н.* Кабарда: история и фамилии. Нальчик: Эльбрус, 2007. – 784 с.

Верность кабардинцев... 1913 – *Верность кабардинцев* русскому престолу в эпоху Смутного времени: к 300-летию Дома Романовых. Сост. П.Л. Юдиным. Издание кабардинского народа. – Владикавказ: Электро-Типография П.К. Григорьева, 1913. – 20 с.

Владикавказ... 1906 – Владикавказ. «Революционеры» // Русское слово. – 1906. – № 70. – С. 3.

Голос... 1914 – *Голос кабардинцев* // Кубанский край. – 1914. – № 243. – С. 2.

Грабовский 1876 – *Грабовский Н.* Ингуши (их жизнь и обычаи) // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис: Типография главного управления Наместника Кавказского, 1876. – Вып. IX. – С. 1–111.

Долбилов 2021 – *Долбилов М.* Аттестация «верноподданнических чувств»: Министерство императорского двора и народные панегирики дому Романовых в 1860–1880-х годах // Новое литературное обозрение. – 2021. – № 5(171). – С. 22–37.

Заметки... 1871 – *Заметки* о путешествии Его Величества Государя Императора по Терской области (окончание) // Терские ведомости. – 1871. – № 42. – С. 2.

К истории... 1913 – К истории кабардинского народа // Терские ведомости. – 1913. – № 2. – С. 2.

К путешествию... 1905 – *К путешествию* Наместника Е. И. В. на Кавказе графа Ил. Ив. Воронцова-Дашкова // Тифлисский листок. – 1905. – № 96. – С. 1.

Кавказ... 1877 – *Кавказ.* – 1877. – № 10. – С. 1.

КРО 1957 – *Кабардино-русские отношения* в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы: в 2 т. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – Т. 2: XVIII в. / [Сост. В. М. Букалова]. – 1957. – 424 с.

Кудашев 1913 – Исторические сведения о кабардинском народе: [К 300-летию дома Романовых / Изд. В.Н. Кудашева]. – Киев: Типо-лит. С.В. Кульженко, 1913. – 283 с.

Милютин 2003 – Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1863–1864 / Под ред. Л.Г. Захаровой. – М.: РОССПЭН, 2003. – 686 с.

Муратова 2018 – *Муратова Е.Г.* Новые социальные практики как факторы интеграции кабардинцев и балкарцев в административно-политическую систему Российской империи в первой половине XIX в. // Всероссийские Миллеровские чтения. – 2018. – № 6. – С. 333–338.

Новая имперская история... 2017 – *Новая имперская история* Северной Евразии. В 2-х частях. Часть 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / Под ред. И. Герасимова. – Казань: «Ab Imperio», 2017. – 630 с.

Потто 1889 – *Потто В.А.* Царская семья на Кавказе. 18 сентября – 14 октября 1888 года. – Тифлис: Тип. Окружного Штаба Кавказского военного округа, 1889. – 230 с.

Путешествие... 1863 – *Путешествие* их императорских высочеств государя великого князя Михаила Николаевича и государыни великой княгини Ольги Федоровны по Терской области // Кавказ. – 1863. – № 94. – С. 2.

Русский инвалид... 1863 – *Русский инвалид*. – 1863. – № 231. – С. 1.

Рыжова 2020 – *Рыжова А.П.* «Русские по сердцу» празднование 300-летия династии Романовых // Новое прошлое / The New Past. – 2020. – № 1. – С. 84–102.

Саблиров 2001 – *Саблиров М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX в. – Нальчик: Адыгэ хэку, 2001. – 232 с.

Слобода Нальчик... 1889 – *Слобода Нальчик* (Терской области), 28 июня (от собств. корр.) // Кавказ. – 1889. – № 175. – С. 2.

Современные отношения... 1877 – *Современные отношения* к нам горцев Терской области // Кавказ. – 1877. – № 13. – С. 2–3.

Торжество закладки... 1911 – *Торжество закладки* здания для Нальчикского реального училища (13. VII. 1911). – Нальчик: Типография И.А. Урусбиева, 1911. – 12 с.

Трепавлов 2018 – *Трепавлов В.В.* Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. – Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2018. – 320 с.

Уортман 2004 – *Уортман Р.С.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2-х т. Т. 2: от Александра II до отречения Николая II. – М.: ОГИ, 2004. – 796 с.

РГИА – *Российский государственный исторический архив*.

УЦГА АС КБР – *Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики*.

ЦГА РСО-Алания – *Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания*.

REFERENCES

A.S. *Ocherk vosstaniya gortsev Terskoi oblasti v 1877 godu* [Overview of the uprising of the highlanders of the Terek region in 1877]. – SPb.: Tipografiya glavnogo upravleniya udelov, 1896. – 124 p. (In Russian)

Agrarnye otnosheniya u narodov Severnogo Kavkaza v rossiiskoi politike XVIII – nachala XX veka. Arkhivnye materialy i nauchnye issledovaniya v 2-kh tomakh. – Т. II. / Sost. P.A. Kuz'minov [Agrarian Relations among the Peoples of the North Caucasus in Russian Politics in the 18th – Early 20th Century. Archival materials and scientific research in 2 volumes. Volume II / Compiled by P.A. Kuzminov]. – Nalchik: El'-Fa, 2008. – 552 p. (In Russian)

ARSANUKAEVA M.S. *Gortsy Severnogo Kavkaza na koronatsiyakh rossiiskikh imperatorov (XIX – nachalo XX v.)* [Mountaineers of the North Caucasus at the coronations of Russian emperors (19th – early 20th centuries)]. IN: *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii*. – 2015. – No. 1 (41). – P. 84–87. (In Russian)

ATNASHEV T., VELIZHEV M. *Tri dilemmy intellektual'noi istorii: the state of the craft* [Three dilemmas of intellectual history: the state of the craft]. IN: *Novoe literaturnoe obozrenie*. – 2021. – No. 5(171). – P. 11–21. (In Russian)

BAEV G. *Boevaya sluzhba osetin* [Combat Service of the Ossetians]. – Vladikavkaz: Izd-vo SOGU, 1991. – 68 p. (In Russian)

BAEV G. *O prisoedinenii Maloi Kabardy k Bol'shoi* [On the incorporation of the Minor Kabarda into the Great Kabarda]. IN: *Pyatigorskii listok*. – 1905. – No. 337. – P. 2. (In Russian)

BEITUGANOV S.N. *Kabarda: istoriya i familii* [Kabarda: History and Families]. Nalchik: El'brus, 2007. – 784 p. (In Russian)

DOLBILOV M. *Attestatsiya «vernopoddannicheskikh chuvstv»: ministerstvo imperatorskogo dvora i narodnye panegiriki domu Romanovykh v 1860-1880-kh godakh* [The Attestation of "Loyalty": The Ministry of the Imperial Court and Popular Eulogies to the House of Romanoff in the 1860s and 1880s]. IN: *Novoe literaturnoe obozrenie*. – 2021. – No. 5 (171). – P. 22–37. (In Russian)

Golos kabardintsev [Voice of the Kabardians]. IN: *Kubanskii krai*. – 1914. – No. 243. – P. 2. (In Russian)

GRABOVSKY N. *Ingushi (ikh zhizn' i obychai)* [The Ingush (their life and customs)]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of information about Caucasian mountaineers]. – Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1876. – Iss. IX. – P. 1–111. (In Russian)

Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode: [K 300-letiyu doma Romanovykh / Izd. V.N. Kudasheva] [Historical information about the Kabardian people: (To the 300th anniversary of the Romanov house / Edited by V.N. Kudashev)]. – Kiev: Tipo-lit. S.V. Kul'zhenko, 1913. – 283 p. (In Russian)

K istorii kabardinskogo naroda [To the History of the Kabardian People]. IN: *Terskie vedomosti*. – 1913. – No. 2. – P. 2. (In Russian)

K puteshestviyu Namestnika E. I. V. na Kavkaze grafa Il. Iv. Vorontsova-Dashkova [To the Journey of H.I.V.'s Viceroy to the Caucasus, Count Il. Iv. Vorontsov-Dashkov]. IN: *Tiflisskii listok*. – 1905. – No. 96. – P. 1. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv.: Dokumenty i materialy: V 2 t. [Kabardino-Russian relations in the 16th-18th centuries: Documents and materials: In 2 vols.]. – M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1957. – Vol. 2: XVIII v. / [Ed. by V. M. Bukalova]. – 1957. – 424 p. (In Russian)

Kavkaz. – 1877. – No. 10. – P. 1. (In Russian)

MURATOVA E.G. *Novye sotsial'nye praktiki kak faktory integratsii kabardintsev i balkartsev v administrativno-politicheskuyu sistemu Rossiiskoi imperii v pervoi polovine XIX v.* [New social practices as factors in the integration of Kabardinians and Balkars into the administrative and political system of the Russian Empire in the first half of the 19th century]. IN: *Vserossiiskie Millerovskie chteniya*. – 2018. – No. 6. – P. 333–338. (In Russian)

Novaya imperskaya istoriya Severnoi Evrazii. V 2-kh chastyakh. Chast' 2: Balansirovanie imperskoi situatsii: XVIII–XX vv. / Pod red. I. Gerasimova [A New Imperial History of Northern Eurasia. In 2 Parts. Part 2: Balancing the Imperial Situation: XVIII-XX centuries. Ed. by I. Gerasimov]. – Kazan: «Ab Imperio», 2017. – 630 p. (In Russian)

POTTO V.A. *Tsarskaya sem'ya na Kavkaze. 18 sentyabrya – 14 oktyabrya 1888 goda* [The Tsarist Family in the Caucasus. September 18 – October 14, 1888]. – Tiflis: Tip. Okruzhnogo Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1889. – 230 p. (In Russian)

Puteshestvie ikh imperatorskikh vysochestv gosudarya velikogo knyazya Mikhaila Nikolaevicha i gosudaryni velikoi knyagini Ol'gi Fedorovny po Terskoi oblasti [Journey of Their Imperial Highnesses Sovereign Grand Duke Mikhail Nikolayevich and Sovereign Grand Duchess Olga Feodorovna to the Terek Region]. IN: *Kavkaz*. – 1863. – No. 94. – P. 2. (In Russian)

Russkii invalid. – 1863. – No. 231. – P. 1. (In Russian)

RYZHOVA A.P. «*Russkie po serdtsu*» prazdnovanie 300-letiya dinastii Romanovykh ["Russians at heart" celebration of the 300th anniversary of the Romanov dynasty]. IN: *Novoe proshloe / The New Past*. – 2020. – No. 1. – P. 84–102. (In Russian)

SABLIROV M.Z. *Kul'tura narodov Kabardy i Balkarii v kontse XIX – nachale XX v.* [Culture of the peoples of Kabarda and Balkaria in the late 19th and early 20th centuries]. – Nalchik: Adyge kheku, 2001. – 232 p. (In Russian)

Sloboda Nal'chik (Terskoi oblasti), 28 iyunya (ot sobstv. korr.) [Sloboda Nalchik (Terek region), June 28 (from own correspondent)]. IN: *Kavkaz*. – 1889. – No. 175. – P.2. (In Russian)

Sovremennye otnosheniya k nam gortsev Terskoi oblasti [Modern attitudes of the highlanders of the Terek region toward us]. IN: *Kavkaz*. – 1877. – No. 13. – P.2-3. (In Russian)

Torzhestvo zakladki zdaniya dlya Nal'chikskogo real'nogo uchilishcha (13. VII. 1911) [Ceremony of laying the building for the Nalchik Real High School]. – Nalchik: Tipografiya I.A. Urusbieva, 1911. – 12 p. (In Russian)

TREPAVLOV V.V. *Simvol'y i ritualy v etnicheskoj politike Rossii XVI–XIX vv.* [Symbols and rituals in the ethnic politics of Russia in the 16th – 19th centuries]. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2018. – 320 p. (In Russian)

Vernost' kabardintsev russkomu prestolu v epokhu Smutnogo vremeni: k 300-letiyu Doma Romanovykh. Sost. P.L. Yudinym. Izdanie kabardinskogo Naroda [Loyalty of Kabardians to the Russian throne during the Time of Troubles: the 300th anniversary of the Romanov dynasty. Compiled by P.L. Yudin. Published by the Kabardin people]. – Vladikavkaz: Elektro-Tipografiya P.K. Grigor'eva, 1913. – 20 p. (In Russian)

Vladikavkaz. «Revolyutsionery» [Vladikavkaz. "Revolutionaries"]. IN: *Russkoe slovo*. – 1906. – No. 70. – P. 3. (In Russian)

Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina, 1863-1864 / Pod red. L. G. Zakharovoi [Memoirs of Field Marshal General Count Dmitri Alexeyevich Milyutin, 1863-1864. Ed. by L.G. Zakharova]. – M.: ROSSPEN, 2003. – 686 p. (In Russian)

WORTMAN R.S. *Stsenarii vlasti: mify i tseremonii russkoi monarkhii. V 2-kh tt.* [Scenarios of Power: Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy. In 2 vols. Vol. 2: From Alexander II to the abdication of Nicholas II]. – M.: OGI, 2004. – 796 p. (In Russian)

Zametki o puteshestvii Ego Velichestva Gosudarya Imperatora po Terskoi oblasti (okonchanie) [Notes on His Majesty the Emperor's Travels in the Terek Region (End)]. IN: *Terskie vedomosti*. – 1871. – No. 42. – P. 2. (In Russian)

RGIA – *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. (In Russian)

TsGA RSO-A – *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya* [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russian)

UTsGA AS KBR – *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Administration of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Средневековая и новая история**

УДК 94(470.6)

DOI 10.31143/2542-212X-2021-3-82-110

**ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ В
СЛОБОДЕ НАЛЬЧИК (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)****Т.А. ДЗУГАНОВ**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр РАН»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: dzughanov@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению одного из ключевых вопросов экономической истории Кабардино-Балкарии – становлению предпринимательства в слободе Нальчик. Изучается история возникновения торговых учреждений, их специализация и порядок функционирования. В работе анализируются структура и многообразие видов реализации коммерческой инициативы, основные векторы ее развития. Показано, что уже к 80-м гг. XIX в. в Нальчике происходит качественное изменение сферы предоставления коммерческих услуг, выразившееся в оформлении устойчивой системы торговых заведений и предприятий общественного питания. На основе архивных материалов и данных периодической печати устанавливаются социально-этнический состав предпринимателей, их специализация, и характер предоставляемых услуг. Определена степень влияния предпринимательского сообщества Нальчика на развитие курортного дела в округе. Выявлены формы участия горского населения Кабарды и Балкарии в развитии предпринимательских практик в окружном центре.

Ключевые слова: Северный Кавказ; XIX–XX вв.; Нальчикский округ; Нальчик; предпринимательство; коммерция; услуги; курортное дело.

**BUSINESS PRACTICES IN THE SLOBODA NALCHIK
(SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY)****T.A. DZUGANOV**

*Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budget Scientific Establishment
«Federal Scientific Center 'Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of
Sciences'»*

360000, KBR, Nalchik, Pushkina st., 18

E-mail: dzughanov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of one of the key issues of the economic history of Kabardino-Balkaria – the formation of entrepreneurship in the Nalchik settlement. The history of the emergence of trade institutions, their specialization and the order of functioning are studied. The paper analyzes the structure and variety of types of implementation of a commercial initiative, the main vectors of its development. It is established that by the 80s XIX century in Nalchik a qualitative change is taking place in the sphere of providing commercial services, expressed in the design of a stable system of trade establishments and public catering enterprises. On the basis of archival materials and data from periodicals, the socio-ethnic composition of entrepreneurs, their specialization, and the nature of the services provided are established. The degree of influence of the business community of Nalchik on the development of the resort business in the district is determined. The active participation of the mountain population of Kabarda and Balkaria in the development of entrepreneurship and the resort industry is noted.

Keywords: North Caucasus; 19th – 20th centuries; Nalchik district; Nalchik; entrepreneurship; commerce, services; resort business.

Введение

Нальчик – это своеобразная социально-экономическая среда, имевшая определяющее влияние на становление и развитие предпринимательских практик округа. Его уникальность выразилась в сочетании различных социокультурных традиций хозяйствования и организации предпринимательства в условиях, ограниченных административными границами отдельного населенного пункта. Несмотря на достаточно обширный материал, накопленный отечественной историографией в области изучения экономической истории народов Кабарды и Балкарии второй половины XIX – начала XX вв., проблемы развития слободской торговли и предпринимательства, формирование здесь многообразия частных экономических стратегий, многообразия организации коммерческой деятельности, социально-этнический состав самих торговцев и предпринимателей, изучены недостаточно. Исследование этих вопросов позволяет глубже понять характер и движущие силы многих социально-экономических процессов, происходивших в округе в пореформенный период, и определить ключевые факторы, влиявшие на ход этих событий.

Определенную сложность для исследователей проблемы представляет ограниченность сохранившихся статистических данных. Корпус источников, вплоть до середины 1860-х гг. составляют, в основном, репортажи и отчеты начальников округа. Деловая документация позволяет лишь приблизительно реконструировать ситуации в экономике Нальчика, и не отражает всей полноты картины. Цифры отчетности порой не меняются годами. Исключением из этого правила является докладная записка председателя Терской сословно-поземельной комиссии Д. Кодзокова, где он подвергает жесткой критике устоявшиеся способы ведения хозяйства слобожан, их низкую

предпринимательскую инициативу [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 455. Л. 14–21]. Традиция негативно оценивать уровень коммерческих предприятий слобожан наблюдается и в дальнейшем. К. Хетагуров возмущался антисанитарии отдельных торговых заведений [Пеннер, Пеннер 1993: 34], Б.К. Далгат описывал удручающую картину состояния предпринимательства нальчан и немецкой колонии Александровской [Далгат 1991: 147].

Более подробную картину воспроизводят документы и материалы, которые условно можно обозначить как «рекламную периодику». Помимо газет к ним можно отнести различные адрес-календари, содержавшие рекламу коммерческих услуг и предложений предпринимателей. Наиболее ценным источником в этой группе является справочник «Вся Донская область и Северный Кавказ», вышедший в первые годы XX в. [Вся Донская...] и содержавший обширный материал, на основе которого удается реконструировать общую картину торговых учреждений слободы Нальчик.

В советский период в отечественной историографии данному вопросу уделялось крайне мало внимания. В исследованиях, посвященных социально-экономической истории округа, роль слободы либо не отражена вовсе, либо представлена эпизодически, и, напротив, в работах, касающихся непосредственно истории самой слободы, отсутствует анализ ее роли в экономических процессах, имевших место в округе. Тем самым, история предпринимательства Нальчика искусственно вытесняется из общего контекста экономической истории народов Нальчикского округа. Вместе с тем данные по торговле, промышленности, количеству наемных рабочих слободы Нальчик фрагментарно присутствуют в исследованиях большинства специалистов, занимавшихся изучением социально-политических процессов в округе в пореформенный период и развитием рыночных отношений у народов его населявших. Если, например, А.А. Белоусов, в своем исследовании экономического развития Кабарды, вообще не затрагивал этот вопрос [Белоусов 1955], то Т.Х. Кумыков в своей ранней работе приводил небольшую справку о численном составе торговцев слободы в 1891 г. и отмечал, что «слобода Нальчик еще не стала крупным экономическим центром, хотя ее значение с каждым годом возрастало» [Кумыков 1962: 134]. Позднее автор несколько скорректировал свою точку зрения и утверждал, что «к концу XIX в. Нальчик значительно растет как торгово-экономический центр» [Кумыков 1965: 419]. Истории предпринимательства слободы, ее роли в экономическом развитии края, в отличие от своих предшественников, ученый уделял заметно больше внимания, так как данный вопрос вписывался в общую концепцию вовлечения Северного Кавказа в во всероссийский рынок. Тем не менее фрагментарность представления предпринимательской активности населения слободы сохранялась в отечественной историографии и в последующем. Т.А. Жакомихов, исследуя проблемы развития кустарной промышленности и торговли округа в конце XIX – начале XX вв., о слободских промыслах упоминает лишь вскользь, а анализ торговли Нальчика ограничивался констатацией наличия торговых заведений и ростом их оборотов [Жакомихов 1965: 181].

Подход к проблеме начинает меняться в новейшее время. В работах Р.А. Бураева, М.З. Саблирова, К.Р. Соблировой [Бураев 1985; Саблиров 2001; Соблирова 2009] предпринимаются попытки определения роли и значения торговли Нальчика в культурно-экономической жизни округа. Вместе с тем авторам по-прежнему не удается выйти за рамки устаревшей историографической концепции, для которой предпринимательская жизнь слободы представляла интерес только как показатель степени развития рыночных отношений.

В современных условиях, по нашему мнению, назрела необходимость преодолеть некоторую узость устоявшихся научных представлений, отчасти обусловленных скудостью источниковой базы. Введение в научный оборот новых документов и материалов позволяет сделать качественный переход в исследовании данной проблемы, перейти от констатации факта наличия предпринимательства в слободе Нальчик непосредственно к изучению этого явления, его особенностей и роли в общественно-экономических процессах, развернувшихся в Кабарде и Балкарии в пореформенный период.

Возникновение Нальчика

Как известно, решение Кавказской Военной Администрации об учреждении крепости Нальчик было продиктовано, прежде всего, соображениями стратегической целесообразности. Новое укрепление выгодно перекрывало ряд важнейших направлений возможного нападения горцев на маршевые колонны войск, следовавших в направлении Военно-Грузинской дороги. Сама крепость была построена по указанию генерала А.П. Ермолова в самом начале 20-х годов XIX в., и стала базой Кабардинского егерского полка, имевшего задачу контролировать стратегически важные направления в данной местности. Укрепление, на тот момент, являлась важным звеном Кавказской военной линии. Постепенно его оборонительное значение нивелируется и на первый план выходит задача развития транспортной инфраструктуры и логистики для нужд армии.

Нельзя не отметить, что станицы Прохладная и Солдатская, которые также являлись крепостями Кавказской военной линии, возникли несколько раньше, чем Нальчик. Вместе с тем, в силу ряда объективных обстоятельств, они не смогли приобрести столь важного экономического и административного значения.

В 1838 году по приказу командующего войсками Кавказской линии при Нальчикской крепости было организовано военное поселение «из женатых нижних чинов, Кабардинского егерского полка, имеющих при себе семейства и прослуживших 15 и более лет». При водворении каждый поселянин получал пару волов и 6 овец; земледельческие орудия (плуг, борону, пару кос и т.п., а также семена и домашнюю утварь стоимостью 320 руб. В течение полутора лет, которые отводились для налаживания хозяйства, поселяне и их семьи получали казенный провиант.

Как и государственные крестьяне, они имели право «приобретать законным образом всякую собственность ..., и покупать землю у соседственных жителей ..., без платежа установленных для других сословий в казну денег, производить на месте торговлю, как собственными своими произведениями, так и приобретаемыми от соседственных жителей ..., устраивать на месте фабрики и заводы ..., без платежа установленных податей в продолжении 10 лет со времени устройства заведений» [Ячменихин 2006: 91–92]. По мнению авторов данного проекта, предоставляемые льготы и преференции должны были в кратчайшие сроки способствовать не только росту благосостояния водворяемых на земле отставников, но также и развитию земледелия, торговли и ремесел в регионе. Соединение военно-стратегических и экономических интересов в рамках одной реформы казалось, на тот момент, закономерным действием. Система военных поселений на Кавказе при крепостях являлась особой формой организации войск царской России с целью усиления проводимой колонизаторской политики. К.М. Ячменихин выделил отличительные черты военных поселений Кавказа. Во-первых, кавказские поселения создавались не во внутренних губерниях, а на окраинах и были призваны играть роль опорных пунктов при колонизации края. Во-вторых, учитывая эту особенность, правительство освободило военных поселян от уплаты оброка или продовольственного снабжения войск. Следовательно, в сословной стратификации государства они ближе всего находились к казачеству. В-третьих, поселялись отставные нижние чины, а не регулярная армия или крестьяне.

Хозяйственную структуру здесь пришлось формировать с нуля, что не могло не сказаться на благосостоянии поселян, особенно в первые годы: сказывалась оторванность от родины, длительное привыкание к местным климатическим и географическим условиям [Ячменихин 2006: 99].

Если при учреждении крепости Нальчик Кавказское военное начальство руководствовалось исключительно военно-административными задачами, то преобразование крепости в военное поселение предполагало уже наличие некой экономической составляющей в последовавшей реорганизации. Цель создания военных поселений на Кавказе была закреплена в специальном «Положении», разработанном к 1837 г. командующим отдельным Кавказским корпусом генералом от инфантерии бароном Г.В. Розеном: «...дав заслуженным войнам оседлость и умножив ими русское народонаселение в землях горских народов, оградить безопасность наших границ и путей сообщения от враждебных набегов, поспешествовать в том крае земледелию, торговле и промышленности и посредством взаимных нужд и взаимных польз положить наконец прочное основание к сближению с племенами до селе нам чуждыми» [Ячменихин 2006: 88]. Как мы видим, экономическая целесообразность если и не поставлена во главу угла, то уже четко просматривается. Из «Положения» явствует, что правительство возлагает на водворяемых отставников большие надежды в деле развития экономики края.

Следует отметить, что в военном ведомстве, по-видимому, имелось определенное понимание того факта, что водворяемые отставники просто

физически не способны в кратчайшие сроки наладить развитие земледелия, торговли и ремесел. Решение проблемы было найдено со свойственной военным прямолинейностью – усилить эти направления за счет колонистов. Драйверами экономического роста назначались немецкие и еврейские переселенцы, водворяемые близ Нальчика. Подразумевалось, что еврейские переселенцы наладят в округе торговлю и сферу обслуживания, а немецкие колонисты станут примером более передового способа ведения сельского хозяйства.

В 1847 г. с разрешения начальника Центра Кавказской линии генерала князя Голицына были поселены при крепости Нальчик 246 душ горских евреев-татов, выходцев из Дагестана [Кабанов 1960: 12]. Первоначально они занимались выделкой овчин и кожи, вели меновую торговлю по всей территории Кабарды и Балкарии, но сохранившиеся архивные данные свидетельствуют о незначительности этих торговых операций, потому утверждение А.С. Кабанова об усилении торгово-ремесленного элемента поселения в этот период [Кабанов 1960: 14] выглядит преувеличенным. В 1866 г. в «еврейском поселении, в основном, выделывают коровьи и бараньи шкуры» [Кабанов 1960: 12], значительного роста торговых оборотов документы этого периода не фиксируют. Современник описываемых событий А. Бабич в 1869 г., напротив, отмечает слабое развитие предпринимательства в среде еврейских колонистов. Сама колония – это просто группа домов, очень грязных и между прочим, крытых железом. Вся почти колония состоит из лавок, где продается большей частью красный товар [Бабич 1869: 3]. Замечание А. Бабича подтверждается и архивными данными. Слобожане, в подавляющей массе, отставники из крестьян, старались вести натуральное хозяйство, т.е. все необходимое изготавливали сами, предпочитая за покупками выезжать на рынки Владикавказа, Пятигорска, Георгиевска. Все это, вкуче с низкой покупательной способностью местного населения, заметно ограничивало на первых порах коммерческую инициативу переселенцев. Только к началу 80-х гг. XIX в. горским евреям удается найти свою нишу в местной экономике. Этому способствовало то обстоятельство, что мелкие коммерсанты из числа переселенцев, не только поступательно осваивают Нальчикский округ (в это время почти в каждом кабардинском ауле открываются лавки, принадлежащие еврейским торговцам), но и постепенно переносят свои операции за его пределы. Некоторые, как, например, Ифраимовы, старались поддерживать связь с богатыми родственниками в Дагестане, от которых они получили первоначальный капитал, позволивший им заняться развозным торгом «с телеги». Деятельность коробейников, русских и еврейских, до начала 80-х гг. являлась основной формой розничной торговли в Нальчикском округе. Эти коробейники, или как их еще иначе называли – прасолы, добирались со своим товаром до самых отдаленных и труднодоступных селений горцев, в немалой степени способствовали их интеграции в общероссийский рынок.

Вместе с тем предпринимательская инициатива еврейских переселенцев отнюдь не ограничивалась розничной коммерцией. Часть из них закрепляется в сфере обслуживания, тем более, что к началу 80-х годов экономическая

ситуация в слободе начинает меняться в лучшую сторону, и услуги в этой области оказались востребованы. В. Миллер и М. Ковалевский в 1885 г. отмечали: «Евреи около Нальчика не занимаются земледелием, а мелочной торговлей и некоторыми ремеслами. Живут они, по-видимому, с достатком и не хуже европейских умеют ссужать деньги за солидные проценты» [Миллер, Ковалевский 1884: 543–544]. Предпочитая вести торговые дела, либо заниматься ремеслом в административном центре округа, некоторые из них со временем приобретают «оседлость» в слободе, что значительно расширяло горизонты их коммерческой инициативы. Помимо занятий коммерцией, они заводят мелкие промышленные производства, прочно закрепляются в формирующейся сфере услуг.

Согласно ведомости за 1886 г. постоянно проживали в Нальчике:

Лидский В. – занимался торговлей, имел оседлость «состоящую из двух домов с флигелями». Две лавки, одна из них мануфактурная, другая мелким товаром.

Беловицкий Ш. – занимался выделкой кирпича и черепицы, имел дом с двумя флигелями и черепичный завод.

Вишневский Н. – занимался торговлей, владел мануфактурной лавкой, оседлости не имел.

Елин Х. – занимался сбором в сл. Нальчик базарной пошлины по заключенному с местным слободским Обществом контракту. Имел дом, состоял арендатором нальчикской базарной площади по 1887 г.

Мительман И. – занимался малярными и стекольными ремеслами.

Кравицкий А. – занимался выделкой черепицы и кирпича.

Уникович А. – занимался торговлей, имел в Нальчике кожевенную мастерскую.

Атилевич А. – занимался портняжным ремеслом.

Фрахтман З. – часовых дел мастер.

Постоянно не проживали, но временно работали:

Сапожники: Беловицкий Н., Беловицкий Г., Зильберштейн А.

Повойская Г. – занималась торговлей, имела собственный дом.

Макарский П. – занимался выделкой кирпича и черепицы.

Гершенвальд М. – портняжное ремесло.

Янко З. – стекольщик.

Дворжек Г. – занимался скупкой и перепродажей на базарах разных съестных продуктов.

Рума З. – маляр [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 116. Т. 2. Л. 207–216].

Не имеющие определенной профессии горские евреи также находили в слободе возможность для приложения своих усилий. Они, по свидетельству Б.К. Далгата, занимались продажей на местных базарах сафьяна, чевяков и разной мелочи [Далгат 1991: 147].

Экономическое значение имело также поселение близ укрепления Нальчик 20 семейств немецких колонистов из Саратовской губернии в 1852 г. с разрешения наместника Кавказа графа М.С. Воронцова. Эта колония была

названа Александровской, и к 1856 году насчитывала уже 50 семейств [Кабанов 1960: 14]. Другая, менее значительная, немецкая колония – Гнаденбург была расположена в 4-м участке округа. Переселенцы из Саратовской губернии в 1858 г. были наделены землей и вели натуральное хозяйство. Вместе с тем, вплоть до начала XX в., они не смогли добиться заметных успехов в намеченных для них военным ведомством планах. Сельское хозяйство немецких переселенцев, хоть и находилось на более высоком производительном уровне, но, не имея перспектив сбыта своей продукции, пребывало в состоянии стагнации. Посетивший Нальчик в самом начале XX в. Б.К. Далгат заносит в свой дневник: «Близ самого Нальчика расположена Александровская немецкая колония, не отличающаяся особенным благоустройством и довольством» [Далгат 1991: 146]. Неудовлетворенность самих немцев своим экономическим положением привело к росту эмигрантских настроений в их среде.

Особенно значительным был механический прирост населения в пореформенный период (60-е годы XIX в.) и в неурожайные годы (с 1891 по 1892 г.). Уже в 1901 году численность населения Нальчика составила 5096 человек. В последующем был большой приток переселенцев из центральных губерний России на плодородные земли бассейнов рек Терека и Кубани. Это также способствовало росту населения Нальчика. Вокруг него, кроме Вольного Аула, возникает ряд маленьких поселений: Астраханка, Мужичий хутор, Затишье и другие [Бураев 1985: 42–43]. Их жители нанимались в работники к зажиточным семьям слободы, выполняли самую тяжелую и непопулярную работу.

В 1862 г. из военного поселения и горско-еврейского поселка была образована слобода Нальчик с управлением согласно положению, приложенному к приказу по Кавказской армии от 29 декабря 1861 г. В 1863 г. к слободе была присоединена Александровская немецкая колония с подчинением воинскому начальнику в Нальчике [Исмаилов, Туганов 2004: 166]. Эти административные преобразования, происходившие на фоне развернувшихся реформ второй половины 60-х годов XIX в., по мнению Терского областного начальства, должны были в кратчайшие сроки обеспечить устойчивый рост благосостояния населения и способствовать развитию предпринимательства. Вместе с тем сразу достичь намеченных результатов не удастся. Нальчикский округ, не имеющий сколь-нибудь серьезного торгово-промышленного потенциала, и не преодолевший окончательно границ натурального хозяйства, долгое время был лишен внятных экономических перспектив. В литературе высказывалось мнение, что дальнейшее экономическое и культурное развитие слободы, рост благосостояния ее жителей сдерживались запутанностью земельного вопроса и ее подчинением военному ведомству [Исмаилов, Туганов 2004: 167]. Нисколько не умаляя важности этого утверждения, тем не менее, хотим обратить внимание на то факт, что Нальчик изначально создавался под нужды военного ведомства и прерогатива в его организации отдавалась решению военно-стратегических задач, без учета экономической составляющей. Вместе с тем именно неспособность военных поселян наладить

рыночное ведение сельского хозяйства, отсутствие с их стороны коммерческой инициативы обусловили эту стагнацию. Несмотря на приобретение Нальчиком статуса слободы, со всеми вытекающими отсюда послаблениями в податях и повинностях, ситуация в хозяйственно-экономической жизни ее населения не изменилась сколь-нибудь значимым образом. Местное население продолжало считать этот факт следствием затянувшегося перехода слободы в гражданское подчинение, а также малоземельем, и все настойчивее требовало перевода в гражданское ведомство.

С целью разобраться с ситуацией на месте, в 1864 г. в слободу прибыл председатель Терской сословно-поземельной комиссии Дмитрий Кодзоков. В ходе проверки он пришел к выводу, что депрессивное состояние экономики слободы проистекает, в первую очередь, «от нерадения» самих жителей слободы. Из составленной им записки видно, что предпринимательская активность слобожан исчерпывается всего двумя направлениями. Первое – вывоз на линию делового леса, т.е. колес, осей, деревянной посуды и прочего. Второе – сдача в наем квартир должностным лицам и приезжающим по делам кабардинцам. Впрочем, по словам Д. Кодзокова, все добываемые деньги тут же пропивались в нескольких десятках питейных домов, наполнивших укрепление. Обороты местной торговли, по свидетельству чиновника, невелики, потому что «соседство больших ярмарок в Георгиевске и Моздоке, на которые кабардинцы охотно выезжают, отвлекают сих последних от покупок в Нальчике, где все дорого и дурного качества; главный торг водкой, которой в 1862 г. привезено на 28 тысяч рублей. Вывоз воска, меда, сала, кож, овчин, шкур, шерсти, конского волоса и кое-каких местных изделий ... в руках моздокских и нахичеванских жителей, временно живущих в Нальчике или имеющих по аулам своих приказчиков, часто из [местного населения]. Отчасти такую же торговлей занимаются евреи, водворенные особой слободкой, близ самого укрепления. Предметы торга обмениваются частью на красный товар русский и азиатский, холст, бурметы, выбойку, ситцы, шелк, нитки, железо, частью покупаются на деньги по низким, впрочем, ценам» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 455. Л. 14–21]. Кодзоков обвиняет слобожан в низком уровне земледелия, неспособности наладить собственное предпринимательство, повальном пьянстве. Иными словами, к началу 60-х гг. XIX в. население слободы, несмотря на все социально-экономические преференции и льготы, полученные им на старте, оказалось неспособно наладить рыночно ориентированное сельское хозяйство. Специфические демографические инъекции (еврейские и немецкие колонисты), осуществленные военным начальством по профессиональному принципу, также не оказали ощутимого влияния на развитие предпринимательства в округе.

Тем не менее жалобы были услышаны. В 1865 г. слободе Нальчик вместе с Еврейским поселком было отмежевано 3596 десятин и 1174 сажень земли на правах общинного землепользования, а в 1871 г. слобода перешла из военного ведомства в гражданское.

Развитие коммерции

Статус гражданского поселения открыл Нальчик для новых переселенцев, что, помимо прочего, положительно отразилось на характере и динамике роста коммерческой активности слободы. К 1866 г. начинает складываться торгово-предпринимательская сфера слободы. Первоначально она включала в себя:

Лавок: с красным товаром – 9;
галантерейных – 3;
бакалейных – 3;
мелочных – 6;
питейных – 19;
трактир – 1 [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 769. Л. 11].

В первую очередь, эта сфера была ориентирована на обслуживание потребностей местного населения и чиновников окружной администрации. Административный центр округа постепенно превращается в центр предпринимательской активности, увеличивается интерес к его торгово-промышленному потенциалу и со стороны близлежащих горских селений. Характеризуя общее состояние коммерции окружного центра, начальник округа доносил, что «торговцы доставляют в Нальчик разного рода произведения российских фабрик и заводов, потребные для жителей и служащих, а из него вывозят и сбывают на ближайших ярмарках и в России меха, которые приобретают у туземцев меною на красный товар, сахар и напитки.

Ближайшие пункты, где бывают ярмарки и с которыми Нальчик имеет преимущественные сношения по промышленным операциям суть: Георгиевск, Пятигорск, Моздок и Владикавказ. Внутренняя торговля поддерживается и базарами, учрежденными по понедельникам. Предметами торговли на этих базарах бывает преимущественно произведения сельского хозяйства туземцев, как то: масло, сыр, домашний скот, птица и т. п., а также произведения Линии – мука, овес и те огородные овощи, которые выращивают нальчикские жители.

Постоянный доход слободки составляет сбор пошлин с весов и гирь, базарных лавочек, торговли на базарной площади, за право торговли, за вывоз на Линию леса, и с недвижимых имуществ» [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 769. Л. 12–12 об.].

Рост предпринимательства, по мнению окружного начальства, сдерживался плохой транспортной инфраструктурой. «Вообще, развитию торговли Нальчика и улучшению быта жителей много препятствует его уединенное положение от главных путей сообщения.

Уединенность эта происходит не столько от дальности расстояния, сколько от опасности с которыми сопряжены переправы через кабардинские реки» [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 769. Л. 12 об. – 13].

К концу 80-х годов XIX в., как видно из документов, система базарно-лавочной торговли Нальчика близится к своему окончательному оформлению. Деятельность коробейников постепенно сходит на нет. Они не исчезают полностью, но их количество заметно уменьшается. Причиной является то, что

в каждом селении округа имелись уже постоянные торговые точки, обеспечивающие потребности односельчан в товарах первой необходимости, хотя за дорогостоящими покупками те по-прежнему предпочитали выезжать на рынки близлежащих городов Терской области. В новых условиях Нальчик из базы временного проживания мелких и средних торговцев становится местом их сосредоточения. Вчерашние коробейники, сколотившие капитал на мелочной торговле, оседают в слободе и открывают свои лавки. В 1891 г. в Нальчике было зарегистрировано 20 человек, торговавших по гильдейским документам и 20 по негильдейским. Общее количество мелких сезонных или, как их тогда еще называли, «временно-торгующих» установить сложно. В 1895 г. число официально зарегистрированных торговцев слободы достигло 114 человек, а совокупный годовой оборот – 160715 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 11. Л. 116]. Рост торговли и увеличение торговых заведений наблюдается и в последующие годы. В 1899 г. в Нальчике лавок, магазинов и других промышленно-торговых заведений насчитывалось – 121 [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 455. Л. 4]. Торговцев – 132, годовой торговый оборот составил – 135800 рублей [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 455. Л. 36]. Эти показатели заметно превышали доходы местной кустарной промышленности.

В 1901 г. число торговых заведений и торговцев снизилось до 75 и 90 человек, соответственно, но это мало отразилось на объеме торгового оборота, который достиг 140600 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 538. Л. 41 об.].

Расширение административной функции Нальчика и в дальнейшем способствовало развитию его торгово-промышленного потенциала. Б.К. Далгат, посетивший округ в 1895 г., отмечал: «Слобожане – большей частью из отставных солдат и пришлых крестьян (много старообрядцев); все это – народ небогатый; занимаются они хлебопашеством, но больше живут продажей приготовляемых ими самими повозок, колес и т.п. на ярмарке в Георгиевске и туземцам; большим подспорьем для них служат также и квартиры для приезжающих курсовых и, главным образом, кабардинцев и горцев, так как Нальчик является административным центром Нальчикского округа с населением более 90 тысяч человек кабардинцев и горцев. Тут находятся: окружное управление и суд, ставка начальника 2-го участка, камера судебного следователя ... Понятно, что все это притягивает в Нальчик массу кабардинцев и горцев, немцев, евреев, казаков из станиц, и дает кусок хлеба не одной бедной семье слобожан. Можно даже сказать, не рискуя особенно преувеличить, что Нальчик без туземцев не мог бы просуществовать вовсе или, в лучшем случае; он бы ни чем не отличался от обыкновенной деревушки. Все, например, лавки (а их наберется десяток – другой) и в том числе главнейшие – Зипалова и Дробышева, – существуют почти исключительно для горцев». Впрочем, автор остался весьма невысокого мнения об ассортименте товаров и качестве обслуживания в местных торговых заведениях. «Вас неприятно поражает отсутствие в лавках многих нужных предметов, несмотря на большой спрос...» [Далгат 1991: 147]. Так же весьма нелестно характеризует местную сферу обслуживания и осетинский поэт К. Хетагуров, который прожил несколько недель в Нальчике в 1893 г. В одном из своих писем он обращал внимание на

антисанитарию в хлебных и мясных лавках: «хлеб и мясо продаются у нас в довольно неприглядном виде» [Пеннер, Пеннер 1993: 34]. Возможно, подмеченные современниками недостатки в организации и качестве обслуживания в заведениях слободы, являются побочным явлением процесса перехода от базарно-ярмарочной к стационарной торговли, окончательное оформление которой пришлось на начало XX в.

Система организации торговли

К концу XIX в. слобода еще не успела обзавестись многопрофильными специализированными магазинами. Торговые площади мало структурированы, разобщены, и представлены, в основном, мелкими лавками и лабазами. Как правило, они открывались на первом этаже хозяйского дома, либо в арендованных помещениях. Ведомость за 1899 г. исчисляет точное количество нальчикских лавок, магазинов и других торгово-промышленных заведений в 121 предприятие, из которых: каменных – 3, деревянных – 39, смешанных – 25, турлучных и саманных – 54 [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 455. Л. 18]. Обслуживание клиентов осуществлял сам торговец, или члены его семьи, реже наемный персонал. Выправив должным образом патент, купец мог совмещать торговлю сразу несколькими видами товаров в рамках единой торговой площади, либо, исходя из экономической целесообразности, вынести торговлю определенной продукцией в отдельную коммерческую точку. Немногочисленные сохранившиеся документы позволяют реконструировать типичное купеческое подворье этого периода. Помимо основного жилого дома, часть которого использовалась под торговый склад, оно включало в себя жилой павильон, сдававшийся в аренду, и несколько торговых «будок» – маленьких магазинчиков, осуществлявших розничную специализированную торговлю. Именно так, например, выглядело расположенное в Нальчике, на бывшей Воронцовской улице, имение купцов Вязмитиных, где помимо различных хозяйственных построек имелось:

«1. Дом деревянный, обложенный кирпичом, крыша железная, общая кубатура 503, 77 куб. метр.

2. Жилой флигель дерев. обмаз. под черепицей в объеме 168,90 куб. метр.

3. Торговая будка – 2, дерев. обмаз. под черепицей 83,20 куб. метр.

4. Торговая будка, дерев., обложенная (обмазанная), под черепичной крышей» [Котляров 2017: 41].

По такому же принципу действовали коммерческие предприятия и других купцов – Шуйских, Ифраимовых и менее значительных торговцев. Сложившаяся форма организации коммерческой деятельности, в условиях слободы, являлась наиболее выигрышной, т.к. превращала купеческое подворье в небольшой магазин с 2–3 специализированными отделами. Это было удобно и покупателям, имевшим возможность закупиться сразу всем необходимым в одном месте, и выгодным самим торговцам, которые таким образом решали проблемы контроля торговли, логистики и охраны товара. Именно этим обстоятельством, по нашему мнению, объясняется частое упоминание в

качестве владельцев различных бакалейных, мануфактурных и прочих лавок одних и тех же коммерсантов. Таким образом, некоторую часть торговых лавок, указанных в сохранившихся документах, нужно рассматривать не как отдельные коммерческие предприятия, а как отделы одного «домовладельческого» магазина. К сожалению, установить их точное количество, в силу крайней скудности сохранившихся статистических данных, не представляется возможным.

Оседло проживавшие в Нальчике купцы торговали мануфактурой, галантерейными, бакалейными и кожевенными товарами, которые доставлялись из Москвы, Нижнего Новгорода, и других городов России на сумму до 800 тыс. рублей в год [Исмаилов, Туганов 2004: 168].

Наиболее значительным, как это видно из документов, в слободе было представительство учреждений, осуществляющих торговлю мануфактурным товаром. По неполным данным, только за 1900–1914 гг. непосредственно в Нальчике регистрируется до 40 мануфактурных лавок.

Владельцы мануфактурных лавок

Абрамов С.А.	Насилов Я.
Абрамов М.	Хаиров И.Ч.
Абрамов Г.	Хануков И.А.
Алхасов Я.И.	Ханукаев Д.М.
Афаунов Х.	Ханукаев И.И.
Дронов Н.П.	Ханукаев Д.М.
Зипалов С.М.	Ханукаев И.А.
Зипалов С.Г.	Ханукаев Д.А.
Зипалов П.Г.	Ханукаев И.
Зипалов И.Г.	Хачатурьян М.
Зудин И.А.	Ханукаев Я.И.
Ифраимов А.Х.	Ханукаев А.А.
Ифраимов Э.Х.	Ханукаев А.
Ифраимов С.А.	Ханукаев М.
Ифраимов Э.А.	Шагушева Г.
Мигиров А.М.	Шуйский А.И.
Мигиров Т.М.	Юсупов Я.Р.
Оганесянц Х.Г.	Юсупов Х.С.
Рабаев М.	[Вся Донская... 1901: 244–245;
Родеонов А.Д.	1902: 320–321; 1903: 313–315; 1904:
Степанов А.К.	158–160; 1905: 156–159; 1908:
Сухов П.В.	278–280; 1909: 139–140; 1910:
Тхахожиев И.Б.	94–95; 1911: 171–173; 1912: 198].
Тер – Хасобов Кероп	

Из вышеприведенного списка видно, что большая часть торговли мануфактурным товаром была сосредоточена в руках представителей нескольких крупнейших купеческих семей слободы: Абрамовых, Зипаловых,

Ифраимовых, Ханукаевых, Юсуповых. Старейшие из них, по-видимому, предприятия Ифраимова Агавы и Юсупова Рахмила, сведения о которых включены во «Всероссийский Адрес-Указатель Мануфактурно-Галантерейных торговых домов» за 1896. Годовой оборот, по данным составителя – И.Г. Советова, тогда уже исчислялся довольно солидными суммами в 100 000 и 60000 рублей, соответственно [Советов 1896: 125]. История крупнейших торговых династий слободы начиналась в 70–80-х гг. XIX в., именно тогда они впервые начинают фигурировать в окружных документах в качестве «местных» коробейников и мелких лавочников. Вместе с тем в документах уже с начала XX в. мы можем встретить фамилии кабардинских торговцев – Х. Афаунов, И.Б. Тхахожиев (возм. Тхагожеев), проникающих в этот сегмент рынка Нальчика. Как правило, владельцем мануфактурного заведения регистрировался один предприниматель. В официальных документах этого периода встречается всего две лавки с совместным владением, хозяевами которых значатся близкие родственники. В обоих случаях указаны братья Ханукаевы.

Немногим меньше мануфактурной была представлена бакалейная торговля. Здесь за тот же период фиксируется до 35 лавок соответствующей специализации.

Владельцы бакалейных лавок

Абрамов Г.	Луценко М.Ф.
Агаев А.Х.	Маркин В.П.
Агушинский А.И.	Мукаев С.
Алавердов Ал.-Оглы	Насимов Я.И.
Алиев Алаверды	Озерец Пелагея
Асаев А.Г.	Петросов Г.П.
Баранов З.М.	Петросов Н.А.
Баранов И.З.	Родоонов А.Д.
Бекалдиев Хаджибек	Сагоянц К.С.
Беловицкий Л.	Сластина М.В.
Беловицкий А.Н.	Слепышев М.Н.
Дронов Н.И.	Степанов А.К.
Дубовик И.Я.	Тер-Оганесянц Х.Г.
Заветаев П.М.	Шалушева Г.
Зипалов П.Г.	Шуйский Е.
Зипалова Н.А.	[Вся Донская... 1901: 220–221;
Каспаров Т.	1902: 302–303; 1903: 275–276; 1904:
Кличанц Г.А.	119–120; 1905: 119; 1908: 257–258;
Левиев М.Л.	1909: 117–118; 1910: 66–67; 1911:
Лободин Ф.Д.	137–139; 1912: 167–168].

В этом перечне также присутствуют представители крупнейших купеческих династий – Барановы, Зипаловы, Шуйские. Уверенную конкуренцию им составляют заведения «временно проживающих» купцов из

Закавказских губерний России – Каспарова, Тер-Оганянца, Алиева, Алавердова и др. Встречаются и кабардинские предприниматели – Бекалдиев Хаджибек и Г. Шалушева. Последний факт, вкупе с данными по мануфактурной торговле, свидетельствует об устойчивой традиции закрепления кабардинского частного капитала в торговой сфере административного центра округа.

Замыкают тройку лидеров предприятий розничной торговли учреждения специализирующиеся на галантерейной продукции. Документы фиксируют всего 23 заведения. В перечне галантерейщиков, помимо местных купцов из евреев – Ифраимовых, наибольший удельный вес приходится на временно проживающих коммерсантов из Закавказских губерний империи – Алиева, Алавердова, Петросова и др. Занимавшиеся ранее скупкой и вывозом сырья и полуфабрикатов из области, они к началу XX в. перепрофилировали свои торговые заведения, сделав упор на розничную торговлю. Основательным выглядит и представительство слободской купеческой элиты. Это все те же Барановы, Зипаловы, Дубовик, Шуйские и проч. Своя бакалейная лавка в слободе имела и у кабардинца Бекалдива Хаджибека.

Отметим отдельно лавки, принадлежавшие женской половине купечества слободы – Зипаловой Надежде Алексеевне, Озерец Пелагее Степановне и Г. Шалушевой. Первые две, как это видно из приведенного ниже списка, совмещали эту торговлю с галантерейной. Присутствие женщин в слободской торговле прослеживается и в более ранний период. Встречающиеся в архивных документах за 1890–1891 гг. имена Марии Ивановны Аваковой, Елизаветы Шутовой, Натальи Расторгуевой [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 191. Л. 4–4 об.], Елизаветы и Устиньи Вязмитиных [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 191. Л. 37], позволяет сделать предположение об активном участии женщин в коммерческой жизни Нальчика уже с конца XIX в.

Владельцы галантерейных лавок

Агаев А.Х.	Петросов И.А.
Алавердов А.-О.	Сухов П.В.
Алиев Алаверды	Сухов И.В.
Баранов З. М.	Тер-Оганянц Х.Г.
Беловицкий Л.	Шуйский И.Е.
Гаспаров Я.Н.	Юсупов Я. Р.
Зипалов П.Г.	[Вся Донская... 1901: 227–228;
Зипалов С.М.	1902: 309; 1903: 290–291; 1904: 135;
Зипалова Н.А.	1905: 134; 1910: 137; 1912: 180].
Зудин И.А.	
Ифраимов А.Х.	
Ифраимов А.А.	
Ифраимов Х.А.	
Ифраимов Л.А.	
Левиев М.Л.	
Озерец Пелагея Ст.	
Петросов Г.И.	

Наряду с крупными купеческими подворьями, система стационарной торговли слободы включала в себя и узкоспециализированные коммерческие пункты, располагавшимися как в арендованных помещениях, расположенных по всему Нальчику, так и в небольших лавках на Торговой площади. Мелочным товаром, в соответствии с патентом, торговали лавки А. Агаева, Дрокнова, Х. Ифраимова, Каспарьяна, М.Г. Агибакова, М.М. Хачатуранца [Вся Донская... 1908: 287; 1909: 147; 1911: 184]. Смешанный товар можно было приобрести в заведениях Л.Ш. Беловицкого, П.Н. Дронова, Н.В. Дурикова, И.И. Штогринина, М.Ф. Шумакова [Вся Донская... 1909: 157; 1910: 116].

Рост слободы и развитие курортного и туристического дела обусловили также спрос на строительные материалы. В Нальчике даже имелось собственное производство. Так, в 1899 г. здесь находились 3 кирпично-черепичных завода [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 455. Л. 36]. Торговлю кирпичом осуществляли: Юсупов Янкель Рахилевич, Я.Е. Кривчик, Ф.И. Шуйский, П.Ф. Карнинский, А.М. Алибеков [Вся Донская... 1902: 316; 1910: 85; 1911: 160; 1912: 190]. Железо и скобяной товар предлагали торговые предприятия З.М. Баранова, Л. Беловицкого, В.П. Маркина, И.Е. Шуйского [Вся Донская... 1902: 313; 1903: 296; 1904: 140]. Мелом и воском – Слепышев М.И. [Вся Донская 1901: 255; 1904: 132]. Лес и пиломатериалы – А.И. Шуйский, Я.Е. Кривчик, М.И. Шуйский, Д.С. Мещеряков [Вся Донская... 1903: 304; 1908: 273; 1911: 165].

Часть товаров, которых в нужный момент могло не оказаться в лавке, покупатели заказывали по каталогам, чаще всего это касалось покупки сельскохозяйственной техники и оборудования. Здесь же владельцы аульских лавок и магазинов имели возможность договориться о мелкооптовых закупках для своих заведений. Подобные коммерческие сделки и операции нуждались в соответствующем юридическом оформлении, потому к началу XX в. в слободе открывается нотариальное присутствие. Обслуживание интересов торговцев и предпринимателей округа осуществлял окружной нотариус Н.А. Кочергин.

Особым спросом в слободе и ее окрестностях пользовался кожевенный товар. В самом Нальчике кожу не обрабатывали, предпочитая завозить готовые изделия со стороны, потому кожевенные лавки посещались как местными, так и заезжими покупателями. Документы фиксируют предприятия Л.Ш. Беловицкого, Х.А. Ифраимова, М. Козальянц, К.С. Согоянц, И.Е. Шуйского, И.Д. Шуйского, М.Ф. Шумакова. Общая лавка содержалась П.Ф. Картонским и П.К. Заветовым. В близлежащей колонии Александровская кожевенным товаром занимался К.Н. Стиль [Вся Донская... 1902: 317; 1903: 302; 1910: 86].

Монопольную торговлю изделиями из драгоценных металлов держали в слободе выходцы из Нахичевани. Несмотря на наметившийся к началу XX в. рост благосостояния слобожан, эти предметы роскоши были рассчитаны в основном на заезжую публику – «курсовых», готовых тратить на отдыхе большие суммы. Золотые украшения можно было приобрести в лавках «временно проживающих» Петросова Григория Петросовича, Гаспарова Якова,

М.К. Назаретова, А.С. Сагоянц, А.И. Даноконанц, Г.М. Петросянц [Вся Донская... 1902: 315; 1903: 301; 1911: 157]. Вместе с тем, уже к 1911 г. в конкурентную борьбу с ними включился «ювелирный магазин» Исаия Ханукова [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 602. Л. 31].

В 1913г. в слободе открывает свой «Часовой магазин» татарин Ибрагим Агжигитов, здесь же находились и единственные на весь округ часовщики – Павел Бондарчук [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 602. Л. 31] и Захария Фрахтман [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 116. Л. 216].

Торговля обувью осуществлялась в лавках М.Ф. Шумакова, К. Сагоянц, Я.А. Гаспарова [Вся Донская... 1910: 108; 1911: 192], мебелью – Г.Ф. Ляпунова [Вся Донская... 1912: 202], посудой – А.Г. Агаева [Вся Донская... 1902: 331]. Ассортимент швейных машин предлагал своим покупателям Г.П. Романов [Вся Донская... 1912: 223].

Как видно из документов, в Нальчике уже с мая 1894 г. открылось первое фотоателье. Заведение принадлежало Ефиму Лукьянову. Но просуществовало оно не долго, т. к. владелец по неизвестным причинам не озаботился приобретением разрешительных документов. Тем не менее в 1912 году в Нальчике имелось уже три фотоателье, из которых первое – И.Г. Черджиева – было открыто в 1909 году, второе – И.Н. Новиковского, и третье – А.А. Берсбиева.

В 1908 в слободе начинает свою работу типография, хозяином которой значится И.А. Урусбиев, ему же принадлежал и «магазин канцелярских принадлежностей». Предприятия Урусбиева, типография и магазин, обеспечивали широкий спектр потребностей местной окружной администрации, Съездов Доверенных, Кабардинской Общественной Суммы и деловых кругов. Специализация – от изготовления типовых печатных бланков и рекламной продукции, до писчих принадлежностей и другой канцелярской мелочи, необходимой в делопроизводстве. Типографию позднее выкупил капитан К.М. Львов [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 811. Л. 137-138].

Потребности жителей и гостей слободы в медицинских лекарствах и услугах провизора вполне обеспечивались единственной аптекой. Ее владельцами, в разные годы, являлись А.И. Мисевич и О.В. Тришкина [Вся Донская... 1902: 317; 1908: 255].

С ростом населения Нальчика оказались востребованы услуги в ритуальной сфере. Своими точками, торгующими гробами на любой вкус и достаток, обзавелись З.М. Баранов, И.З. Баранов, Л. Беловицкий, В.П. Маркин, Н.П. Драков, С.К. Кожевников [Вся Донская... 1912: 183].

Формы организации общественного питания

В отдельную категорию следует вынести предприятия общественного питания, а также смежные с ней. Первоначально учреждения этой сферы ориентировались на обслуживание интересов прибывающих в Нальчик по делам кабардинцев. Если получение разного рода разрешительных документов отнимало у последних не так много времени, то многочисленные тяжбы и

судебные разбирательства, куда горцы пребывали в составе многочисленных групп из числа родственников и друзей, иногда растягивались на недели. Все это время стороны конфликтов проживали и питались в слободе, потому неудивительно, что ориентированное на эти ситуации виды предпринимательства нальчан развивались особенно заметно. С конца XIX в. этот сегмент общепита, специализировавшийся на обслуживании заезжих кабардинцев, активно осваивается представителями балкарского населения округа. Примером тому служит история учреждения в слободе первой халяльной харчевни. Начальнику Нальчикского округа 4 января 1907 г. поступило прошение от проживающих Нальчик горцев Нальчикского округа: Бекира и Караби Мокаевых, Аслантоко Залиханова и Гагой Шаваева, на разрешение открыть в слободе харчевню. В обоснование приводились следующие доводы: «Харчевни эти необходимы и кабардинскому народу, бывающему в Нальчике по несколько дней, в которых он пользуется горячей пищей мусульманского приготовления; так как Кораном запрещено потреблять пищу, приготовленную не мусульманами, то последние удобны и с этой стороны, да и в отношении народного здоровья, а потому просим Ваше Высокоблагородие приказать названному обществу не препятствовать нам к открытию харчевен» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 699. Т. 2. Л. 24]. Неизвестно как в дальнейшем складывалась судьба компаньонов, но, судя по архивным данным, Аслантоко Залиханов и в 1915 г. продолжал в Нальчике свою деятельность на ниве общепита. Именно ему в январе 1915 г. «распорядители от представителей Кабардинского народа» [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 44. Л. 13] поручили организацию торжественного обеда в Нальчике для всадников Кабардинского полка, отбывающих на фронт.

С развитием туристической, а затем курортной индустрии предприятия общепита все больше переключаются на удовлетворение запросов заезжих «курсовых». Еще 7 мая 1896 г. житель Балкарского общества Мисир Артасаов обратился к начальнику округа с просьбой о разрешении ему открыть в слободе Нальчик кумысное заведение. «Кумыс я обязуюсь готовить хорошего качества, посуду, комнаты буду держать в хорошем виде, продавать же кумыс буду по 10 к. Одинарную бутылку, а двойную – по 20 к. Кефир же, одинарную бутылку по 5 к., а двойную – по 10 к» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 14. Л. 64].

К услугам отдыхающих в слободе появляются новые харчевни и закусовые. В Атажукинском саду открываются первые кафе. Расширяется сеть питейных заведений и духанов. С 1900 по 1914 гг. в Нальчике работали духаны И.Г. Дарма, Докшокова Кучука Жамботовича и Докшокова Пшемахо Кучуковича, П.Н. Шумаковой, М.Ф. Шумакова. Причем некоторые представители предпринимательских кругов слободы открывали свои духаны и за пределами округа. В 1902 Ф.И. Шуйский содержал духан в ст. Котляревская (Сунженский отдел), а А.И. Шуйский в ст. Солдатская [Вся Донская... 1901: 230; 1902: 311–312].

Рост питейных заведений, как в слободе, так и по всему округу, становится особенно заметным с конца 80-х годов XIX в. Это явление было

обусловлено, прежде всего, высокой доходностью этих предприятий. **Владельцы питейных заведений с адресами [УЦГА АС КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 5. Л. 9].**

Имя	Количество	Адрес	Имя	Количество	Адрес
1.Афанасий Семенов	1	Нальчик	8.Хай-Мурза Аминев	3	На торговлю в сел. Хасав-Урт
2. Егор Ходжаев	1	Ново-Павловское	9.Василий Дробышев	1	Нальчик
3.Алексей Шуйский	1	Кол. Александровская	10.Савелий Балахурбетов	2	аул Бабуковский
4. Илья Шуйский	1	Нальчик	11.Израиль Ифраимов	1	аул Бабуковский
5.Михаил Ананьев	1	Нальчик	12.Тамбот Калмыков	2	Аул Абукова
6.Василий Зипалов	1	пост Баксанский	13.Варлам Сеферов	2	аул Атажукина
7.Вольф Лидский	1	Нальчик	14.Мухамед Хакимов	1	аул Хасаут

Как видно из таблицы выше, большая часть этих предприятий также оказалась в руках предпринимательской элиты слободы – Зипаловых, Шуйских, Дробыша, Ифраимовых. Трактиры открываются не только в слободе, русских и казачьих поселениях округа, но и в горских аулах, в которых прежде их появление жестко табуировалось адатами и религиозными предписаниями. Обращает на себя внимание и тот факт, что содержателями питейных пунктов в документах все чаще фигурируют сами горцы. Владельцем одного из двух трактиров в Бабуковском ауле значится кабардинец Тамбот (Тембот) Калмыков. В ауле Хасаут хозяином заведения указан Мухамед Хакимов.

В самом Нальчике приобрести вино, помимо трактира, жители и отдыхающие имели возможность в винных лавках Ш.Я. Дубовика, Данилова Арутюна, П.Н. Заветаева, А.И. Шуйского и А.И. Шуглинского [Вся Донская... 1910: 75]. К услугам желающих продегустировать алкогольные напитки на месте в Нальчике имелось два «Буфета», один из которых – при «английском клубе». Содержали их П.Н. Заветаев и С.С. Римас [Вся Донская... 1901: 225; 1905: 306; 1912: 173]. А особые ценители рейнских вин могли насладиться любимым продуктом в «Ренсковом погребе», хозяином которого являлся Е.Г. Дубовик [Вся Донская... 1912: 216].

Не менее структурированной в начале XX в. была и система оборота такого специфического алкогольного напитка, как пиво. В соответствии с выданными патентами, рынок этой продукции был разделен между тремя основными монополистами. Потребности в пиве нальчан и гостей курорта обеспечивало предприятие Р.И. Резакова, имевшего патент на его продажу в розницу. Непосредственно производством этого продукта в слободе занимался А.Р. Ленцингер. На хранении продукции специализировался пивной склад Ф.А. Андриевича [Вся Донская... 1903: 330 1912: 212].

Рост населения слободы, увеличение числа отдыхающих со временем приводят к появлению торговых точек, специализировавшихся на продаже мясо-молочной продукции. В 80-х гг. XIX в. в Нальчике появляются первые

мясные лавки. Особенности конъюнктуры местного спроса ограничили их количество двумя торговыми пунктами. Первый принадлежал Шуйским. Первоначально лавка была записана на А.И. Шуйского, затем управление переходит к его супруге Е.Ф. Шуйской, позднее владельцем предприятия значится М.И. Шуйский. В начале XX в. открывается лавка Н.А. Ашурова [Вся Донская... 1901: 255; 1902: 328; 1908: 290]. В документах за 1899 г. фигурирует также частная маслобойня [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 455. Л. 36], мощности которой хватало всей слободе.

Наряду с мясными, открывают свои двери для посетителей и первые нальчикские хлебобулочные предприятия. Жители и гости слободы могли помимо традиционной хлебной продукции Е. Медведева, Ц. Хидудянца, могли приобрести различные лепешки, лаваш и прочее в лавках при пекарнях Б.С. Садыкова, Аба-Сагир-Оглы и Исмаила Самех-Оглы [Вся Донская... 1911: 214; 1912: 210].

Более разнообразная по ассортименту пищевая продукция встречалась в «гастрономических» лавках. Гастрономический товар предлагали своим клиентам Алавердов Али-Оглы и Ш.Я. Дубовик. Специализированная торговля сахаром велась в заведении А.Г. Агаева. Продажу свежих фруктов осуществляли Редясеб Али-Ахмет и некий Исмаил, более подробных сведений о котором выявить не удалось [Вся Донская... 1909: 126, 121]. Воспоминания современников позволяют отчасти восстановить схему гастрономической торговли слободы. «В районе теперешнего кинотеатра «Победа» был малый базар, справа мясные и хлебные ларьки, слева персидские лавчонки с фруктами и различными сладостями, а в центре рынка – длинные, узкие столики с овощами, цветами и различными продуктами» [Пеннер, Пеннер 1993: 53].

Развитие курортного предпринимательства

С конца XIX в. все большее влияние на характер торговли и предпринимательства слободы оказывает развитие курортного дела. Налъчане, еще в статусе военных поселян, выезжая с торговыми целями в Пятигорск и города Ставропольской губернии, имели возможность по достоинству оценить все перспективы данного предприятия. Ставшие популярными еще в начале XIX в., курорты Кавказских Минеральных Вод ежегодно принимают все более возрастающий поток туристов и отдыхающих. Приезжие, в основном состоятельная публика, на отдыхе оставляли довольно солидные, по местным меркам, суммы. Самые предприимчивые жители курортных мест быстро сколачивали целые состояния на продаже продуктов и предоставлении в наем жилья отдыхающим. Развитие курортного дела в этих городах плодотворно отражалось на улучшении городской инфраструктуры, улучшении качества жизни и росте благосостояния населения.

Отсутствие перспектив промышленного производства вкупе с весьма посредственными результатами в земледелии, вынуждали население слободы Налъчик искать альтернативные источники доходов. В этой связи весьма привлекательным для большей части жителей Налъчика и ведущих

предпринимателей выглядело налаживание курортного дела. Окружная администрация всячески поддерживала это стремление. Четко осознавая все преимущества такого развития ситуации, ее представители прикладывали значительные усилия для того, чтобы слобода Нальчик официально получила статус города и курорта.

Попытки реализации этого проекта предпринимались с начала 80-х гг. XIX в. Первый раз в 1882 г., когда «возросшая хозяйственная роль Нальчикской слободы стала одним из главных аргументов обращения о придании Нальчику статуса города» [Прасолов 2016: 56]. Второе ходатайство, совместно подготовленное окружным начальством и жителями слободы в 1884 г., содержало более развернутую аргументацию. В нем Нальчик именовался окружным «торговым центром», подчеркивалось, что «общий характер занятий и жизнь поселившихся в Нальчике не сельский, а преимущественно городской». Приводились и другие доводы в пользу того, что слобода уже теперь, де-факто, больше город: «В настоящее время слобода представляет вид упорядоченного города благодаря правильным и широким улицам, бульварам, садам, хорошим постройкам, богатой церкви, аптекам, торговым магазинам, складам, лавкам, торговым рядам и обширному еженедельному базару» [Прасолов 2016: 56].

Последнее обращение в Администрацию кавказского наместника поступило в 1915 г. С соответствующей инициативой выступило «Общество нальчикского курортного благоустройства» под председательством окружного начальника полковника С. Клишбиева. Обращение содержало обоснование необходимости преобразования слободы в город с введением в нем «упрощенного городского устройства» и объявления предполагаемого города климатической станцией [Прасолов 2016: 58–59]. Здесь, так же как и в предыдущем случае, делался акцент на роль слободы, как административного и торгового центра всего округа. Подчеркивались успехи в развитии курортной инфраструктуры.

Как уже говорилось выше, окружные власти, как и местная общественность, отчетливо понимали, какие перспективы сулит развитие курортного дела, и прилагали немалые усилия для реализации своих административно-курортных амбиций. По свидетельству Г. Москвича «в слободе Нальчик отведены участки земли под будущий курзал и парк Владикавк. жел. дор. и под английский парк. Имеется общество благоустройства, заботящееся о санитарной части и ходатайствующее о переходе к более совершенным формам общественного управления» [Москвич 1913: 153]. В 1913 г. было завершено строительство железнодорожной ветки «Котляревская-Нальчик» и открыта железнодорожная станция «Нальчик», осуществлен первый этап телефонизации. В 1916 г. «Владикавказская железная дорога» построила в слободе водопровод для обслуживания железнодорожной станции и некоторых курортных сооружений. По инициативе руководства в слободе также построены 2 водозаборные будки, и 22 августа 1916 г. жители Нальчика впервые получили воду из водопровода.

Надежды администрации округа и местной общественности были связаны с ростом популярности рекреационных возможностей Нальчика и его окрестностей в туристической среде. Слобода хоть и находилась в отдалении от пролегания основных туристических магистралей, тем не менее с 60-х гг. XIX в. начинает активно посещаться путешественниками. Первыми удобство расположения слободы и привлекательность окружающей ее природы оценили альпинисты, в том числе и иностранные, готовившиеся покорить вершину Эльбруса. В середине 60-х гг. Нальчик посетил английский путешественник Дуглас Фрешвильд, который, по его словам, «остался очарован красотами поселения». Он и его спутники были «приятно удивлены» ассортиментом местных лавок, в которых нашлось все, от «изумительной ветчины», до изысканного и дорогого парфюма. Фрешвильд даже оставил соответствующую запись в своем дневнике: «Чем более длиться мирное время, тем более Нальчик превращается в милый и уютный провинциальный городок, с широкими улицами, затененными деревьями, и застроенными одноэтажными коттеджами, окруженными клумбами» [Freshfield 1869: 398]. Примерно в таком же ключе выдержаны воспоминания о поездке в слободу Н. Харузина, опубликованные им в 1888 г. «Лавки обывателей невелики: в них можно найти все предметы первой необходимости, а в иных и предметы роскоши, понимая, конечно, последнее слово относительно». Сам автор остановился в доме казака, который сдавал проезжим комнаты «по очень умеренной цене» [Харузин 1888: 180].

Туристов, как правило, интересовали увлекательные и недорогие относительно других курортов Северного Кавказа, поездки в горы. В 1903 г., по словам заядлого путешественника и туриста И.П. Белокопского, поездка в Балкарию и обратно (до последнего аула в Балкарии 70 верст от Нальчика) в течение четырех дней «на паре лошадей, в простой телеге, покрытой рогожею» обходилась в 10 руб., а вместе с провизией – 8 рублей 64 коп. Провизию необходимо было взять с собою, так как на «всем пути возможно раздобыть лишь яйца, кур да молока, но и то далеко не всегда. В этом отношении Нальчик служит незаменимым отправным пунктом, в котором все можно достать» [Белокопский 1903: 687].

Издатель «Иллюстрированного практического путеводителя по Кавказу» обобщает и конкретизирует информацию для туристов. «От Нальчика в стороны: до Голубых озер, Балкарии и обратно фаэтон или линейка от 10 до 12 руб., фургон – 4 руб.; до «Нальчик – курорта» – 60 коп.: за прогулку продолжительностью от 3 до 4 часов – от 1. 50 до 2 руб. Верховые лошади имеются всегда у кабардинцев: Кирефова Курмана и у Килимета Мисостова – цена за прогулку от 4 до 5 часов – от 1. 50 до 2 руб.; за час езды – 75 коп.» [Москвич 1913: 155].

Помимо сезонного «дачного» отдыха, в округе, со второй половины XIX в. получает развитие и другое направление туризма – альпинизм. Высочайшая вершина Европы – Эльбрус – манила и притягивала путешественников и профессиональных альпинистов не только из России, но и из разных уголков мира. «Никаких особенных технических трудностей нет при

восхождении на Эльбрус. Но доступно оно очень тренированным, здоровым и счастливым альпинистам» [Анисимов 1924: 167].

Для облегчения восхождений в 1909 г. Кавказское Горное Общество построило хижины, приют на контрфорсе Эльбруса, обращенное к югу, т.е. в сторону Главного Хребта. Контрфорс этот получил название «Кругозор», т.к. с него открывалась масштабная панорама от Эльбруса до Кашка-Тау. Восхождение к хижине было доступно без всякого альпийского снаряжения и, обычно, совершалось с поляны за выселком Терскол под ледником Азау. Снаряжались для восхождения в ауле Урусбиево., где еще в 1880 годах Измаил Урусбиев построил «кунацкую» для туристов и принимал у себя всех русских и иностранных альпинистов, совершавших восхождение на Эльбрус и его ледники. Его дело продолжал его сын, очень интересный и интеллигентный горец, Наурус Измаилович Урусбиев. Он был деятельнейшим членом Горного Общества в Пятигорске и своим постоянным содействием альпинистам и геологам немало способствовал изучению Эльбруса и Главного хребта, Вольной Сванетии и других соседних вершин Большого Кавказа [Анисимов 1924: 168].

Паломничество иностранных альпинистов к Эльбрусу увеличивалось с каждым годом. «Ежегодно бывает много путешественников англичан, швейцарцев и французов. Число едущих в Нальчик с каждым годом все более и более увеличивается; много приезжих было в этом году из Москвы и Петербурга. Вы встретите тут и военных, и статских, и студентов; в числе их много бывает толстовцев, которых притягивает сюда и дешевизна жизни, и то обстоятельство, что возле Нальчика до сих пор существует колония толстовцев...» [Далгат 1991: 149–150].

Параллельно отмеченному выше, шло окончательное оформление системы курортно-туристического предпринимательства округа. Б.К. Далгат, возможно первым подметивший завершение процесса переориентации сферы обслуживания слободы на удовлетворение потребностей туристов и отдыхающих, писал: «Нальчик начинает уже приобретать некоторые признаки курорта, ...уже теперь курсовые служат дойными коровами для слобожан, хотя пока в очень слабой степени – плохой, но верный признак курорта. Так, например, с вас в одной и той же лавке берут вдвое дороже, если узнают, что вы «курсовой»; за квартиру тоже возьмут с курсового лишнее ...» [Далгат 1991: 150].

В 1913 г. Нальчик считается уже климатической станцией, куда на летнее время съезжалось до 2000 больных. Особой популярностью пользовался так называемый дачный туризм. В трех верстах от слободы расположился дачный поселок Хутор-Долинский [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 864. Л. 72], куда каждый сезон съезжались в поисках тишины и провинциального покоя отдыхающие со всех концов империи. Для остальных в слободе предлагали свои услуги: 2 дома с меблированными комнатами; 4 постоянных и 17 «заезжих» дома» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 864. Л. 76]. Сюда часто наведывались отдыхающие с минеральных вод, особенно после серных ванн, когда возникала необходимость провести 3–4 недели в здоровой местности, так как «более или

менее продолжительное вдыхание газов, которым насыщен воздух вблизи серных источников, не проходит бесследно для легких». Для таких курсовых в слободе имелось три больших помещения с меблированными комнатами и до 300 слободских домов, в которых отдаются им целые квартиры или отдельные комнаты. Комната со скромной обстановкой 20–30 рублей в месяц, квартиры в 3–4 комнаты 150–250 руб. за сезон. Культурная программа предполагала прогулки в двух небольших скверах, в которых по утрам и до захода солнца «играет оркестр музыки». Вечера «публика» проводила в клубе, где «нередко устраиваются любительские спектакли, а еще чаще, импровизированные концерты, когда кто-нибудь играет и поет, а прочие слушают» [Москвич 1907: 164–165].

Г. Москвич, известный популяризатор отдыха на Кавказе, сообщал своим читателям, что в местной достопримечательности – Атажукинском саду – «имеется ресторан, с весьма недорогими ценами: самовар – 20–30 к., шашлык – 20 к., Нарзан – бутылка 10 к. [Москвич 1907: 164–165]. Искавших иных развлечений ожидали кинематограф; 7 трактирных заведений; 2 клуба «с буфетами» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 864. Л. 76].

Курортная индустрия планомерно расширяется и в дальнейшем. Помимо Курзала, кегельбана, в верхней части Романовского сквера [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 909. Л. 62], и других увеселительных заведений появляется первая специализированная гостиница Алексея Шуйского. Она была возведена в самом начале главной улицы слободы – Воронцовской. Это был «солидный двухэтажный особняк, с большим балконом, с витыми ажурными решетками» [Котляров 2017: 69]. Расширяется сеть заезжих домов и постоялых дворов. В этот процесс активно включаются представители местного горского населения. Если в первом десятилетии XX в. проникновение горцев из близлежащих селений ограничивалось сферой общественного питания, то во втором они прочно закрепляются и в гостиничном бизнесе. Не имея «оседлости» они вынуждены были выстраивать свое дело на субаренде. В марте 1915 г. «временно проживающий» в Нальчике Талиб Жигунов открывает собственный постоялый двор. Имея на руках промысловое свидетельство стоимостью 100 р., дающее ему такое право, Жигунов арендовал дом у местного обывателя Андрея Лунева сроком на 2 года и 6 месяцев, с выплатой 480 р. в год. Стулья принадлежали Жигунову, столы в доме – Луневу [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 907. Л. 174]. Пример Жигунова отнюдь не единичен. Привлеченные перспективами развития туризма, свои гостиничные предприятия в слободе открывали и другие горцы. К.А. Чхеидзе в своих воспоминаниях упоминает о постоялом дворе в Нальчике, который содержал некий кабардинец, проживавший тут же с семьей [Чхеидзе 2004: 192].

Помимо гостиниц и заезжих домов, жилье в наем активно предоставляет местное население. Данный вид предпринимательства традиционно оставался важной статьей дохода слобожан и успешно конкурировал с нарождавшимся гостиничным делом, преимущественно, в силу дешевизны предлагаемых услуг. В слободе Нальчик средняя годовая наемная стоимость квартир составляла:

малых (до 4 комнат) – 360 р.;
средних (4 – 6 комнат) – 500 р.;
больших (свыше 6 комнат) – 1000 р.

По округу – наем квартир стоил на порядок ниже:

малых – 240 р.;
средних – 360 р.;
большие – 600 р. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 864. Л. 79].

Средняя помесечная наемная плата домашней прислуги с продовольствием хозяев также выглядела необременительной для заезжей столичной публики:

Мужская прислуга в округе и слободе – 15 р.;
Женская прислуга в округе – 5 р., в слободе – 10 р.
Поденная плата чернорабочих без продовольствия:
Летом – 1 – 2 р.;
Зимой – 80 – 1р. 50 к. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 864. Л. 79].

Эти цены, на фоне аналогичных показателей соседних Пятигорска и Кисловодска, выглядели весьма умеренными, а учитывая невысокую цену на продукты питания в слободе – фунт хлеба 1-го сорта стоил 5 к., 2-го – 4,5 к., фунт мяса 14 к., яйца 10 штук – 28 к., масло коровье 1 фунт – 56 к., молоко 1 бутылка – 15 к., картофель 1 пуд – 50 к. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 864. Л. 81], Нальчик имел все шансы превратиться в один из самых посещаемых курортов Северного Кавказа.

В 1915 г. курорт Нальчик удостоился упоминания в первом большом специализированном справочнике «Лечебные местности России», вышедшем под эгидой «Всероссийского Общества для усовершенствования русских лечебных местностей». В нем в частности сообщалось, что «климатическими условиями, т. е. сочетанием идеально чистого воздуха, постоянно вентилируемого горными бризами, большим числом жарких дней, умеренным количеством осадков и отсутствием малярии, определяется ценность Нальчика, как климатической станции. К этому следует прибавить также возможность пользоваться кумысом» [Лечебные... 1915: 138].

Курортное предпринимательство в слободе поступательно развивалось вплоть до событий октября 1917 г. Революция и последовавшая за ней Гражданская война на долгие годы прервали этот процесс. Частное предпринимательство слободы и округа в целом также получило основательный удар, оправиться от которого, даже частично, не удалось в годы НЭПа.

Заключение

Первоначальная модель экономического развития слободы являлась детищем Кавказской Военной Администрации. Стратегия ее реализации в течение десятилетий определялась не рыночной конкуренцией, а установлениями, предписаниями и специальными положениями военного ведомства. Этот факт оказал значительное влияние на развитие коммерции и

предпринимательства Нальчика, которое начавшись с маркитантов, и пройдя сложный эволюционный путь, к началу XX в. оформляется в стройную систему рыночных отношений. История торговли и предпринимательства Нальчика – это яркий пример ситуативной коммерческой деятельности в условиях фронта, трансформации маркитантской лавки в торгово-промышленный центр округа. Своеобразие явления заключается еще и в том, что одновременно на ограниченной территории сосуществовали различные по многим ключевым параметрам хозяйственно-экономические традиции и методы предпринимательства. Основной костяк купеческой элиты слободы составили, преимущественно, выходцы из контингента русского «пришлого» населения, еврейских переселенцев и мелких коммерсантов из закавказских губерний России. Потомки «коренных», т.е. военных поселян, в списке крупнейших предпринимателей Нальчика нами не выявлены.

Несмотря на сдерживающие обстоятельства, купеческой общине слободы в течение пореформенного периода удается создать многопрофильную, разветвленную систему коммерческих услуг и предложений.

На основе изучения сохранившихся документов можно сделать вывод о многоукладном характере предпринимательства слободы в пореформенный период. Начинаясь с «развозной» мелко-розничной торговли, оно эволюционировало в комбинированную форму хозяйствования, включавшую в себя помимо специализированной торговли, сдачу жилья в аренду, содержание предприятия общественного питания, увеселительные и прочие заведения. Со временем, экономические интересы ведущих купеческих династий слободы расширяются и выходят за границы округа и Терской области в целом.

Отсутствие на территории Кабарды и Балкарии разведанных запасов полезных ископаемых, как это было, например, в Грозненском и Владикавказском округах, и, соответственно, невозможность наладить крупное промышленное производство, вынуждали слободскую администрацию совместно с общественностью и деловыми кругами искать альтернативные пути развития экономики края. Выбор курортного дела, как наиболее приемлемого вида предпринимательства, был обусловлен природно-рекреационными возможностями края. В относительно короткие сроки коммерсантам Нальчика, поступательно расширявшим список предлагаемых товаров и услуг, удается наладить функционирование курортного дела.

Таким образом, в Нальчике на рубеже XIX–XX вв. оформляется своеобразный торговый и предпринимательский уклад, который, наряду с усилением административной функции и развитием курортного дела, способствовал превращению слободы в экономический центр округа. Это обстоятельство, безусловно, оказало значительное влияние на развитие капиталистических отношений у народов Кабарды и Балкарии. Слобода превратилась в место, где кабардинцы и балкарцы получили возможность познакомиться с новыми, передовыми методами хозяйствования, перенять неизвестные ранее технологии и формы организации предпринимательства. Это обстоятельство способствовало не только изменению культуры потребления и

нравственных императивов горцев, но и послужило мощным стимулом, подстегнувшим проявление их коммерческой инициативы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Анисимов 1924 – *Анисимов С.* Путеводитель по Кавказу. – М.: Мосполиграф, 1924. – 358 с.
- Бабич 1869 – *Бабич А.* От Нальчика до Череха // Терские ведомости. – 1869. – № 36. – 3 сентября.
- Белоконовский 1903 – *Белоконовский И.П.* На высотах Кавказа. Путевые заметки и наблюдения // Вестник Европы. – 1903. – № 6. – С. 678–696.
- Белоусов 1955 – *Белоусов А.А.* Экономическое развитие Кабарды. – Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1955. – 153 с.
- Бураев 1985 – *Бураев Р.А.* Нальчик. Экономико-географический очерк. – Нальчик: Эльбрус, 1985. – 160 с.
- Вся Донская... – *Вся Донская* область и Северный Кавказ: Учреждения и должностные лица. Промышленные и торговые предприятия. – Ростов-на-Дону. – Вып.: 1901; 1902; 1903; 1904; 1905; 1908; 1909; 1910; 1911; 1912.
- Далгат 1991 – *Далгат Б.К.* Слобода Нальчик (отрывок из дневника путешественника) // Живая старина. – Нальчик. – 1991. – № 1. – С. 145–150.
- Жакомихов 1965 – *Жакомихов Т.А.* История народного хозяйства Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. – 205 с.
- Исмаилов, Туганов 2004 – *Исмаилов А., Туганов Р.* Нальчик // Литературная Кабардино-Балкария. – 2004. – № 4. – С. 163–175.
- Кабанов 1960 – *Кабанов А.С.* Нальчик – столица Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1960. – 125 с.
- Котляров 2017 – *Котляров В.* Купеческие семьи Нальчика. Родовые корни предпринимательства Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2017. – 80 с.
- Кумыков 1962 – *Кумыков Т.Х.* Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. – 200 с.
- Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. – 419 с.
- Лечебные... 1915 – *Лечебные* местности России: справочник. – Петроград: Всерос. общество для развития и усовершенствования рус. лечеб. местностей, 1915. – 448 с.
- Миллер, Ковалевский 1884 – *Миллер В., Ковалевский М.* В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. – 1884. – Т. 2. – № 4. – С. 540–588.
- Москвич 1907 – *Москвич Г.Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. – Владикавказ: Издательство путеводителей «Русский бедекер», 1907. – 519 с.
- Москвич 1913 – *Москвич Г.Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. – СПб.: Редакция «Путеводителей», 1913. – 494 с.
- Пеннер, Пеннер 1993 – *Пеннер В.Я, Пеннер Н.В.* Нальчик глазами современников. – Нальчик: Эльбрус. 1993. – 142 с.
- Прасолов 2016 – *Прасолов Д.Н.* Нальчик и Кабардинское Общество в XIX – начале XX вв. // Уральский исторический вестник. – 2016. – № 3. – С. 52–61.
- Саблиров 2001 – *Саблиров М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX вв. – Нальчик: Адыгэ хэку, 2001. – 232 с.
- Соблирова 2009 – *Соблирова К.Р.* Развитие экономики Нальчика в XIX – начале XX вв. // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2009. – № 2. – С. 20–24.
- Советов 1896 – *Советов И.Г.* Всероссийский адрес-указатель мануфактурно-галантерейных торговых домов. – М.: Типо-литография О.И. Лашкевич и Ко, 1896. – 235 с.

- Харузин 1888 – *Харузин Н.* По горам Северного Кавказа // Вестник Европы. – СПб. – 1888. – Т. 11. – С. 154–195.
- Чхеидзе 2004 – *Чхеидзе К.А.* Страна Прометея. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. – 262 с.
- Ячменихин 2006 – *Ячменихин К.М.* Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. – Чернигов: Сіверянська думка, 2006. – 445 с.
- Freshfield 1869 – *Freshfield, Douglas.* Travels in the Central Caucasus and Bashan. – London: Longmans Green & Co, 1869. – 680 p.
- УЦГА АС КБР – *Управление Центрального Государственного Архива Архивной Службы Кабардино-Балкарской Республики.*

REFERENES

- ANISIMOV S. *Putevoditel' po Kavkazu* [Caucasus travel guide]. – М.: Mospoligraf, 1924. – 358 p. (In Russian)
- BABICH A. *Ot Nal'chika do Chereka* [From Nalchik to Cherek]. IN: *Terskie vedomosti*. – 1869. – No. 36. – September 3. (In Russian)
- BELOKONSKY I.P. *Na vysotakh Kavkaza. Putevye zametki i nablyudeniya* [At the heights of the Caucasus. Travel notes and observations]. IN: *Vestnik Evropy*. – 1903. – No. 6. – P. 678–696. (In Russian)
- BELOUSOV A.A. *Ekonomicheskoe razvitie Kabardy* [Economic development of Kabarda]. – Nalchik: Kabardinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1955. – 153 p. (In Russian)
- BURAEV R.A. *Nal'chik. Ekonomiko-geograficheskii ocherk* [Nalchik. Economic and geographical outline]. – Nalchik: El'brus, 1985. – 160 p. (In Russian)
- CHKHEIDZE K.A. *Strana Prometeya* [Land of Prometheus]. – Nalchik: Poligrafservis i T, 2004. – 262 p. (In Russian)
- DALGAT B.K. *Sloboda Nal'chik (otryvok iz dnevnika puteshestvennika)* [Sloboda Nalchik (excerpt from the traveler's diary)]. IN: *Zhivaya starina*. – Nalchik. – 1991. – No. 1. – P. 145–150. (In Russian)
- FRESHFIELD, DOUGLAS. Travels in the Central Caucasus and Bashan. – London: Longmans Green & Co, 1869. – 680 p. (In English)
- ISMAILOV A., TUGANOV R. *Nal'chik* [Nalchik]. IN: *Literaturnaya Kabardino-Balkariya*. – 2004. – No. 4. – P. 163–175. (In Russian)
- KABANOV A.S. *Nal'chik – stolitsa Kabardino-Balkarii* [Nalchik – the capital of Kabardino-Balkaria]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. – 125 p. (In Russian)
- KHARUZIN N. *Po goram Severnogo Kavkaza* [In the mountains of the North Caucasus]. IN: *Vestnik Evropy*. – SPb. – 1888. – Vol. 11. – P. 154–195. (In Russian)
- KOTLYAROV V. *Kupecheskie sem'i Nal'chika. Rodovye korni predprinimatel'stva Kabardino-Balkarii* [Merchant families of Nalchik. The ancestral roots of entrepreneurship in Kabardino-Balkaria]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2017. – 80 p. (In Russian)
- KUMYKOV T.Kh. *Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX veke* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the 19th century]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. – 419 p. (In Russian)
- KUMYKOV T.Kh. *Vovlechenie Severnogo Kavkaza vo vsrossiiskii rynek* [Involvement of the North Caucasus in the all-Russian market]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. – 200 p. (In Russian)
- Lechebnye mestnosti Rossii: spravochnik* [Therapeutic areas of Russia: a guide]. – Petrograd: Vseros. obshchestvo dlya razvitiya i usovershenstvovaniya rus. leceb. mestnostei, 1915. – 448 p. (In Russian)
- MILLER V., KOVALEVSKII M. *V gorskikh obshchestvakh Kabardy* [In the mountain societies of Kabarda]. IN: *Vestnik Evropy*. – 1884. – Vol. 2. – No. 4. – P. 540–588. (In Russian)

MOSKVICH G.G. *Illyustrirovannyi prakticheskii putevoditel' po Kavkazu* [Illustrated Practical Guide to the Caucasus]. – Vladikavkaz: Izdatel'stvo putevoditelei «Russkii bedeker», 1907. – 519 p. (In Russian)

MOSKVICH G.G. *Illyustrirovannyi prakticheskii putevoditel' po Kavkazu* [Illustrated Practical Guide to the Caucasus]. – SPb.: Redaktsiya «Puevoditelei», 1913. – 494 p. (In Russian)

PENNER V.Ya, PENNER N.V. *Nal'chik glazami sovremennikov* [Nalchik through the eyes of contemporaries]. – Nalchik: El'brus. 1993. – 142 p. (In Russian)

PRASOLOV D.N. *Nal'chik i Kabardinskoe Obshchestvo v XIX – nachale XX vv.* [Nalchik and the Kabardian Society in the 19th – early 20th centuries]. IN: *Ural'skii istoricheskii vestnik*. – 2016. – No. 3. – P. 52–61. (In Russian)

SABLIROV M.Z. *Kul'tura narodov Kabardy i Balkarii v kontse XIX – nachale XX vv.* [Culture of the peoples of Kabarda and Balkaria in the late 19th – early 20th centuries]. – Nalchik: Adyge kheku, 2001. – 232 p. (In Russian)

SOBLIROVA K.R. *Razvitie ekonomiki Nal'chika v XIX – nachale XX vv.* [The development of the economy of Nalchik in the XIX - early XX centuries]. IN: *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*. – 2009. – No. 2. – P. 20–24. (In Russian)

SOVETOV I.G. *Vserossiiskii adres-ukazatel' manufakturno-galantireinykh torgovykh domov* [All-Russian address-index of manufactory and haberdashery trading houses]. – M.: Tipolitografiya O.I. Lashkevich i Ko, 1896. – 235 p. (In Russian)

Vsya Donskaya oblast' i Severnyi Kavkaz: Uchrezhdeniya i dolzhnostnye litsa. Promyshlennye i torgovye predpriyatiya [The entire Don region and the North Caucasus: Institutions and officials. Industrial and commercial enterprises]. – Rostov-na-Donu. – Iss.: 1901; 1902; 1903; 1904; 1905; 1908; 1909; 1910; 1911; 1912. (In Russian)

YACHMENIKHIN K.M. *Armiya i reformy: voennye poseleniya v politike rossiiskogo samoderzhaviya* [Army and reforms: military settlements in the policy of the Russian autocracy]. – Chernigov: Siveryans'ka dumka, 2006. – 445 p. (In Russian)

ZHAKOMIKHOV T.A. *Istoriya narodnogo khozyaistva Kabardino-Balkarii* [History of the national economy of Kabardino-Balkaria]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. – 205 p. (In Russian)

UTsGA AS KBR – *Upravlenie Tsentral'nogo Gosudarstvennogo Arkhiva Arkhivnoi Sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Administration of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Новейшая история**

УДК 93/94(470.64)

DOI 10.31143/2542-212X-2021-3-111-161

**СТАНОВЛЕНИЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ АВТОНОМНОЙ
ОБЛАСТИ: МЕХАНИЗМЫ, ЭТАПЫ, ЗНАЧЕНИЕ****А.Х. БОРОВ**

*ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

А.Г. КАЖАРОВ

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: artur-kazharov@yandex.ru*

Аннотация. В 2022 г. состоится празднование 100-летия образования Кабардино-Балкарской Республики. На рубеже 1980–1990-х гг. исторический опыт начала 1920-х гг. и, прежде всего, обстоятельства создания и институциональная структура Кабардино-Балкарской автономной области оказались в центре этнополитических коллизий. Сложившиеся в то период представления по этим вопросам до сих пор латентно присутствуют в общественном сознании и периодически актуализируются в политических заявлениях отдельных общественных организаций. Предметом предлагаемой статьи являются политические события в регионе Центрального Кавказа (Терской области, Горской АССР, Кабарды и Балкарии), развернувшиеся после окончания гражданской войны и утверждения советской власти в марте 1920 г., и завершившиеся институционализацией системы власти Кабардино-Балкарской автономной области в декабре 1922 г. Цель исследования заключается в том, чтобы на основе систематизации и анализа документального материала представить достаточно полную, хронологически упорядоченную картину политических событий, борьбы и решений, позволяющую раскрыть механизмы, выявить этапы и оценить значение создания объединенной советской автономии кабардинского и балкарского народов. Новизна подхода заключается в том, что работа выполнена в жанре документальной хроники, нацеленной на возможно полное и «плотное» освещение хода событий на протяжении трех лет – с марта 1920 по декабрь 1922 г. Анализ и обобщение привлеченного материала вынесены в заключительный раздел. Рассмотренные в статье материалы показывают, что создание Кабардино-Балкарской автономии представляло собой не единовременный акт, а

процесс, имевший своим содержанием согласование национальных интересов Кабарды и Балкарии и выработку общей формы их институционализации.

Ключевые слова: Россия; Северный Кавказа; двадцатый век; Кабардинская автономная область; Кабардино-Балкарская автономная область; национальная государственность; национальные интересы.

FORMATION OF THE KABARDIN-BALKAR AUTONOMOUS REGION: MECHANISMS, PHASES, SIGNIFICANCE

A.Kh. BOROVI

*Federal State Budget Scientific Establishment «Federal Scientific Center 'Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

A.G. KAZHAROV

*Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budget Scientific Establishment
«Federal Scientific Center 'Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: artur-kazharov@yandex.ru*

Abstract. In 2022, the celebration of the 100th anniversary of the formation of the Kabardin-Balkar Republic will take place. At the turn of the 1980–1990s. the historical experience of the early 1920s. and, above all, the circumstances of the creation and the institutional structure of the Kabardin-Balkar Autonomous Region were at the center of ethno-political collisions. The views on these issues that took shape at that time are still latently present in the public consciousness and are periodically updated in the political statements of individual public organizations. The subject of the proposed article is the political events in the region of the Central Caucasus (Terek Oblast, Gorskaya ASSR, Kabarda and Balkaria), which unfolded after the end of the civil war and the establishment of Soviet power in March 1920, and ended with the institutionalization of the system of power of the Kabardin-Balkar Autonomous Oblast in December 1922. The purpose of the study is to present a fairly complete, chronologically ordered picture of political events, struggles and decisions on the basis of systematization and analysis of documentary material, which makes it possible to reveal the mechanisms, identify the stages and assess the significance of creating a united Soviet autonomy for the Kabardian and Balkarian peoples. The novelty of the approach lies in the fact that the work is performed in the genre of documentary chronicle, aimed at but possibly complete and "dense" coverage of the course of events over the course of three years – from March 1920 to December 1922. Analysis and generalization of the involved material are included in the final section. The materials considered in the article show that the creation of the Kabardin-Balkar autonomy was not a one-time act, but a process that had as its content the coordination of the national interests of Kabarda and Balkaria and the development of a common form of their institutionalization.

Keywords: Russia; North Caucasus; the twentieth century; Kabardian Autonomous Region; Kabardin-Balkar Autonomous Region; national statehood; national interests.

Введение

16 октября 2018 г. Президент РФ подписал указ о праздновании в 2022 г. 100-летия образования Кабардино-Балкарской Республики¹. Отсчет ее истории как субъекта Российской Федерации ведется с 1922 г. по очевидным основаниям. В самом начале года, 16 января, Всероссийский центральный исполнительный комитет РСФСР принял решение образовать объединенную Кабардино-Балкарскую автономную область, непосредственно связанную с РСФСР. А в конце года, 6–9 декабря, состоялся первый съезд Советов области, который завершил процесс институционализации КБАО.

До этого, на протяжении десятилетий, основание государственного статуса Кабардино-Балкарии как автономной республики в составе РСФСР, а затем субъекта Российской Федерации, возводилось к 1 сентября, дню провозглашения Кабардинской автономной области в 1921 г. Принятие современной Конституции КБР в 1997 г. было приурочено к этому дню, а затем он получил статус официальной праздничной даты – Дня государственности КБР. Дата официального создания объединенной Кабардино-Балкарской области 16 января 1922 г. оставалась в тени. Это было не вполне корректно с исторической точки зрения. «Не вполне» – в том смысле, что хотя решение от 1 сентября 1921 г. действительно во многом предопределило решение от 16 января 1922 г., последнее никак нельзя сводить к формальной стороне дела. Той и другой дате предшествовал напряженный поиск формулы самоопределения кабардинского и балкарского народов, результаты которого и воплотило создание Кабардино-Балкарской автономной области. В должной мере учитывать это обстоятельство в условиях 1990-х гг. было важно не только с исторической, но и с политической точки зрения. Ведь на общественно-политической повестке дня стояли, помимо прочего, требования вернуться к той форме государственного устройства, которая изначально была предусмотрена в документах 1922 г. Ключевое положение в этих требованиях занимал принцип этнического паритета в построении системы органов власти республики, а одним из узловых пунктов общественно-политических дискуссий начала 1990-х гг., как и в начале 1920-х гг., стал вопрос о границе между Кабардой и Балкарией.

Сложившиеся в 1990-х гг. представления по этим вопросам до сих пор латентно присутствуют в общественном сознании и периодически актуализируются в политических заявлениях отдельных общественных организаций. Сугубо формальный перенос акцентов с одной даты на другую недостаточен для того, чтобы в общественном сознании сложилось целостное представление об историческом опыте построения основ современной

¹ Президент подписал Указ «О праздновании 100-летия образования Кабардино-Балкарской Республики» // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/58833> (дата обращения: 19.06.2021).

Кабардино-Балкарии, необходимое для прочного гражданского единения ее народов.

Предметом предлагаемой статьи являются политические события в регионе Центрального Кавказа (Терской области, Горской АССР, Кабарды и Балкарии), развернувшиеся после окончания гражданской войны и утверждения советской власти в марте 1920 г., и завершившиеся институционализацией системы власти Кабардино-Балкарской автономной области в декабре 1922 г.

Цель исследования заключается в том, чтобы на основе систематизации и анализа документального материала представить достаточно полную, хронологически упорядоченную картину политических событий, борьбы и решений, позволяющую раскрыть механизмы, выявить этапы и оценить значение создания объединенной советской автономии кабардинского и балкарского народов.

Проблематика формирования системы советских автономий на Северном Кавказе достаточно широко освещалась в советской историографии. Основным концептом, выражающим историческую природу этого процесса, служило «национально-государственное строительство». Оно воплощало идеологию и «национальную политику» партии большевиков и советского государства, выступавших главным субъектом регионального политического процесса. В постсоветский период акценты были смещены на изучение национально-политической активности этнических элит и самих народов региона. «Национально-государственное строительство» получило более широкую трактовку, политически и хронологически выходящую за «советские рамки».

Безусловно, между различными периодами национально-политического развития народов Кабардино-Балкарии имеется определенная историческая преемственность, но с точки зрения условий, направленности и результатов развития каждый из них носит самостоятельный характер и может рассматриваться по отдельности. Предмет настоящей статьи ограничен периодом формирования советской автономии Кабардино-Балкарии. Новизна подхода заключается в том, что работа выполнена в жанре документальной хроники, нацеленной на возможно полное и «плотное» освещение хода событий на протяжении трех лет – с марта 1920 по декабрь 1922 г. Стремление авторов заключалось в том, чтобы события и документы могли «говорить сами за себя». Первое условие для этого – отказ от субъективного отбора фактов и документов, подчиненного какой-то определенной концепции, полнота их представления. Второе условие – аутентичное представление содержания источников. Поскольку авторская интерпретация может так или иначе проявиться в тексте, мы считали нужным дать читателю возможность критически ее оценить, максимально полно цитируя или излагая содержание используемых документов. Анализ и обобщение привлеченного материала вынесены в заключительный раздел.

Кабарда и Балкария в региональном социально-политическом процессе 1920 – начала 1921 гг.: этнотерриториальные коллизии и административное размежевание

Обстановка в регионе Центрального Кавказа (Терской области) в 1920–1921 гг. формировалась социально-политическим опытом и итогами революции и гражданской войны, а также интересами и целями основных субъектов регионального политического процесса. Опыт демонстрировал тесную связь между удовлетворением земельных нужд народов региона и обеспечением их лояльного отношения к советской власти. Решение земельного вопроса и поиск жизнеспособных форм советизации местных обществ составляли ось политического процесса в регионе. Действующими лицами этого процесса были не только руководители партии большевиков и советской власти в центре и в региональном (областном) масштабе, но также этнические группы новой, советской элиты. Они выступали не только проводниками политики Центра, но и выразителями исторически сложившихся интересов и стремлений своих народов.

В принятом 15 февраля 1920 г. постановлении ВЦИК «Об образовании комиссии по разработке вопросов федеративного устройства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» указывалось, что «предстоящее освобождение ... Северного Кавказа вводит в состав РСФСР ряд малых национальностей с своеобразной культурой, историей и группировкой классов» [За власть... 1957: 209]. Но это понимание поначалу никак не отразилось на организации системы власти в регионе.

Общее политическое руководство советским строительством на Кавказе от имени ЦК РКП (б) и советского правительства возлагалось на созданное решением Пленума ЦК РКП (б) 8 апреля 1920 г. Кавказское бюро ЦК РКП (б), возглавляемое Г.К. Орджоникидзе и С.М. Кировым [Даудов, Месхидзе 2009: 103]. С конца марта до начала августа 1920 г. власть в регионе непосредственно осуществляли чрезвычайные органы власти – революционные комитеты во главе с Северо-Кавказским революционным комитетом, образованным 31 марта 1920 г. [Бугай 1981: 37]. После создания во всех округах Терской области революционных комитетов был образован Терский областной революционный комитет во главе с В.М. Квиркелия [Документы... 1983: 425]. Главной задачей ревкомов было подавление вооруженного сопротивления остатков антибольшевистских сил и обеспечение лояльности основных групп населения к советской власти. Политика в земельном вопросе была важной частью продвижения к этой цели.

Ее основные параметры определились еще весной 1918 г., когда Терская республика признала власть советов, а затем приняла к руководству принципы «Декрета о земле». На втором съезде народов Терека было предложено выделить «несколько «земельно-территориальных групп»: казачество (обеспеченные территориально и наделами); кабардинцы (обеспеченные территориально, но не обеспеченные наделением); плоскостные осетины,

ингуши и др. (малоземельные); живущие в горах осетины, ингуши, балкарцы, чеченцы (безземельные) [Съезды... 1977: 187]. В связи с таким раскладом был поставлен вопрос о перераспределении земельного фонда и принято, что «границы территорий каждого национального самоуправления не являются постоянно зафиксированными и должны определяться размером земельных угодий, находящихся в фактическом пользовании данного народа после проведения коренной земельной реформы» [Съезды... 1977: 158]. В 1918 г. органы власти Терской республики приняли решения об отторжении от Кабарды в пользу Карачая, Балкарии, Осетии Ингушетии в общей сложности больше 50 тыс. десятин земли [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 70. Л. 9; Улигов 1979: 153].

Эта политика получила продолжение и после восстановления советской власти в регионе в 1920 г. Уже 19 апреля 1920 г. Терский областной ревком принял постановление, согласно которому «все сделки на землю, как-то: купля, продажа, аренда и пр. на всей территории области воспрещаются» [Кониен 1973: 89]. 27 апреля 1920 г. была образована комиссия из представителей Ингушского, Осетинского, Чеченского и Кабардинского ревкомов для проведения административного деления области [УЦГА АС КБР. Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 7. Л. 46]. В основу работы комиссии был положен принцип, согласно которому вся земля в области считалась единым государственным фондом, а участки земли, «заарендованные у кого бы то ни было в прошлый посевной год, остаются ... за прежними арендаторами» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 5. Л. 3 об.]. Это был знак, предвещавший дальнейшую ломку традиционной системы поземельных отношений, крайне неблагоприятный для Кабарды и благоприятный для ее соседей, арендовавших кабардинские земли, в частности, для Балкарии и Карачая.

На этой почве возник острый земельный спор Кабарды с Карачаем, который продолжался весь 1920 г., а затем и после провозглашения Горской АССР. Карачай претендовал на значительные участки Нагорных пастбищ в границах от р. Малки до Пятигорского округа (90 000 дес.), которые ранее арендовались у Кабарды. Органы власти Терской области признавали, что оспариваемая земля «является достоянием кабардинцев», но не видели в этом основания для разрешения вопроса в пользу кабардинцев, поскольку «карачаевцы просят предоставить спорные земли лишь на текущий год» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 130. Л. 2]. В вопросе о Нагорных пастбищах интересы Кабарды и Балкарии совпадали. Они видели в планах отвода карачаевцам земель Нальчикского округа в границах от р. Малки до Пятигорского округа угрозу потери Нагорных пастбищ, подрывающую основу их коневодства и скотоводства [УЦГА АС КБР. Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 130. Л. 13].

В июле 1920 г. Владикавказский окружной ревком образовал «специальную комиссию по обследованию земель в Большой и Малой Кабарде на предмет переселения беженцев из Южной Осетии». Комиссия пришла к выводу что в Кабарде имеется около 28 000 дес. вполне пригодных для полевых культур земель, отвод которых беженцам из Южной Осетии является «безусловно желательным и возможным» [Борьба... 1960: 153; 157; 158].

В сентябре 1920 г. органы власти Терской области постановили наделить балкарцев 7 000 дес. земли, в том числе за счет отведения им участков земли в Кабарде вблизи сел Кармово и Бабуково. А если некоторые из них «окажутся непригодными под посев», предусматривалась необходимость предоставления им дополнительно наделов кабардинских сел Кармово (1 567 дес.) и Атажукино III (1 875 дес.) [УЦГА АС КБР. Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 3. Л. 41].

Таким образом, вплоть до осени 1920 г. поиск форм советизации народов Северного Кавказа, учитывающих специфику социальной организации и культуры местных обществ, не воспринимался партийными и советскими лидерами региона в качестве насущной практической задачи. С точки зрения чрезвычайных революционных органов власти на Тереке она выглядела скорее как фактор, затрудняющий упрочение советской власти. Не случайно первоначально созданные «национальные» ревкомы были еще весной 1920 г. переименованы в окружные [За власть... 1957: 235]. Практически шел процесс денационализации государственной политики, которую проводили региональные органы советской и партийной власти. Переход власти от ревкомов к советам не изменил этой ситуации. Решением съезда народов Терека, открывшегося 6 августа 1920 г. во Владикавказе, был сформирован Исполнительный комитет Советов Терской области. Власть перешла к советам, но вопрос о горской советской автономии не ставился. Г.К. Орджоникидзе, затронув вопрос о бывшей Горской республике, отметил, что она не получила поддержки горцев [Документы... 1983: 546].

Между тем, поиски форм вовлечения трудящихся Востока в революционный процесс, отсутствие стабильности и нарастание антисоветского повстанчества на Северном Кавказе актуализировали для большевистского Центра вопрос о выработке форм советизации, учитывающих социальную и культурное своеобразие региона.

Принципиальное решение было принято 14 сентября 1920 г. Политбюро ЦК РКП (б) признало необходимым «проведение самых решительных мер для свободной деятельности горцев и создания между ними и русским населением правильных отношений на основе полной административной автономии» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 108. Л. 1]. Также было принято решение направить на Кавказ И.В. Сталина в качестве Чрезвычайного уполномоченного представителя РСФСР для разработки всех деталей национальной политики советской власти по отношению к горцам Кавказа [Кажаров 2019: 169].

Однако на состоявшемся в конце сентября 1920 г. по инициативе Г.К. Орджоникидзе совещании партийных и советских работников Северного Кавказа после длительного обсуждения и серьезных споров большинством голосов «идея автономии была отвергнута» [Дзидзоев 2003: 79]. Только после того, как 14 октября 1920 г. Политбюро ЦК РКП (б) приняло подготовленное В.И. Лениным постановление, в котором признало «необходимым проведение в жизнь автономии, в соответствующих конкретным условиям формах для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений» [Ленин 1967: 342], движение к автономии в самом регионе приобрело динамику.

27 октября 1920 г. пленум Кавказского бюро ЦК РКП (б) принял постановление «О горской автономии», в котором признал «своевременным образование Терской и Дагестанской горских республик...» [Борьба... 1972: 423–424]. Тем самым был предопределен в принципе характер постановления совещания коммунистических организаций Дона и Северного Кавказа, состоявшегося 27–29 октября 1920 г. во Владикавказе. В нем говорилось, что одним из наиболее верных способов к утверждению всех принципов советского строительства среди горцев совещание признает «организацию горских автономных республик на тех основаниях, кои установлены для окраинных автономных республик, входящих в РСФСР» [Юсупов 1968: 8].

17 ноября 1920 г. во Владикавказе открылся съезд народов Терской области, на котором И.В. Сталин объявил о решении советской власти предоставить народам бывшей Терской области автономию в виде Горской республики. Выступая с докладом, И.В. Сталин всячески подчеркивал «дарованный» характер автономии, оказанное горским народам Советской властью «доверие» [Документы... 1983: 608–609]. Вместе с тем он убедительно говорил, что «весь смысл автономии в том, чтобы она втянула горцев в управление своей страной... так, чтобы во всех органах управления стояли ваши люди, знающие ваш язык, ваш быт», что автономия «должна вас научить ходить на своих собственных ногах» – и в этом цель автономии [Документы... 1983: 613]. Правда, обозначенные подобным образом, смысл и цель могли быть реализованы скорее не в территориальной автономии «горцев», а в национально-территориальной автономии каждого из народов региона.

Предложенная форма коллективной горской автономии по сравнению с «областной» советской властью предполагала больше возможностей для малоземельных горских обществ в продвижении своих интересов. Для Кабарды же это несло перспективу усиления нажима на нее по земельному вопросу со стороны соседей. Причем такая перспектива задевала интересы не только кабардинцев. Балкарское население могло рассчитывать на более полное удовлетворение своих земельных интересов в рамках горской автономии, но возможное урезание территории Кабарды, скажем, в пользу Осетии или Карачая, означало бы потерю доступа к земельным ресурсам Кабарды, которым балкарцы располагали в рамках Нальчикского округа.

Несмотря на эти неблагоприятные факторы, руководство Нальчикского округа на этапе создания Горской республики следовало в фарватере общего политического курса РКП (б) и советской власти. 26 ноября – 1 декабря 1920 г. второй съезд Советов Нальчикского округа обсудил проблему вхождения Кабарды и Балкарии в состав Горской республики. Съезд одобрил мероприятия по созданию Горской республики и вхождению в нее Кабардинского и Балкарского округов. Был сформирован Нальчикский окружной исполнительный комитет в составе 25 человек и избраны делегаты на VIII Всероссийский съезд Советов – Б. Калмыков и М. Энеев [История... 1967: 100]. В дополнение к выборам делегатов, состоявшимся на съезде народов Терека, II съезд Советов Нальчикского округа избрал Б. Калмыкова и А. Мусукаева

членами комиссии по выработке Конституции Горской республики [Документы... 1983: 618].

20 января 1921 г. ВЦИК принял постановление об образовании Горской республики, в котором определялись административно-территориальная структура и система органов власти Горской Автономной Советской Социалистической Республики [Конституции... 1940: 97]. ГАСССР образовывалась как составная часть РСФСР. Декрет предусматривал включение в ее состав территории, на которой проживали в то время балкарцы, ингуши, кабардинцы, карачаевцы, осетины, чеченцы, а также жившие между ними казаки и иногородние (некоренное население). Соответственно ГАСССР делилась на шесть административных округов, каждый со своим окружным исполкомом: Балкарский, Ингушский, Кабардинский, Карачаевский, Осетинский, Чеченский. Органами государственной власти и управления ГАСССР объявлялись Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров, а также местные Советы, избираемые на основе Конституции РСФСР. Для управления делами ГАСССР утверждались 11 народных комиссариатов [Даудов 2012: 32].

С первых дней существования Горской АССР на повестку дня встал вопрос о механизмах разрешения в ней земельного вопроса. 27 января 1921 г. ВЦИК постановил образовать комиссию под председательством В.И. Невского для подготовки предложений по разрешению земельного вопроса в ГАСССР [Декреты... 1986: 355–356]. Представитель Кабарды не был включен в ее состав, так как это встретило «дружное сопротивление представителей от Чечни, Ингушетии и Осетии». Председатель комиссии В.И. Невский считал, что «осетины, чеченцы, ингуши не желали представителя Кабарды потому, что они выражают твердую уверенность, что значительная часть и кабардинской земли перейдет к Чечне, Осетии и Ингушетии; казаки же хотели видеть этого представителя потому, что и кабардинцы, как и казаки, должны поступиться землей, а потому в земельном вопросе – союзники» [Карпов 2015: 345].

7 марта 1921 г. представитель Осетии В.А. Аликов внес предложение, что «для удовлетворения земельной нужды осетин нужно выселить казаков и так называемую Малую Кабарду». Он заявил, что «у Кабарды вместе с частновладельческими землями придется взять 67 000 дес.» [Русские... 1996: 302]. 8 марта 1921 г. исполком Осетинского округа официально представил В.И. Невскому докладную записку, в которой ставился вопрос о том, откуда взять требуемое количество земли для удовлетворения земельной нужды осетин. По мнению руководства Осетинского округа, ответ напрашивался сам собой. Землю следовало искать в Кабарде, т.е. надо было «освободить всю Малую Кабарду в пользу Осетинского округа» [ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-50. Оп. 1. Д. 61. Л. 19–19 об.]. В этой докладной записке говорилось о 82 000 дес. кабардинских земель, на которые претендовали ее авторы [Русские... 1996: 304]. Высказанные идеи не были чужды и ее адресату, т.е. В.И. Невскому, который считал, что «для наделения безземельных и малоземельных горцев необходимо произвести уравнительное землепользование» [Русские... 1996: 332]. 24 марта 1921 г. комиссия В.И. Невского представила свой доклад.

Комиссия считала необходимым отрезать от Кабарды значительную территорию для передачи ее другим народам Северного Кавказа, но Президиум ВЦИК несколько раз откладывал его рассмотрение, и лишь 14 апреля было принято соответствующее постановление, которое относительно территории Кабарды шло вразрез с предложениями комиссии [Кажаров 2019: 190].

Для Кабарды создание Горской АССР несло два специфических негативных момента. Во-первых, в состав последней включался Карачай, с которым Кабарда имела напряженные отношения по земельно-территориальному вопросу. Во-вторых, произошло административное разделение Балкарии и Кабарды, что кардинально меняло характер земельных отношений между ними, переводя их из плоскости землепользования в рамках одного округа в плоскость административно-территориального разграничения самостоятельных округов.

29 декабря 1920 г. постановлением ВЦИК Карачай был выведен «из состава Кубано-Черноморского ревкома» и включен в состав Терской области с тем, чтобы он мог войти затем в Горскую АССР. В постановлении оговаривалось, что это делается «в целях строго планомерного удовлетворения нужд трудового населения Большого и Малого Карачая» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 3. Л. 153]. У.Д. Алиев впоследствии признавал, что «присоединяясь к ГАССР, Карачай надеялся, что земельный вопрос с Кабардой будет разрешен на уравнильных началах в пользу Карачая» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 432. Л. 96 об.]. В постановлении ВЦИК об образовании Горской АССР от 20 января 1921 г. было указано, что Карачаевский округ формируется «из западной части бывшего Нальчикского округа, южной части Пятигорского отдела и южной части Баталпашинского отдела Кубанской области» [За власть... 1957: 364]. В тот же день 20 января 1921 г. президиум ВЦИК принял постановление, которое касалось проблемы проведения границ Карачая [УЦГА АС КБР. Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 229. Л. 13]. В нем говорилось о необходимости при определении границ Карачая «принять во внимание главным образом интересы карачаевцев как скотоводов». В постановлении это положение относилось к границам с Кубано-Черноморской областью и Терской губернией, но уполномоченные Карачая обратились к Председателю СНК ГАССР С.А. Такоеву с требованием применить его при определении его границ с Кабардой [УЦГА АС КБР. Ф. Р-264. Оп. 1. Д. 229. Л. 11].

Резкое обострение кабардино-карачаевских отношений произошло в феврале-марте 1921 г. Как видно из телеграммы от 15 февраля 1921 г., отправленной В.М. Квиркелия Карачаевскому ревкому, «карачаевцы кошевики без ведома Теробисполкома и Нальчикского окрисполкома заняли на территории Кабарды пастбища и земли, отведенные кабардинским сельским обществам, что вызвало глубокое волнение трудового населения Нальчикского округа». В.М. Квиркелия предлагал «принять меры по выводу карачаевцев и их скота с кабардинской территории» [ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 58. Л. 26]. Отсутствие реакции со стороны карачаевского ревкома привело к тому, что, как было указано в телеграмме У.Д. Алиева В.М. Квиркелия, «25 марта пятьдесят всадников из кабардинской части, приехав в карачаевские коши, находящиеся

на Малке, предъявили ультимативное требование об угоне скота в этнографические границы Карачая в трехдневный срок, угрожая, что по истечении означенного срока весь карачаевский скот, находящийся на западной части бывшего Нальчикского округа, будет конфискован кабардинцами и все кошевики будут арестованы...» [ЦГА РСО-А. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 58. Л. 49–49 об.].

В таких условиях, в конце марта 1921 г., состоялся съезд Советов Кабардинского округа. Теоретически, он мог высказаться за создание собственной автономии вне ГАССР, оставаясь общим русле национальной политики РКП (б). Накануне, 8–16 марта 1921 г., состоялся X съезд РКП (б), решения которого, помимо прочего, ставили перед советской федерацией задачу «охватить все разнообразие быта, культуры и экономического состояния различных наций и народностей, стоящих на разных ступенях развития и сообразно с этим применять тот или иной вид федерации» [КПСС в резолюциях... 1953: 559; 364–365]. С другой стороны, уже было очевидно, что Горская республика превращается в механизм разрешения земельного вопроса в регионе за счет перераспределения кабардинских земель. Характер работы комиссии ВЦИК под руководством В.И. Невского свидетельствовал о реальности угрозы значительных территориальных потерь, а возможно, подрыва фундаментальных основ жизнеобеспечения Кабарды. И все же съезд подтвердил ранее принятое решение о вхождении в состав Горской АССР. Видимо, уровень теоретической подготовки местных большевиков на позволял им в полной мере использовать положения резолюции X съезда «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», а политически они не были готовы открыто противопоставить свою позицию уже принятым решениям центральной советской власти.

Характерно, что в корреспонденции газеты «Коммунист» о работе съезда рассмотрение вопроса о вхождении Кабарды в Горскую республику не упоминается. Можно предположить, что это было продиктовано не вполне благоприятным ходом его обсуждения. Зато выделен вопрос «об отделении Балкарии из Кабарды», которое съезд одобрил, подчеркнув готовность оказывать поддержку своим братьям балкарцам «дабы оба народа пролетарской Горской республики жили дружно на благо трудящихся масс» [Документы... 1983: 638].

6–8 апреля 1921 г. состоялся I съезд Советов Балкарского округа, на котором были избраны исполком Советов округа и делегаты на Учредительный съезд Советов ГАССР, т.е. Балкария конституировалась как административная единица в составе Горской республики. Протокол съезда практически не зафиксировал отражение темы вхождения в ГАССР в выступлениях участников. Напротив, М.А. Энеев, согласно записи в протоколе, «развил причины выделения Балкарии, исторические предпосылки и т.д.». Можно предположить, что важнее было объяснить делегатам причины и значение административного «разделения» с Кабардой, чем вхождения (или пребывания) в региональной административно-политической общности, будь то Терская область или Горская республика. Нарушение традиционной системы

этнополитического и экономического взаимодействия Кабарды и Балкарии с образованием Горской республики имело еще один аспект – земельно-территориальный. Съездом был «единогласно принят проект разрешения земельного вопроса между Кабардой и Балкарией, составленный балкарской фракцией Чрезвычайной земельной комиссии, и ответ на проект кабардинской фракции», но одновременно с этим было оглашено «полученное официальное извещение Кабардинского исполкома о запрещении пастьбы горцами на плоскости с 15 апреля» [Документы... 1983: 640–641]. Было отмечено, что, если не удастся договориться с органами власти Кабардинского округа по вопросу продления срока пастьбы скота на плоскости, придется «оставить свой скот на произвол судьбы и уйти в горы во избежание конфликта с кабардинцами [ЦГА РСО-А. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 62. Л. 1 об.]».

Учредительный съезд Советов Горской АССР состоялся 16–22 апреля 1921 г. На нем был избран ЦИК Советов ГАСССР в составе 66 человек (по одному депутату от 25 тыс. населения). Соответственно этому места в ГорЦИК распределялись следующим образом: от Чечни – 18, Кабардинской – 10, Осетии – 7, Дигории – 2, Балкарии – 3, Ингушетии – 3, Карачая – 4, Грозного – 7, Владикавказа – 6, казаков – 3, армии – 3 [Даудов 2012: 34]. 25 апреля на заседании Горского ЦИК были проведены выборы руководителей структур власти Горской АССР – Президиума ЦИК во главе с Т.Э. Эльдархановым (Чечня) и Совета народных комиссаров во главе с С.А. Такоевым (Осетия). В состав Президиума ГорЦИК, состоявшего из 9 членов, от Кабарды и Балкарии вошли Б.Э. Калмыков и М.А. Энеев, в составе СНК ГАСССР не было ни одного представителя от Кабарды и Балкарии, но 5 человек от Осетии, в том числе пост Председателя СНК Горской АССР, и 3 – от Ингушетии, в том числе пост заместителя председателя СНК Горской АССР [Кажаров 2019: 195–196]. Съезд вновь вынес резолюцию о необходимости скорейшего проведения уравнительного землепользования и обязал ЦИК и Наркомат земледелия Горской республики «в спешном порядке урегулировать земельные отношения между округами и народностями, входящими в состав ГАСССР, на уравнительных началах» [Съезды... 1959: 718–719]. При этом состав руководящих органов республики, в котором доминировали представители малоземельных народов, предвещал наращивание давления на Кабарду в земельно-территориальном вопросе и для противостояния этому давлению в рамках ГАСССР она не располагала какими-либо рычагами.

Самоопределение Кабарды и провозглашение Кабардинской АО

На этом фоне не может вызывать удивления, что в Кабарде был предпринят ряд шагов, которые инициировали процесс выхода ее из Горской АССР и создания Кабардинской автономной области. Основания для этого возникли не после институционализации ГАСССР, а еще в процессе ее формирования. Руководство Кабарды не было готово тогда к столь смелым и решительным шагам, но оно не скрывало своего критического отношения к коллективной горской автономии, что находит подтверждение в источниках.

Так, в ходе обсуждения руководством Горской республики вопроса «Об автономии Кабарды» 2 июня 1921 г. на заседании Горского областного комитета РКП (б) Н.И. Дзедзиев напомнил, что такие деятели как С.А. Такоев и Б.Э. Калмыков были «с самого начала противниками объединения» народов Терека в единой автономии [ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 4. Л. 23]. Сам Б.Э. Калмыков в ходе дискуссий с представителями Гороблпарткома 10 июня 1921 г. не мог отрицать, что второй съезд Советов Кабарды поддержал создание ГАССР, но отмечал, «кабардинские делегаты и тогда были недовольны постановкой вопроса о Горской республике» и сам он лично в ходе работы Учредительного съезда Советов ГАССР от имени кабардинских делегатов «протестовал среди ответственных товарищей против образования Горской республики» [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 2. Д. 225. Л. 34]. Можно предположить, что и решение третьего съезда Советов округа в марте 1921 г., одобрявшего вхождение Кабарды в состав ГАССР, было принято с трудом. Это видно хотя бы из того, что в день завершения его работы, 31 марта 1921 г., Г.К. Орджоникидзе сообщил С.М. Кирову, что руководство Кабарды поставило «ребром ... вопрос о выделении из республики» [Бугай, Гонов 1997: 6]. Такая нейтральная, лишённая политической оценки констатация факта в диалоге между двумя руководителями Кавбюро ЦК РКП (б) была отражением того обстоятельства, что к этому времени для многих советских и партийных деятелей стала понятна ошибочность провозглашения ГАССР, а государственная политика по вопросу национально-государственного строительства в национальных регионах претерпела изменения в свете решений X съезда РКП (б) [Боров, Кажаров 2021: 70].

Разумеется, далеко зашедший процесс институционализации Горской республики объективно мог быть фактором, способным заблокировать процесс формирования Кабардинской национальной автономии. Съезд народов Терека, состоявшийся в ноябре 1920 г., декрет ВЦИК от 20 января 1920 г. о создании Горской АССР, Учредительный съезд Советов Горской республики (16–22 апреля 1921 г.), отсутствие на всех этапах ее конституирования официальных возражений со стороны Кабарды становились серьезными аргументами для руководства Горской республики против кабардинской автономии. Поэтому впоследствии не совсем убедительной для него была позиция Б.Э. Калмыкова при обосновании им причин постановки вопроса о кабардинской автономии [Боров, Кажаров 2021: 70].

Вместе с тем постановка вопроса о выходе Кабарды из состава уже созданной ГАССР не несла мотива противопоставления общему политическому курсу центральной советской власти. Она выглядела как попытка исправления одной ошибки, допущенной при ее формировании, и как внутренняя для ГАССР коллизия, в разрешении которой Кабарда апеллировала к центру. Эта позиция не могла базироваться на личном мнении отдельных руководителей, которых можно было просто призвать к порядку в рамках партийной дисциплины, как предлагали представители руководства Горской республики [Боров, Кажаров 2021: 70].

На совместном заседании Кабардинского окружного исполнительного комитета Советов и Кабардинского окружного комитета РКП (б) от 21 мая 1921 г. было принято решение поставить перед органами власти Горской республики вопрос о выделении Кабарды в «автономную экономическую область» [Дзамихов, Кажаров 2019: 56–57]. При этом было отмечено, что автономия есть «властный голос народа». По сложившейся практике «властный голос народа» требовалось оформить решением съезда. 28 мая было принято решение о созыве съезда Советов Кабарды [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 2. Д. 225. Л. 31].

1 июня 1921 г. органы власти Кабардинского округа утвердили повестку дня съезда, включающую вопросы общеполитического и текущего характера, но вместе с тем он получил статус «чрезвычайного» [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 2. Д. 225. Л. 32]. Это свидетельствует о том, что главным на съезде был вопрос о выходе Кабарды из Горской республики.

2 июня 1921 г. состоялось заседание Кабардинского окружного комитета РКП (б) с участием представителей партийных органов Балкарского округа. На заседании председательствовал М.А. Энеев. Совещание поддержало выход Кабарды из Горской республики. В частности, М.А. Энеев заявил: «... при образовании Горской республики была допущена ошибка в том, что этот вопрос не был поставлен на обсуждение народных масс...». Обсуждался вопрос о возможности проведения «беспартийной конференции» совместно с Балкарским округом. М.А. Энеев отметил, что Балкария, «как связанная во всех отношениях с Кабардой, должна будет присоединиться к решению съезда Советов Кабардинского округа». В постановлении было сформулировано следующее предложение Балкарскому партбюро: «Ввиду предполагаемого приезда представителя Гороблпарткома, обсудить этот вопрос (т.е. выход Балкарии из Горской республики – А.Б., А.К.) и на предстоящем совместном заседании вынести определенные взгляды» [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 2. Д. 225. Л. 33].

В тот же день, 2 июня 1921 г., как было указано выше, вопрос «Об автономии Кабарды» обсудил президиум Горского областного комитета РКП (б). Т.Э. Эльдарханов высказал мнение, что «раз кабардинский народ желает выделиться, то товарища Калмыкова призывать к партийной дисциплине нельзя, так как по имеющимся сведениям, есть расхождение в мнениях среди населения, нужно бросить туда несколько товарищей с агитцелью и постараться решить вопрос в пользу Горской республики». Н.И. Дзедзиев заявил, что выход Кабарды «не есть желание всего кабардинского народа». К.С. Бутаев утверждал, что «Калмыков в массе Кабарды за собой полного авторитета не имеет. Кабарда не желала земельного раздела и вдохновителем выделения Кабарды является Калмыков, желающий удержать авторитет, кабардинский народ подтвердил желание войти и быть в Горской республике. Выделение идет вразрез с общеполитической линией партии и в национальном вопросе». Т.Э. Эльдарханов в противовес этому считал, что «... за тов. Калмыковым все же масса тянется и ограничиться посылкой одного партийного товарища не следует, а нужно бросить в Кабарду

лучше не коммунистов, а ближе стоящих к кабардинской массе авторитетных и честных ингушей и других понимающих кабардинский язык» [ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 4. Л. 23–24].

Президиум Горского областного комитета РКП (б) постановил, что выход Кабардинского округа не имеет ни экономических, ни политических оснований и «выделение Кабарды в автономную область идет вразрез с желанием центральной Советской власти, внесет раскол в среду народов РСФСР и окончательно подорвет существование автономной Горской республики». Было решено направить в Кабарду своих представителей с целью «детально выяснить все обстоятельства отношений окружной партийной организации, отдельных ответственных товарищей, а также кабардинского народа, информировать их о взглядах по этому вопросу Горского комитета и провести соответствующую кампанию» [ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 4. Л. 24].

10 июня 1921 г., в день, когда должен был открыться съезд Советов Кабарды, состоялось заседание Кабардинского окружного комитета РКП (б) с участием представителей Горской республики Н. Дзедзиева, А. Смирнова, Н. Носова, Г. Иоанисиани. Со стороны кабардинского руководства принимали участие Б. Калмыков, Ф. Фаддеев, З. Мидов, А. Кокожев, Б. Павлович, И. Котов и Д. Прохоров. Присутствовали также М. Энеев и Н. Макаров от Балкарского партийного бюро РКП (б). Заседание проходило под председательством И. Котова. С основным докладом выступил Б.Э. Калмыков. Он сформулировал основные причины постановки вопроса о выходе Кабарды из Горской АССР в автономную область и акцентировал внимание присутствующих на том, что и раньше возражал против включения Кабарды в состав Горской АССР. Б.Э. Калмыков не раз повторял, что мнение кабардинского народа по этому вопросу не спрашивали: «Кабардинский округ искусственно вошел в состав Горской республики... без широкого обсуждения этого вопроса самих массах». Он считал, что исторические условия с момента провозглашения Горской республики кардинально изменились, и теперь «народные массы Кабарды, чувствуя искусственность вхождения в состав Горской республики, требуют пересмотра этого вопроса...» [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 2. Д. 225. Л. 34].

После доклада развернулось обсуждение вопроса, которое продолжалось до 5 часов утра и носило острый характер. Выступления участников заседания проливают свет на некоторые аспекты истории национально-государственного строительства в регионе и национальной политики советской власти. Подтвердилось общее скептическое отношение советских и партийных деятелей региона к идее коллективной горской автономии. Н.И. Дзедзиев признал, что «еще в Москве был против Горской республики, как сшитой белыми нитками», но не стал возражать против нее, так как ему сказали, «что это воля народа, выраженная еще в ноябре 1920 года» [Улигов 1979: 297]. При образовании Горской АССР не только предварительно не были проведены народные съезды, на которых были бы обсуждены и вынесены соответствующие решения по вопросам, связанным с формированием единой республики горских народов, но и после ее провозглашения И.В. Сталиным

возникла дискуссия о нежизнеспособности такого государственного образования [Боров, Кажаров 2021: 71].

В ходе дискуссии проскальзывали важные причины постановки вопроса о выходе Кабарды из Горской республики. Н.Ф. Носов прямо спрашивал: «... ставит ли Калмыков связь между практической реализацией закона о социалистическом землеустройстве и заинтересованностью Карачая, Дигории, Осетии, Балкарии в землях Кабарды?» Б.Э. Калмыков на поставленный вопрос ответил утвердительно. Продолжая свое выступление, Н.Ф. Носов отмечал: «Выделение Кабарды поставит в порядок дня выделение других национальных единиц Горской республики, в первую очередь, прилегающих к Кабарде. Выделение связано с осложнениями политического характера. При определении границы разовьется земельный антагонизм прилегающих наций и может вылиться в сильные национальные трения и столкновения...». Он настаивал: «Почему тов. Калмыков не поставит вопрос так: «Сперва разрешим земельный вопрос, а потом выделится в АО» [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 2. Д. 225. Л. 35].

Необходимо отметить, что это заседание не было запланировано руководством Кабардинского округа. В этот день, как было указано выше, должен был открыться съезд Советов Кабарды, и все необходимые организационные и подготовительные мероприятия по советской и партийной линиям были проведены. Поводом для его проведения стал приезд представителей Горской республики [Боров, Кажаров 2021: 71]. Они считали, что вопрос о кабардинской автономии «не поднимается самими массами, и все начинания идут сверху». Поэтому утром 11 июня ими был предложен проект постановления, согласно которому вопрос о кабардинской автономии необходимо перенести на «широкое обсуждение трудящихся Кабарды в аулах, деревнях и проч.», а «по выяснении вопроса созвать съезд для окончательного решения вопроса» [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 2. Д. 225. Л. 35]. Фактически это была попытка срыва работы съезда, что и было целью приезда горских работников [Боров, Кажаров 2021: 72].

Ф.И. Фаддеев предложил другую резолюцию, согласно которой для «выделения трудящиеся массы Кабарды в политическом, экономическом и культурном отношении достаточно подготовлены и что в экономическом отношении кабардинский народ всецело связан с РСФСР, а поэтому окрпартком находит необходимым разрешить вопрос о выделении Кабарды на съезде советов, имеющим быть 11 июня с.г.». Кабардинский окружной комитет РКП (б) единогласно принял соответствующее постановление [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 2. Д. 225. Л. 35].

11–13 июня в Нальчике работал съезд советов Кабардинского округа. Надо учитывать, что и до 1921 г. проходили съезды, на которых обсуждались актуальные вопросы социально-экономической, политической и культурной жизни народов Кабарды и Балкарии. Они способствовали повышению национального самосознания и развитию политической культуры в регионе. На таких форумах работа была организована по определенной схеме, которая включала обязательное обсуждение «политико-просветительских» вопросов о

международном положении советского государства, об истории мирового и российского революционного движения, о проблемах развития горских народов и т.д. [Кажаров 2019: 219]. Отличие четвертого съезда Советов Кабарды от аналогичных форумов состояло в том, здесь советская форма только обрамляла национальное содержание. Съезд, выражая «твердую неуклонную волю всех без исключения трудящихся Кабарды», имея в виду, что «ни одного голоса возражения не раздавалось» и «экономическое прикрепление Кабарды к ГССР губительно отразится на восстановлении разрушенного крестьянского хозяйства Кабарды», постановил «просить высшие органы власти РСФСР о выделении трудящихся Кабарды и находящегося среди них иногороднего населения в Автономную Кабардинскую область». Президиуму съезда и окружному исполнительному комитету Советов поручалось немедленно представить обстоятельный доклад по этому решению в высшие органы власти РСФСР и ГАССР [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 2. Д. 225. Л. 23].

Здесь шла речь не о формальном одобрении уже принятого в центре решения, как это часто бывало в тот период. Съезд на основе свободного волеизъявления народа принял историческое решение о форме национально-государственного развития Кабарды, и тем самым задал направление дальнейшему политическому развитию, завершившемуся образованием Кабардино-Балкарской автономной области в 1922 г. [Боров, Кажаров 2021: 72].

16 июня 1921 г. президиум Горского областного комитета РКП (б) обсудил вопрос о постановлении съезда Советов Кабарды относительно выделения в автономную область. Выступавшие единодушно дали негативную оценку принятому решению и подвергли критике действия Б.Э. Калмыкова. К.С. Бутаев затронул земельно-территориальный вопрос. Он был убежден, что «несмотря на выделение, земли ... в Кабарде много, необходимо отбирать (т.е. землю. – А.Б., А.К.) у кабардинцев, которые в своем большинстве кулаки, ... для удовлетворения горской бедноты». М.А. Энеев связал стремление кабардинцев сохранить свою территорию с хозяйственно-экономическими интересами кулачества, а кроме того заявил, что «среди интеллигенции Кабарды ... есть тенденция восстановления древней великой Кабарды. Последние имеют связи с Константинополем и начали уже действовать». Было решено обсудить проблему кабардинской автономии на совместном заседании пленума областного партийного комитета и ЦИК Горской АССР. Также Горский областной партийный комитет указал «Кабардинскому исполкому на желательность и необходимость побывать отправляемой делегации (имеется в виду кабардинская делегация в Москву – А.Б., А.К.) предварительно в СНК и ГорЦИКе» [ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 4. Л. 32].

17 июня 1921 г. Б.Э. Калмыков выступил с докладом о необходимости формирования Кабардинской автономной области на общем собрании Нальчикской городской организации РКП (б), которое оценило работу партийных органов в этом направлении положительно и постановило «ускорить работу по практическому осуществлению и разрешению этого

вопроса». Как и все остальные решения по данному вопросу, оно было принято единогласно [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 2. Д. 225. Л. 36].

19–20 июня 1921 г. состоялся пленум Горского областного партийного комитета РКП (б) по вопросу «О выделении Кабарды в автономную область» с приглашением представителей Кабарды и тех округов, «коих ближе всего касается выделение Кабарды». Нарком ГАССР по земельным делам И.М. Датиев заявил, что «большинство населения Кабарды обеспечено землей и вследствие этого из-за боязни лишиться части земли ... поднят был вопрос о выделении». Ссылаясь на Б.Э. Калмыкова, он сообщил, что кабардинцы «готовы на войну и никоим образом не допустят отчуждения (земель. – А.Б., А.К.) в пользу других округов». Пленум признал «действия и тактику Президиума правильными» [ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–5].

22 июня 1921 г. состоялось совместное заседание ЦИК и СНК Горской АССР, на котором был заслушан доклад Б.Э. Калмыкова. Основной упор он сделал на то, что «народ Кабардинского округа имел желание выделиться несколько лет тому назад» и Кабарда вошла в ГАССР, подчиняясь политике Центра в этом вопросе, а не по выбору кабардинского народа. Что касается решения съезда Советов Кабардинского округа о выходе из состава ГАССР, то Б.Э. Калмыков трактовал его как выражение воли кабардинского народа, поскольку его обсуждали перед съездом «в каждом селе и даже по кварталам». Это позволило ему выразить убежденность, что «будет Кабардинская автономная область» и заявить о своей готовности и в будущем поддерживать и проводить в жизнь «начинания масс Кабарды». На вопрос как мыслится установление границы Кабардинской автономии, он ответил: «...Границы будут взяты 1917 г.». В принятом постановлении органы власти Горской республики признали выделение Кабардинского округа «крайне нежелательным по политическим и экономическим причинам» [ЦГА РСО-А. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 66. Л. 16–16 об.].

Как видно из анализа документов, органы власти Горской республики принимали жесткие решения. Но против кабардинской автономии не было «широкого» фронта представителей остальных входивших в нее народов, что было не случайно. Горская республика не стала результатом осознанного политического выбора, актом выражения фундаментальной общности, а, значит, не могла быть административно-политическим механизмом трансляции и обеспечения национальных интересов горских народов. Горская АССР был создана без широкого обсуждения вопроса представителями входивших в нее народов, поэтому она и распадалась без действенного сопротивления с их стороны [Кажаров, Тамазов 2021: 84].

Пленум Кавказского бюро ЦК РКП (б), проходивший в Тифлисе 3 июля 1921 г., решил не препятствовать выделению Кабарды в автономную область, указав, что Кавбюро ЦК РКП (б) «считает невозможным принудительно заставить Кабарду оставаться в составе Горской республики» [Документы... 1983: 674]. Кавказское бюро ЦК РКП (б) утвердило временный орган советской власти – Революционный комитет Кабарды в составе Б. Калмыкова (председатель), Ф. Фаддеева, А. Кокожева, М. Ткаченко, Б. Павловича,

И. Котова и Д. Прохорова. Ему было поручено провести организационные работы для созыва Учредительного съезда Советов и окончательного формирования власти в Кабардинской автономной области на основе Конституции РСФСР [Кажаров 2019: 241].

1 августа 1921 г. областной Революционный комитет издал приказ № 2 об образовании на территории Кабарды четырех округов и о порядке создания окружных и сельских ревкомов [Документы... 1983: 681–683]. В нем практически определялась территория создаваемой автономной области.

3 августа 1921 г. в Москву выехала делегация Кабарды из 14 человек во главе с Б.Э. Калмыковым. Обсуждение проблемы затянулось почти на месяц. Заключительный этап процесса формирования Кабардинской автономии проходил в жарких спорах с представителями Горской республики, которые боролись против Кабарды вплоть до декретирования ее автономии. Мнение о том, что выход Кабарды ставит на повестку дня тот же вопрос применительно к Балкарии и Карачаю доминировало в представлениях деятелей Горской республики, и это было одной из причин их упорной борьбы за недопущение подобного развития событий.

7 августа 1921 г. Горский областной комитет РКП (б) под председательством Н.И. Дзедзиева обсуждал вопрос «О положении дел в Балкарии в связи с выделением Кабарды». Руководители Балкарского округа не совсем ясно себе представляли возможный сценарий дальнейшего развития ситуации. Об этом свидетельствует характер вопросов, сформулированных секретарем окружного партийного комитета Балкарского округа Масловым. В связи с отсутствием единого подхода среди руководителей Балкарского округа, он просил Горский областной комитет РКП (б) «обсудить положение и дать ему, как секретарю Балкарского оргбюро, разъяснение о линии поведения». Гороблпартком поручил «Балкарскому оргбюро строго ... придерживаться и проводить тактику и мнение Горского комитета, зафиксированных ранее по этому вопросу» [ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 4. Л. 51].

В условиях, когда руководители Горской республики стремились решить земельный вопрос входивших в нее народов путем уравнивания их национальных территорий, что исключительно угрожало территориальной целостности Кабарды, позиция кабардинских руководителей стала в определенной степени жесткой в отношении земельных трудностей и балкарцев.

В августе 1921 г. на фоне приближающегося административного «разрыва» Кабарды с Балкарией как округом ГАССР обострились земельно-территориальные противоречия между ними. Меньше чем за год раздельного существования Кабарды и Балкарии в рамках Горской республики произошло существенное ухудшение их отношений. Дело дошло до конфликтов кабардинских и балкарских сел на почве землепользования [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 2. Л. 20, 29]. Для урегулирования сложившейся ситуации по обоюдному согласию сторон с целью обследования границ от Нальчика до Хабаза была образована комиссия Народного комиссариата земледелия Горской республики [УЦГА АС КБР. Ф. Р-376. Оп. 1. Д. 2. Л. 13]. Позиция кабардинской фракции комиссии заключалась в том, чтобы «езде... границы

оставались бы 1917 г. за исключением земель, прирезанных в 1918 г. (имеется в виду Балкарии – *А.Б., А.К.*)» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-376. Оп. 1. Д. 2. Л. 11 об.]. При этом Наркомат земледелия Горской АССР направил органам власти Балкарского округа телеграмму, предписывающую ей использовать спорные с Кабардой участки в хозяйственно-экономических целях. Ссылаясь на это, руководители Балкарского округа утверждали, что «никаких захватов нет, и ... все выкашивается согласно предписанию Горского НКЗ», в связи с чем «выкашиваемые участки они (т.е. балкарцы – *А.Б., А.К.*) считают своей собственностью» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-376. Оп. 1. Д. 2. Л. 13]. Кабардинская фракция комиссии, обследовав вопрос на месте, «вынесла впечатление, что балкарцы ни за что не уступят те участки, коими они пользовались как до революции, так и в течение некоторых лет после революции». Посчитав, что «организация какой бы то ни было комиссии бесполезна», она предложила Революционному комитету Кабардинской автономной области «принять срочно решительные меры к восстановлению прав кабардинцев» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-376. Оп. 1. Д. 2. Л. 14 об.]. Таким образом, вмешательство Горской республики способствовало дестабилизации отношений между Кабардой и Балкарией.

18 августа 1921 г. Горский областной комитет РКП (б) в очередной раз обсуждал ситуацию в Балкарском округе. На заседании с докладом выступил М.А. Энеев. Он заявил, что «... в связи с выделением Кабарды в автономную область между кабардинцами и балкарцами на почве землепользования возникает ряд конфликтов и недоразумений, что положение в настоящий момент надо считать серьезным и необходимо принять меры к улаживанию этих конфликтов, принимающих резкую форму, в особенности со стороны кабардинцев». В провоцировании конфликтов он обвинил кабардинцев и заявил о необходимости «установить точные границы, а пока заставить кабардинцев считаться с границами, установленными в 1918 и 1920 гг., чего придерживаются балкарцы». В результате, Горский областной комитет РКП (б) постановил довести до сведения СНК РСФСР и Кавказского бюро ЦК РКП (б) информацию «о создавшихся обостренных взаимоотношениях между кабардинцами и балкарцами». Также было принято решение «настоять на принятии срочных мер по устранению возможности дальнейших кровавых столкновений между кабардинцами и балкарцами, вызываемых на почве землепользования, для чего необходимо установление точных границ Кабарды и Балкарии в самом срочном порядке» [ГАНИ РСФСР-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 4. Л. 54].

19 августа 1921 г. состоялось совместное заседание руководства Кабарды и Балкарии. В своем докладе заведующий земельным отделом Балкарского исполнительного комитета А. Гемуев в основном апеллировал к решениям, вынесенным Наркоматом земледелия Горской республики, а З. Мидов настаивал, что «за балкарцами признается право в использовании только тех участков, которые были отведены им Чрезвычайной земельной комиссией (т.е. в 1918 г. – *А.Б., А.К.*) ... все же остальные остаются за Кабардой впредь до разрешения земельного вопроса» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-376. Оп. 1. Д. 2. Л. 15,

16 об. – 17]. Было вынесено решение о запрете жителям конфликтующих населенных пунктов «на вывоз сена впредь до разрешения вопроса» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-376. Оп. 1. Д. 2. Л. 18].

31 августа 1921 г. заместитель председателя Горского представительства в Москве Бритаев направил в высшие органы власти РСФСР требование снять с обсуждения кабардинский вопрос до приезда «особой делегации от Горской республики». Он считал «преждевременным и неправильным» решать в Административной комиссии ВЦИК вопросы о границах Кабарды в условиях нерешенности земельного вопроса в ГАССР [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 2. Д. 225. Л. 42].

Самой сложной оставалась проблема установления границ, которую рассматривала межведомственная комиссия при НКВД РСФСР. Заинтересованные стороны разработали проекты ее разрешения. Как впоследствии вспоминал Б.Э. Калмыков на Учредительном съезде Советов Кабардинской АО, на карте, представленной «горской» стороной, «мы совершенно не нашли Кабарду». Оказалось, что «Горская республика причислила Зольские пастбища к Терской губернии, Малую Кабарду – к Осетии» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 15. Л. 10]. 31 августа 1921 г. представители Кабарды от имени ревкома автономной области направили в межведомственную комиссию просьбу определить границы Кабарды «селениями, указанными в приказе № 2 со своими юртовыми наделами, Зольскими и Горными пастбищами, существовавшими до 1917 г.» [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 2. Д. 225. Л. 42].

1 сентября 1921 г. ВЦИК постановил выделить из территории Горской АССР «автономную область кабардинского народа, непосредственно связанную с РСФСР», в составе Баксанского, Нальчикского, Урванского и Мало-Кабардинского округов. Территория Кабарды была определена в рамках административной границы 1917 г. с включением в ее состав станиц Пришибской, Котляревской и Александровской. ВЦИК утвердил территорию, на которую претендовало руководство Кабарды.

Самоопределение Балкарии и создание Кабардино-Балкарской АО

После декретирования Кабардинской автономной области стало очевидно, что оставаться в составе Горской республики Балкария не могла, так как она еще больше, чем Кабарда, была оторвана от неё. С другой стороны, само географическое положение предопределяло невозможность успешного развития Балкарии без тесного сотрудничества с Кабардой. Но теперь речь шла не просто о поддержании традиционной системы этнополитического равновесия на территории исторической Кабарды и Балкарии, а о перестройке ее на качественно иных условиях [Боров, Кажаров 2007: 348–349]. Выход Кабарды из Горской республики инициировал возникновение двух тенденций в государственно-политическом развитии Балкарии. С одной стороны, тенденция, направленная на образование Балкарской автономной области, а с другой – объединение Балкарии с Кабардой в единую автономию. После

образования Кабардинской автономной области руководители Горской республики были лишены возможности противодействовать руководству Балкарского округа.

27 октября 1921 г. состоялось заседание президиума Горского областного комитета РКП (б). Проблему, которую необходимо было обсудить, сформулировал Н.И. Дзедзиев: «В связи с якобы назревшей тенденцией балкарцев выделиться в автономную область, Балкарское оргбюро решило до съезда балкарцев взять инициативу в свои руки и необходима санкция и мнение по этому вопросу Гороблпарткома». Был заслушан доклад М.А. Энеева, который перечислил целый ряд факторов, побуждающих массы балкарцев стремиться к выделению из ГАССР: географическое положение Балкарии, земельный вопрос, экономическое тяготение Балкарии скорее к Тергубернии, чем к Горской республике, экономическая связь с Кабардой, пример Кабарды, политический момент в связи с политикой Центра по отношению к национальностям Кавказа. После дальнейшего обмена мнениями было вынесено следующее постановление: «В случае поднятия вопроса о выделении Балкарии на съезде беспартийными, поручить Оргбюро взять в свои руки и повести в плоскости выяснения мнения широких трудовых масс Балкарии и в зависимости от результатов поставить вопрос на обсуждение следующего съезда» [ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 5. Л. 9].

31 октября 1921 г. вопрос о статусе Балкарии обсуждали и на заседании Горского областного комитета РКП (б). Представитель НКН РСФСР Ш. Ибрагимов сообщил, что «вопрос о выделении Балкарии был поднят тов. Г. Бройдо (член НКН РСФСР. – *А.Б., А.К.*) находившимся в отпуске в Балкарии, а не НКН». Н.И. Дзедзиев в свою очередь тоже считал, что проблема выхода Балкарии была инициирована именно Г. Бройдо, а руководители Балкарского округа и балкарский народ сами этого не хотели. Однако более взвешенную оценку ситуации дал Н. Назаров, который привел «ряд фактов, свидетельствующих о том, что положение в Балкарском и Карачаевском округах, само по себе требует отмежевания от Горской республики, которая фактически уже потеряла влияние над этими округами». На заседании постановили направить в Балкарию К.С. Бутаева для участия в работе съезда балкарского народа [ГАНИ РСО-А. Ф. 204. Оп. 1. Д. 5. Л. 13–14].

Развитию тенденции по объединению Кабарды и Балкарии в единую автономию способствовало то обстоятельство, что аналогичные процессы развернулись в ходе формирования Карачаево-Черкесской автономной области. Идея образования двухсубъектной автономии в регионе возникла в кругах карачаевской партийной элиты. Об этом еще в 1920 г. писал У.Д. Алиев в докладной записке в адрес В.И. Ленина [Лайпанов, Батчаев 1986: 86]. Это была определенная модель оформления и кабардино-балкарских взаимоотношений.

25–30 ноября 1921 г. в Нальчике состоялся Учредительный съезд Советов Кабардинской автономной области, который завершил процесс институционализации советской областной автономии народов Кабарды. Б.Э. Калмыков, обращаясь ко всем трудящимся независимо от национальности, в своей речи назвал этот день «великим». О взаимоотношениях с соседними

народами он сказал: «Мы найдем общий язык со всеми национальностями, которые живут рядом с Кабардой, и пойдем вперед к прекрасной жизни» [Калмыков 1983: 23–24]. На съезде была затронута конкретная проблема этнополитического взаимодействия с Балкарией и Карачаем. Б.Э. Калмыков отметил по этому поводу, что «они пока остаются в Горской республике», но насколько ему известно, на недавнем съезде в Балкарии «постановили выделиться в автономную область» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-376. Оп. 1. Д. 4. Л. 14]. С.М. Буденный, принимавший участие в работе Учредительного съезда, свидетельствовал о разговоре с Б.Э. Калмыковым: «Говорили мы и о возможности воссоединения в единой автономной области кабардинцев и балкарцев и были едины в том, что это возможно только при проявлении желания к братскому союзу обоих народов» [Буденный 1973: 263].

Общий ход событий по позднему свидетельству Б.Э. Калмыкова выглядел так: «Когда Кабарда выделилась в самостоятельную область, я заявил (руководителям Балкарии. – А.Б., А.К.), чтобы Балкария присоединилась и образовать совместно Кабардино-Балкарскую автономную область. Они дали мне согласие, но потом изменили свое мнение, и Балкария осталась в составе Горской республики. Через некоторое время товарищи подняли вопрос о выделении Балкарии в самостоятельную область. Центр заявил, чтобы Балкария слилась с Кабардой» [Калмыков 1983: 65].

На формирование позиции Центра во многом оказывало влияние мнение представителя ВЦИК В.С. Муромцева, который к тому же после образования Кабардинской автономной области был назначен председателем комиссии по детальному установлению областных границ Кабарды [Русские... 1996: 65]. Поэтому не случайно, что именно он предложил образовать объединенную автономную область кабардинского и балкарского народов. 7 декабря 1921 г. Президиум исполнительного комитета Кабардинской АО, рассмотрел предложение В.С. Муромцева и признал возможным объединение Кабарды и Балкарии [УЦГА АС КБР. Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 33. Л. 1].

Уже через день, 9 декабря 1921 г., Балкарский исполнительный комитет направил в Коллегию НКН РСФСР «Информационный доклад о выделении Балкарского округа из Горской республики в автономную административную единицу». В нем обосновывалась необходимость выделения Балкарского округа из Горской республики в автономную административную единицу. На первый взгляд документ несет в себе глубокое противоречие. В нем показана тесная экономическая и иная взаимосвязанность Балкарии и Кабарды, однако из этого делался вывод, что Балкария должна быть отделена от Кабарды и стать самостоятельной автономной областью. Это формальное противоречие снимается трактовкой в записке социально-политического содержания исторически сложившихся отношений Кабарды и Балкарии. В докладе оно характеризуется как «племенная рознь» или «межнациональная вражда». Их породили, по мнению авторов, во-первых, имевшая место в прошлом зависимость балкарских таубиев от кабардинских князей и двойной гнет, которому подвергались трудящиеся массы Балкарии в феодальную эпоху, а во-вторых, «нужда Балкарии в земле», «тяга к плоскостным землям», которая

началась у горцев еще при царизме и которая не удовлетворена в полной мере до сих пор. В качестве первой цели отделения Балкарии от Кабарды указывается вовлечение в разрешение земельного вопроса между Кабардой и Балкарией вышестоящего центрального органа, «имеющего возможность принудить [Кабарду? – *А.Б., А.К.*] к земельной реформе». Вторая цель – уравнивание политического статуса этнических групп советской элиты. Согласно документу «изживание национальной вражды» тормозится «несколько второстепенной ролью балкарцев, предоставляемой им кабардинскими работниками в строительстве советской власти в объединенном округе». И в качестве третьей цели авторы указывают «организацию родного управления». Отсюда вывод: «Раздельное самостоятельное существование обеих народностей, мирное и спокойное разрешение всех спорных вопросов советской властью в лице своих родных представителей, быстро сможет рассеять эту отчужденность и тогда очистится путь к объединению обеих народностей в один экономический связанный район. В настоящее же время неразрешенный земельный вопрос, остатки прежней межнациональной вражды требуют отдельного существования Балкарского округа» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 432. Л. 3–4 об.].

10 декабря 1921 г. Президиум исполкома Советов Кабардинской АО рассмотрел на своем заседании вопрос «О выселении из районов г. Нальчика Балкарского окрисполкома» и принял постановление, предлагавшее «выселиться из пределов Кабардинской АО в течение 10 дней» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1. Л. 18]. Органы власти Кабардинской автономной области исходили из того, что «граница между Кабардой и Балкарией существует согласно утверждения ВЦИК (имеется в виду постановление ВЦИК от 1 сентября 1921 г. об образовании Кабардинской АО. – *А.Б., А.К.*) бывшая в 1917 г. и этим самым проходит по Белой речке и ... все земли, находящиеся на этой стороне, находятся в распоряжении Кабарды..., а Балкарский исполком временно был размещен в Долинском» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 4. Л. 31].

С конца декабря руководители Кабарды и Балкарии находились в Москве в качестве делегатов IX Всероссийского съезда Советов, который работал 23–28 декабря 1921 г., и активно участвовали в обсуждении и принятии решений в Наркомнаце и ВЦИК по вопросам выделения Балкарии из Горской АССР и определении ее нового административно-политического статуса.

4 января 1922 г. балкарская делегация на IX Всероссийском съезде Советов направила в НКН РСФСР докладную записку за подписью М. Энеева и А. Гемуева. В ней ставился вопрос о невозможности дальнейшего пребывания Балкарии в Горской республике, так как, «во-первых, она (Балкария – *А.Б., А.К.*) оторвана от ГССР географически и слабо связана экономически и культурно, и, во-вторых, разрешение земельного вопроса с Кабардой невозможно оставаясь в ГССР вследствие подчиненности Кабарды непосредственно центру РСФСР». В докладной записке обосновывался тезис о необходимости формирования Балкарской автономной области, «непосредственно подчиненной центру РСФСР». Объединение Балкарии и

Кабарды в рамках общей автономии «в данный исторический период» признавалось нецелесообразным по следующим соображениям:

- Балкария представляет совершенно отдельную народность с самостоятельным языком, особыми условиями быта, характера и т.д.;

- в хозяйственном отношении Балкария имеет свои особенности. В Балкарии господствует скотоводческое хозяйство, тогда как в Кабарде преобладает земледелие;

- Балкария испокон веков была в полной зависимости от Кабарды экономически и политически, что является одной из причин ее отсталости в хозяйственном и культурном отношении. Слияние с Кабардой до уничтожения экономического господства Кабарды вследствие ее многоземелья и при наличии национального неравенства означает продолжение старой политики.

Исходя из этих соображений, Балкарский съезд Советов постановил ходатайствовать перед ВЦИК о выделении Балкарии в автономную область» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 30].

Балкарская делегация съезда приложила к докладной записке проект декрета об образовании Балкарской автономной области. В нем указывалось, что Балкарский округ выделяется из Горской АССР в автономную область с административным центром в Долинском [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 29].

В тот же день, 4 января 1922 г., Кабардинская делегация на съезде Советов, узнав о содержании указанных документов, от имени исполкома Кабардинской автономной области направила в НКН РСФСР решительный протест против отдельных положений предложенного проекта об образовании Балкарской автономной области. В частности, руководители Кабарды возражали против включения селения Хабаз в состав Балкарской автономной области, т.к. «оно находилось слишком далеко от национальной границы Балкарии и его включение в Балкарскую АО создаст чересполосицу, на которую Балкария будет претендовать». Они категорически выступили против включения Долинского в Балкарскую область. Кроме того, были возражения против включения в Балкарскую АО «многих лесных полей, входящих в территорию Кабардинской АО» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 31].

6 января 1922 г. на заседании НКН РСФСР рассматривался проект постановления ВЦИК об образовании Балкарской автономной области. Коллегия Наркомата одобрила представленный проект, подтвердив включение в Балкарию Долинского, признававшегося ее центром [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 1].

7 января 1922 г. В.С. Муромцев направил докладную записку в НКН РСФСР в связи с выделением Балкарии из Горской республики, в которой обосновывал целесообразность объединения Балкарии с Кабардой в одну автономную область. По его оценке объединение «дает положительную сторону и для возрождения Балкарии», в частности, «уничтожает вековые земельные споры между Кабардой и Балкарией». В.С. Муромцев смотрел на эту проблему принципиально иначе, чем руководители Балкарского округа. Он исходил из того, что «[д]ля развития своего хозяйства балкарцы намерены

получить прилегающие кабардинские пахотные земли». Не подвергая сомнению правомерность такого стремления В.С. Муромцев указывал на трудности отведения этих земель Балкарии сплошным массивом через административно-территориальное разграничение с Кабардой, поскольку прилегающие к Балкарии кабардинские селения малоземельны и окажется необходимым переселять часть кабардинских сел. Кроме того, пахотные кабардинские земли лежат ниже полосы леса и с отводом этих земель необходимо будет на основании правил землеустройства отвести большую часть леса Балкарии, что сильно подорвет кабардинское хозяйство. А при объединении станет возможным совместное пользование землями Кабарды и Балкарии, «и представление чересполосно балкарцам свободных пахотных кабардинских земель, сенокосов и пастбищ, что вполне удовлетворит балкарское хозяйство» [ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 432. Л. 6–7].

9 января 1922 г., изменив решение от 6 января, Коллегия НКН РСФСР «признала целесообразным выделение из состава Горской республики территории, занимаемой ныне балкарцами и образование из нее вместе с Кабардой объединенной Кабардино-Балкарской автономной области, непосредственно связанной с РСФСР...». Также указывалось, что Нальчик будет «местом пребывания Балкарского, как и Кабардинского исполкомов». Относительно границ Балкарии НКН РСФСР постановил определить их «с соблюдением земельных интересов Балкарии... специальной комиссией ВЦИК». Как указано в протоколе, за это решение участники заседания проголосовали единогласно, в том числе и представители Кабарды и Балкарии Б. Калмыков, М. Энеев и А. Гемуев [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 22 б-22 в].

На основании данного решения 16 января 1922 г. ВЦИК вынес следующее постановление:

«1. Во изменение постановления ВЦИК от 1 сентября 1921 г. об образовании Кабардинской автономной области образовать объединенную Кабардино-Балкарскую автономную область, непосредственно связав с РСФСР, выделив для сего из состава Горской Автономной Республики территорию, занимаемую ныне балкарцами, и объединить Балкарию с Кабардой.

2. В состав Кабардино-Балкарской автономной области включается территория Кабарды, указанная в декрете ВЦИК от 1 сентября 1921 г., А, Б, В и Г, в составе округов Баксанского, Нальчикского, Урванского, Мало-Кабардинского и территория Балкарии в составе районов (округов): Верхне-Баксанского, Верхне-Чегемского, Хуламо-Безенгиевского и Балкарского.

3. Съезды советов Кабарды и Балкарии избирают на общих основаниях, каждый в отдельности, свои собственные исполкомы, которые на паритетных началах из своих представителей образуют общий объединенный Кабардино-Балкарский областной исполком, коему присваивается права губернского исполкома.

4. Местом пребывания областного исполкома, как местных Кабардинского и Балкарского исполкомов, устанавливается г. Нальчик.

5. Точные границы объединенной Кабардино-Балкарской области и границы отдельно Кабарды и Балкарии устанавливаются специальной комиссией ВЦИК, которая разрешает также все земельные вопросы между заинтересованными сторонами.

6. Передача аппаратов управления территории Балкарии, отошедшей от Горской республики, должна быть произведена не позже 1 марта 1922 г.» [За власть... 1957: 489–490].

Январь – декабрь 1922 г.: от формального провозглашения к реальному созданию Кабардино-Балкарской автономной области

Кабардино-Балкарская автономная область как территориально-политическая структура не возникла одномоментно 16 января 1922 г. Постановление ВЦИК только наметило механизм ее создания. В первой половине 1922 г. руководство Кабарды вело борьбу одновременно по вопросам территориальной и институциональной структуры создаваемой КБАО.

Уже 10 января 1922 г. за подписью Б.Э. Калмыкова в НКН РСФСР был направлен документ, в котором указывалось, что делегаты IX съезда Советов от Кабардинской области, обсудив протокол заседания Коллегии НКН РСФСР, признали «целесообразным и жизненно необходимым создать облисполком из представителей Кабарды, Балкарии и иногороднего населения области (казаки, русские, осетины, немцы, евреи и проч.), так как такового населения гораздо больше в области, чем балкарцев» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 84]. На этом этапе руководство Кабарды решительно выступило против предложенного Центром механизма объединения с Балкарией.

24 января 1922 г. балкарская делегация в ответ на обращение кабардинской делегации от 10 января постановила, что требование кабардинской делегации явно нарушает принцип паритетности Облисполкома и идет вразрез с постановлением Коллегии НКН от 9 января 1922 г. Балкарская делегация предложила Кабардинскому исполкому предоставить иногороднему населению, которое «не занимает определенной территории, а вкраплено среди кабардинцев», «соответствующее количество мест из причитающихся ему в облисполкоме» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 85].

Отклонила просьбу делегации Кабарды о введении в состав областного исполкома на паритетных началах представителей иногороднего населения и Коллегия Наркомата по делам национальностей [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 44].

27 февраля 1922 г. было созвано объединенное совещание представителей органов власти Кабарды и Балкарии для обсуждения условий формирования объединенной автономной области. Однако «несмотря на долгие дебаты, совещание к определенному решению не пришло». Было лишь постановлено созвать объединенный пленум Кабардинского и Балкарского исполнительных комитетов. Как отмечается в документах, он не состоялся «ввиду отсутствия Энеева и других товарищей, а также по многим другим причинам» [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 34].

21 марта 1922 г. НКН РСФСР поручил Ш. Ибрагимову ускорить проведение в жизнь постановления ВЦИК об образовании Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской автономных областей [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 12. Л. 135]. По всей видимости, речь может идти о компромиссе, заложенном в основу формирования двух автономных областей.

2 апреля 1922 г. НКН РСФСР в обращении во ВЦИК указывал, что «несмотря на постановление ВЦИК от 16 января с.г. об образовании объединенной Кабардино-Балкарской автономной области с общим объединенным Кабардино-Балкарским областным исполкомом во главе, из сообщений с мест НКН усматривает, что фактическое проведение в жизнь этого декрета до сих пор тормозится нежеланием некоторых кабардинских работников подчиниться постановлению ВЦИК об образовании областного исполкома на паритетных началах». В связи с этим, НКН просил Президиум ВЦИК «сделать соответствующее предписание Кабардинскому исполкому немедленно выполнить постановление ВЦИК от 16 января с.г.» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 16. Л. 56].

В апреле 1922 г. секретарь Балкарского оргбюро РКП (б) А. Потехин докладывал в ЦК РКП (б): «Взаимоотношения с Кабардой до сего времени не урегулированы. Постановление ВЦИК от 16 января 1922 г. еще не проведено в жизнь. Образование объединенной Кабардино-Балкарской области принято партийными работниками Кабарды весьма неохотно. Бесконечные попытки Балкарского оргбюро к образованию паритетного областного исполнительного комитета не привели к результатам. Можно с уверенностью сказать, что русские работники в Кабарде находятся под полным влиянием Калмыкова, ведут почти, что националистическую линию. Общая партийная работа и организация невозможны при данном составе работников» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 432. Л. 18 об.].

21 апреля 1922 г. Кабардинское представительство препроводило в Президиум ВЦИК и НКН РСФСР докладную записку исполнительного комитета Кабардинской автономной области, в которой отмечалось, что «местные условия не позволяют сконструировать областной исполком..., причиной чему является решительный протест населения Кабарды, права коего приравнены к правам населения Балкарии численностью в десять раз меньшего». Позиция органов власти Кабардинской автономной области стала более жесткой. Руководство Кабарды выступило с предложением сформировать областной исполнительный комитет объединенной автономии таким образом, чтобы каждая национальность была представлена в нем пропорционально количеству населения [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 16. Л. 61]. Речь в данном случае шла о населении Кабарды и Балкарии, а не о численности кабардинцев и балкарцев.

Что касается земельного вопроса, то Б.Э. Калмыков считал, что постановление ВЦИК от 1 сентября 1921 г. узаконило границы Кабарды 1917 г. и результаты деятельности всех комиссий должны быть аннулированы [УЦГА АС КБР. Ф. Р-376. Оп. 1. Д. 4. Л. 9 об.]. После этого наступила определенная стабильность в территориальных отношениях между Кабардой и Балкарией.

Однако на том же заседании НКН 6 января 1922 г., на котором было принято решение о выделении Балкарии из ГАССР в автономную область был зачитан доклад члена Коллегии НКН Ш.Н. Ибрагимова о земельном вопросе на Северном Кавказе. В нем проводилась мысль о необходимости срочного решения земельного вопроса, суть которого в крайней земельной нужде горцев, тогда как Кабарда «находится в несравненно лучших условиях и наделением землей не нуждается». На вопрос, откуда взять недостающую землю докладчик давал ответ: «Конечно, у многоземельных казаков, иногороднего элемента и частично у Кабарды». Он предлагал просить ВЦИК в срочном порядке направить полномочную комиссию от своего имени на Северный Кавказ для разрешения земельного вопроса, связанного, в частности, с Горреспубликой, Кабардой, Карачаем, Балкарией [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 21–22а].

Таким образом, на характер развития национально-государственных процессов в Кабардино-Балкарии в первой половине 1922 г. самым существенным образом влияла политика в области земельного вопроса, принявшего форму территориального разграничения автономных образований. Одним из проводников этой политики стал Федеральный комитет по земельному делу при Наркомате земледелия (создан 4 августа 1921 г., с 11 мая 1922 г. при Президиуме ВЦИК, с 27 июля 1922 г. при НКН РСФСР). Комитет подготовил проект Декрета о порядке установления границ национальных республик и областей и настойчиво добивался его рассмотрения и принятия [Темукуев 2015: 249, 256, 257, 258–259, 263]. Еще большую напряженность вызывала работа комиссии ВЦИК под председательством Дмитриева, готовившая предложения по решению земельного вопроса в регионе, включая разграничение Кабарды с Балкарией и Карачаем. В марте-апреле 1922 г. представители балкарских сел направили в комиссию многочисленные прошения о предоставлении им части кабардинских земель [ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 5. Д. 32. Л. 127, 130, 131, 138–141, 162]. Председатель комиссии исходил из необходимости «соблюдения земельных интересов» Балкарии и Карачая [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 7. Л. 74].

Как выглядела ситуация в глазах представителей Кабарды в комиссии показывает телеграмма в Представительство КАО при Наркомнаце, отправленная 4 мая 1922 г. из Владикавказа: «Приехавшая комиссия ВЦИК по установлению границ своими решениями нарушает сложившееся веками землепользование Кабарды, нанося этим колоссальный удар сельскому хозяйству, уже подорванному в период революции; чересполосность не уничтожается, а расширяется. Все соседи предъявили непомерные требования, главным образом по причине выделения Кабарды в автономную область: Карачай, Балкария, Осетия, Дигория, Ингушетия и Тер[ская] губерния – все требуют отрезки, вселения, даже переселения кабардинцев. Удовлетворение их требований вызовет неизбежное кровопролитие, комиссия поставлена об этом в известность. Уверенности мы не имеем, неизбежен конфликт. Между тем земельная норма Кабарды не превышает [нормы] претендентов. Пока участвуем в заседании во Владикавказе, неизбежен наш уход. Срочно примите меры, поставьте в известность ЦК РКП и ВЦИК» [Темукуев 2015: 252].

Уже 7 мая 1922 г. Б.Э. Калмыков в телеграмме на имя представителя Кабарды при Наркомнаце Назарова, в частности, сообщал: «Не достигнув соглашения, представители Кабарды выехали в Нальчик, предложив комиссии ВЦИК установить принципы, которые должны лечь в основу разрешения земельных споров – хозяйственно-производственной, недопустимость переселений, выселений, устранение чересполосности и вклинивания на границах народностей» [Темукуев 2015: 253].

10 мая 1922 г. коллегия НКН рассмотрела обращение уже самой комиссии «по поводу препятствий, чинимых работе комиссии кабардинскими представителями во главе с т. Калмыковым» и сочла «подобные действия представителей Кабарды совершенно недопустимыми, особенно, если иметь в виду, что стороны, недовольные решениями комиссии ВЦИК, могут обжаловать их в президиум ВЦИК» [Темукуев 2015: 256].

16 мая 1922 г. Исполком КАО воспользовался этой возможностью и послал телеграмму в представительство КАО при НКН для представления в Президиум ВЦИК: «Состоялось решение комиссии ВЦИК об установлении границ Кабарды, Карачая и Балкарии, подрывающих хозяйство Кабарды. Граница Балкарии, особенно в районе Малки, совершенно отрезает все нагорные пастбища Кабарды, границы Карачая отрезают проходы на прималкинский район, что совершенно лишает возможности кабардинским скотоводам использовать нагорные пастбища и вызывает гибель скотоводства. Все нагорные пастбища в административном отношении абсолютно недосыгаемы для Кабарды, что грозит политическими осложнениями. Проведение решения комиссии в исполнение неизбежно приведет к нежелательным конфликтам, катастрофе хозяйства Кабобласти. Кабисполком просит задержать рассмотрение и утверждение проекта границ комиссии до приезда наших представителей, которые выезжают на этих днях» [Темукуев 2015: 257].

16 мая 1922 г. Федеральный комитет при Президиуме ВЦИК, рассмотрев вопрос о работе комиссии ВЦИК в Кабардино-Балкарской комитет постановил:

1) Присоединиться к постановлению коллегии Наркомнаца от 10/V настоящего года.

2) Просить ВЦИК принять все меры к прекращению кровавых столкновений на почве земельных конфликтов в Кабардино-Балкарской области и возложить на председателя Кабардинского исполкома тов. Калмыкова персональную ответственность за невыполнение указанного распоряжения и предупредить о таковой же ответственности исполкомы других участвующих в земельных конфликтах стороны» [Темукуев 2015: 257].

Но с точки зрения Б.Э. Калмыкова ответственность за судьбу Кабарды, видимо, перевешивала его персональную ответственность перед вышестоящими инстанциями. В его телеграмме от 19 мая 1922 г. на имя Наркома по делам национальностей И.В. Сталина говорилось: «Решение комиссии ВЦИК по фиксированию границ Балкарии и Карачая экономически и политически уничтожает Кабарду. Кабардинский исполком привести постановление в исполнение бессилён, не вызвав политических осложнений.

Кабардинский исполком просит до приезда представителей Кабарды утверждение границ во ВЦИК задержать» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 7. Л. 57].

Очередное заседание Федерального комитета по земельному делу при Президиуме ВЦИК для рассмотрения вопроса об установлении границ между Кабардино-Балкарской областью и Горской республикой было назначено на 2 июня, но представительство КАО сумело добиться его отсрочки до 8 июня и предупредило руководство области: «Если Калмыков не приедет, [вопрос] решат в его отсутствие окончательно в очень неблагоприятном смысле» [Темукуев 2015: 258–259]. 7 июня 1922 г. в представительстве КАО при НКН получили телеграмму о том, что Б.Э. Калмыков выехал в Москву. В Москве, судя по всему, он пробыл до 20-х чисел июня [Темукуев 2015: 259].

22 июня 1922 г. Президиум ВЦИК принял постановление следующего содержания:

«1. Утвердить постановление комиссии ВЦИК о границах между Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской автономными областями по реке Кич-Малке с тем, что скотоперегонные дороги остаются свободными для перегона скота обеих сторон.

2. Утвердить постановление ВЦИК о границах между Кабардой и Балкарией со следующими изменениями:

а) оставить за Кабардой ее юртовые земли, за исключением лишь тех, которые были добровольно предоставлены Кабардой в пользование Балкарии в период времени с 1918 по 1921 год включительно;

б) оставить за Балкарией все лесные поляны, предоставленные ей в 1889 г., а также и те мелкие лесные поляны, которые были предоставлены ей полномочными органами в период времени с 1918 по 1921 год включительно;

в) оставить за Балкарией бывшие частновладельческие земли Кабарды, находившиеся в фактическом пользовании Балкарии в 1918, 1919, 1920 и 1921 гг., оставить за последней остальные частновладельческие земли Кабарды;

г) оставить горные пастбищные луга в пользовании Кабарды и Балкарии, согласно решению Чрезвычайной земельной комиссии в 1918 г.

3. Предложить Кабардинскому и Балкарскому исполкомам принять срочные меры к уничтожению чересполосицы и пользованию частновладельческой землей.

4. Поручить комиссии ВЦИК на основании настоящего постановления составить описание границ между Кабардой и Балкарией, нанести на карту эти границы с условными обозначениями и предоставить на утверждение секретарю ВЦИК» [Темукуев 2015: 260].

Очевидно, что это решение было приемлемым и для Балкарии и для Кабарды. Балкария получила значительную часть кабардинских земель, на которые претендовала, хотя и не все, на что могла рассчитывать согласно позиции комиссии Дмитриева. Положительный момент для Кабарды состоял в том, что ВЦИК утвердил ее административные границы с Карачаем по реке Кич-Малка [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 7. Л. 39]. Правда пункт «в» носил неясный характер и оставлял впечатление, что все частновладельческие земли

Кабарды должны отойти Балкарии. Исполком и представительство КАО при Наркомнаце почти до конца июля добивались от Президиума ВЦИК редакционного изменения пункта «в» и включения в постановление Долинского, как неотъемлемой части гор. Нальчика [Темукуев 2015: 270]. 22 июля 1922 г. Наркомнац обратился в Президиум ВЦИК с просьбой такое редакционное изменение внести, «заменяя слова «за последней» на «за Кабардой», а также включив в пункт в) положение, что «хутор Долинский является неотъемлемой частью г. Нальчика» [Темукуев 2015: 270].

Взаимоприемлемое решение земельно-территориального вопроса в постановлении не предопределяло однозначным образом дальнейшее развитие политического процесса.

30 июня 1922 г. областной партийный комитет КАО принял постановление: «Принимая во внимание, что между кабардинским и балкарским народами нет серьезных разногласий в общей политической работе, с одной стороны, и что основной земельный вопрос между кабардинцами и балкарцами, вызываемый до сих пор недоразумения, разрешен ВЦИК – облпартком, подразделяя количество населения (кабардинцев 160 тысяч балкарцев 26 тысяч, русских и других 80 тысяч), считает, что создание Кабардино-Балкарского органа на паритетных началах вызывает лишь развитие и углубление национализма как среди балкарского, так и кабардинского и других народов, поэтому Кабобком, считая наиболее целесообразным создание Кабардино-Балкарского облисполкома на основе Конституции РСФСР, просит ЦК РКП и ВЦИК постановление ВЦИК от 16 января с.г. отменить» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 16. Л. 54]. Приведенные в документе данные о численности национальных групп населения не соответствовали действительности. Согласно несколько более поздним, но более надежным данным переписи 1926 г. из 203 776 чел. населения КБАО балкарцев насчитывалось 33 197 чел., кабардинцев – 122 402, русских и других – 48 177 чел. [Всесоюзная... 1928: 109–110]. Но это не меняло сути проблемы, которую ставил партийный комитет КАО. И речь здесь шла не о полной отмене постановления ВЦИК, а о приведении его в соответствие с Конституцией РСФСР, согласно которой (ст. 11) во главе автономных областей должны были стоять «областные съезды Советов и их исполкомы» [Конституция... 1918]. Механизм же формирования «объединенного исполкома» на паритетных началах из представителей самостоятельных «национальных» исполкомов устранял из системы власти АО ее высший орган – съезд Советов области.

Со другой стороны, после сравнительно благоприятного разрешения земельного вопроса для балкарских руководителей становились приемлемыми полная отмена постановления о создании КБАО и выделение Балкарии в отдельную область.

В повестку дня заседания Президиум ВЦИК 3 июля 1922 г. «Балкарским представительством», как указано в документе (официально такой структуры не существовало; видимо, имеются в виду представители Балкарии, ее руководители – А.Б., А.К.), был внесен вопрос об объединении Кабарды с Балкарией и отпуске средств для покрытия задолженности и на оргработы. Тем

самым Президиум ВЦИК был поставлен перед необходимостью определиться: исходит ли он из того, что объединенная КБАО действительно создана или Балкарский округ продолжает существовать самостоятельно. В результате было решено вопросом рассмотрением отложить, предложить НКН РСФСР «обсудить вопрос о выделении Балкарии в автономную область», а также предложить Малому Совнаркому «срочно рассмотреть вопрос о предоставлении Балкарии кредитов по задолженности и о выделении аванса в установленных размерах» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 16. Л. 112]. Неизвестно как именно шло обсуждение, и «какие доводы привело Балкарское представительство в пользу выделения Балкарии в автономную область», замечает по этому поводу Б.А. Темукуев [Темукуев 2015: 262]. Но эта ситуация показала, что ВЦИК не исключает возможности пересмотра собственных решений. В каком направлении может пойти этот пересмотр зависело от того, возобладает ли в дискуссии позиция одной из сторон или будет найден компромисс.

9 июля 1922 г. для обсуждения положения, создавшегося в связи с решением ВЦИК от 3 июля о возможной отмене постановления от 16 января и предоставления Балкарии отдельной автономии, снова было проведено заседание Кабардинского областного комитета РКП (б) с участием заместителя председателя Исполнительного комитета и члена оргбюро РКП (б) Балкарского округа К.Э. Ульбашева. На этом заседании Б.Э. Калмыков дал характеристику взаимоотношениям Кабарды и Балкарии в дореволюционную эпоху и в революционный период. По его мнению, исторический опыт взаимодействия показал, что Кабарда и Балкария «это две неразрывные народности, которые ни политически, ни экономически разделить нельзя». М.А. Энеев, по его мнению, безосновательно поднимал вопрос о противоречиях между Кабардой и Балкарией. Б.Э. Калмыков же был уверен, что «крестьянин-кабардинец и балкарец жили все время мирно, и никакой национальной вражды между ними не было». Решение НКН РСФСР от 6 января 1922 г. об образовании Балкарской автономной области, полагал он, стало следствием «односторонней информации Центра» со стороны М.А. Энеева, который, «яркими красками нарисовал покоренную Балкарию и победительницу Кабарду» [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 34–35].

К.Э. Ульбашев, отвечая на вопросы присутствующих, отметил, что «разногласия в самой массе нет. В верхах есть. Но в то время, когда мы здесь можем ругаться, крестьянин кабардинский и крестьянин балкарский работают мирно, совместно. Ни один балкарец не сказал, что выделение для него выгодно. Балкарская автономия в условиях автономных границ существовать самостоятельно не может, ее экономические условия заставят слиться с Кабардой». По вопросу об объединении Кабарды и Балкарии он полностью согласился с мнением Б.Э. Калмыкова. К.Э. Ульбашев заявил: «Такого течения в балкарских массах нет, т.к. народ сейчас не знает о выделении, но когда была организована Кабардино-Балкарская автономия, то народ рад был этому и остался очень доволен, тенденция к выделению была тогда, когда Балкария находилась в составе Горской республики» [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 36].

После всестороннего обсуждения вопроса Кабардинский областной комитет РКП (б) принял постановление, которое телеграммой было направлено в ЦК РКП (б), а копия – во ВЦИК. Исходя из того, что «между кабардинским и балкарским народами в общей политической работе никаких разногласий нет, то, что Балкария и Кабарда всегда были экономически связаны, в силу чего Балкария одна без Кабарды, тем более в данный момент, существовать не может; что доказано отдельным существованием ее в течение полутора года», которые оказались отмечены «развитием и углублением ранее никогда не существовавшего национализма между этими народами» Кабоблпартком счел необходимым:

«1) Поставить в известность ЦК РКП, ВЦИК, что балкарские трудовые массы более склонны сотрудничать с кабардинским народом, чем выделяться в автономную область;

2) Поставить в известность, что балкарский народ в период полуторалетнего существования отдельно от Кабарды убедился в невозможности и нецелесообразности существования отдельно от Кабарды;

3) Поставить в известность, что вопреки желанию балкарского трудового народа объединиться с Кабардой, руководители Балкарского народа продолжают добиваться отделения Балкарии от Кабарды в ущерб интересам балкарского трудового народа;

4) Вторично поставить в известность ЦК РКП, ВЦИК, что Кабардинский облпартком, состоящий в большинстве своем из временно присланных товарищей Центром, считает единственно возможной организацией Кабардино-Балкарского облисполкома на основах Конституции РСФСР;

5) В случае несогласия ВЦИКа на создание единого Кабардино-Балкарского облисполкома на основаниях Конституции РСФСР – просить ЦК РКП предложить ВЦИКу назначить Кабардино-Балкарский съезд с представителями краевой власти для разрешения этого вопроса» [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 37].

Решения Кабардинского облпарткома от 9 июля были продублированы в постановлении Облисполкома и вновь направлены телеграммой в Москву 15 июля 1922 г. [ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 231. Л. 59–60б].

10 июля 1922 г. вопрос о статусе Балкарии в порядке информации о постановлении ВЦИК от 3 июля о возможности выделения Балкарии в автономную область был рассмотрен на заседании Коллегии НКН РСФСР. Его материалы показывают, что в Центре понимали глубину объективных факторов, делавших объединение Кабарды и Балкарии единственно возможным решением проблем национально-государственного устройства кабардинского и балкарского народов.

НКН РСФСР, понимая всю сложность ситуации, принял следующее постановление:

«а) полагая, что главной причиной трений между Кабардой и Балкарией является земельный вопрос, приобретающий особо важное значение в связи с тяжелым положением скотоводческих горских племен на Кавказе вообще и стихийным переходом их к земледелию, сопровождающимся постепенным

переселением на плоскость, признать выделение Балкарии из объединенной Кабардино-Балкарской автономной области в особую автономную область не желательным и не соответствующим развитию экономических и культурных сил как Балкарии, так и Кабарды;

б) отметить, что решение президиума ВЦИК от 20/VI (так в документе. – *А.Б., А.К.*) исходит из существования единой КБАО, тесно объединяющей Кабарду и Балкарию и поэтому выделение Балкарии потребует пересмотра земельного вопроса;

в) полагая необходимым существование объединенного Кабардино-Балкарского исполкома на паритетных началах и принимая во внимание большое число населяющих Кабардинскую область нацменьшинств, НКН находит возможным согласиться с предложением создать объединенный исполком с представительством 1/3 от Кабарды, 1/3 от Балкарии и 1/3 от нацменьшинств, населяющих Кабарду» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 16. Л. 29–29 об.].

13 июля 1922 г. на заседании Коллегии НКН РСФСР вопрос был рассмотрен снова в порядке пересмотра постановления от 10 июля. Принципиальная позиция НКН не изменилась. Редакции подвергся только пункт «в» постановления. Теперь в нем отсутствовало положение о «паритетных началах» организации исполкома по схеме 1/3 от Кабарды, 1/3 от Балкарии, 1/3 от нацменьшинств, населяющих Кабарду, а было сказано просто: «Считать, что в объединенном исполкоме Кабардино-Балкарской автономной области должно быть представлено 1/3 голосов населению Балкарии и 2/3 населению Кабарды» [Темукуев 2015: 266]. Но этим только фиксировалась позиция коллегии НКН на данный момент в ответ на запрос Президиума ВЦИК, а не принималось обязательное к исполнению решение. Поскольку НКН не считал правильным отменять постановление ВЦИК от 16 января 1922 г. на повестке дня оставался вопрос о его выполнении.

19 июля 1922 г. на Коллегии НКН РСФСР он был поставлен именно в такой форме: «Об осуществлении постановления президиума ВЦИК от 16/I – 1922 г. относительно организации объединенного областного исполкома Кабардино-Балкарской автономной области». В постановлении записали: «Признать, что организация объединенного Кабардино-Балкарского исполкома на паритетных началах – единственно правильный путь для изживания национальных недоразумений между Кабардой и Балкарией. Изменение постановления ВЦИК от 16/I – 1922 г. об организации объединенного исполкома Кабардино-Балкарской автономной области считать нецелесообразным», а также просить ВЦИК обязать «Кабардинский и Балкарский национальные исполкомы под личной ответственностью т. Калмыкова и т. Энеева в двухнедельный срок организовать объединенный исполком на паритетных началах». Одновременно Наркомфину Предложено было не отпускать никаких средств по открывающимся кредитам ни Кабарде, ни Балкарии впредь до исполнения этого решения [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 7. Л. 8].

В тот же день, 19 июля, ВЦИК запросил заключение Наркомнаца по вопросу, поднятому в постановлении областного парткома КАО от 9 июля. 22 июля 1922 г. НКН РСФСР отправил в Орготдел ВЦИК заключение, в котором отмечалось, что сообщение в телеграмме Кабоблпарткома о том, «что руководители Балкарии добиваются выделения в автономную область очевидно вызвано неправильной информацией Кабардинского облпарткома, т.к. представители Балкарии (т. Энеев, т. Гемуев и др.) категорически высказываются против выделения Балкарии в АО» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 55. Л. 34]. Возможно, эти колебания в позиции балкарских руководителей были обусловлены тем, что их не вполне удовлетворяло решение земельно-территориального вопроса в постановлении ВЦИК от 22 июня 1922 г. Проект комиссии Дмитриева от 10 мая обещал гораздо большие приращения для Балкарии. Оставаясь в объединенной автономии, она могла рассчитывать на доступ к хозяйственному использованию земельных ресурсов, формально оставленных за Кабардой. Выделение в самостоятельную автономию исключало такую возможность.

Но это был не последний поворот в позиции Центра, выступавшего за сохранение единой КБАО и готового отойти от жесткого требования буквального выполнения Постановления от 16 января 1922 г. в части механизма формирования областного исполкома КБАО.

30 июля 1922 г. председатель представительства КАО при НКН телеграфировал Б.Э. Калмыкову: «По предложению ВЦИКа выделение Балкарии Наркомнацем обсуждено, решено Балкарию не выделять. Принято мое предложение – образовать областной исполком в составе: одной трети кабардинцев, одной трети балкарцев, одной трети русских, немцев и других народностей, живущих в Кабарде. Не беспокойся, и представителя не высылай, все устрою. Третьего августа ЦК [РКП(б)] созывает Всероссийскую конференцию, жду мандата телеграфно. Доклад парткому сделаю сам или пришлю. Назаров» [ЦГА КБАССР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 7. Л. 14].

В итоге обе стороны пошли на взаимные уступки, и 17 августа 1922 г. Кабардинский областной комитет РКП (б) и Балкарское организационное бюро РКП (б) утвердили «Положение об объединении Кабарды и Балкарии».

Положение предусматривало образование единого объединенного областного исполнительного комитета, состоящего на треть из кабардинцев, на треть из балкарцев и на треть из русских. При этом было решено в Балкарии иметь окружной исполком, как и в четырех округах Кабарды. По партийной линии также создавался единый аппарат обкома РКП (б). Балкарское оргбюро РКП (б) приравнивалось к остальным окружным партийным структурам Кабардино-Балкарской автономной области. Трехнациональный принцип представительства в органах власти и управления проводился и во внутренней конструкции исполкома области: в Большом и Малом президиумах, в наиболее крупных отделах облисполкома – земледелия, народного образования и внутреннего управления [Документы... 1983: 720–721]. Но паритет, зафиксированный в Положении, был довольно далек от буквы решения Президиума ВЦИК от 16 января 1922 года. Первоначально построение органов

власти и управления в КБАО мыслилось так: две национальности – кабардинцы и балкарцы – проводят свои съезды Советов, отдельно для Кабарды и для Балкарии и избирают на них также в отдельности свои исполнительные комитеты. Избранные исполкомы на паритетных началах образуют объединенный Кабардино-Балкарский исполнительный комитет. При этом Кабардинский и Балкарский исполкомы не целиком входят в объединенный облисполком, а посылают туда своих представителей. Складывался, таким образом, сложный порядок управления областью: отдельные исполнительные комитеты в Кабарде и Балкарии, кроме того, еще один общий объединенный облисполком. Структура исполкома, заложенная в Положении, воплощала другой принцип – паритетное представительство национальных групп населения единой Кабардино-Балкарской автономной области. Он был сформулирован в постановлениях Коллегии Наркомнаца от 10 июля 1922 г., как представительство «1/3 от Кабарды, 1/3 от Балкарии и 1/3 от нацменьшинств, населяющих Кабарду».

На заседании исполнительного комитета Кабардинской автономной области 28 августа 1922 г. слушали об объединении Кабарды с Балкарией и о выборе членов в объединенный Кабардино-Балкарский облисполком. Б.Э. Калмыков в своем докладе указал, что «вопрос этот решен центром и необходимо подойти к практическим работам путем слияния и создания единого исполкома» [Темукуев 2015: 276].

6 сентября 1922 г. состоялись выборы объединенного исполнительного комитета. Из состава пленума областного исполнительного комитета были выделены Большой президиум из семи человек (Б.Э. Калмыков, М.А. Энеев, И.Н. Боровицкий, Н.А. Катханов, А.Д. Гемуев, Ф.И. Фаддеев и секретарь обкома партии) и Малый президиум из трех человек (Б.Э. Калмыков, М.А. Энеев и Ф.И. Фаддеев). Председателем областного исполнительного комитета единогласно был избран Б.Э. Калмыков, его заместителями – М.А. Энеев и Ф.И. Фаддеев, секретарем – И.Н. Боровицкий [Документы... 1983: 722–723].

6–9 декабря 1922 г. в Нальчике состоялся первый съезд Советов Кабардино-Балкарской автономной области. Он обсудил вопросы хозяйственного и культурного строительства, выработал меры по улучшению деятельности местных органов власти и т.д. На нем также был избран областной исполнительный комитет из 30 человек под председательством Б.Э. Калмыкова и его заместителя М.А. Энеева [История... 1967: 111–112].

Таким образом, завершился процесс институционализации Кабардино-Балкарской автономной области в составе РСФСР. Объединенная автономия стала политической и экономической формой сотрудничества и сосуществования Кабарды и Балкарии и явилась результатом осознанного выбора кабардинского и балкарского народов.

Заключение

Приведенные в статье материалы показывают, что создание Кабардино-Балкарской автономии представляло собой не единовременный акт, а процесс. Предпосылки его запуска сложились в ходе социально-политического развития в регионе на протяжении 1920 – весны 1921 г. Его первая фаза начинается с открытой постановки вопроса о выходе Кабарды из состава Горской АССР 21 мая 1921 г., а ее результаты находят формальное закрепление в провозглашении Кабардинской автономной области 1 сентября 1921 г. После этого начинается вторая фаза, которая имела своим содержанием поиск жизнеспособной формы самоопределения Балкарии: в составе ГАССР или вне ее, в отдельной от Кабарды или совместной с ней автономной области. Ее результаты формально закреплены в постановлении ВЦИК от 16 января 1922 г. об образовании объединенной КБАО. Наконец, третья фаза, охватывающая практически весь 1922 г., – это фаза выработки взаимоприемлемого варианта практической реализации принятых решений.

Этот исторический опыт был резко актуализирован на рубеже 1980–1990-х гг. В основе сложившихся тогда, порой противоположных оценок событий и решений прошлого, лежит их соотнесение с национальными интересами какого-то одного из народов республики. Вот почему необходимо привнесение в пространство общественно-научного дискурса их историко-политологической экспертизы. Ее функция заключается в том, чтобы определить рамки, в которых дискуссии по историческим аспектам проблемы могут быть рациональными, а политические выводы из них будут практически реализуемыми.

Экспертной оценки требуют, прежде всего, четыре ключевых аспекта восприятия политического опыта 1920–1922 г.:

1. Создание КБАО и национальная государственность кабардинцев и балкарцев.

1.1. В той мере, в какой процесс становления Кабардинской, а затем Кабардино-Балкарской автономной области воплощал идеологию и политику РКП (б) и центральной советской власти он не нес в себе национально-государственного содержания. Понятие национальной государственности не присутствует в учредительных документах (постановлениях ВЦИК) о создании этих областей. Политическая идеология большевизма в этот период еще во многом видела в советах форму самоорганизации трудящихся, а не органы государственной власти. В Конституции РСФСР 1918 г. ее задачей провозглашалось установление «диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти» [Конституция... 1918].

1.2. Определение автономной республики как государства появилось в Конституции КБАССР 1937 г. А понятие «национально-государственное строительство» для обозначения политико-административных преобразований

начала 1920-х гг. утвердилось в историографии в 1960-е гг. При этом, в советских конституциях СССР, РСФСР и КБАССР никак не прописывались «национальные» основания государственного статуса автономной республики. Она определялась как «социалистическое государство рабочих и крестьян», «советское социалистическое государство, находящееся в составе РСФСР». Статья 1 Конституции КБАССР 1978 г. гласила: «КБАССР есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся республики всех национальностей».

1.3. Положение о неотъемлемом праве «кабардинской и балкарской наций, всего народа Республики на самоопределение» впервые было включено в текст Декларации о государственном суверенитете Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики от 30 января 1991 г., а затем вошло в преамбулу Конституции КБССР в соответствии с Законом «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) КБССР» от 17 мая 1991 г. Однако дальнейшее политическое развитие практически устранило «национально-государственный» блок из конституционных основ РФ и КБР. В Конституции РФ 1993 г. понятие автономной республики и ее внятное определение как государства отсутствует. В Конституции КБР, принятой 1 сентября 1997 г. и претерпевшей многочисленные изменения и поправки, кабардинский и балкарский народы не упоминаются. В преамбуле говорится об исторически объединившемся в единое государство «многонациональном народе Кабардино-Балкарской Республики», а в статье 3 о том, что «Кабардино-Балкарская Республика основана на единстве равноправных народов Кабардино-Балкарии и неделима».

1.4. Таким образом, в формальном государственно-правовом смысле и с точки зрения итогов политико-правового развития Кабардино-Балкарской Республики по состоянию на 2021 г., образование в 1922 г. Кабардино-Балкарской автономной области не означало обретения кабардинским и балкарским народами национальной государственности. Но исторический смысл изменений в их взаимных отношениях и политико-административном статусе за период 1917–1922 гг., правомерно интерпретировать как принципиальной важности шаг к национальной государственности. В процессе этих изменений Кабарда и Балкария выступали не в качестве пассивных объектов политики властных институтов регионального (Союз горцев 1917 г., Терская республика 1918 г, Горская АССР 1920–1921 гг.) и общероссийского уровня (Наркомат по делам национальностей, ВЦИК советов РСФСР), а в качестве политических субъектов, активно продвигающих свои интересы. Иными словами региональный политический процесс 1917–1922 гг. включал в себя элемент самоопределения кабардинского и балкарского народов. В результате Кабарда и Балкария на всех уровнях были признаны как самостоятельные национально-территориальные и национально-политические единицы регионального и общегосударственного политического пространства. Их объединение в рамках Кабардино-Балкарской автономной области знаменовало не утрату, а реализацию их права на самоопределение. В КБАО

был формально зафиксирован национально-территориальный и институциональный базис их дальнейшего существования. Если бы этого не произошло, не состоялось бы в последующем преобразования автономной области в автономную республику, провозглашение ее суверенитета, подписание ею Федеративного договора и закрепление конституционного статуса современной Кабардино-Балкарской Республики как субъекта Российской Федерации. Противоправный акт ликвидации автономии балкарского народа в 1944 г. не мог устранить историческую реальность его самоопределения в 1921–1922 гг., и требования балкарского национального движения в конце XX в. вернуться к институциональной форме учреждения КБАО ясно свидетельствуют об этом.

2. Создание КБАО и проблема разграничения Кабарды и Балкарии.

2.1. В той или иной форме – установления границ землепользования и/или административных границ – проблема разграничения Кабарды и Балкарии стояла на повестке дня на протяжении всего периода 1917–1922 гг.

2.2. Ни на одном из этапов политического развития в рамках указанного периода речь не шла о формальном закреплении исконных национальных границ Кабарды и Балкарии. Проблема их разграничения выростала из реализации аграрной политики советской власти, основанной на принципах социализации земли и уравнительного землепользования в условиях Центрального Кавказа, где более или менее обеспеченная землей Кабарда соседствовала с малоземельными горскими обществами, прежде всего, с Балкарией. Речь всегда шла о закреплении за Балкарией кабардинских земель, которыми балкарские общества до тех пор пользовались на условиях аренды; тех участков, передача которых Балкарии была предусмотрена решениями 1918–1920 гг. или которые были самочинно заняты отдельными группами; иных участков, в которых балкарские общества нуждались для ведения своего хозяйства.

2.3. Указанное понимание земельно-территориального вопроса в отношениях Кабарды и Балкарии разделялось всеми сторонами, вовлеченными в их решение. В докладе о выделении Балкарского округа из Горской республики в автономную административную единицу, представленном 9 декабря 1921 г. в Коллегию НКН от имени Балкарского оргбюро РКП (б) и исполкома Балкарского округа, указывалось: «Еще давно, при царизме, началась у горцев тяга к плоскостным землям. Обследовав земельные отношения в Балкарии, царское правительство отвело им для переселения кабардинские земли. Так произошли балкарские общества: Гунделен, Хабаз, Нижний Чегем, Кашкатау. Но этот надел не утолил земельного голода гор. Стихийно балкарская беднота спустилась из ущелий на плоскость и окружила город Нальчик своими поселками: Яникой, Белореченское, Хасанья» [ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 432. Л. 3–4 об.]. Руководство Кабарды в лице Б.Э. Калмыкова настаивало на том, чтобы за основу при разграничении были приняты границы 1917 г. Исполком КАО соглашался с тем, чтобы «селения, находящиеся на территории Кабарды: Яникой, Белореченское, Хасанья, Гунделен, Кашкатав и Чижок-Кабак» вошли в Балкарский округ. Но он настаивал, что селение Хабаз,

могущее своим отходом создать чересполосицу, должно, безусловно, войти в Кабардинскую АО. Равным образом облисполком решительно протестовал против включения в Балкарскую область Долинского, а также поселков и хуторов, входящих в территорию Кабардинской АО «в ее национальных границах», но «захваченных балкарцами» [ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 31].

2.4. В вопросе о границе между Кабардой и Балкарией был достигнут компромисс и принято взаимоприемлемое решение не в контексте их разделения на две самостоятельные административные единицы, а в контексте их объединения в Кабардино-Балкарской автономной области. Такой результат обусловлен не политической конъюнктурой, а фундаментальными факторами, связанными со структурой земельных ресурсов и структурой землепользования как основы жизнеобеспечения аграрных обществ Кабарды и Балкарии. Земельные приращения Балкарии могли оказаться недостаточными в перспективе дальнейшего роста ее населения. Отгонная система животноводства, практикуемая и кабардинцами и балкарцами, строилась на доступе балкарских животноводов к равнинным пастбищам и совместном использовании нагорных пастбищ. Дальнейшее развитие подтвердило высказанную в начале января 1922 г. мысль В.С. Муромцева о том, что преодоление земельных споров лежит на пути совместного пользования землями Кабарды и Балкарии. После их разграничения на основе постановления от 22 июня 1922 г. в последующий период до начала 1940-х гг. балкарским хозяйствам было прирезано почти 27 тыс. га пастбищных и пахотных земель в других районах КБАССР (Таблица 1) [Битова 1997: 31; Административно-территориальные... 2000: 328–331; Балкарцы... 2001: 6–7].

Таблица 1

Территория расселения и землепользования балкарцев (1884–1944)

Год	Исходные данные	В пересчете в гектары	В пересчете в кв. км.	В % к исходному показателю
1884	328 760 дес.	359 170,3	3 591,7	100
1927	4 386 кв. верст	499 154,1	4 991,5	139
1940–1944	5 300 кв. км.*	530 000,0*	5 300,0*	147,6
*Включая 26 769 га пастбищных и пахотных земель, прирезанных к Балкарии в других районах КБАССР				

3. Создание КБАО и национальные интересы Кабарды и Балкарии.

3.1. Провозглашение КБАО постановлением ВЦИК от 16 января 1922 г. было принято и Балкарией и Кабардой, но предложенный механизм ее институционализации по-разному выглядел в свете их этносоциального опыта. С «балкарской» точки зрения, «паритет исполкомов» практически сохранял режим взаимоотношений Балкарского и Кабардинского округов в рамках ГАССР, за исключением того, что апелляционной инстанцией в спорных ситуациях теперь должен был выступать ВЦИК, а не ЦИК ГАССР. В вопросе

установления границ и разрешения земельных вопросов Балкария могла рассчитывать на благоприятный для себя подход «специальной комиссии ВЦИК». Весь предшествующий опыт работы созданных советской властью комиссий по земельному вопросу оправдывал такую надежду. С «кабардинской» точки зрения, при формальном объединении в одной области, ее структура не давала Кабарде рычагов надежной защиты своих интересов, прежде всего, в земельно-территориальных вопросах. Напротив, вероятным становилось, что комбинированное давление Карачая, Балкарии, Горской республики и Центра вынудит ее к уступкам, несовместимым с ее жизненными интересами. Таким образом, провозглашение КБАО приняло такую форму, которая безусловно отвечала интересам Балкарии и, с другой стороны, бросала вызов территориально-политической идентичности Кабарды. Именно руководство Кабарды более полугода противилось реализации положений об объединении, предусмотренных постановлением ВЦИК от 16 января 1922 г.

3.2. Расхождение интересов было обусловлено тем, что определение институциональной и территориальной структуры КБАО воспринималось как распределение ограниченного и жизненно важного для обоих народов ресурса – земли. При этом практически все население Кабарды и Балкарии было сосредоточено в моноэтнических по составу жителей сельских поселениях. Каждая такая община для своего устойчивого существования должна была располагать достаточными земельными угодьями разных видов. Обеспечить ими расположенные в горных ущельях поселения, оставаясь в пределах балкарской этнической территории, было невозможно. Между тем горские общества на протяжении многих лет на различных условиях пользовались пастбищными, сенокосными и пахотными землями в предгорной и равнинной зоне Кабарды. Закрепление за ними этих земель воспринималось ими как правомерная и справедливая мера. Переселенческая практика царской администрации, начиная с 1860-х гг., а в еще большей мере принятый советской властью принцип уравнительного распределения земли, подкрепляли такие представления. Но в условиях формирования системы округов и автономных областей, попытки введения уравнительного землепользования вылились в перекраивание национальных границ. Удовлетворение социальных и национальных интересов одних групп оказалось невозможным без определенного ущемления интересов других групп – тех, у кого земля находилась. Трудность заключалась в том, чтобы соединить в одном решении социальную и национальную справедливость. Такое решение было найдено и принято обеими сторонами.

3.3. Согласие руководителей Кабарды на разрешение земельной проблемы Балкарии за счет кабардинских земель было обусловлено тем, что постановление ВЦИК от 22 июня 1922 г. исходило из существования объединенной автономной области. Однако четкое территориальное разграничение Балкарии и Кабарды в случае последующего введения в действие предусмотренных постановлением от 16 января 1922 г. положений о функционировании в них отдельных съездов советов и исполкомов с их паритетным представительством в областном исполкоме превратило бы

«объединенную Кабардино-Балкарскую автономную область» в эфемерное образование. Любое разногласие могло закончиться ее распадом, и уступленные Балкарии в 1918–1922 гг. земли окончательно «ушли» бы вместе с ней. С другой стороны, для балкарских руководителей после удовлетворения в основном земельных интересов Балкарии были в принципе приемлемы как вариант паритета в «объединенной» КБАО, так и вариант выделения в самостоятельную область. Какую позицию они займут в конечном счете зависело от твердости руководства Кабарды и установки Центра на то или иное решение. В начале июля 1922 г. они видели возможность выделения Балкарии в самостоятельную автономную область. Но затем обнаружилось, что руководство Кабарды не отступает от своих позиций, а Наркомнац выступает за сохранение единой КБАО, предупреждая, что «выделение Балкарии потребует пересмотра земельного вопроса» и демонстрируя готовность отойти от жесткого требования буквального выполнения Постановления от 16 января 1922 г. в части механизма формирования областного исполкома КБАО. В таких условиях руководители Балкарского округа сделали выбор в пользу единой КБАО и компромисса в вопросе ее институциональной структуре.

3.4. В целом, создание Кабардино-Балкарской автономной области имело своим содержанием процесс согласования национальных интересов Кабарды и Балкарии и выработки общей формы их институционализации. Главными действующими лицами в этом процессе были представители новых – советских этнических элит. Если оценивать их роль не с позиций одной из оппонировавших сторон, а с учетом исторической дистанции, то следует отметить последовательность и упорство, с которым они отстаивали социальные и национальные интересы своих народов. Они естественным образом использовали все политические рычаги, которые им были доступны в условиях советизации и административно-территориального переустройства региона в начале 1920-х гг. Но, в конечном счете, речь шла не о воплощении насущного интереса каждого из народов в его «предельном», полном выражении, а о его соотношении с жизненными интересами другой стороны и соответствующем ограничении собственных притязаний. Нет свидетельств того, что имел место не компромисс, а принуждение сторон к согласию с условиями решения территориального вопроса и объединения, продиктованными Центром. Коллегия Наркомнаца 19 июля 1922 г. ультимативно потребовала от руководства Кабарды и Балкарии в двухнедельный срок организовать объединенный исполком на основе постановления ВЦИК от 16 января 1922 г., но реализована была форма объединения, совместно выработанная Кабардинским обкомом РКП (б) и Балкарским оргбюро РКП (б). Эта форма отражала конкретные условия, опыт и представления, которые сложились в стране и в регионе в обстановке революционного перехода от имперской к советской общественно-политической системе. Последующие кардинальные изменения социально-политических и конституционно-правовых условий не могли не видоизменить изначальную институциональную структуру Кабардино-Балкарской автономии, но само политико-административное

единство кабардинского и балкарского народов сохранило свою жизнеспособность, несмотря на все испытания.

4. Проблемы политико-правовой актуализации исторического опыта 1920–1922 гг.

4.1. Корректная политика-правовая интерпретация опыта формирования Кабардино-Балкарской автономной области возможна, но только при неукоснительном соблюдении принципов историзма. Во-первых, необходимо избегать упрощенного понимания причинно-следственных связей между предшествующими и последующими событиями. Например, такие трагические для народов Кабардино-Балкарии явления, как политические репрессии, эксцессы коллективизации, депортация балкарского народа никак не связаны с обстоятельствами и результатами политического развития в 1920–1922 г. Они стали следствием общеполитических условий на других этапах жизни советского государства. Во-вторых, необходимо в полной мере учитывать различия социально-исторического и политико-правового контекста в начале 1920-х гг. и на современном этапе развития российского государства.

4.2. Представление о том, что Кабардино-Балкария конца XX – начала XXI в. должна иметь административно-политическую структуру, формально разграничивающую территории Балкарии и Кабарды не учитывает, что определение их границ в начале 1920-х гг. происходило в качественно иных социально-исторических и политических условиях. Кабардинское и балкарское население в тот период было исключительно сельским; районов и населенных пунктов с диффузным проживанием разных национальных групп практически не было; земли сельскохозяйственного назначения были чуть-ли не единственным источником жизнеобеспечения; хозяйственный интерес был первичен по отношению к национально-политическим устремлениям; само разграничение осуществлялось в контексте объединения Кабарды и Балкарии в единой автономии, а не их политико-административного разделения; решения о территориальной и институциональной структуре КБАО принимались в «пакете». По всем этим показателям ситуация начала 1990-х гг. была иной, что не требует развернутого иллюстрирования.

4.3. Идея возвращения к предусмотренному Положением об объединении Кабарды и Балкарии от 17 августа 1922 г. принципу этнического паритета при построении институтов власти в явном или неявном виде воспроизводится в общественном сознании и позициях отдельных общественных объединений с начала 1990-х гг. В 1922 г. этот принцип был предложен в контексте объединения самостоятельных административных единиц – Кабардинской АО и Балкарского округа ГАССР в одной автономии; идея паритета исходила от центральных органов советской власти – Наркомата по делам национальностей РСФСР и ВЦИК РСФСР; паритет в его исходной форме прямо противоречил Конституции РСФСР 1918 г., а в его окончательном виде – Постановлению ВЦИК от 16 января 1922 г.; отсюда следует, что в основе того и другого вариантов паритета лежали не конституционно-правовые нормы, а направленность на разрешение конкретной политической коллизии; выдвижение и реализация идеи паритета были возможны в условиях, когда

формирование органов власти не основывалось на всеобщих, равных и прямых выборах и отсутствовала система конституционного надзора. После принятия Конституций СССР 1936, РСФСР и КБАССР 1937 г. могла функционировать только негласная система национального квотирования в кадровой политике ВКП(б)-КПСС, никак не привязанная к принципу паритетности, не зависящей от численности той или иной национальной группы. В начале 1990-х гг. требования этнического паритета в системе власти республики не могли исходить от высших органов власти Российской Федерации, поскольку это противоречило конституционным принципам, на которых строится современное российское государство. Но при этом государство на определенный период утратило способность обеспечивать единство правового пространства своих регионов. Возможность формального закрепления паритета в той или иной его форме в политической системе зависела от хода внутриреспубликанских политических процессов и могла воплощать не чье-то одностороннее решение, а только компромисс этнических групп политической элиты. Реализация курса на приведение конституций и законов республик в соответствие с Конституцией РФ и федеральным законодательством в 2000-е гг. полностью устранила законную возможность официальной постановки и юридического закрепления каких-либо элементов паритета или квотирования национального представительства в органах власти. Достаточно напомнить, что по требованию прокуратуры из Конституции КБР было устранено положение о формировании одного из комитетов Парламента «из числа депутатов кабардинской, балкарской, русской национальностей на паритетной основе» как противоречащее норме Конституции РФ о равенстве прав граждан независимо от национальности.

4.4. Создание Кабардино-Балкарской автономной области и формирование ее институциональной структуры воплощали социальные и национальные интересы ее народов в конкретных исторических условиях начала 1920-х гг. Обеспечение социальных и национальных интересов народов современной Кабардино-Балкарии может опираться только на конституционно-правовую базу начала 2020-х гг. Ресурс, который можно из нее извлечь, это не этнический паритет во власти и не этнический «суверенитет» над различными частями территории республики. Тот, кто сегодня озабочен обеспечением национальных интересов будь то балкарцев, кабардинцев, русских и других групп населения республики должен осознать, что путь к этому лежит через обеспечение равенства прав всех граждан республики независимо от национальности и места жительства. Если будут защищены права и интересы каждого кабардинца, каждого балкарца и т.д., будут защищены интересы каждого народа. Достижение же такого результата возможно не на основе размежевания, а на основе консолидации всех национальных групп в единый кабардино-балкарский «демос» – народ в политическом смысле этого слова, гражданский базис демократической государственности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Административно-территориальные... 2000 – *Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность. Сборник документов / Сост. Р.М. Ашхотова и др. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. – 732 с.*

Балкарцы... 2001. – *Балкарцы: выселение, на спецпоселении, реабилитация. 1944–2001: Документы, материалы, комментарии / Авт.-сост. Х.-М.А. Сабанчиев. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2001. – 227 с.*

Битова 1997 – *Битова Е.Г.* Социальная история Балкарии XIX века: (Сельская община). – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 173 с.

Боров, Кажаров 2007 – *Боров А.Х., Кажаров А.Г.* Становление единой Кабардино-Балкарской автономии // История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. – С. 342–360.

Боров, Кажаров 2021 – *Боров А.Х., Кажаров А.Г.* «Народные массы Кабарды, чувствуя искусственность вхождения в состав Горской республики, требуют пересмотра этого вопроса...». Документы и материалы об образовании Кабардинской автономной области в 1921 г. // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 2. – С. 61–96. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-2-61-96>

Борьба... 1960 – *Борьба* трудящихся Юго-Осетии за советскую власть. 1917–1921 гг.: Документы и материалы / Сост. И.Н. Цховребов. – Сталинир: Государственное издательство Юго-Осетии, 1960. – 312 с.

Борьба... 1972 – *Борьба* за советскую власть в Северной Осетии. Сборник документов и материалов / Сост.: В.С. Гальцев, А.К. Джанаев, Т.Н. Кибизов и др. – Орджоникидзе: Ир, 1972. – 542 с.

Бугай 1981 – *Бугай Н.Ф.* Ревкомы. Научно-популярный очерк. – М.: Издательство политической литературы, 1981. – 177 с.

Бугай, Гонов 1997 – *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы (Документы, факты, комментарии). – Ростов н/Д.: Ростовская высшая школа, 1997. – 204 с.

Буденный 1973 – *Буденный С.М.* Пройденный путь. – М.: Воениздат, 1973. – 408 с.

Всесоюзная... 1928 – *Всесоюзная* перепись населения 1926 года. Т. V: Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР. – М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. – 388 с.

Даудов 2012 – *Даудов А.Х.* Государственное устройство Горской АССР // Вестник СПбГУ. Серия 12. – 2012. – Вып. 1. – С. 31–41.

Даудов, Месхидзе 2009 – *Даудов А.Х., Месхидзе Д.И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924). – СПб: СПбГУ, 2009. – 222 с.

Декреты... 1986 – *Декреты* Советской власти. – М.: Политиздат, 1986. – Т. 12. – 427 с.

Дзамихов, Кажаров 2019 – *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* О национальной государственности народов КБР: история становления и конституирования (начало 1920-х гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2019. – № 3(42). – С. 39–58.

Дзидзоев 2003 – *Дзидзоев В.Д.* От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917–1924 гг.) (Начальный этап национально-государственного строительства народов Северного Кавказа в XX в.). – Владикавказ: Издательство СОГУ, 2003. – 210 с.

Документы... 1983 – *Документы* по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.) / Сост. Р.Х. Гугов и др. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 800 с.

За власть... 1957 – *За власть* Советов в Кабарде и Балкарии. Документы и материалы по истории борьбы за Советскую власть и образования Кабардино-Балкарской автономной

области (1917–1922 гг.) / Сост. Д.В. Шабаев, Л.Б. Татарокова, Р.Х. Гугов, У.А. Улигов. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1957. – 538 с.

История... 1967 – *История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней: в 2-х т. Т. 2.* – М.: Наука, 1967. – 439 с.

Кажаров 2019 – *Кажаров А.Г.* Становление национальной автономии Кабардино-Балкарии: предпосылки, альтернативы, итоги (1917–1920-е гг.). – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2019. – 408 с.

Кажаров, Тамазов 2021 – *Кажаров А.Г., Тамазов М.С.* «...В том, что будет Кабардинская АО, я убежден и буду поддерживать волю трудящихся». Документы и материалы о выходе Кабардинского округа из Горской АССР в 1921 г. // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 1. – С. 81–95. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-1-81-95>

Калмыков 1983 – *Калмыков Б.Э.* Статьи и речи. Издание второе, дополненное / Сост. Р.Х. Гугов, У.А. Улигов. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 239 с.

Карпов 2015 – *Карпов Ю.Ю.* Северный Кавказ: рубежи и грани советского строительства наций // Горы и границы: этнография посттрадиционных обществ. – СПб.: МАЭ РАН, 2015. – С. 337–398.

Кониев 1973 – *Кониев Ю.И.* Автономия народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе: Ир, 1973. – 256 с.

Конституции... 1940 – *Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937): Сборник документов / Под общей редакцией А.Я. Вышинского.* – М.: Издательство Ведомостей Верховного Совета РСФСР, 1940. – 298 с.

Конституция... 1918 – *Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.)* [Электронный ресурс] // Электронный музей конституционной истории России: сайт. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (дата обращения: 18.08.2021).

КПСС в резолюциях... 1953 – *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1953).* 7-е изд. – М.: Госполитиздат, 1953. – Ч. 1: 1898–1925. – 952 с.

Лайпанов, Батчаев 1986 – *Лайпанов К.Т., Батчаев М.Х.* Умар Алиев. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1986. – 208 с.

Ленин 1967 – *Ленин В.И.* Проект Постановления Политбюро ЦК РКП (б) по вопросу о задачах РКП (б) в местностях, населенных восточными народами // Полное собрание сочинений. Т. 41. 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1967. – С. 342–343.

Русские... 1996 – *Русские на Северном Кавказе 20–30-е годы. Документы, факты, комментарии.* – М.: Принформ, 1996. – 392 с.

Съезды... 1959 – *Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских Социалистических Республик: Сборник документов. 1917–1936 гг.: В 7 тт. Т. 1: Съезды Советов РСФСР и Автономных Республик РСФСР. 1917–1922 гг. / Сост. Д.А. Гайдуков, А.М. Давидович, С.Л. Ронин, М.И. Юмашев.* – М.: Госюриздат, 1959. – 836 с.

Съезды... 1977 – *Съезды народов Терека. Сборник документов и материалов: в 2 т. Т. 1 / Сост. Х.Х. Бекузаров, А.К. Джанаев, Д.З. Коренев, В.Д. Кучиев.* – Орджоникидзе: Ир, 1977. – 350 с.

Темукуев 2015 – *Темукуев Б.Б.* Под сенью гор: взлеты и падения. Кн. 1. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2015. – 508 с.

Улигов 1979 – *Улигов У.А.* Социалистическая революция и Гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1936). – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 354 с.

Юсупов 1968 – *Юсупов П.И.* Борьба за ленинские принципы национальной политики в Чечено-Ингушетии (1920–1925 годы). – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1968. – 64 с.

ГА РФ – *Государственный архив Российской Федерации.*

ГАНИ РСО-А – Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия-Алания.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

УЦГА АС КБР – Управление центрального государственного архива архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

ЦГА РСО-А. – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

ЦДНИ КБР – Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики.

REFERENCES

Administrativno-territorial'nye preobrazovaniya v Kabardino-Balkarii. Istoriya i sovremennost'. Sbornik dokumentov / Sost. R.M. Ashkhotova i dr. [Administrative and territorial transformations in Kabardino-Balkaria. History and modernity. Collection of documents. Compiled by R.M. Ashkhotova]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2000. – 732 p. (In Russian)

Balkartsy: vyselenie, na spetsposelenii, reabilitatsiya. 1944–2001: Dokumenty, materialy, kommentarii / Avt.-sost. Kh.-M.A. Sabanchiev [Balkars: eviction, special settlement, rehabilitation. 1944–2001: Documents, materials, comments. Author-compiler Kh.-M.A. Sabanchiev]. – Nalchik: Poligrafservis i T, 2001. – 227 p. (In Russian)

БИТОВА Е.Г. *Sotsial'naya istoriya Balkarii XIX veka: (Sel'skaya obshchina)* [Social history of Balkaria in the 19th century: (Rural community)]. – Nalchik: El'brus, 1997. – 173 p. (In Russian)

Bor'ba trudyashchikhsya Yugo-Osetii za sovetskuyu vlast'. 1917–1921 gg.: Dokumenty i materialy / Sost. I.N. Tskhovrebov [Struggle for Soviet power in North Ossetia. 1917–1921: Collection of documents and materials. Compiled by I.N. Tskhovrebov]. – Stalinir: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Yugo-Osetii, 1960. – 312 p. (In Russian)

Bor'ba za sovetskuyu vlast' v Severnoi Osetii. Sbornik dokumentov i materialov / Sost.: V.S. Gal'tsev, A.K. Dzhanayev, T.N. Kibizov i dr. [Struggle for Soviet power in North Ossetia. Collection of documents and materials. Compiled by V.S. Gal'tsev, A.K. Dzhanayev, T.N. Kibizov]. – Ordzhonikidze: Ir, 1972. – 542 p. (In Russian)

БОРОВ А.К., КАЗХАРОВ А.Г. «*Narodnye massy Kabardy, chuvstvuya iskusstvennost' vkhozhdeniya v sostav Gorskoi respubliki, trebuyut peresmotra etogo voprosa...*». *Dokumenty i materialy ob obrazovanii Kabardinskoi avtonomnoi oblasti v 1921 g.* [“The popular masses of Kabarda, sensing the artificiality of joining the Mountain Republic, demand a revision of this issue ...”. Documents and materials on the formation of the Kabardian Autonomous Region in 1921]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2021. – No. 2. – P. 61–96. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-2-61-96> (In Russian)

БОРОВ А.К., КАЗХАРОВ А.Г. *Stanovlenie edinoi Kabardino-Balkarskoi avtonomii* [Formation of a unified Kabardino-Balkarian autonomy]. IN: *Istoriya mnogovekovogo sodruzhestva. K 450-letiyu soyuza i edineniya narodov Kabardino-Balkarii s Rossiei* [The history of the centuries-old commonwealth. To the 450th anniversary of the union and unity of the peoples of Kabardino-Balkaria with Russia]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2007. – P. 342–360. (In Russian)

БУДЕННЫИ С.М. *Proidennyi put'* [Distance traveled]. – М.: Voenizdat, 1973. – 408 p. (In Russian)

БУГАИ Н.Ф. *Revkomy. Nauchno-populyarnyi ocherk* [Revolutionary committees. Popular science essay]. – М.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1981. – 177 p. (In Russian)

БУГАИ Н.Ф., ГОНОВ А.М. *Severnyi Kavkaz: granitsy, konflikty, bezhentsy (Dokumenty, fakty, kommentarii)* [North Caucasus: borders, conflicts, refugees (Documents, facts, comments)]. – Rostov on Don: Rostovskaya vysshaya shkola, 1997. – 204 p. (In Russian)

ДАУДОВ А.К. *Gosudarstvennoe ustroistvo Gorskoi ASSR* [State structure of the Mountain ASSR]. IN: *Vestnik SPbGU. Series 12*. – 2012. – Iss. 1. – P. 31–41. (In Russian)

DAUDOV A.Kh., MESKHIDZE D.I. *Natsional'naya gosudarstvennost' gorskikh narodov Severnogo Kavkaza (1917–1924)* [National statehood of the mountain peoples of the North Caucasus (1917–1924)]. – SPb: SPbGU, 2009. – 222 p. (In Russian)

Dekrety Sovetskoi vlasti [Soviet decrees]. – M.: Politizdat, 1986. – Vol. 12. – 427 p. (In Russian)

Dokumenty po istorii bor'by za sovetskuyu vlast' i obrazovaniya avtonomii Kabardino-Balkarii (1917–1922 gg.) / Sost. R.Kh. Gugov i dr. [Documents on the history of the struggle for Soviet power and the formation of the autonomy of Kabardino-Balkaria (1917–1922). Compiled by R.Kh. Gugov and others]. – Nalchik: El'brus, 1983. – 800 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F., KAZHAROV A.G. *O natsional'noi gosudarstvennosti narodov KBR: istoriya stanovleniya i konstituirovaniya (nachalo 1920-kh gg.)* [On the national statehood of the peoples of the KBR: the history of formation and constitution (early 1920s)]. IN: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*. – 2019. – No. 3(42). – P. 39–58. (In Russian)

DZIDZOEV V.D. *Ot Soyuzo ob"edinennykh gortsev Severnogo Kavkaza i Dagestana do Gorskoi ASSR (1917–1924 gg.) (Nachal'nyi etap natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva narodov Severnogo Kavkaza v XX v.)* [From the Union of the United Highlanders of the North Caucasus and Dagestan to the Mountain Autonomous Soviet Socialist Republic (1917–1924) (The initial stage of the nation-state building of the peoples of the North Caucasus in the XX century)]. – Vladikavkaz: Izdatel'stvo SOGU, 2003. – 210 p. (In Russian)

Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 2-kh t. T. 2 [History of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the present day: In 2 vols. Vol. 2]. – M.: Nauka, 1967. – 439 p. (In Russian)

KALMYKOV B.E. *Stat'i i rechi. Izdanie vtoroe, dopolnennoe / Sost. R.Kh. Gugov, U.A. Uligov* [Articles and speeches. Second edition, supplemented. Compiled by R.Kh. Gugov, U.A. Uligov]. – Nalchik: El'brus, 1983. – 239 p. (In Russian)

KARPOV Yu.Yu. *Severnyi Kavkaz: rubezhi i grani sovetskogo stroitel'stva natsii* [North Caucasus: the borders and facets of Soviet nation-building]. IN: *Gory i granitsy: etnografiya posttraditsionnykh obshchestv* [Mountains and Borders: Ethnography of Post-Traditional Societies]. – SPb.: MAE RAN, 2015. – P. 337–398. (In Russian)

KAZHAROV A.G. *Stanovlenie natsional'noi avtonomii Kabardino-Balkarii: predposylki, al'ternativy, itogi (1917–1920-e gg.)* [Formation of the national autonomy of Kabardino-Balkaria: preconditions, alternatives, results (1917–1920s)]. – Nalchik: Kab.-Balk. un-t, 2019. – 408 p. (In Russian)

KAZHAROV A.G., TAMAZOV M.S. «...V tom, chto budet Kabardinskaya AO, ya ubezhden i budu podderzivat' volyu trudyashchikhsya». *Dokumenty i materialy o vykhode Kabardinskogo okruga iz Gorskoi ASSR v 1921 g.* ["... I am convinced that there will be a Kabardian Autonomous Okrug and I will support the will of the workers." Documents and materials on the withdrawal of the Kabardinsky district from the Mountain ASSR in 1921]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2021. – No. 1. – P. 81–95. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-1-81-95> (In Russian)

KONIEV Yu.I. *Avtonomiya narodov Severnogo Kavkaza* [Autonomy of the peoples of the North Caucasus]. – Ordzhonikidze: Ir, 1973. – 256 p. (In Russian)

Konstitutsii i konstitutsionnye akty RSFSR (1918–1937): Sbornik dokumentov pod obshchei redaktsiei A.Ya. Vyshinskogo [Constitutions and constitutional acts of the RSFSR (1918–1937): Collection of documents edited by A.Ya. Vyshinsky]. – M.: Izdatel'stvo Vedomostei Verkhovnogo Soveta RSFSR, 1940. – 298 p. (In Russian)

Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoi Respubliki (prinyata V Vserossiiskim S"ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.) [Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets at a meeting on July 10, 1918)]. IN: Electronic Museum of the Constitutional History of Russia: website. URL:

<http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (access data: 18.08.2021). (In Russian)

KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK (1898–1953) [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1953)]. – M.: Gospolitizdat, 1953. – Part 1: 1898–1925. – 952 p. (In Russian)

LAIPANOV K.T., BATCHAEV M.Kh. *Umar Aliev* [Umar Aliyev]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otделение Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1986. – 208 p. (In Russian)

LENIN V.I. *Proekt Postanovleniya Politbyuro TsK RKP (b) po voprosu o zadachakh RKP (b) v mestnostyakh, naseleennykh vostochnymi narodami* [Draft Resolution of the Politburo of the Central Committee of the RCP (b) on the issue of the tasks of the RCP (b) in areas inhabited by eastern peoples]. IN: *Polnoe sobranie sochinenii. T. 41* [Complete Works. Vol. 41]. – M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1967. – P. 342–343. (In Russian)

Russkie na Severnom Kavkaze 20–30-e gody. Dokumenty, fakty, kommentarii [Russians in the North Caucasus in the 1920s and 1930s. Documents, facts, comments]. – M.: Prinform, 1996. – 392 p. (In Russian)

S"ezdy narodov Tereka. Sbornik dokumentov i materialov: v 2 t. T. 1 / Sost. Kh.Kh. Bekuzarov, A.K. Dzhanayev, D.Z. Korenev, V.D. Kuchiev [Congresses of the Terek peoples. Collection of documents and materials: In 2 vols. Vol. 1. Compiled by Kh.Kh. Bekuzarov, A.K. Dzhanayev, D.Z. Korenev, V.D. Kuchiev]. – Ordzhonikidze: Ir, 1977. – 350 p. (In Russian)

S"ezdy Sovetov Soyuza SSR, soyuznykh i avtonomnykh Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik: Sbornik dokumentov. 1917–1936 gg.: v 7 t. T. 1: S"ezdy Sovetov RSFSR i Avtonomnykh Respublik RSFSR. 1917–1922 gg. / Sost. D.A. Gaidukov, A.M. Davidovich, S.L. Ronin, M.I. Yumashev [Congresses of Soviets of the USSR, Union and Autonomous Soviet Socialist Republics: Collection of documents. 1917–1936: In 7 vols. Vol. 1: Congresses of the Soviets of the RSFSR and the Autonomous Republics of the RSFSR. 1917–1922. Compiled by D.A. Gaidukov, A.M. Davidovich, S.L. Ronin, M.I. Yumashev]. – M.: Gosyurizdat, 1959. – 836 p. (In Russian)

TEMUKUEV B.B. *Pod sen'yu gor: vzlety i padeniya. Kn. 1* [Under the canopy of the mountains: ups and downs. Book 1]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh (OOO «Poligrafservis i T»), 2015. – 508 p. (In Russian)

ULIGOV U.A. *Sotsialisticheskaya revolyutsiya i Grazhdanskaya voyna v Kabarde i Balkarii i sozдание natsional'noi gosudarstvennosti kabardinskogo i balkarskogo narodov (1917–1936)* [The socialist revolution and the Civil War in Kabarda and Balkaria and the creation of the national statehood of the Kabardian and Balkarian peoples (1917–1936)]. – Nalchik: El'brus, 1979. – 354 p. (In Russian)

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. T. V: Krymskaya ASSR. Severo-Kavkazskii krai. Dagestanskaya ASSR [All-Union Population Census of 1926. Vol. V: Crimean ASSR. North Caucasian Territory. Dagestan ASSR]. – M.: Izdanie TsSU Soyuza SSR, 1928. – 388 p.

YUSUPOV P.I. *Bor'ba za leninskie printsipy natsional'noi politiki v Checheno-Ingushetii (1920–1925 gody)* [Struggle for Leninist principles of national policy in Checheno-Ingushetia (1920–1925)]. – Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1968. – 64 p. (In Russian)

Za vlast' Sovetov v Kabarde i Balkarii. Dokumenty i materialy po istorii bor'by za Sovetskuyu vlast' i obrazovaniya Kabardino-Balkarskoi avtonomnoi oblasti (1917–1922 gg.) / Sost. D.V. Shabaev, L.B. Tatarokova, R.Kh. Gugov, U.A. Uligov [For the power of the Soviets in Kabarda and Balkaria. Documents and materials on the history of the struggle for Soviet power and the formation of the Kabardino-Balkarian Autonomous Region (1917–1922). Compiled by D.V. Shabaev, L.B. Tatarokova, R.Kh. Gugov, U.A. Uligov]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957. – 538 p. (In Russian)

GA RF – *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation]. (In Russian)

GANI RSO-A – *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya* [State Archive of Contemporary History of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russian)

RGASPI – *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Social and Political History]. (In Russian)

TsDNI KBR – *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Center for Documentation of the Contemporary History of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

TsGA RSO-A. – *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya* [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russian)

UTsGA AS KBR – *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Administration of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Новейшая история**

УДК 93/94

DOI 10.31143/2542-212X-2021-3-162-175

**ИТОГИ ПОЛИТИКИ КОРЕНИЗАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ К
СЕРЕДИНЕ 1930-х – НАЧАЛУ 1940-х гг.¹****Е.А. ГУНАЕВ**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илшикина, 8
E-mail: gunaeva@kigiran.com*

Аннотация. Политика «коренизации», проводившаяся советской властью в 1920–1930-е гг., имела свои особенности на Северном Кавказе, обусловленные сложным историческим прошлым интеграции в единое российское политическое и правовое пространство и этническим многообразием региона. Массовая коренизация на Северном Кавказе началась позже остальных регионов страны, официально была объявлена в 1929 г. В российской историографии отмечается, что данный процесс сопровождался как объективными (низкий процент грамотности, настороженность местного населения, межэтническое напряжение, вооруженное сопротивление советской власти), так и субъективными трудностями (организационно-управленческие проблемы). Коренизация была далека от завершения и к началу 1940-х гг. Сыграли свою негативную роль и массовые репрессии против руководящего состава национальных кадров, национальной интеллигенции конца 1930-х гг.

Ключевые слова: коренизация; государственный аппарат; Северный Кавказ; Северо-Кавказский край; национальные автономии; национальные районы.

**THE RESULTS OF THE KORENIZATION POLICY IN THE NORTH
CAUCASUS BY THE MIDDLE 1930s – EARLY 1940s****E.A. GUNAEV**

*The Federal State Budgetary Institution of Science
«Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
358000, Republic of Kalmykia, Elista, Ilishkina st., 8
E-mail: gunaeva@kigiran.com*

¹ Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» («№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Abstract. The policy of “korenization” carried out by the Soviet government in the 1920s – 1930s had its own peculiarities in the North Caucasus, due to the complex historical past of integration into a single Russian political and legal space and the ethnic diversity of the region. Mass korenization in the North Caucasus began later than the rest of the country's regions, it was officially announced in 1929. Russian historiography notes that this process was accompanied by both objective (low literacy rate, alertness of the local population, interethnic tension, armed resistance to the Soviet government) and subjective difficulties (organizational and managerial problems). Korenization was far from complete by the beginning of the 1940s. Mass repressions against the leadership of the national cadres, the national intelligentsia of the late 1930s also played a negative role.

Keywords: korenization; state apparatus; North Caucasus; North Caucasus Region; national autonomies; national districts.

Общая характеристика и периодизация политики коренизации

Одним из ведущих направлений советской национальной политики, начиная с 1920-х гг. явилась коренизация как процесс вовлечения коренного населения автономий к управлению во всех сферах жизнедеятельности, прежде всего партийного и государственного управления, а также поощрение развития родных языков, национального образования. К концу 1930-х гг. коренизация была практически свернута, на смену ей пришла централизация государственного управления, основанная на русификации образования и делопроизводства. Северный Кавказ имел свою специфику развития процесса коренизации, обусловленную сложным историческим прошлым интеграции в единое российское политическое и правовое пространство и этническим многообразием региона.

А.Н. Щербак, Л.С. Болячевец, Е.С. Платонова рассматривают концепцию «маятника» применительно к советской национальной политике, для которой были характерны значительные колебания – «от акцента на развитие национальных окраин до резкого перехода к русификации» [Щербак и др. 2016: 101]. Согласно указанной концепции, они выделяют шесть периодов: 1) революция и Гражданская война (1917–1925); 2) политика позитивной дискриминации (1926–1939); 3) великодержавный русский национализм (1940–1955); 4) «коренизация» (1956–1970); 5) нарастание противоречий (1971–1985); 6) перестройка (1986–1991) [Щербак и др. 2016: 101].

Коренизация как правило относится ко второму периоду политики позитивной дискриминации. Однако к середине 1930-х годов, отмечают авторы, данная политика достигла своего предела. Произошла радикальная смена национальной политики, на политическом уровне стала проводиться политика русификации. Значительно выросла роль русского языка в образовании. «Советское правительство уже не поощряло в той же степени развитие национальных меньшинств; все национальные языки были переведены на кириллицу» [Щербак и др. 2016: 105–107].

Вместе с тем, как отмечают исследователи, коренизация была продолжена в 1956–1970 гг., «в последующий период (1971–1985) коренизация

была продолжена при одновременном усилении латентной русификации» [Щербак и др. 2016: 107].

А.А. Маркелова отмечает, что «...уже в конце 1930-х годов в условиях укрепления центральной власти и установления контроля над всеми сферами жизни общества произошло свертывание политики коренизации» [Маркелова 2017: 96]. В то же время также утверждается, что после смерти Сталина (1953 г.) начинается новая волна коренизации [Маркелова 2017: 97].

Согласно О.К. Кайковой, коренизация завершается к середине 1930-х гг. «Начавшийся с 1935 г. поворот национальной политики кардинально изменил развитие национальных меньшинств, сведя на нет почти все положительные тенденции и достижения конца 1920-х – первой половины 1930-х гг.» [Кайкова 2007: 116].

Е.В. Туфанов и И.Н. Кравченко рассматривают коренизацию в аспекте создания региональной номенклатуры, формирования класса региональных управленцев [Туфанов 2018: 35, 41], «именно представители национальных этносов стали представителями национальной партийно-государственной номенклатуры» [Туфанов, Кравченко 2021: 37].

Согласно Ст. Кульчицкому, «концепт титульной нации требовал осуществлять кампанию коренизации, т. е. укоренения советской власти в границах национальной административно-территориальной единицы. Эта кампания способствовала развитию культуры титульных наций, хотя вожди рассчитывали лишь на укоренение своей власти» [Кульчицкий 2014: 14].

По мнению Т.П. Хлыниной, коренизация «выполнила свое главное предназначение, ...некогда разрозненные “племена и народности” края благодаря настойчивости и последовательности ее осуществления становились полноценными, с точки зрения советской власти, нациями» [Хлынина 2014: 110].

Одним из двух направлений коренизации наряду с формированием национальных кадров рассматривается переход делопроизводства на национальные языки. 10 июля 1931 г. ВЦИК РСФСР установил конкретные сроки завершения указанного перехода для северокавказских регионов: Северная Осетия и Адыгея – к январю 1932 г.; Ингушетия, Черкесия, Карачай – к июню этого же года; Кабардино-Балкария и Чечня – к январю 1933 г. «Однако сроки перевода делопроизводства на национальные языки автономных образований Юга России не были выдержаны и постепенно, к середине 1930 гг., политика коренизации начала сворачиваться» [Бадмаева 2018: 17].

В конце 1930-х гг. происходит переход к обязательному изучению русского языка в школах национальных республик и областей. Это было закреплено одноименным постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 13 марта 1938 г. Вместе с тем в данном постановлении подчеркивалось, что «родной язык является основой преподавания в школах национальных республик и областей, что исключения из этого правила, имеющие место в некоторых автономных республиках РСФСР, могут носить лишь временный характер и что тенденция к превращению русского языка из предмета изучения

в язык преподавания, и тем самым к ущемлению родного языка, является вредной и неправильной» [ЦК ВКП(б)... 2009: 394].

Как отмечает Е.Н. Бадмаева, хотя политика коренизации госаппарата и советских учреждений не была завершена и не реализована полностью, она имела большое значение для формирования национальных кадров в партийно-советском и хозяйственном руководстве, в ликвидации неграмотности населения, создании национальной письменности, культуры. «Политика коренизации позволила в определенной степени снизить нараставший рост национализма среди нерусских народов. Парадоксальность ситуации состояла в том, что она же, советская власть, потом самым жесточайшим образом расправилась с трудом возвращенной ею национальной элитой» [Бадмаева 2018: 17].

Особенности политики коренизации на Северном Кавказе

В дореволюционный период российская система образования только начала свое распространение среди горцев. Стали создаваться определенные условия, в том числе для изучения русского языка. Однако, «добиться высокого процента двуязычных представителей северокавказских народов в дореволюционный период не удалось» [Шнайдер и др. 2018: 89].

М.А. Гутиева приводит следующие особенности процесса коренизации на Северном Кавказе:

– часть местного населения настороженно воспринимало политику центральной власти, считая горцев, работающих в советских учреждениях и организациях, «завербованными, если не враждебными, то чуждыми силами» [Гутиева 2011: 4];

– серьезным препятствием был крайне низкий процент грамотности населения. «Проблема коренизации кадров не могла быть решена прежде проблемы ликвидации неграмотности. Это, в свою очередь, привело к тому, что дело коренизации кадров в национальных республиках Северного Кавказа начало сдвигаться “с мертвой точки” только к началу 1930-х гг.» [Гутиева 2011: 4].

– «копившееся в регионе на протяжении сотен лет» межэтническое напряжение, связанное в том числе с тем, что при расстановке национальных кадров на руководящие должности зачастую проявлялась связь со своими родовыми объединениями, неприкрытое кумовство [Гутиева 2011: 5];

– «на территории северокавказских республик на протяжении 1920–1930-х гг. не прекращалось вооруженное сопротивление советской власти. Наличие повстанческого движения придавало проблеме коренизации управленческих кадров особый военно-политический подтекст» [Гутиева 2011: 5].

Однако, считает М.А. Гутиева, несмотря на объективные проблемы, к концу 1930-х гг. задача коренизации кадров на Северном Кавказе, в целом, была решена [Гутиева 2011: 6].

Х.Б. Мамсиров и А.А. Лоов отмечают, что «для укрепления советской власти на местах, повышения ее авторитета в глазах горского населения, большевики, в отличие от прежнего режима, сделали ставку не на элиту, а на социальные низы, коренное изменение их образа жизни и хозяйственной деятельности, повышение социальной мобильности, на увеличение доли представителей местных народов в партийных и советских учреждениях» [Мамсиров, Лоов 2021: 100–101].

Старт массовой коренизации официально был объявлен Северо-Кавказским крайисполкомом весной 1929 г. «Президиум Северо-Кавказского крайисполкома принял 5-летний план коренизации национальных областей. Он предусматривал в 3 года укоренить советский аппарат, и в 5 летний срок — культурно-просветительные учреждения» [Мамсиров, Лоов 2021: 104].

Согласно К.Г. Дендиеву и А.Д. Осмаеву, смысловое значение «коренизации» сводилось к следующему: 1) Приблизить партийный и советский аппарат» к титульным этносам; 2) Укрепить на местах советскую власть выходцами из социально-близких слоев населения; 3) Политико-культурная программа должна была служить решению национального строительства в областях и республиках СССР [Дендиев, Осмаев 2021: 128].

К.Г. Дендиев и А.Д. Осмаев отмечают, что «“коренизация”, несомненно, аккумулировала высокий уровень кадровой мобильности Чечено-Ингушетии» [Дендиев, Осмаев 2021: 128].

Итоги коренизации к середине 1930-х – началу 1940-х гг.

В сборнике «Итоги разрешения национального вопроса в СССР» приведены сведения о коренизации в национальных регионах, в том числе по Северному Кавказу (Дагестанская АССР; Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская и Черкесская автономные области) на 1 февраля 1933 г. [Итоги... 1936: 161–164] Рассмотрим коренизацию на примере аппарата госучреждений указанных регионов РСФСР.

Так, в Дагестанской АССР из 1697 работников республиканского аппарата 501 были женщины, по основным национальностям распределение составило: аварцы 90 (11 – женщины), лезгины – 50 (2), кумыки – 70 (3), даргинцы – 31 (1), лакцы – 42 (3), табасараны – 5 (0). Итого коренных национальностей было 324 чел., из них 20 женщин, в процентах соответственно 15% и 4% (женщины коренных национальностей среди всех женщин) [Итоги... 1936: 161].

На районном уровне аппарата госучреждений из 1758 чел. (307 женщин), коренных национальностей было 855 (43), в процентах 48,6 % (14%). По национальности: аварцы 283 (12 – женщины), лезгины – 145 (7), кумыки – 166 (10), даргинцы – 148 (7), лакцы – 65 (6), табасараны – 1 (0).

Из числа работников сельского аппарата 573 чел. (2 – женщины) коренных национальностей было 389 чел. (1), в процентах 67,9 % (50 %). По

национальности: аварцы 136 (0), лезгины – 68 (0), кумыки – 53 (0), даргинцы – 82 (0), лакцы – 37 (1), табасараны – 1 (0) [Итоги... 1936: 161].

Как видим, в Дагестанской АССР высокий процент коренных национальностей наблюдался на низовом сельском уровне (почти 70 %), на районном уровне он падает ниже 50 % и на республиканском составил только 15 %. Такая же ситуация по представительству женщин коренной национальности. Вместе с тем, на низовом уровне планка в 50 % достигнута чисто статистически, т.к. всего в сельском аппарате госучреждений числилось 2 женщины [Итоги... 1936: 161].

В Кабардино-Балкарской автономной области из общей численности работников областного аппарата 1010 чел. (293 женщины) коренные национальности были 177 чел. (17 %), в процентах – 17,5 % (5,8 %). Из них кабардинцы – 135 (12), балкарцы – 42 (5) чел. На районном уровне 656 чел. (200 женщин), из них 176 чел. (26,8 %) коренных национальностей, включая 36 женщин (18 %). Кабардинцы – 151 (33) чел., балкарцы – 25 (3). В сельском аппарате (сельсоветах) общая численность составляла 137 чел. (26 женщин), из них работников коренных национальностей 55 (9) чел., в процентах – 40,1 % (34,6%). По национальности: кабардинцы – 45 (9) чел., балкарцы – 10 (0) [Итоги... 1936: 162].

По Кабардино-Балкарской автономной области картина примерно та же, на низовом сельском уровне коренизация была выше, включая процент женщин. Однако сами проценты значительно ниже, чем по Дагестанской АССР, в сельсоветах не было представлено ни одной женщины балкарской национальности [Итоги... 1936: 162].

В составе областного аппарата Северо-Осетинской автономной области состояло 740 чел., из них 214 женщин. Число осетин среди всех работников данного уровня составляло 338 чел. (70 женщин), в процентах 45,7 % (32,7%). Районный аппарат был представлен 288 работниками, в том числе 64 женщины. Из них осетин соответственно было 190 чел. (27 женщин), в процентах 66 % (42,2%). На уровне сельсоветов из 136 работников, включая 19 женщин, осетины составляли 110 чел. (9 женщин), в процентах 80,8% (47,9%). Как видим, в Северной Осетии на областном уровне процент коренизации был также менее 50 %, однако значительно выше, чем в других автономиях Северного Кавказа [Итоги... 1936: 163].

В Черкесской автономной области данные по коренизации государственного аппарата представлены тремя национальностями – черкесами, кабардинцами и ногайцами. На областном уровне из 453 чел. (176 женщин) коренные национальности составляли 75 чел. (10 женщин), процент коренизации составил соответственно 16,6 % (5,7 %). По национальностям данные распределились следующим образом: черкесы – 39 чел. (3 женщины), кабардинцы – 15 (1), ногайцы – 21 (6). В районном аппарате состояло всего 8 чел., из них 1 женщина, процент коренизации 25 %, по женщинам 0 %. Из них 1 черкес и 1 кабардинец, ногайцы не были представлены вовсе. Уровень сельсоветов включал 71 работника (17 женщин). Из них коренные национальности составляли 39 чел. (5 женщин), процент коренизации – 54,9%

(29,4%). По национальностям: черкесы – 27 чел. (2 женщины), кабардинцы – 6 (2), ногайцы – 6 (1). Особенностью Черкесской автономной области являлось низкая обеспеченность работниками районного уровня аппарата государственных учреждений, тогда как на областном уровне она была самой высокой. Процент коренизации также был низким, за исключением сельсоветов, где несколько превышал 50 % [Итоги... 1936: 164].

В архивных документах отмечается, что в сентябре 1935 г. Совет Национальностей ЦИК СССР в связи с поступившими к нему материалами о фактах «искривления ленинско-сталинской национальной политики» в Северо-Кавказском крае и в частности в связи с опубликованной в «Правде» 22 сентября 1935 г. заметкой «Нарушители национальной политики партии» командировал на Северный Кавказ инструктора Президиума ЦИК СССР для проверки правильности этих сведений и «для ознакомления с делом осуществления в крае ленинско-сталинской национальной политики, в частности обслуживания нацменьшинств и раскрепощения женщин» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 110].

Обследование выявило крайне неудовлетворительное состояние дела коренизации советского аппарата и совершенно недостаточную работу среди нацменьшинств в Северо-Кавказском крае. Вопросами коренизации Северо-Кавказский крайисполком почти не занимался. Игнорировались и не выполнялись решения ВЦИК по этому вопросу. Так, не были выполнены решения ВЦИК от 10 мая 1931 г. об усилении темпов коренизации и перевода делопроизводства советских и других органов на родной язык соответствующей национальности и об обеспечении в местной промышленности автономных областей к концу 1932 г. не менее 70% рабочих местных национальностей и постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 февраля 1931 г. о переводе работы сельсоветов и райисполкомов на родной язык населения. Утверждается, что «явно игнорировалось постановление I съезда советов Северо-Кавказского края, обязывавшее крайисполком во всей предстоящей работе уделять самое неослабное внимание усилению коренизации местного и краевого советского аппарата. Сигналы краевой и центральной печати о неблагополучии на этом участке также не послужили соответствующим уроком и предупреждением для крайисполкома» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 110].

В результате оказалось, что в 18 краевых учреждениях, насчитывавших 1 310 работников, только 17 работников коренных национальностей или 1,3 %. В значительной части краевых учреждений не было ни одного работника коренной национальности. В аппарате Крайземуправления среди 314 работников из коренных национальностей был представлен только один осетин. Во всех национальных областях края в областных, районных учреждениях и даже аульных, за исключением горных районов Чечено-Ингушетии, делопроизводство велось исключительно на русском языке. Письменная связь с населением осуществлялась только на русском языке, несмотря на то, что значительная часть населения русского языка еще не

понимала. Не лучше обстояло дело с вовлечением коренного населения в производство.

В связи с таким положением в Северо-Кавказском крае Президиум ЦИК СССР заслушал 7 января 1936 г. доклад председателя Северо-Кавказского крайисполкома т. Пивоварова. Своим решением по докладу Президиум ЦИК СССР признал неудовлетворительной работу крайисполкома и местных исполкомов в области коренизации и обслуживания коренных национальностей и нацменьшинств на их родном языке и обязал крайисполком и его органы добиться того, чтобы в его аппарате было не менее 1/3 состава работников из местных национальностей, подготовив этих работников в течение двухлетнего срока, и обеспечить в дальнейшем «суровую борьбу со всякими искривлениями и конкретными нарушителями национальной политики» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 110].

Рассмотрим Постановление Президиума Совета Национальностей ЦИК СССР от 26 июня 1936 г. «О ходе выполнения Постановления Президиума ЦИК СССР от 7 января 1936 г. о нарушении национальной политики в Северо-Кавказском крае» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 64–66]. Согласно указанному Постановлению были заслушаны доклады Председателя ЦИК Дагестанской АССР т. Далгат, председателей исполкомов областей – Чечено-Ингушской – т. Горчханова, Кабардино-Балкарской – т. Черкесова, Северо-Осетинской – т. Тогоева, Карачаевской – т. Курджиева, Черкесской – т. Камбиева и содоклад инструктора Президиума ЦИК СССР т. Богданова о ходе выполнения постановления Президиума ЦИК СССР от 7 января 1936 г. Президиум Совета национальностей ЦИК СССР отметил, что в результате принятых Северо-Кавказским крайисполкомом, ЦИК Дагестанской АССР, облисполкомами автономных национальных областей практических мероприятий по осуществлению Постановления Президиума ЦИК СССР, «за последнее время имеется определенный сдвиг в деле коренизации государственного и кооперативного аппарата, вовлечения коренных национальностей в производство, подготовки национальных кадров и обслуживания коренных национальностей и нацменьшинств на их родном языке» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 64–66].

Констатировалось, что наибольшие успехи были достигнуты Северо-Осетинской автономной областью, «где почти полностью коренизирован аппарат сельских и районных организаций с переводом делопроизводства на родной язык и успешно коренизируется аппарат областных учреждений» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 64–66].

В центре Северо-Кавказского края, в Дагестанской АССР и национальных областях была развернута сеть различных курсов по подготовке национальных кадров с охватом более 2 тыс. чел. из коренных национальностей и нацменьшинств. Наряду с этим Президиум Совета Национальностей ЦИК СССР отмечал неудовлетворительные темпы перевода на родной язык делопроизводства сельских советов, райисполкомов и отделов облисполкомов в Чечено-Ингушской, Карачаевской и Черкесской автономных областях; «неудовлетворительно проводится в этих областях, а также в Кабардино-

Балкарской области и Дагестанской АССР коренизация аппарата областных и республиканских учреждений, не обеспечено в должной мере вовлечение коренных национальностей в промышленность, особенно в предприятия союзного значения (Чечено-Ингушская АО – Грознефть и Северо-Осетинская АО – Электроцинк, вагоно-ремонтный завод, Дагестан – предприятия местной пищевой промышленности)» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 64–66].

Согласно названному Постановлению, Северо-Кавказский крайисполком не установил необходимого систематического контроля за выполнением Постановления Президиума ЦИК СССР краевыми и областными учреждениями. Вследствие этого ряд краевых учреждений (крайзу, крайоно, прокуратура, крайсуд, крайкоммунхоз, промбанк и др.) не провели надлежащих мероприятий по коренизации своего аппарата, по подготовке национальных кадров, особенно специалистов. Особенно слабо были охвачены курсами подготовки национальных кадров женщины-горянки [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 64–66].

Была зафиксирована неудовлетворительная работа крайоно и областных ОНО (отделов народного образования) по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения коренных национальностей и нацменьшинств; слабое выполнение плана издания учебников и массовой литературы на национальных языках. «Работа среди нацменьшинств в крае не обеспечена соответствующим руководством, контролем и практической помощью» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 64–66].

В этой связи, Президиум Совета Национальностей ЦИК СССР предложил ЦИК Дагестанской АССР, областным исполнительным комитетам нацобластей Северного Кавказа принять все меры к полному выполнению Постановления Президиума ЦИК СССР, «обратив особое внимание на ликвидацию неграмотности и малограмотности среди взрослого населения, на подготовку национальных кадров, особенно специалистов, вовлечение коренных национальностей в промышленность, обеспечение трудящегося населения аулов культурным обслуживанием и литературой на родном языке» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 64–66]. Президиум Совета Национальностей ЦИК СССР постановил установить контроль и систематическую проверку работы всех областных, районных и сельских организаций по проведению коренизации аппарата и переводу делопроизводства на родной язык в установленные крайисполкомом сроки.

Северо-Кавказскому крайисполкому было предложено обеспечить систематический контроль выполнения Постановления Президиума ЦИК СССР краевыми и областными учреждениями, «установив регулярную проверку и заслушивание докладов краевых учреждений, областных исполкомов, районных исполкомов и руководителей предприятий. Взять под особое наблюдение работу крайзу, крайоно, крайпрокуратуры, суда и финансово-банковских органов с тем, чтобы обеспечить полное выполнение указанными учреждениями постановлений Президиума ЦИК СССР и краевого исполнительного комитета по вопросам коренизации, приняв меры воздействия

по отношению к отдельным руководителям, не обеспечивающим выполнение этих постановлений» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 64–66].

Народным комиссариатам промышленности и земледелия СССР было предложено при распределении оканчивающих вузы и втузы студентов из горских национальностей «особо учитывать острую потребность нацобластей Северо-Кавказского края в кадрах специалистов для промышленности и сельского хозяйства» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 64–66].

Учитывая, что предусмотренные в бюджете Северо-Кавказского края 1936 г. средства на курсовые мероприятия, издание литературы и учебных пособий на языках национальностей Северо-Кавказского края не обеспечивали плановых потребностей, а в бюджете Дагестанской АССР совершенно отсутствовали ассигнования на эту цель, исполкому Северо-Кавказского края и ЦИК Дагестанской АССР было предложено изыскать необходимые средства и в случае крайней нужды в дополнительных средствах для обеспечения выполнения Постановления Президиума ЦИК СССР от 7 января 1936 г. поставить вопрос об отпуске средств перед правительствами Союза ССР и РСФСР [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 64–66].

О состоянии дел с коренизацией в Северо-Кавказском регионе в начале 1940-х гг. можно судить по ряду документов, опубликованных в сборнике «ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945» [ЦК ВКП(б)... 2009]. Например, согласно справке сектора информации организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову о неудовлетворительном положении с выдвижением национальных кадров в Черкесской АО (Позднее 22 февраля 1940 г.), проверкой было установлено неудовлетворительное положение с выдвижением национальных кадров в аппарат областных организаций Черкесской автономной области и в особенности в обком ВКП(б), где коренные национальности составляли всего 15%. В 19 областных организациях не было ни одного работника из местных национальностей. Совершенно неудовлетворительно выдвигались местные национальные кадры в партийный аппарат райкомов ВКП(б) области. Плохо вовлекались национальные кадры в промышленность и торговлю. «В промышленных предприятиях национальные кадры составляют 8,4%, а в торговых организациях – 14,3%» [ЦК ВКП(б)... 2009: 527].

Согласно докладной записке заместителя заведующего организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) М.А. Шамберга и заместителя начальника Управления кадров ЦК ВКП(б) А.А. Савченко секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову о работе Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) (Не позднее 19 апреля 1940 г.), большим недостатком являлось то, что совершенно не уделялось внимание «подбору, расстановке и выращиванию местных национальных кадров и особенно женщин (чеченок и ингушек)». Отмечалось, например, что в аппарате обкома ВКП(б) из 74 работников чеченцев 5 чел., ингушей 3 чел. «В Грозненском горкоме ВКП(б) нет ни одного чеченца и ингуша. Во всем партийном аппарате республики чеченцев и ингушей 21%, из них только 4 ингушки и нет ни одной чеченки. Из 47 чел. работников Совнаркома ЧИАССР только 3 чел. чеченцев, в НКЗ (Народном комиссариате

земледелия) из 60 чел. – 1 чеченец, в УНХУ (Управлении народнохозяйственного учета) из 70 работников – всего 3 чеченца. В нефтяном институте и техникуме из 978 слушателей 25 чеченцев и 10 ингушей. Из 371 слушателя пединститута 21 чеченец и 3 ингуша. На заочном и подготовительном отделениях пединститута из 369 слушателей нет ни одного чеченца и ни одного ингуша. В нефтяном институте в Орджоникидзевском и Асламбековском педучилищах, в музучилище нет ни одной чеченки и ингушки. В пединституте учатся одна чеченка и одна ингушка. В нефтяном техникуме – одна чеченка. В политпросветшколе учатся 2 чеченки. Даже при Московском театральном институте занимается Чечено-Ингушская студия в количестве 41 чел., а чеченок и ингушек из них только 4 чел.» [ЦК ВКП(б)... 2009: 545].

Согласно Постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) о работе Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) от 26 апреля 1940 г.: «Чечено-Ингушский обком ВКП(б) плохо занимался воспитанием и выдвижением национальных кадров. На хозяйственную, советскую и партийную работу мало выдвигается чеченцев и ингушей. Незначительное также количество чеченцев и ингушей учится в высших учебных заведениях Чечено-Ингушетии» [ЦК ВКП(б)... 2009: 548].

В отчете Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) о ходе выполнения решения Политбюро ЦК о работе Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) от 2 июня 1940 г. отмечалось: «В деле исправления допущенных обкомом партии ошибок, выразившихся в подборе и выдвижении кадров, обком партии за истекший месяц уделил главное внимание выдвижению на руководящую работу национальных кадров и укреплению как республиканских, так и районных организаций. За этот месяц выдвинуто на руководящую работу 86 чел., в том числе 63 чел. чеченцев и ингушей. Укомплектованы полностью аппараты обкома и горкома ВКП(б), причем если до решения ЦК ВКП(б) в обкоме партии работало всего 12 чел. чеченцев и ингушей, то в настоящее время в аппарате обкома работает 21 чел. чеченцев и ингушей. Кроме того, в целях подготовки высококвалифицированных национальных кадров сельского хозяйства обком ВКП(б) вошел с ходатайством перед ЦК ВКП(б) о реорганизации Чечено-Ингушского колхозного сельскохозяйственного техникума в сельскохозяйственный институт» [ЦК ВКП(б)... 2009: 554–555].

Как отмечает В.А. Шнирельман, «в 1930-х гг. в ЧИ АССР проходила коренизация, и к началу 1937 г. 70 % работников властных структур республики были выходцами из чеченцев и ингушей. Однако сталинские репрессии не позволили им воспользоваться этими позитивными изменениями во благо своих народов» [Шнирельман 2006: 109].

Выводы

Таким образом, рассмотрев итоги политики коренизации на Северном Кавказе к середине 1930-х – началу 1940-х гг. можно сделать следующие выводы. Массовая коренизация на Северном Кавказе началась позже остальных регионов страны, официально была объявлена в 1929 г. В российской

историографии отмечается, что данный процесс сопровождался как объективными (низкий процент грамотности, настороженность местного населения, межэтническое напряжение, вооруженное сопротивление советской власти), так и субъективными трудностями (организационно-управленческие проблемы). Коренизация была далека от завершения и к началу 1940-х гг. Сыграли свою негативную роль и массовые репрессии против руководящего состава национальных кадров, национальной интеллигенции конца 1930-х гг.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бадмаева 2018 – *Бадмаева Е.Н.* Исторический опыт формирования органов управления и проведения политики коренизации в национальных автономиях Юга России в 1920–1930 гг. // *Oriental Studies*. – 2018. – Т. 38. – № 4. – С. 11–23.

Гутиева 2011 – *Гутиева М.А.* Политика коренизации кадров и особенности ее реализации на Северном Кавказе // *Гуманитарные и социальные науки*. – 2011. – № 1. – С. 2–7.

Дендиев, Осмаев 2021 – *Дендиев К.Г., Осмаев А.Д.* Кадровая политика советского государства в Чечено-Ингушетии 1920–1930 гг. (политико-правовой аспект) // *Вестник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН*. – 2021. – № 1 (5). – С. 124–132. DOI: <https://doi.org/10.34824/VKNIIRAN.2021.5.1.016>

Итоги... 1936 – *Итоги* разрешения национального вопроса в СССР: Сборник / под ред. С. Диманштейна; Научно-исследовательский институт национальностей СССР при ЦИК Союза ССР. – М.: Издательство «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК, 1936. – 224 с.

Кайкова 2007 – *Кайкова О.К.* Политика «коренизации» в сельсоветах национальных районов РСФСР (вторая половина 1920-х – середина 1930-х гг.) // *Вестник РУДН. Сер. «История России»*. – 2007. – № 3. – С. 111–118.

Кульчийкий 2014 – *Кульчийкий Ст.* Статус титульных наций в псевдофедеративной государственной структуре СССР на этапе создания советского строя (1917–1938 гг.) // *Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции*. Киев, 10–12 октября 2013 г. – М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2014. – 686 с.

Мамсиров, Лоов 2021 – *Мамсиров Х.Б., Лоов А.А.* Особенности «коренизации» государственных и культурных учреждений Кабардино-Балкарии в свете новых архивных документов // *Электронный журнал «Кавказология»*. – 2021. – № 1. – С. 96–129. DOI <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-1-96-129>

Маркелова 2017 – *Маркелова А.А.* К вопросу о национальной политике СССР // *Научный вестник ВФ РАНХиГС. Сер. Политология и социология*. – 2017. – № 3. – С. 94–98.

Туфанов 2018 – *Туфанов Е.В.* К вопросу об источниках рекрутирования региональных управленцев в 1920–1930-е гг. на материалах Северного Кавказа // *Вестник Калмыцкого университета*. – 2018. – № 37 (1). – С. 32–42.

Туфанов, Кравченко 2021 – *Туфанов Е.В., Кравченко И.Н.* Партийно-государственная номенклатура и процесс индустриализации в Северокавказском регионе // *Вестник Калмыцкого университета*. – 2021. – № 49 (1). – С. 31–38.

Хлынина 2014 – *Хлынина Т.П.* Коренизация и решение национального вопроса на Северном Кавказе в 1920-е – 1930-е гг. // *Вестник Южного научного центра РАН*. – 2014. – Т. 10. – № 3. – С. 106–111.

ЦК ВКП(б)... 2009 – *ЦК ВКП(б)* и национальный вопрос. Книга 2. 1933–1945 / Сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, Дж. Кадио. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 1095 с.

Шнайдер и др. 2018 – *Шнайдер В.Г., Шхачемуков Р.М., Абрегова Ж.О.* Советская национальная политика на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): особенности

методологии исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2018. – № 4 (229). – С. 84–93.

Шнирельман 2006 – Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 696 с.

Щербак и др. 2016 – Щербак А.Н., Болячевец Л.С., Платонова Е.С. История советской национальной политики: колебания маятника? // Политическая наука. – 2016. – № 1. – С. 100–123.

НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия

REFERENCES

BADMAEVA E.N. *Istoricheskii opyt formirovaniya organov upravleniya i provedeniya politiki korenizatsii v natsional'nykh avtonomiyakh Yuga Rossii v 1920–1930 gg.* [Korenization in national autonomies of Southern Russia in the 1920–1930s: a historical experience of administrative apparatus formation and policy implementation]. IN: *Oriental Studies*. – 2018. – Vol. 38. – No. 4. – P. 11–23. (In Russian)

DENDIEV K.G., OSMAEV A.D. *Kadrovaya politika sovetskogo gosudarstva v Checheno-Ingushetii 1920–1930 gg. (politiko-pravovoi aspekt)* [Personnel policy of the Soviet State in Chechen-Ingushetia 1920–1930 (political and legal aspect)]. IN: *Vestnik Kompleksnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta im. Kh.I. Ibragimova RAN*. – 2021. – No. 1 (5). – P. 124–132. DOI: <https://doi.org/10.34824/VKNIIRAN.2021.5.1.016> (In Russian)

GUTIEVA M.A. *Politika korenizatsii kadrov i osobennosti ee realizatsii na Severnom Kavkaze* [Policy of personnel assimilation and peculiarities of its realization in North Caucasus in 1920–1930s]. IN: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. – 2011. – No. 1. – P. 2–7. (In Russian)

Itogi razresheniya natsional'nogo voprosa v SSSR: Sbornik / pod red. S. Dimanshteina [The Results of the resolution of the national question in the USSR: collection. Ed by S. Dimanshtein]. – М.: Izdatel'stvo «Vlast' Sovetov» pri Prezidiume VTsIK, 1936. – 224 p. (In Russian)

КАИКОВА О.К. *Politika «korenizatsii» v sel'sovetakh natsional'nykh raionov RSFSR (vtoraya polovina 1920-kh – seredina 1930-kh gg.)* [Policy of introduction of native population in national areas and village soviets in RSFSR (second half of 1920s - middle of 1930s)]. IN: *Vestnik RUDN. Ser. «Istoriya Rossii»*. – 2007. – No. 3. – P. 111–118. (In Russian)

KHLYNINA T.P. *Korenizatsiya i reshenie natsional'nogo voprosa na Severnom Kavkaze v 1920-e – 1930-e gg.* [Korenizatsiya and solution of the national question in the Northern Caucasus in the 1920s – 1930s]. IN: *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2014. – Vol. 10. – No. 3. – P. 106–111. (In Russian)

KULCHITSKY St. *Status titul'nykh natsii v psevdofederativnoi gosudarstvennoi strukture SSSR na etape sozdaniya sovetskogo stroya (1917–1938 gg.)* [The status of titular nations in the pseudo-federal state structure of the USSR at the stage of the creation of the Soviet system (1917–1938)]. IN: *Sovetskie natsii i natsional'naya politika v 1920–1950-e gody: Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Kiev, 10–12 oktyabrya 2013 g.* [Soviet nations and national politics in the 1920s–1950s: proceedings of the VI International scientific conference. Kyiv, October 10–12, 2013]. – М.: Politicheskaya entsiklopediya; Fond «Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina», 2014. – 686 p. (In Russian)

MAMSIROV H.B., LOOV A.A. *Osobennosti «korenizatsii» gosudarstvennykh i kul'turnykh uchrezhdenii Kabardino-Balkarii v svete novykh arkhivnykh dokumentov* [Peculiarities of Indigenization of Administrative and Cultural Institutions of Kabardino-Balkaria in the Light of Newly Found Archival Documents]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2021. – No. 1. – P. 96–129. DOI <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-1-96-129> (In Russian)

MARKELOVA A.A. *K voprosu o natsional'noi politike SSSR* [To the question of the USSR national policy]. IN: *Nauchnyi vestnik VF RANKhiGS. Ser. Politologiya i sotsiologiya*. – 2017. – No. 3. – P. 94–98. (In Russian)

SHCHERBAK A.N., BOLYACHEVETS L.S., PLATONOVA E.S. *Istoriya sovetskoi natsional'noi politiki: kolebaniya mayatnika?* [History of the Soviet national policy: swing of the pendulum]. IN: *Politicheskaya nauka*. – 2016. – No. 1. – P. 100–123. (In Russian)

SHNAIDER V.G., SHKHACHEMUKOV R.M., ABREGOVA Zh.O. *Sovetskaya natsional'naya politika na Severnom Kavkaze (1917 – konets 1950-kh gg.): osobennosti metodologii issledovaniya* [The soviet national policy in the North Caucasus (1917 – the end of the 1950s): features of methodology of research]. IN: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. – 2018. – No. 4 (229). – P. 84–93. (In Russian)

SHNIRELMAN V.A. *Byt' alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke* [Being Alans: intellectuals and politics in the North Caucasus in the twentieth century]. – M.: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2006. – 696 p. (In Russian)

TsK VKP(b) i natsional'nyi vopros. Kniga 2. 1933–1945 / Sost. L.S. Gatagova, L.P. Kosheleva, L.A. Rogovaya, Dzh. Kadio [The Central Committee of the All-Russian Communist Party (Bolsheviks) and the National Question. Book 2. 1933-1945. Compiled by L.S. Gatagova, L.P. Kosheleva, L.A. Rogovaya, J. Kadio] – M.: *Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN)*, 2009. – 1095 p. (In Russian)

TUFANOV E.V. *K voprosu ob istochnikakh rekrutirovaniya regional'nykh upravlentsev v 1920–1930-e gg. na materialakh Severnogo Kavkaza* [The ways of nomination regional executives in 1920s – 1930s on the example of the North Caucasus]. IN: *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. – 2018. – No. 37 (1). – P. 32–42. (In Russian)

TUFANOV E.V., KRAVCHENKO I.N. *Partiino-gosudarstvennaya nomenklatura i protsess industrializatsii v Severokavkazskom regione* [Party-state nomenclature and the process of industrialization in the North Caucasus region]. IN: *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. – 2021. – No. 49 (1). – P. 31–38. (In Russian)

NA RK – *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya* [National Archive of the Republic of Kalmykia] (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Новейшая история**

УДК 93/94(470.65)“1945/1953”

DOI 10.31143/2542-212X-2021-3-176-188

**НАКАЗЫ ИЗБИРАТЕЛЕЙ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОСЛЕВОЕННЫХ
ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРОБЛЕМ НАСЕЛЕНИЯ Г. МОЗДОКА¹****Э.В. ХУБУЛОВА**

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
имени В.И. Абаева – филиал Владикавказского научного центра Российской академии наук
362040, РФ, РСО-А, г. Владикавказ, пр. Мира, 14
E-mail: hubul@yandex.ru*

Л.Ч. ХАБЛИЕВА

*ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет
имени Коста Левановича Хетагурова»
362025, РФ, РСО-А, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46
E-mail: lara6715@yandex.ru*

Аннотация. В статье на основе анализа широкого круга архивных источников, которые впервые вводятся в научный оборот, рассматриваются повседневные проблемы послевоенного г. Моздока. Отмечается, что предвыборные кампании обставлялись таким образом, что это выглядело как некий ритуал, символизирующий симбиоз власти и общества. В то же время предвыборные кампании были теми точками соприкосновения, когда власть получала объективную картину отношений населения страны к происходящим событиям. Анализ наказов избирателей 1948 г. и 1953 г. указывает на то, что они как исторический источник содержат информацию, которая позволяет воссоздать картину повседневной жизни послевоенного провинциального общества (на примере г. Моздока). Автор приходит к выводу о том, что партийно-бюрократический аппарат использовал всевозможные коммуникационные механизмы для получения объективных данных о повседневных проблемах жителей Моздока. Эта информация использовалась для подготовки и реализации различных мероприятий и программ социально-экономического и культурного развития послевоенного города.

Ключевые слова: наказ; избиратели; депутаты; повседневная жизнь; Городской совет; послевоенное время.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований проекта 21-09-43008.

THE INSTRUCTIONS OF VOTERS AS A REPRESENTATION OF THE POST-WAR EVERYDAY PROBLEMS OF THE POPULATION OF MOZDOK

E.V. KHUBULOVA

*North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies named after V. I. Abaev – branch of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
362040, Russian Federation, North Ossetia-A, Vladikavkaz, Mira Ave., 14
E-mail: hubul@yandex.ru*

L.Ch. KHABLIEVA

*FSBEI HE «North Ossetian State University»
362025, Russian Federation, North Ossetia-A, Vladikavkaz, Vatutina st., 44-46
E-mail: lara6715@yandex.ru*

Abstract. Based on the analysis of a wide range of archival sources that are being introduced into scientific circulation for the first time, the article examines the everyday problems of the post-war city of Mozdok. It is noted that the election campaigns were arranged in such a way that it looked like a kind of ritual symbolizing the symbiosis of power and society. At the same time, the election campaigns were the points of contact when the authorities received an objective picture of the relations of the population of the country to the events taking place. The analysis of the instructions of the voters of 1948 and 1953 indicates that they, as a historical source, contain information that allows us to recreate the picture of the everyday life of the post-war provincial society (on the example of Mozdok). The author comes to the conclusion that the party-bureaucratic apparatus used all sorts of communication mechanisms to obtain objective data about the everyday problems of the residents of Mozdok. This information was used for the preparation and implementation of various activities.

Keywords: the order; voters; deputies; everyday life; the City Council; the post-war period.

Введение

В настоящее время в отечественной историографии получило развитие новое направление – «история советскости», которое предполагает переосмысление советской истории и вариантов «советского проекта» на региональной почве [Постсоветская... 2014; Барбашкин 2013; Сенявский 2009; Докучаев 2014]. Среди разнообразия вопросов, которые получают новые оценки, большой интерес представляет тема взаимодействия власти и населения, особенно в послевоенный период. Наглядно эти контакты происходили во время предвыборных кампаний, когда обычно пассивное, привыкшее не задавать вопросы большинство граждан, во время встреч с кандидатами озвучивало свои/общественные повседневные проблемы, сигнализируя тем самым властям о необходимости их решать [Лукьянчикова 2011; Колязимова 2013; Общественное... 1993]. Предвыборные встречи являлись одной из немногочисленных возможностей влияния на чиновников, от участия или неучастия которых зависел исход выполнения наказов избирателей.

Литература и методы

Так как заявленная тема носит междисциплинарный характер, то были использованы традиционные и современные методы исследования. Принципы историзма и объективности позволяют рассматривать историческую действительность всесторонне и в условиях конкретной исторической эпохи. В ходе анализа автор применял наряду с историческими (историко-сравнительный, историко-хронологический, статистический) методами также научные методы и ряда гуманитарных наук: политологии, истории повседневности, исторической антропологии. Использование новых исследовательских методов позволяет привлекать в качестве источников документы и материалы, которые ранее не привлекали внимания историков. Такие методологические решения дают возможность провести реконструкцию, к примеру, повседневных практик людей позднесталинской эпохи.

Избранная тема в исторической науке только становится предметом специального анализа. В зарубежной историографии история наказов в ходе предвыборных кампаний не получила развития. В отечественной науке анализ наказов осуществляется правоведами, которые расценивают данный источник как институт народовластия. Авторы утверждают, что изучение института наказов избирателей в разные политические моменты имеет разную направленность: в период стабильного развития общества наказания могут быть использованы для решения вопросов преимущественного хозяйственно-утилитарного свойства; в период потрясения и социальных катаклизмов наказания имеют свойство становиться способом политической борьбы за власть [Алимов 2018].

В последние годы в отечественной науке все активнее стали рассматриваться вопросы социокультурного состояния общества, которое во многом определяло поведенческую мотивацию власти, общества и индивида. Одним из первых к этой теме обратился А.С. Ахиезер, который определил особенности исторического периода и происходящих в нем процессов как совокупность социальных, экономических и культурных процессов [Ахиезер 1998]. Посредством такого симбиоза происходит воздействие на общество и человека, определяет вектор социального поведения и мировосприятия.

Общественные настроения и поведение граждан в позднесталинский период находились в тесной связи с массовой психологией Великой Отечественной войны, которая оставила глубокий след в психологии советских людей. И даже относительно благополучные послевоенные годы не изменили этого [Белявский, Шкуратов 1982; Власть... 1995; Дружба 2000].

По мнению Е. Зубковой, общественные настроения есть ничто иное как комплекс суждений, повседневных практик, претензий людей, а также в каких формах эти проблемы могут быть реализованы в конкретной исторической обстановке [Зубкова 1999].

Пожалуй, единственным академическим трудом, проливающим свет на обозначенную проблему, является работа А.С. Кимерлинг «Выполнять и

лукавить. Политические кампании поздней сталинской эпохи». Автор подытоживает свой анализ документов: « Пристальное изучение кампаний, особенно на низовом уровне, позволяет предположить, что все политические кампании объединяет некий типовой сценарий, общий набор приемов и практик, возникающих в процессе реагирования на сигналы сверху, посылаемые как в виде прямых приказов, так и скрытых властных импульсов... Это позволяет понять политические кампании как процесс, конструируемый и сверху, и снизу через практику организаций кампании на низовом уровне, вплоть до низовых практик обычных граждан» [Кимерлинг 2017: 5, 7].

Таким образом, краткий анализ литературы по избранной теме позволяет утверждать, что изучение института наказов избирателей в отечественной историографии не стало предметом специального источниковедческого анализа.

В региональной историографии указанные вопросы пока не нашли своего исследователя, хотя тема представляется весьма актуальной, способствующей формированию современной концепции социально-политической истории Северной Осетии в послевоенный период.

Источниковой базой стали материалы Центрального государственного архива республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-Алания), выявленные в ФР. 509 «Исполнительный комитет Моздокского городского Совета депутатов трудящихся Северо-Осетинской АССР» и ФР. 639 «Верховный Совет СО АССР». Анализ отложившихся документов позволяет утверждать, что главенствующая роль партии определяла основные направления работы депутатов, оказывала решающее влияние на избирателей и выдвигаемых ими наказов, т.к. последние подвергались жесткому контролю партийных комитетов и идеологической обработке воли трудящихся.

Цель исследования – анализ наказов избирателей как репрезентация послевоенных проблем населения г. Моздока Северо-Осетинской АССР, который вошел в состав Северо-Осетинской АССР в 1944 г. Наказы избирателей представляют собой ценный источник, позволяющий обозначить главные бытовые, культурные запросы послевоенного населения провинциального города.

Новизна работы заключается в том, что впервые вводятся в научный оборот разнообразные по форме и содержанию документы, которые позволяют на примере Моздока воссоздать картину повседневной жизни послевоенного провинциального города, показать, как обычно молчаливый электорат в период предвыборных кампаний пытается взаимодействовать с представителями власти, донести свои проблемы и свое видение их решения.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы при написании обобщающих работ по повседневной жизни и социальной истории послевоенного общества, при составлении учебников, учебных пособий для высших учебных заведений, в региональных исторических исследованиях.

Результаты и дискуссия

Великая Отечественная война завершилась, и страна приступила к восстановлению народного хозяйства. Было разрушено свыше 60% городских поселений, разорено около 120 тыс. колхозов и совхозов, 35 тыс. промышленных предприятий. За годы четвертой пятилетки предстояло не только восстановить, но и развивать экономику страны. Наряду с социально-экономическими, предстояло решать проблемы внутривластного развития. Последние выборы в Советы всех уровней проходили еще до войны. Очередная выборная кампания была назначена на 5 декабря 1941 г., но по понятным причинам она была перенесена. В октябре 1945 г. Президиум Верховного Совета СССР утвердил положение о выборах в Советы всех уровней и назначена дата выборов – 10 февраля 1946 г.

Большой интерес для исследователей представляет проблема проведения предвыборной агитации и пропаганды в местные Советы. В отечественных исследованиях последних десятилетий сформировалась научная школа, изучающая политические процессы в позднесталинскую эпоху. В региональной историографии этот вопрос не поднимался, хотя представляет определенную ценность для изучения послевоенного периода.

В годы Великой Отечественной войны в Моздоке проходили ожесточенные бои, с 25 августа 1942 г. по 3 января 1943 г. город находился в оккупации; серьезно пострадало его хозяйство, были потери среди мирного населения. Эти обстоятельства не могли не отразиться на политической обстановке, в частности, на работе городского Совета депутатов. Городской Совет являлся представителем государства, но в то же время находился в тесном контакте с жителями, реагировал на их нужды и предложения. Об этом свидетельствуют данные. В 1950 г. были подведены итоги движения жалоб и заявлений трудящихся Моздокского горсовета: всего жалоб и заявлений за год было 1027, из них в местные партийно-государственные органы 816, в том числе от неправильных действий местных властей – 526. Положительное решение получили 806, остальным отказано по разным причинам [ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 4. Д. 276. Л. 16]. Чаще всего такой вид эго-документов носил характер индивидуальный, т.к. адресант высказывал свои проблемы, не распространяя их на широкий круг людей. Совсем другой характер имеют наказания избирателей, которые ставили перед кандидатами вопросы, к примеру, строительства клуба, озеленения и др., т.е. становились одним из вариантов решения вопросов местного характера [Ульянова 2014]. Как правило, наказания избиратели давали в ходе предвыборных собраний.

Предвыборные кампании послевоенного времени сильно отличались от предыдущих. За годы войны опыт проведения столь масштабных акций был утерян; многие депутаты мобилизованы на фронт, часть депутатов, оказавшихся на оккупированной территории, погибла; массовые эвакуации также оставили след на составе и количестве местных Советов. Поэтому приходилось восстанавливать существующий порядок выборной кампании. Механизм выборной кампании состоял из ряда этапов: начало агитационной

кампании в СМИ; организационный этап, мобилизация электората [Кимерлинг 2015: 138]. В ходе предвыборной работы до сведения избирателей доносились цели, задачи, а также определялся дискурс кампании. Затем следовал второй этап, когда происходила институционализация кампании. В это время избиратели знакомились с содержанием кампании; власть инициировала активность электората. В это время на предприятиях, в учреждениях проходили встречи с кандидатами, их доверенными лицами и активистами. На этих собраниях должны были выступить все кандидаты, актив и специально назначенные для этого работники предприятия/организации.

Исследователи выделяют несколько категорий активистов, которые участвовали в выборной кампании: во-первых, активисты, которые всегда придерживаются линии партии и деятельно включились в процесс; во-вторых, активисты, которые за свои действия стремятся получить определенные личные дивиденды; в-третьих, конформисты, которые не выражая своих настоящих взглядов, голосуют как того требуют активисты; наконец, были среди электората и такие, кто всячески уклонялся от выполнения своего гражданского долга [Кимерлинг 2015: 136–147]. Последних было мало, т.к. репрессивные органы вели строгий учет всех избирателей, и в условиях командно-административной системы оказаться политически незрелым гражданином было опасно. Современник так описывал ситуацию в ходе предвыборной кампании 1952 г.: «50% голосуют с сознанием долга перед родиной, 20% – с проведенной с ними агитационной работы, а 30% – это уже с нажимом организаций и высшей администрации, к которым применяют даже кой-какие запугивания» [Население... 2016: 284]. Предвыборные кампании обставлялись таким образом, что это выглядело как некий ритуал, символизирующий симбиоз власти и общества. В то же время предвыборные кампании были теми точками соприкосновения, когда власть получала объективную картину отношений населения страны к происходящим событиям. Особенно наглядно данная ситуация проявлялась в ходе выборов в местные советы. В ходе общения с кандидатами избиратели высказывали свои мысли по вопросам социально-экономического и культурного развития, повседневной жизни и т.д. Наконец, на завершающем этапе подводились итоги выборов, сообщалось о том, что депутаты избраны, намечены очередные планы на весь период работы нового состава совета. Доклад мандатной комиссии обычно имел очевидный идеологический подтекст: «Выборы в Моздокский городской Совет депутатов прошли на высоком идейно-политическом уровне... Выборы со всей очевидностью показали, что партия и народ едины в своем стремлении к коммунизму» [ЦГА РСФСР. ФР. 509. Оп. 1. Д. 35. Л. 16].

В условиях современной России избиратель имеет возможность выбирать между программами кандидатов и отдавать свой голос тому кандидату, которого считает достойным. В советское время в условиях безальтернативных выборов перед кандидатами стояла задача не убеждать, а выслушать своей электорат [Фокин 2015: 35]. Исходя из сложившейся практики предвыборных кампаний, указы стали теми репрезентативными источниками, которые позволяют реконструировать главные проблемы повседневной жизни

населения страны. Кроме того, наказания дают возможность выявить настроения граждан на местах; после протоколирования они передавались далее по инстанциям. Это конструировало картину проблем и ожиданий общества и было нередко сигналом для власти придержащих [Дудников 2009: 92–94]. До конца сталинского правления анализом наказов занимались органы госбезопасности. По мнению ряда исследователей, на наказания избирателей в этот период большое влияние оказывали партийно-государственные структуры [Алимов 2018: 13]. И создавалась парадоксальная ситуация: наказания как институт прямой демократии, превращались в механизм организации нужного для власти управления общественными интересами. Как правило, предложения и пожелания избирателей обрабатывались в исполкоме горсовета, обсуждались на сессии горсовета и принимались к исполнению как наказание избирателей. В этом проявлялся демократический характер советской политической системы. Депутаты формально обладали большими правами, но на практике слуга народа просто был встроены в политическую систему и самостоятельно решать какие-либо вопросы не мог, если вспомнить о том, что руководящая роль в СССР отводилась ВКП (б). Наиболее деятельные депутаты искали возможности для исполнения наказов избирателей, но, как правило, их старания разбивались о командно-административные методы руководства, где все проблемы решались в плановом порядке [Фокин 2015: 36]. Как правило, наказание начинался с соблюдения общепринятых в официальном документообороте положений: «Высоко держать достоинство депутата как избранника народа, строго соблюдать революционную законность», затем озвучивалась общая цель – «развернуть борьбу за выполнение пятилетнего плана в четыре года» и лишь потом по пунктам излагались основные предложения наказания.

В конце 1947 г. была запущена кампания по выборам в местный Совет. Ситуация после войны еще была крайне тяжелая, народное хозяйство еще не отошло от последствий войны. Наблюдались серьезные проблемы с обеспечением населения продуктами. Так, по разнарядке работающие граждане Моздока получали по карточкам хлеба от 650 до 700 г, иждивенцы – от 250 до 300 г. [ЦГА РСО-А. ФР. 629. Оп. 2. Д. 359а. Л. 48]. Остро не хватало жилья, школ, рабочих мест и др. Именно такими трудностями и были продиктованы предложения в наказе избирателей.

В январе 1948 г. был принят и утвержден наказ избирателей депутатам Моздокского горсовета. Он состоял из 18 пунктов, которые условно можно сгруппировать в несколько проблем: во-первых, промышленного характера (строительство маслобойного завода, хлебзавода, пивзавода, мебельного цеха); во-вторых, «детские» вопросы (восстановить школьное здание, оснастить оборудованием, строительство детского сада); в-третьих, благоустройство города (привести в порядок колхозный рынок, благоустроить центральные улицы, водоснабжение города, разбить парк Победы, озеленить улицы, разбить сады, внутригородское автобусное сообщение, увеличение жилого фонда); наконец, культурные нужды (открыть музей краеведения, восстановить памятник Кирову, радиофицировать город) [ЦГА РСО-А. ФР. 639. Оп. 1. Д. 457. Л. 2]. Отчет по результатам проделанной работы был заслушан на

заседании Моздокского городского Совета депутатов трудящихся СОАССР 6 июня 1949 г. Результаты выполнения наказа были следующие: розничная сеть и сеть общественного питания приведена в санитарное состояние, по желанию избирателей дополнительно открыты два магазина на улице Первомайской и на станции Моздок, два специализированных магазина (культмаг и промтоварный магазин) [ЦГА РСО-А. ФР. 639. Оп. 1. Д. 457. Л. 70].

Увеличена выпечка и реализация хлеба в два с половиной раза. В 1948 году заметно улучшилось медицинское обслуживание населения. В результате санитарно-просветительской работы и профилактической работы удалось снизить уровень заболеваемости. Был восстановлен и начал свою работу рентгенкабинет, с 1947 г. в г. Моздоке стали функционировать Дом ребенка и ветлечебница [ЦГА РСО-А. ФР. 639. Оп. 1. Д. 457. Л. 72]. В 1948 г. школы района были качественно отремонтированы и обеспечены топливом [ЦГА РСО-А. ФР. 639. Оп. 1. Д. 457. Л. 71]. В отчете указывается на те пункты наказа, которые не удалось выполнить из-за отсутствия ассигнований: строительство маслозавода, восстановление здания школы № 2, открытие музея краеведения, строительство нового жилого дома, установление автобусного сообщения между вокзалом и городом [ЦГА РСО-А. ФР. 639. Оп. 1. Д. 457. Л. 73].

Вообще отметим, что в послевоенном обществе произошло серьезное изменение ментально-поведенческих установок, что наглядно проявилось в отношении образования. Образование стало ценностью, которая повышает социальный статус, открывает возможности социальной мобильности. В результате данной трансформации горожане ставили перед властью задачу увеличить количество школ, оснастить их и обеспечить профессиональным учительским составом. Среди пунктов наказа по образованию можно выделить следующие: обеспечить полное выполнение закона о Всеобуче, усилить внешкольную работу и борьбу с беспризорностью; обеспечить учебной литературой всех школьников [ЦГА РСО-А. ФР. 509. Оп. 1. Д. 33. Л. 27]. Даже беглый анализ пунктов наказа свидетельствует о том, что ряд положений был добавлен в ходе переработки пожеланий и критических замечаний. Например, пункт о всемерном улучшении культурной, образцовой торговли; или формулировка пункта о жилищном строительстве «уделять внимание индивидуальному жилищному строительству, **не допуская нарушений утвержденных проектов строительства** (выделено нами. – Э.Х., Л.Х.)» [ЦГА РСО-А. ФР. 509. Оп. 1. Д. 35. Л. 8]. Вряд ли такая постановка вопроса могла исходить от простого обывателя.

После принятия и утверждения наказ тиражировался и рассылался депутатам и постоянно действующим комиссиям, а также заинтересованным руководителям учреждений и предприятий. В выполнении наказа избирателей конкретное участие принимали депутаты горсовета. Так депутат Раздоров силами работников радиофицировал железнодорожный поселок, депутаты Вишняков и Матвеева добились через постоянно работающую комиссию здравоохранения введения в эксплуатацию рентгенкабинета, организации Дома ребенка и открытия ветлечебницы. Депутаты Буланова и Баулина вместе с членами постоянной комиссии по народному образованию добились полного

охвата всех школьников всеобучем. С их помощью часть школ обеспечили партами и другой мебелью. Депутаты Костарева и Комаров добились значительного улучшения работы предприятий торговли [ЦГА РСО-А. ФР. 509. Оп. 1. Д. 33. Л. 26]. Положительным в системе наказов было то, что, будучи приняты на уровне горсовета, многие положения вступали в стадию реализации и исполком горсовета на своих заседаниях отчитывался о ходе выполнения. Так, на заседаниях горисполкома в июне 1948 г. депутаты отчитывались по всем пунктам наказа. Например, в области здравоохранения (пункт 9 наказа) «по желанию избирателей строится фельдшерско-акушерский пункт», в области народного образования (10 пункт) «созданы нормальные условия для работы, все школьные здания были качественно отремонтированы и обеспечены топливом. Для оказания помощи нуждающимся детям был создан фонд Всеобуча в сумме 6499 руб.» [ЦГА РСО-А. ФР. 509. Оп. 1. Д. 33. Л. 28]. Такая помощь позволила предотвратить «отсев» детей из школы. Пожелания избирателей являются отражением повседневных потребностей населения, только что вышедшего из войны. Поэтому стремление улучшить в целом ситуацию в социально-экономическом и культурном отношении было вполне понятным желанием.

В конце февраля 1953 г. в связи с очередными выборами в местные Советы принят новый наказ. Анализ пунктов документа дал интересные результаты. За пять лет появились новые пожелания, которые ставила повседневная жизнь города. Например, предлагалось организовать дополнительное движение по маршруту Моздок-Прохладная, увеличить количество такси и грузовых машин по городу. Жители города даже просили о прохождении через Моздок прямого пассажирского поезда [ЦГА РСО-А. ФР. 509. Оп. 1. Д. 35. Л. 4]. За пять лет в Моздоке развернулось активное жилищное строительство. Если в первом наказе речь шла о постройке одного жилого дома, то в наказе 1953 г. избиратели призывают построить 8 новых многоквартирных домов.

Избиратели просили организовать в городе пляж, начать работы по благоустройству уличного освещения, установить по городу знаки, регулирующие дорожное движение, а по узким улицам установить одностороннюю езду, улучшить благоустройство окраин, отремонтировать мосты и набережные, сохранить и увеличить зеленые насаждения, увеличить число общественных мест и пр., например, продлили асфальтовую дорогу по ул. Кирова, началась работа по уличному освещению, началось строительство нового моста через р. Терек, даже выделено место под городской пляж [ЦГА РСО-А. ФР. 509. Оп. 1. Д. 32. Л. 16].

Из бытовых предложений самыми значимыми для населения были водоснабжение (вода подавалась по 4 часа в сутки) и строительство новых бань в районе Красной площади, хлопкоочистительного завода. Рост населения г. Моздок требовал решать не только жилищно-бытовые, но и культурные проблемы молодежи. Если в 1946 г. в городе проживало 15,8 тыс. чел., то в 1950 г. уже 16,0 тыс. чел. [ЦГА РСО-А. ФР. 639. Оп. 2. Д. 445. Л. 44].

Избиратели наказывали своим избранникам, чтобы на ул. Шоссейной была построена новая школа, при кирпичном заводе «Коммаяк» – детский сад, восстановить районный Дом культуры, обеспечивать библиотеку детской литературой, а также закончить строительство стадиона и открыть в городе ателье мод. Многих жителей не устраивало отсутствие мест культурного досуга. Избиратели акцентировали внимание на вопросах строительства кинотеатра, детских площадок, предлагали построить второй кинотеатр для обслуживания новых районов города [ЦГА РСО-А. ФР. 509. Оп. 1. Д. 33. Л. 26]. Отдавая себе отчет в справедливости замечаний и предложений избирателей, исполком Моздокского горсовета указал, что «повседневное осуществление практических предложений избирателей – важнейшая задача исполнительного комитета Моздока» [ЦГА РСО-А. ФР. 509. Оп. 1. Д. 38. Л. 2]. Перед депутатами была поставлена задача – разработать практические рекомендации по реализации поставленных заданий. Сравнение текстов наказа 1948 и 1953 гг. привело к неутешительным выводам о том, что ряд положений перенесен в более позднюю версию. К примеру, даже спустя пять лет, остро стояли вопросы строительства хлебозавода, мебельного цеха, слабо решался вопрос о восстановлении зданий, разрушенных во время войны.

Несмотря на то, что все наказания невозможно было выполнить, партийно-государственные органы пытались повысить эффективность работы депутатов, чтобы не создавать серьезного разрыва между надеждами и перспективами и реальной действительностью, что могло негативно сказаться на уровне доверия. Одной из таких мер была организация накануне сессий областного Совета «Дня депутата», в рамках которого проходили приемы руководителей областных отделов и управлений по вопросам депутатской деятельности. Такие встречи должны были наладить контакт между участниками политического процесса на местах [Хасьянов, Бравина 2020: 473].

Итак, несмотря на то, что в отечественной и зарубежной исторической науке преобладает точка зрения об отсутствии в СССР демократической коммуникации между властью и народом, партийно-чиновничий аппарат использовал выборные механизмы для получения объективной информации о повседневных проблемах и общественно-политических ожиданиях советских граждан. Наказы избирателей использовались при разработке и осуществлении различных мероприятий по социально-экономическому и культурному развитию, для удовлетворения потребностей и запросов населения. Таким образом, наказания населения г. Моздока являясь выражением конкретных бытовых потребностей, в то же время представляли собой конструктивную форму определения общественных интересов. Это заставляло народных избранников ответственно относиться к волеизъявлению народа, что во многом определяло основные направления работы местных партийно-советских органов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алимов 2018 – *Алимов Э.В.* Конституционно-правовое регулирование института наказа избирателей в Российской Федерации. Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. – М., 2018. – 26 с.

Ахиезер 1998 – *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 1: От прошлого к будущему. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 804 с.

Барбашин 2013 – *Барбашин М.Ю.* Советская идентичность в этносоциальном пространстве: институциональные особенности // Политика и общество. – 2013. – № 3. – С. 45–49.

Белявский, Шкуратов 1982 – *Белявский И.Г., Шкуратов Б.А.* Проблемы исторической психологии. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1982. – 224 с.

Власть... 1995 – *Власть* и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1995. – 400 с.

Докучаев 2014 – *Докучаев Д.С.* Социальная рельефность сознания: от советскости к постсоветскости // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2014. – № 4. – С. 75–76.

Дружба 2000 – *Дружба О.В.* Великая Отечественная война в сознании советского и постсоветского общества: динамика представлений об историческом прошлом. – Ростов н/Д.: Издат. центр РГТУ, 2000. – 212 с.

Дудников 2009 – *Дудников А.А.* Структура местных Советов депутатов трудящихся в послевоенное время и ее законодательное закрепление // Юрист-Правоведь. – 2009. – № 6. – С. 92–94.

Зубкова 1999 – *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – 229 с.

Кимерлинг 2015 – *Кимерлинг А.С.* По ту сторону лозунгов: практики приспособления к политическим кампаниям в 1945–1953 гг. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: Материалы Международной научной конференции. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – С. 136–147.

Кимерлинг 2017 – *Кимерлинг А.С.* Выполнять и лукавить. Политические кампании поздней сталинской эпохи. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 216 с.

Колязимова 2013 – *Колязимова М.М.* Идеолого-пропагандистская кампания, связанная с подготовкой выборов в Верховный Совет СССР 1946 г. (по материалам Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 4. – С. 33–36.

Лукьянчикова 2011 – *Лукьянчикова Л.В.* Политико-правовая роль наказов избирателей в истории России // Государство и право. – 2011. – № 9. – С. 106–111.

Население... 2016 – *Население Северной Осетии в советских послевоенных реалиях 1945-1953 гг.: иллюзии и повседневные практики.* Сборник документов / Сост. С.А. Хубулова, Э.В. Хубулова. – Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2016. – 624 с.

Общественное... 1993 – *Общественное мнение и власть: механизмы взаимодействия /* Отв. ред. А.А. Ручка. – Киев: Наукова думка, 1993. – 163 с.

Постсоветская... 2014 – *Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы.* Материалы Всероссийской научно-практической Интернет-конференции / Под. ред. М.В. Назукиной, О.Б. Подвинцева, Н.А. Коровниковой. – Пермь: ООО «Печатный салон «Гармония», 2014. – 128 с.

Сенявский 2009 – *Сенявский А.С.* Повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // Повседневный мир советского человека в 1920–1940-х гг. – Ростов-н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. – С. 5–16.

Ульянова 2014 – *Ульянова С.Б.* Депутаты городских Советов и их избиратели (исторический опыт Ленсовета 1920-х гг. // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2014. – № 1(27). – С. 18–22.

Фокин 2015 – Фокин А.А. Избирательные процедуры в СССР как механизм выявления общественных настроений // Управление в современных системах. – 2015. – № 2(6). – С. 33–37.

Хасьянов, Бравина 2020 – Хасьянов О.Р., Бравина М.А. Наказы избирателей как репрезентация повседневных проблем послевоенного сельского социума Куйбышевской области (1947) // Научный диалог. – 2020. – № 9. – С. 469–472. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-469-482>

ГАНИ РСО-А. – Государственный архив новейшей истории РСО-Алания.

ЦГА РСО-А. – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

REFERENCES

АНИЕЗЕР А.С. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (sotsiokul'turnaya dinamika Rossii). T. 1: Ot proshlogo k budushchemu* [Russia: criticism of historical experience (socio-cultural dynamics of Russia). Vol. 1: From the past to the future]. – Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1998. – 804 p. (In Russian)

ALIMOV E.V. *Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie instituta nakaza izbiratelei v Rossiiskoi Federatsii. Avtoref. diss. ... kand. yur. nauk* [Constitutional and legal regulation of the institution of the punishment of voters in the Russian Federation. Abstract of dissertation for the candidate of legal sciences degree]. – M., 2018. – 26 p. (In Russian)

BARBASHIN M.Yu. *Sovetskaya identichnost' v etnosotsial'nom prostranstve: institutsional'nye osobennosti* [Soviet identity in the ethno-social space: institutional features]. IN: *Politika i obshchestvo*. – 2013. – No. 3. – P. 45–49. (In Russian)

BELYAVSKY I.G., SHKURATOV B.A. *Problemy istoricheskoi psikhologii* [Problems of historical psychology]. – Rostov on Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1982. – 224 p. (In Russian)

DOKUCHAEV D.S. *Sotsial'naya rel'efnost' soznaniya: ot sovetskosti k postsovetskosti* [Social relief of consciousness: from Sovietness to post-Soviet]. IN: *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*. – 2014. – No. 4. – S. 75–76. (In Russian)

DRUZHBA O.V. *Velikaya Otechestvennaya voyna v soznanii sovetskogo i postsovetskogo obshchestva: dinamika predstavlenii ob istoricheskom proshlom* [The Great Patriotic War in the consciousness of the Soviet and post-Soviet society: the dynamics of ideas about the historical past]. – Rostov n/D.: Izdat. tsentr RGTU, 2000. – 212 p. (In Russian)

DUDNIKOV A.A. *Struktura mestnykh Sovetov deputatov trudyashchikhsya v poslevoennoe vremya i ee zakonodatel'noe zakreplenie* [The structure of local Councils of Workers' Deputies in the post-war period and its legislative consolidation]. IN: *Yurist'-Pravoved*". – 2009. – No. 6. – P. 92–94. (In Russian)

FOKIN A.A. *Izбирatel'nye protsedury v SSSR kak mekhanizm vyyavleniya obshchestvennykh nastroyenii* [Electoral procedures in the USSR as a mechanism for identifying public moods]. IN: *Upravlenie v sovremennykh sistemakh*. – 2015. – No. 2(6). – P. 33–37. (In Russian)

KHASYANOV O.R., BRAVINA M.A. *Nakazy izbiratelei kak reprezentatsiya povsednevnykh problem poslevoennogo sel'skogo sotsiuma Kuibyshevskoi oblasti (1947)* [Electorate orders as a representation of the everyday problems of the post-war rural society of Kuibyshev region (1947)]. IN: *Nauchnyi dialog*. – 2020. – No. 9. – P. 469–472. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-469-482> (In Russian)

KIMERLING A.S. *Po tu storonu lozungov: praktiki prisposobleniya k politicheskim kampaniyam v 1945–1953 gg.* [Beyond slogans: Practices of adaptation to political campaigns in 1945–1953]. IN: *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1945–1953: Materials of the International Scientific Conference]. – M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. – P. 136–147. (In Russian)

KIMERLING A.S. *Vypolnyat' i lukavit'. Politicheskie kampanii pozdnei stalinskoj epokhi* [Perform and deceive. Political campaigns of the late Stalin era]. – M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2017. – 216 p. (In Russian)

KOLYAZIMOVA M.M. *Ideologo-propagandistskaya kampaniya, svyazannaya s podgotovkoi vyborov v Verkhovnyi Sovet SSSR 1946 g. (po materialam Kemerovskoi oblasti)* [Ideological and propaganda campaign related to the preparation of the elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1946 (based on the materials of the Kemerovo region)]. IN: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2013. – No. 4. – P. 33–36. (In Russian)

LUKYANCHIKOVA L.V. *Politiko-pravovaya rol' nakazov izbiratelei v istorii Rossii* [The political and legal role of voter orders in the history of Russia]. IN: *Gosudarstvo i pravo*. – 2011. – No. 9. – P. 106–111. (In Russian)

Naselenie Severnoi Osetii v sovetskikh poslevoennykh realiyakh 1945-1953 gg.: illyuzii i povsednevnye praktiki. Sbornik dokumentov / Sost. S.A. Khubulova, E.V. Khubulova [The population of North Ossetia in the Soviet post-war realities of 1945-1953: illusions and everyday practices. Collection of documents / Comp. by S.A. Khubulova, E.V. Khubulova]. – Vladikavkaz: SOIGSI VNTs RAN, 2016. – 624 p. (In Russian)

Obshchestvennoe mnenie i vlast': mekhanizmy vzaimodeistviya / Otv. red. A.A. Ruchka [Public opinion and power: mechanisms of interaction. Ed. by A.A. Ruchka]. – Kiev: Naukova dumka, 1993. – 163 p. (In Russian)

Postsovetskaya identichnost' v politicheskom izmerenii: realii, problemy, perspektivy. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi Internet-konferentsii / Pod. red. M.V. Nazukinoi, O.B. Podvintseva, N.A. Korovnikovoi [Post-Soviet identity in the political dimension: realities, problems, prospects. Materials of the All-Russian scientific and practical Internet conference. Edited by M.V. Nazukina, O.B. Podvintsev, N.A. Korovnikova]. – Perm: OOO «Pechatnyi salon «Garmoniya», 2014. – 128 p. (In Russian)

SENYAVSKY A.S. *Povsednevnost' kak predmet istoricheskogo issledovaniya: teoretiko-metodologicheskie problemy* [Everyday life as a subject of historical research: theoretical and methodological problems]. IN: *Povsednevnyi mir sovetskogo cheloveka v 1920–1940-kh gg.* [The everyday world of the Soviet man in the 1920s – 1940s]. – Rostov-n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 2009. – P. 5–16. (In Russian)

ULYANOVA S.B. *Deputy gorodskikh Sovetov i ikh izbirateli (istoricheskii opyt Lensoveta 1920-kh gg.)* [Deputies of city councils and their voters (historical experience of the Lensoviet of the 1920s)]. IN: *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki*. – 2014. – No. 1(27). – P. 18–22. (In Russian)

Vlast' i oppozitsiya. Rossiiskii politicheskii protsess XX stoletiya [Power and the opposition. The Russian political process of the XX century]. – M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1995. – 400 p. (In Russian)

ZUBKOVA E.Yu. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953* [Post-war Soviet Society: politics and everyday life. 1945-1953]. – M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1999. – 229 p. (In Russian)

GANI RSO-A – *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii RSO-Alaniya* [State Archive of the Modern History of RSO-Alania]. (In Russian)

TsGA RSO-A – *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya* [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Новейшая история**

УДК 37:093(470.64)

DOI 10.31143/2542-212X-2021-3-189-205

**ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ:
ПРОФЕССОР КГПИ КОНСТАНТИН ЭДУАРДОВИЧ ГРИНЕВИЧ****Е.Г. МУРАТОВА**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
ФГБНУ «Федеральный научный центр*

*«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: lena_gm@mail.ru*

Ю.А. ОРТАНОВА

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: yulia-kabardinka@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена вопросам зарождения и формирования археологического изучения Кабардино-Балкарии как одного из направлений научных исследований в Кабардино-Балкарском государственном педагогическом институте (с 1957 г. – Кабардино-Балкарском государственном университете). Показана научно-педагогическая деятельность одного из первых профессоров исторического отделения, известного специалиста в области древней истории Константина Эдуардовича Гриневича. В 1949 г. он руководил Кабардинской археологической экспедицией, итогом которой стало составление археологической карты республики. К.Э. Гриневич внес большой вклад в изучение культурного наследия Кабардино-Балкарии и подготовку молодых кадров в области археологии.

Ключевые слова: К.Э. Гриневич; Кабардино-Балкарский государственный университет; Кабардинская археологическая экспедиция 1949 г.; археология Кабардино-Балкарии; историко-археологические исследования; историческое образование в Кабардино-Балкарии.

**FROM THE HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL STUDY
OF KABARDINO-BALKARIA:
PROFESSOR KSPI KONSTANTIN EDUARDOVICH GRINEVICH**

E.G. MURATOVA

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173*

*FSBSE «Federal Scientific Center “Kabardin-Balkar Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences”»
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18.
E-mail: lena_gm@mail.ru*

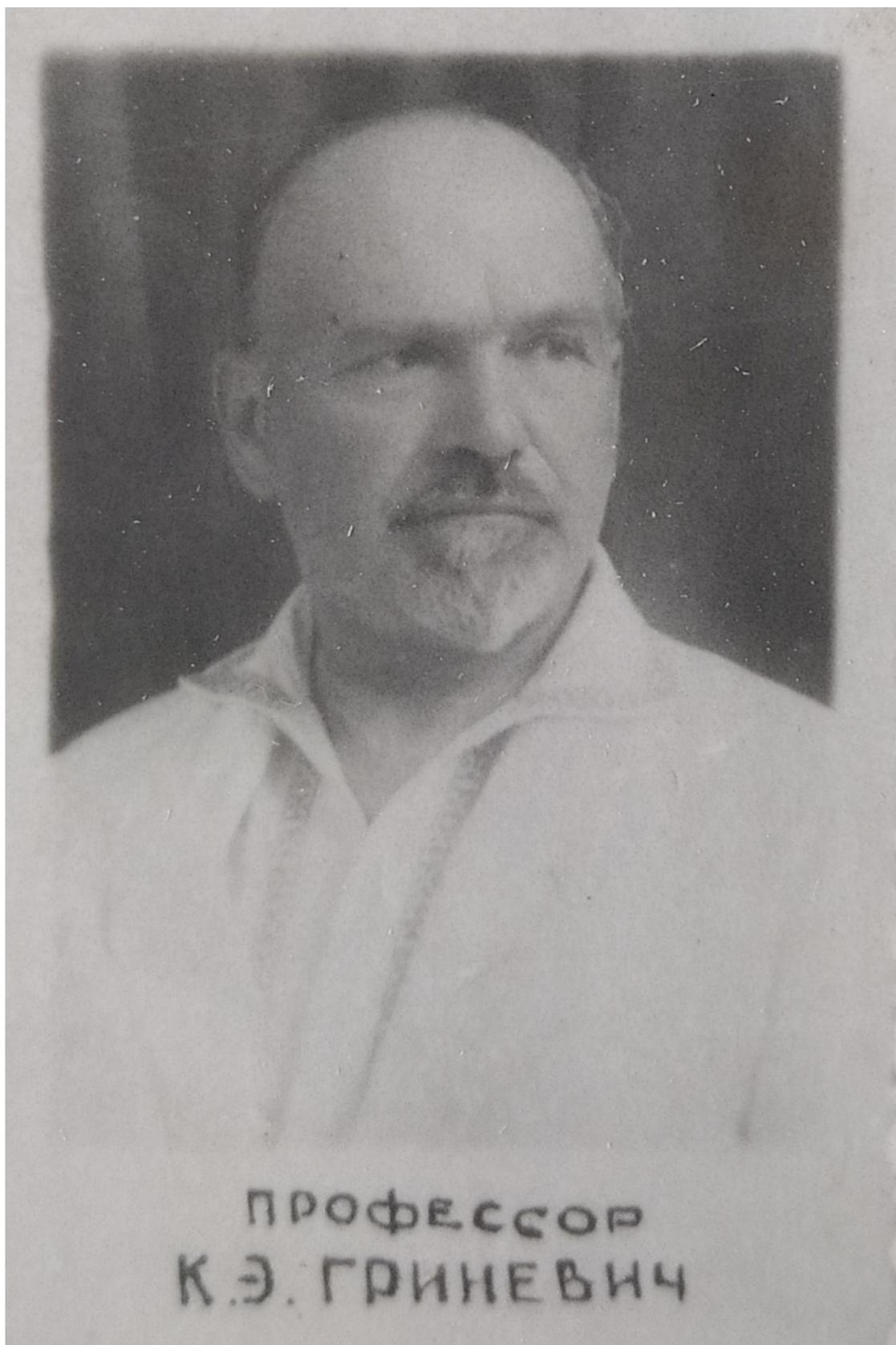
Yu. A. ORTANOVA

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: yulia-kabardinka@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the issues of the origin and formation of the archaeological study of Kabardino-Balkaria as one of the areas of scientific research at the Kabardino-Balkarian State Pedagogical Institute (since 1957 – the Kabardino-Balkarian State University). The scientific and pedagogical activity of one of the first professors of the historical department, a well-known specialist in the field of ancient history, Konstantin Eduardovich Grinevich is shown. In 1949, he led the Kabardian archaeological expedition, the result of which was the compilation of an archaeological map of the republic. K.E. Grinevich made a great contribution to the study of the cultural heritage of Kabardino-Balkaria and the training of young personnel in the field of archeology.

Keywords: K.E. Grinevich; Kabardino-Balkarian State University; Kabardin archaeological expedition in 1949; archeology of Kabardino-Balkaria; historical and archaeological research; historical education in Kabardino-Balkaria.

Около двух лет, в конце 1940-х – начале 1950-х гг., в Кабардинском государственном пединституте работал выдающийся ученый, археолог – Константин Эдуардович Гриневич (1891–1970).

Литература, посвященная его жизни и научной деятельности, достаточно обширна и охватывает основные этапы жизненного пути ученого. Так, начальный, «крымский период» научной карьеры Гриневича, его вклад в проведение археологических раскопок в Керчи и Херсонесе, а также в создание постоянной музейной экспозиции Херсонесского музея освещен в ряде статей А.В. Севастьянова [Севастьянов 2010], У.К. Асановой [Асанова 2012] и А.А. Непомнящего [Непомнящий 2016; Непомнящий 2016]. Тяжелый для К.Э. Гриневича период сталинских репрессий и ссылки в Сибирь (1932–1944), а также его научно-педагогическая деятельность в Томском государственном университете (до 1948 г.) представлены на сайте этого университета [Гриневич... 2019] и в работах сибирских исследователей [Хаминов 2015; Хаминов 2017; Папков 2019]. Менее освещен в литературе «нальчикский период» жизни К.Э. Гриневича [Муратова 2017; Муратова, Ортанова 2017]. Последний, харьковский, этап его научно-педагогической деятельности хорошо представлен в работах его учеников В.И. Кадеева [Кадеев 1992] и В.А. Латышевой [Латышева 2004], а также статьях С.В. Дьячкова [Дьячков 2017]. Наиболее полно биография Константина Эдуардовича Гриневича и библиографический список его работ нашли свое отражение в юбилейной публикации по случаю 125-летия выдающегося ученого [Дьячков, Ручинская 2016].

Константин Эдуардович Гриневич родился 8 (21) сентября 1891 г. в городе Вологде в семье уездного землемера. После переезда родителей в Харьков с 1902 по 1910 гг. учился в харьковской классической гимназии, а с 1910 по 1914 гг. – на историческом отделении историко-филологического факультета Харьковского университета. В 1913 г. году Константин Гриневич получил золотую медаль за конкурсное сочинение «Греция накануне Македонского владычества», и в том же году на деньги, собранные от частных уроков, он поехал в Грецию для изучения античных древностей. Эта поездка определила его научные интересы на всю жизнь: с тех пор К.Э. Гриневич никогда не прерывал своих изысканий в области истории и археологии античных колоний юга России. По окончании Харьковского университета Гриневич был оставлен при кафедре истории искусства и археологии. В 1915 г. для подготовки к профессуре К.Э. Гриневич был командирован в Петроградский университет, при этом он одновременно состоял сотрудником Археологической комиссии и Эрмитажа. В 1918 г. по получении в Петроградском университете звания приват-доцента К.Э. Гриневич был командирован для проведения археологических раскопок в Керчь и Херсонес. Из-за начавшейся гражданской войны он вынужден был задержаться в Крыму до 1921 г. По возвращении в Петроград К.Э. Гриневич продолжил преподавание в Петроградском университете в качестве приват-доцента (1921–1928), где читал лекции по истории и археологии античных колоний юга СССР, а также курс археологии.

С 1924 по 1930 г. К.Э. Гриневич параллельно работал в музее Херсонеса Таврического в качестве директора. Он превратил Херсонесский музей во

всесоюзную археологическую станцию, где ежегодно проводил семинары со студентами Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева и Одессы, вел огромную научно-просветительскую работу, принимал непосредственное участие в организации двух конференций археологов СССР (1926, 1927).

Переехав в Москву, в 1928–1930 гг. К.Э. Гриневич работал ученым специалистом в области музейного дела и искусствознания, а в 1931–1933 гг. – профессором этнологического факультета 1-го МГУ и экскурсионно-переводческого факультета Московского института новых языков. В 1933 г. постановлением Особого совещания при ГПУ К.Э. Гриневич был выслан в Новосибирск, а в 1935–1940 гг. за знакомство со ссыльным сослуживцем по музею был заключен в Карагандинский лагерь, где работал преподавателем средней школы. После освобождения с 1940 по 1948 гг. К.Э. Гриневич работал профессором и заведующим кафедрой древней истории Томского университета [Автобиография... 1950].

В 1944 г. в Московском университете К.Э. Гриневич защитил докторскую диссертацию на тему «Стены Херсонеса Таврического» и в 1945 г. был утвержден в звании профессора «древней истории» [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2267. Л. 23 об.]. После отъезда из Томска в 1948–1950 гг. К.Э. Гриневич состоял профессором Кабардинского педагогического института (Нальчик), позднее по состоянию здоровья переехал в г. Нежин (Черниговская область), затем до 1966 г. заведовал кафедрой древней истории и археологии Харьковского университета.

В штат Кабардинского государственного пединститута (так тогда назывался единственный в республике вуз) профессор Константин Эдуардович Гриневич был зачислен 25 октября 1948 года. В этот период пединститут в Нальчике остро нуждался в преподавателях высшей квалификации, в течение сентября и октября на историческом отделении не читался курс древней и средневековой истории. Попытки найти специалиста по этим дисциплинам не дали положительных результатов. Неоднократные переговоры с преподавателями кафедры всеобщей истории Пятигорского пединститута о работе по совместительству в КГПИ не дали положительных результатов. К.Э. Гриневич в своей телеграмме из Ставрополя указал свою специальность и желание работать в институте профессором кафедры [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2267. Л. 23]. Перед зачислением в штат Кабардинского пединститута профессор Гриневич не скрывал судимости и отбывания срока наказания с 1935 по 1940 г. по политической статье. Но приобретение специалиста такого уровня было несомненной удачей для Кабардинского пединститута.

Профессор К.Э. Гриневич в течение ряда лет вел курс истории первобытного общества и древней истории на историческом отделении вуза. В 1948/1949 учебном году помимо древней истории он осваивал курс средневековой истории, который с большим успехом читал на 2 курсе исторического факультета [УЦГА АС КБР. Ф. 582. Оп. 1. Д. 50. Л. 14]. На выпускном фото исторического факультета Кабардинского государственного пединститута 1948–1952 гг. К.Э. Гриневич – во втором ряду сверху, пятый слева (Рис. 1).

Рис. 1. XVI Выпуск Исторического факультета Кабардинского государственного пединститута. 1948-1952 гг. (Музей КБГУ).

Достаточно интенсивной в этот период была научно-исследовательская работа К.Э. Гриневича. Для намеченных к изданию «Ученых записок» пединститута он готовил статью «Новые работы по истории археологии Кабарды», собирал материал для работ «Скифо-сарматская культура Кабарды» и «Методика археологии» [УЦГА АС КБР. Ф. 582. Оп. 1. Д. 50. Л. 16 об. – 17].

Надо отметить, что с середины 1940-х все научные силы были брошены на написание истории республики и коренных народов ее населяющих. В этой связи отмечается большой интерес к историко-археологическому наследию, которое, по определению К.Э. Гриневича, «является показателем его древности». По оценке профессора, «в области кабардинской археологии имеется непочатый край интересной работы. Предыдущими исследованиями... были только намечены основные периоды развития общества на территории Кабарды со времени неолита». Гриневич был убежден в том, что к изучению археологических памятников республики, необходимо привлечь «нашу кабардинскую молодежь, которая учится на историческом факультете

Кабардинского педагогического института». Он говорил о том, что «многие юноши и девушки хотели бы стать в дальнейшем серьезными исследователями своего родного края, стать научными работниками в этой области». Поэтому с самого начала своей деятельности в Кабардинском пединституте Гриневич организовал студенческий научный историко-археологический кружок, целью которого стало путем углубленного изучения истории и археологии Кабарды подготовить к лету необходимое число участников полевых разведок и раскопок. Будучи опытным археологом и специалистом в области музейного дела К.Э. Гриневич считал, что к этой работе необходимо привлечь Кабардинский республиканский музей, как базу для камеральной обработки и экспозиции результатов экспедиционной работы. Кроме того, в археологических разысканиях должны принять участие антропологи, этнографы, лингвисты, исследователи фольклора, а также ученые других специальностей – почвоведы, палеоботаники, палеонтологи и геологи. Таким образом, в решении этой важнейшей задачи должны быть задействованы научные силы научно-исследовательского института и педагогического института с активом студенчества. «В результате такой целеустремленной работы строго планового характера, – заключал К.Э. Гриневич, – мы могли бы поставить изучение прошлого Кабарды на более высокую ступень, соединив эту работу с выращиванием молодых кадров кабардинцев – будущих самостоятельных исследователей своего родного края» [Гриневич 1948].

В характеристике, выданной директором пединститута в 1949 г., подчеркивается, что за время работы в КПГИ К.Э. Гриневич показал себя квалифицированным специалистом. Помимо учебных занятий он организовал научный студенческий археологический кружок, «который в течение 1948–1949 уч.г. работал по плану, разработанному проф. Гриневич К.Э., а в каникулярное время (июль месяц 1949 г.) по решению Совета Министров КАССР выехал на обследование городищ КАССР для составления археологической карты Республики. Экспедиция закончилась 21 июля. В институт доставлен богатый археологический материал, который находится в стадии обработки». Одновременно К.Э. Гриневич работал в научно-исследовательском институте республики, где возглавлял сектор археологии. Также в характеристике подчеркивалась его большая общественная работа. Он читал лекции в обкоме партии и выступал в печати со статьями об охране исторических памятников [ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2267. Л. 23 об.].

На Рис. 2. изображена группа Кабардинской археологической экспедиции перед выездом на работу в июне 1949 г. Константин Эдуардович Гриневич – крайний справа, его молодая супруга Валентина Николаевна Гриневич (также преподаватель кафедры всеобщей истории Кабардинского пединститута) – четвертая справа. Фотография хранится в фондах Музея истории Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина и опубликована С.В. Дьячковым [Дьячков 2017: 138].

ГРУППА ЭКСПЕДИЦИИ ПЕРЕД ВЫХОДОМ
НА РАБОТУ 20. 6. 49 г.

Рис. 2. Кабардинская археологическая экспедиция, июнь 1949 г. (Музей истории Харьковского национального университета).

Как обычно, К.Э. Гриневич работал очень результативно. Только за один сезон было обследовано 7 районов Кабарды, не подвергшихся ранее изучению [Гриневич 1949: 332]. Согласно его отчету, «экспедиция имела в основном разведочный характер, она состояла из трех отрядов: одного разведочного и двух для стационарных раскопок». За месяц было открыто и исследовано 55 новых археологических объектов, среди них 26 селищ и городищ, 7 пещер, 7 курганов, 10 каменных ящиков, 3 могилы и 2 менгира. Хронологически открытые памятники охватывают период от эпохи бронзы до средневековья. Особенно значительные материалы были получены для позднего этапа кобанской культуры [Гриневич 1950: 208–210].

Кабардинская археологическая экспедиция 1949 года являлась частью задуманного Кабардинским научно-исследовательским институтом обследования территории КАССР, в основном обследованию подверглись северные и западные части Кабарды. В 1951 г. материалы этой археологической экспедиции были уже обработаны и опубликованы [Гриневич 1951].

Только благодаря профессионализму и высокой трудоспособности К.Э. Гриневича кафедра всеобщей истории Кабардинского государственного пединститута попала в хронику научной жизни одного из ведущих научных журналов, где, в частности, сообщалось, что «в 1949/1950 учебном году

кафедра располагала двумя научными работниками в области древней истории: проф. К.Э. Гриневич и ассист. В.Н. Гриневич. Работа обоих велась в двух направлениях: во-первых, продолжалось изучение древностей Боспора, во-вторых, изучались древности Кабарды. Проф. Гриневич за это время написал два исследовательских этюда: 1) «О древнейшем названии Тмутаракани», 2) «Юз-Оба». Ассист. В.Н. Гриневич занималась подготовкой кандидатской диссертации на тему «Гермонасса» [Гриневич 1950: 207].

Работа К.Э. Гриневича «Юз-Оба» о Боспорском могильнике IV в. до н. э. была опубликована в сборнике «Археология и история Боспора» в 1952 г. [Гриневич 1952].

В автобиографии ученого сообщается, что в 1950 г. из-за «вредности климата Кабарды» он переехал на Украину. Навряд ли климат Кабарды заставил К.Э. Гриневича покинуть Кабардинский государственный пединститут и искать нового пристанища. В автобиографии, написанной в Нальчике и датированной 2 мая 1950 г. он, в частности, сообщает о своей плодотворной работе в пединституте и больших научных достижениях в этот период, и далеко неслучайно в заключение подчеркивает, что и в Томске, и в Нальчике состоял «лектором в Заочном отделении Высшей партийной школы при обкомах ВКП (б) и в этой должности утвержден ЦК ВКП (б)». [Автобиография... 1950]. Тогда же в июне 1950 г. по требованию НКВД была представлена характеристика на доктора исторических наук, профессора Гриневича Константина Эдуардовича, подписанная директором Кабардинского пединститута П.А. Лебедевым, в которой он отмечен только с положительной стороны: «к своим обязанностям относится добросовестно и четко, в лекциях и семинарских занятиях методологических ошибок замечено не было; пользуется уважением студентов...» [Характеристика от 17 июня 1950 г.]. Такую же благоприятную характеристику Гриневичу дал и директор Кабардинского научно-исследовательского института А.Т. Бичоев. «За время работы в институте профессор Гриневич показал себя как энергичный и эрудированный ученый с большим опытом археологической работы. В 1949 году он возглавил Кабардинскую археологическую экспедицию, организованную институтом. К IV сессии института в августе 1949 г. он организовал отчетную выставку результатов этой экспедиции и сделал отчетный доклад. Все материалы экспедиции, представляющие большую научную ценность, сданы им в институт. В экспедиции участвовали студенты Кабардинского пединститута – актив организованного им археологического кружка» [Характеристика от 19 июня 1950 г.]. Перечисленные выше документы отложились в Архиве Управления ФСБ РФ по Новосибирской области, куда были, вероятно, в свое время затребованы (Рис. 3, 4, 5)¹. Недавно они были рассекречены и размещены на сайте Томского Мемориального музея «Следственная тюрьма НКВД» вместе с Заключением в отношении Гриневича Константина Эдуардовича по

¹ Томский Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД»: сайт. URL: <https://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/grinevich-konstantin-eduardovich/> (дата обращения: 20.07.2021).

материалам уголовного дела от 23 апреля 1935 г. по обвинению в том, «что состоял в к/р фашистской группе, которая проводила антисоветскую агитацию, направленную на ослабление мощи Советского государства». Только в 1989 г., через много лет после смерти ученого было дано Заключение, что Гриневич Константин Эдуардович подпадает под действие ст. I Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в 30–40-х и начале 50-х годов» [Заключение от 21 марта 1989 г.].

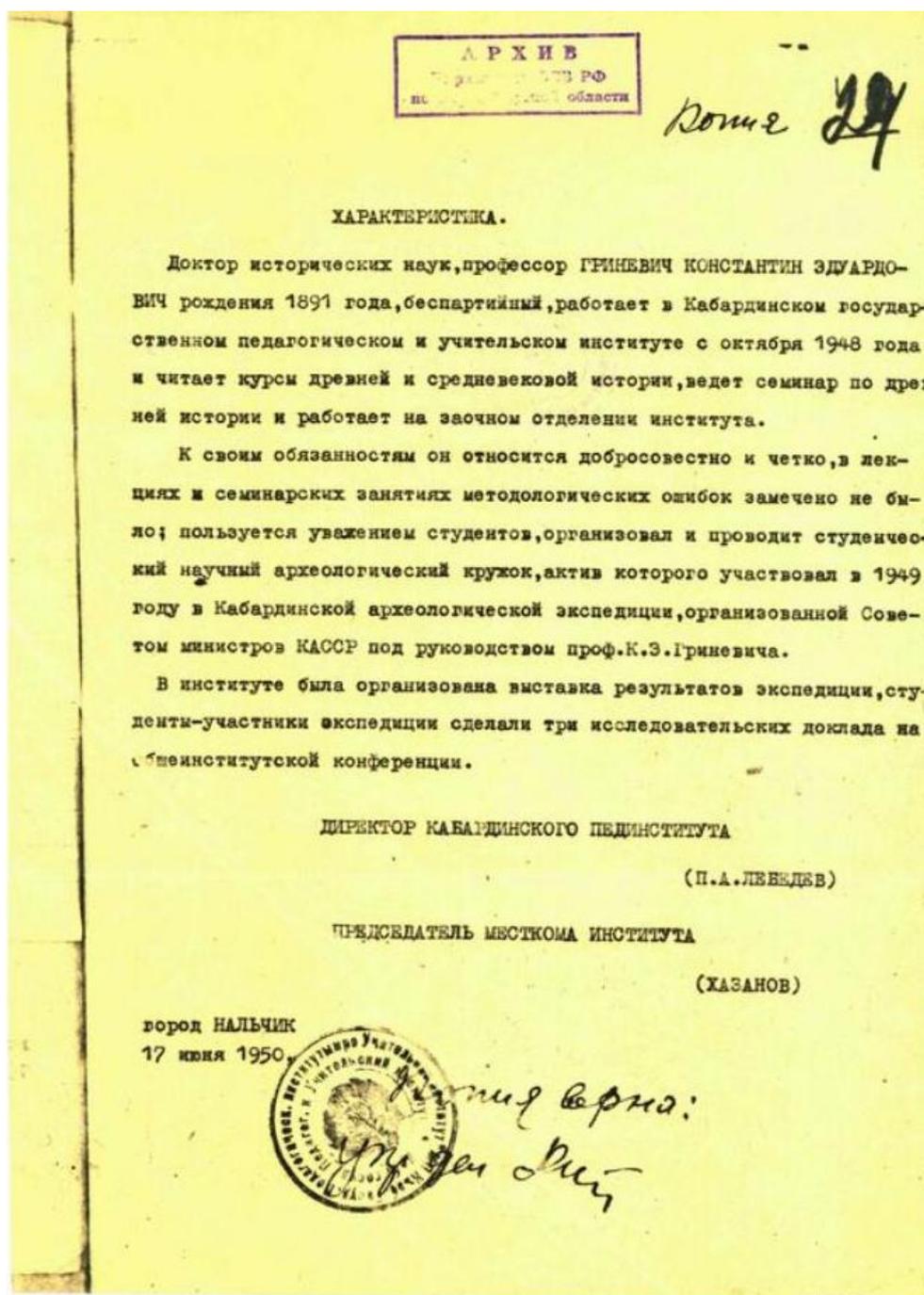

Рис. 3. Характеристика К.Э. Гриневича от 17 июня 1950 г., выданная руководством Кабардинского государственного пединститута.

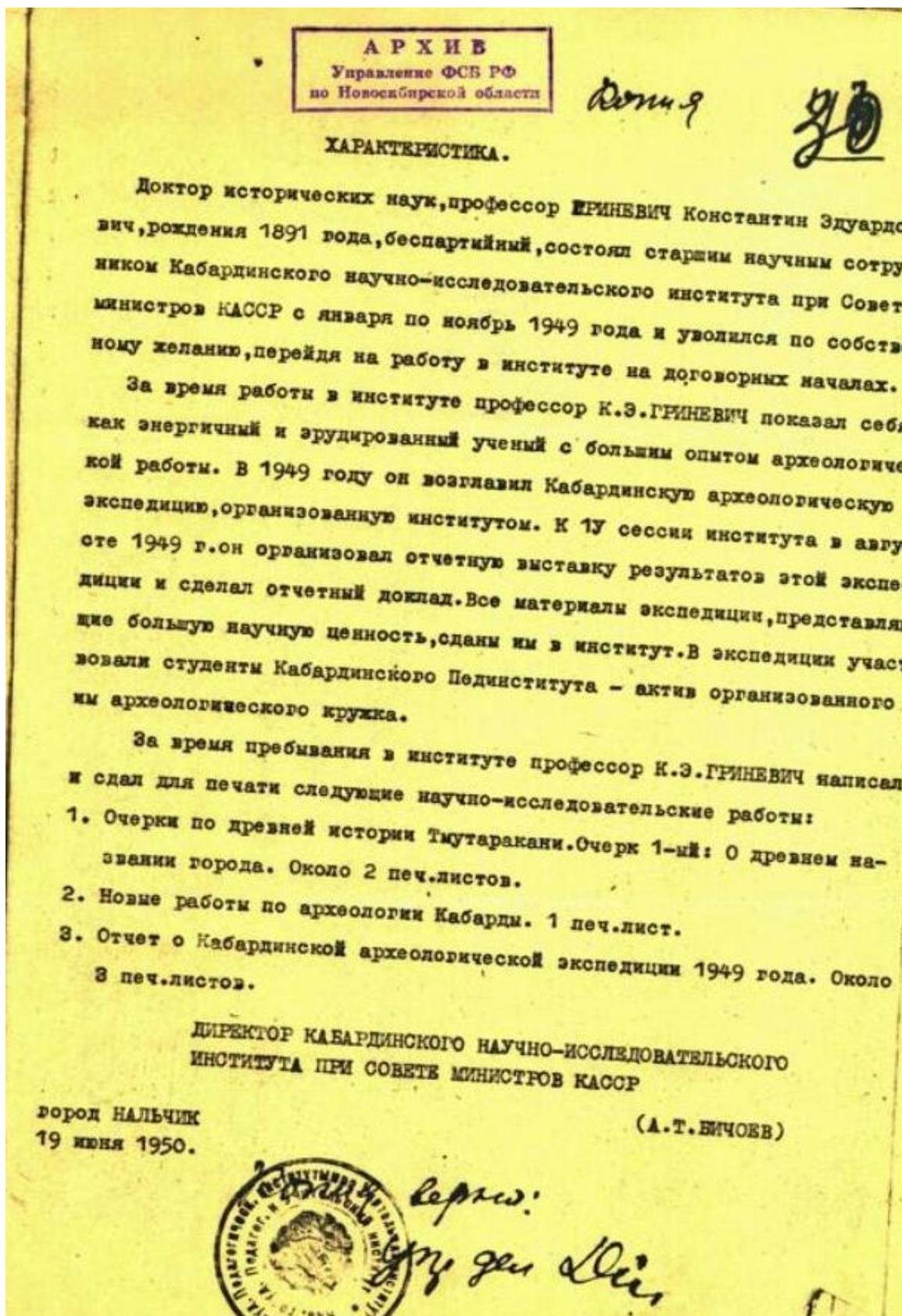

Рис. 4. Характеристика К.Э. Гриневи́ча от 19 июня 1950 г., выданная директором Кабардинского научно-исследовательского института.

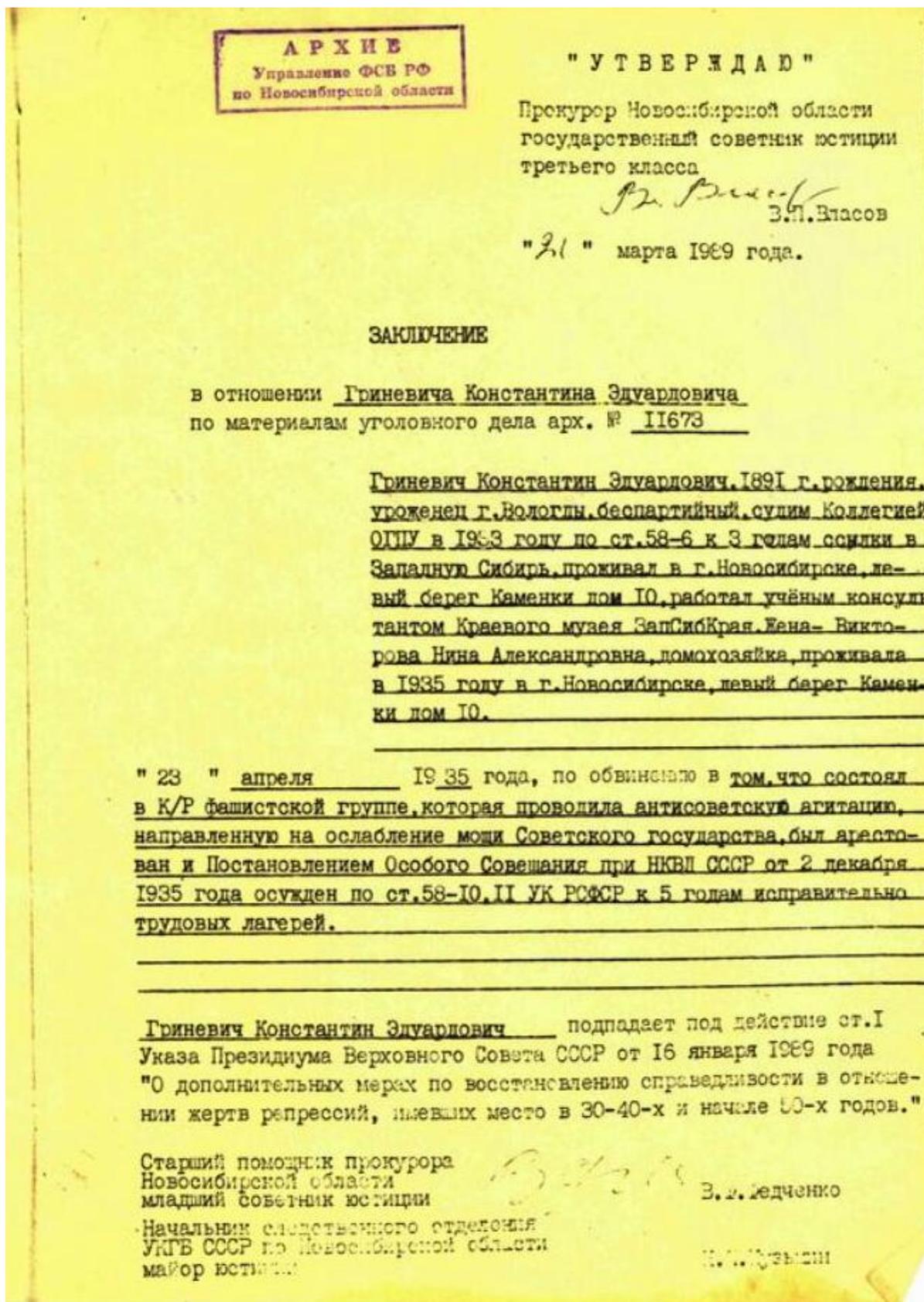

Рис. 5. Заключение по материалам дела в отношении К.Э. Гриневича от 21 марта 1989 г.

Сегодня можно только предполагать, что профессор К.Э. Гриневич в годы работы в Нальчике все время находился под пристальным контролем соответствующих органов МГБ СССР. О непростой обстановке на историческом отделении Кабардинского пединститута в 1948–1950 гг. свидетельствуют и воспоминания бывшего преподавателя кафедры истории СССР Евгении Джамурзовны Налоевой, которая в мае 1950 г. сама была арестована по политической статье «антисоветская агитация» и приговорена к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. В своих воспоминаниях Е.Дж. Налоева подробно рассказывает о трудовых буднях пединститута, и эти воспоминания поразительно точно совпадают со сведениями из отчетной документации вуза. Некоторые имена ускользают из ее памяти, однако из контекста понятно, о ком идет речь. Так, вспоминая о К.Э. Гриневиче, она записала: «...Меня спрашивают за профессора. Боже мой, добрый такой, хороший профессор... Как же была его фамилия? Древнюю историю читал. «Я никогда не слышала, чтобы он вел антисоветчину. Разве со мной можно было вести антисоветскую пропаганду?» [Налоева 2018: 169]. Возможно, развернувшаяся в пединституте кампания по «борьбе с космополитизмом» и усиление контроля за «благонадежностью» преподавательского состава в конце 1940-х гг. вызвали у органов МГБ КАССР подозрения в адрес К.Э. Гриневича [Ортанова 2021]. О деталях его увольнения из Кабардинского пединститута пока ничего неизвестно.

В 1950 г. К.Э. Гриневич переехал на Украину. До сентября 1953 г. он работал заведующим кафедрой всеобщей истории в Нежинском государственном пединституте имени Н.В. Гоголя. После смерти И. Сталина в 1953 г. К.Э. Гриневич вместе с семьей вернулся, наконец, в родной Харьков, где был объявлен конкурс на должность заведующего кафедрой истории древнего мира и археологии на историческом факультете Харьковского государственного университета имени А.М. Горького [Дьячков, Ручинская 2016: 187].

За два года работы в Кабардинском пединституте (1948-1950) Константин Эдуардович Гриневич сделал очень много для становления высшего профессионального образования в республике. Было положено начало археологической подготовке выпускников исторического отделения, из которых потом сформировалась целая плеяда советских археологов Кабардино-Балкарии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Автобиография... 1950 – *Автобиография* К.Э. Гриневича, написанная в 1950 г. [Электронный ресурс] // Томский Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД»: сайт. URL: <https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/DOCUMENTS/MATIROLOG/GrineviczKE/Grinevich-avtobtografiya.pdf> (дата обращения: 20.07.2021).

Асанова 2012 – *Асанова У.К.* Экспедиционная деятельность государственного Херсонесского историко-археологического музея (20–30-е гг. XX в.): по материалам архивов Санкт-Петербурга и Москвы // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2012. – Т. 25 (64). – № 2. – С. 51–71.

- Гриневич 1948 – *Гриневич К.* Подготовим кадры археологов // Кабардинская правда. – 1948. – 27 ноября.
- Гриневич 1949 – *Гриневич К.Э.* Кабардинская археологическая экспедиция 1949 г. // Ученые записки Кабардинского института. – Нальчик, 1949. – Т. 5. – С. 332.
- Гриневич 1950 – *Гриневич К.Э.* Кабардинский ГПИ // Вестник древней истории. – 1950. – № 4. – С. 207–210.
- Гриневич 1951 – *Гриневич К.Э.* Новые данные по археологии Кабарды // Материалы и исследования по археологии СССР. № 23. Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. – М.; Л.: АН СССР, 1951. – С. 125–139.
- Гриневич 1952 – *Гриневич К.Э.* Юз-Оба: (Боспорский могильник IV в. до н. э.) // Археология и история Боспора: сборник статей. – Симферополь, 1952. – Т. 1. – С. 129–147.
- Гриневич... 2019 – *Гриневич Константин Эдуардович.* Последнее изменение страницы: 30 марта 2019 [Электронный ресурс] // Электронная энциклопедия Томского государственного университета: сайт. URL: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Гриневич,_Константин_Эдуардович (дата обращения: 20.07.2021).
- Дьячков 2017 – *Дьячков С.В.* Профессор К.Э. Гриневич: после Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. – 2017. – № 49. – С. 137–141.
- Дьячков, Ручинская 2016 – *Дьячков С.В., Ручинская О.А.* Константин Эдуардович Гриневич (1891–1970). Страницы биографии // Древности. – 2016. – Вып. 14. – С. 178–198.
- Заключение от 21 марта 1989 г. – *Заключение* по материалам уголовного дела в отношении К.Э. Гриневича от 21 марта 1989 г. [Электронный ресурс] // Томский Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД»: сайт. URL: <https://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/grinevich-konstantin-eduardovich/> (дата обращения: 20.07.2021).
- Кадеев 1992 – *Кадеев В.И.* К.Э. Гриневич как ученый // Вестник Харьковского университета. – 1992. – № 362: История. – Вып. 25. – С. 129–134.
- Латышева 2004 – *Латышева В.А.* К.Э. Гриневич как археолог // Древности, 2004: Харьковский историко-археологический ежегодник. – Харьков, 2004. – С. 284–295.
- Муратова 2017 – *Муратова Е.Г.* У истоков подготовки археологов в Кабардино-Балкарском государственном университете // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): сборник статей: в 2 т. Т. 1. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2017. – С. 180–185.
- Муратова, Ортанова 2017 – *Муратова Е.Г., Ортанова Ю.А.* Вузовское историческое образование в Кабардино-Балкарии: начальный этап становления (1934–1953) // Электронный журнал «Кавказология». – 2017. – № 3. – С. 97–119. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-3-97-119>
- Налоева 2018 – *Налоева Е.Д.* Наука быть Человеком (Воспоминания, переписка, документы) / Сост. А.С. Мирзоев. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2018. – 720 с.
- Непомнящий 2016 – *Непомнящий А.А.* «Я собираюсь приват-доцентствовать в Таврическом университете»: К. Э. Гриневич в Крыму (1919–1921) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». – 2016. – Т. 3 (69). – № 2. – С. 111–122.
- Непомнящий 2018 – *Непомнящий А.А.* Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе: из истории коммуникаций в крымоведении // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2018. – Т. 4 (70). – № 1. – С. 33–53.
- Ортанова 2021 – *Ортанова Ю.А.* Историческое образование в Кабардинском государственном пединституте в условиях идеологических кампаний послевоенного сталинизма (1946–1953) // Научная мысль Кавказа. – 2021. – № 1 (105). – С. 87–93.

Папков 2019 – Папков С.А. «Дело» работников Новосибирского краевого музея (1935 г.) // Исторический курьер. – 2019. – № 1 (3). – Статья 3. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-03.pdf> (дата обращения: 20.07.2021)

Севастьянов 2010 – Севастьянов А.В. Изучая древность и сохраняя память: проблемы истории материальной культуры и охраны памятников в научном наследии членов Российского общества по изучению Крыма (1922–1932) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Исторические науки». – 2010. – Т. 23 (62). – № 1: спецвыпуск «История Украины». – С. 168–179.

Хаминов 2015 – Хаминов Д.В. Историческая наука и историки тыла в экстремальных условиях военного времени (на примере Сибири 1941–1945 гг.) // Русин. – 2015. – № 2 (40). – С. 210–226.

Хаминов 2017 – Хаминов Д.В. Томские историки в горниле послевоенных идеологических кампаний // Новый исторический вестник. – 2017. – № 3 (53). – С. 128–145.

Характеристика от 17 июня 1950 г. – Характеристика К.Э. Гриневича от 17 июня 1950 г., выданная руководством Кабардинского государственного пединститута [Электронный ресурс] // Томский Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД»: сайт. URL: <https://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/grinevich-konstantin-eduardovich/> (дата обращения: 20.07.2021).

Характеристика от 19 июня 1950 г. – Характеристика К.Э. Гриневича от 19 июня 1950 г., выданная директором Кабардинского научно-исследовательского института [Электронный ресурс] // Томский Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД»: сайт. URL: <https://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/grinevich-konstantin-eduardovich/> (дата обращения: 20.07.2021).

УЦГА АС КБР – Управление центрального государственного архива архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

ЦДНИ КБР – Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики.

REFERENCES

ASANOVA U.K. *Ekspeditsionnaya deyatel'nost' gosudarstvennogo Khersonesskogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya (20–30-e gg. XX v.): po materialam arkhivov Sankt-Peterburga i Moskvy* [Expeditionary activities of the State Chersonesos Museum of History and Archeology (20–30s of the XX century): based on materials from the archives of St. Petersburg and Moscow]. IN: *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki»* [Scientific Notes of the Tavricheskiy National University named after V.I. Vernadsky. Series "Historical Sciences"]. – 2012. – Vol. 25 (64). – No. 2. – P. 51–71. (In Russian)

Avtobiografiya K.E. Grinevicha, napisannaya v 1950 g. [Autobiography of K.E. Grinevich, written in]. IN: Tomsk Memorial Museum "Investigative Prison of the NKVD": website. URL: <https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/DOCUMENTS/MATIROLOG/GrineviczKE/Grinevich-avtobiografiya.pdf> (date of access: 20.07.2021). (In Russian)

D'YACHKOV S.V. *Professor K.E. Grinevich: posle Sibiri* [Professor K.E. Grinevich: after Siberia]. IN: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. History]. – 2017. – No. 49. – P. 137–141. (In Russian)

D'YACHKOV S.V., RUCHINSKAYA O.A. *Konstantin Eduardovich Grinevich (1891–1970). Stranitsy biografii* [Konstantin Eduardovich Grinevich (1891–1970). Pages of biography]. IN: *Drevnosti* [Antiquities]. – 2016. – Issue. 14. – P. 178–198. (In Russian)

GRINEVICH K. *Podgotovim kadry arkheologov* [We will train personnel of archaeologists]. IN: *Kabardinskaya pravda*. – 1948. – November 27. (In Russian)

GRINEVICH K.E. *Kabardinskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya 1949 g.* [Kabardian Archaeological Expedition 1949]. IN: *Uchenye zapiski Kabardinskogo instituta* [Scientific Notes of the Kabardian Institute]. – Nalchik, 1949. – Vol. 5. (In Russian)

GRINEVICH K.E. *Kabardinskii GPI* [Kabardian State Pedagogical Institute]. IN: *Vestnik drevnei istorii* [Bulletin of Ancient History]. – 1950. – No. 4. – P. 207–210. (In Russian)

GRINEVICH K.E. *Novye dannye po arkheologii Kabardy* [New data on the archeology of Kabarda]. IN: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. № 23. Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and research on the archeology of the USSR. No. 23. Materials and research on the archeology of the North Caucasus]. – M.; L.: AN SSSR, 1951. – P.125–139. (In Russian)

GRINEVICH K.E. *Yuz-Oba: (Bosporskii mogil'nik IV v. do n. e.)* [Yuz-Oba: (Bosporus burial ground of the 4th century BC)]. IN: *Arkheologiya i istoriya Bospora: sbornik statei.* [Archeology and history of the Bosporus: collection of articles]. – Simferopol, 1952. – Vol. 1. – P. 129–147. (In Russian)

Grinevich Konstantin Eduardovich. IN: Electronic encyclopedia of Tomsk State University: website. URL: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Grinevich,_Konstantin_Eduardovich (date of access: 20.07.2021). (In Russian)

KADEEV V.I. *K.E. Grinevich kak uchënyi* [K.E. Grinevich as a scientist]. IN: *Vestnik Khar'kovskogo universiteta* [Bulletin of Kharkov University]. – 1992. – No. 362: History. – Issue 25. – P. 129–134. (In Russian)

KHAMINOV D.V. *Istoricheskaya nauka i istoriki tyła v ekstremal'nykh usloviyakh voennogo vremeni (na primere Sibiri 1941–1945 gg.)* [Historical science and historians of the home front in extreme wartime conditions (on the example of Siberia, 1941–1945)]. IN: *Rusin.* – 2015. – No. 2 (40). – P. 210–226. (In Russian)

KHAMINOV D.V. *Tomskie istoriki v gornile poslevoennykh ideologicheskikh kampanii* [Tomsk historians in the crucible of post-war ideological campaigns]. IN: *Novyi istoricheskii vestnik* [New historical bulletin]. – 2017. – No. (53). – P. 128–145. (In Russian)

Kharakteristika K.E. Grinevicha ot 17 iyunya 1950 g., vydannaya rukovodstvom Kabardinskogo gosudarstvennogo pedinstitutu [Characteristic of K.E. Grinevich dated June 17, 1950, issued by the director of the Kabardian State Pedagogical Institute]. IN: Tomsk Memorial Museum "Investigative Prison of the NKVD". URL: <https://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/grinevich-konstantin-eduardovich/> (date of access: 20.07.2021). (In Russian)

Kharakteristika K.E. Grinevicha ot 19 iyunya 1950 g., vydannaya direktorom Kabardinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta [Characteristic of K.E. Grinevich dated June 19, 1950, issued by the director of the Kabardian Research Institute]. IN: Tomsk Memorial Museum "Investigative Prison of the NKVD". URL: <https://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/grinevich-konstantin-eduardovich/> (date of access: 20.07.2021). (In Russian)

LATYSHEVA V.A. *K.E. Grinevich kak arkheolog* [Grinevich as an archaeologist]. IN: *Drevnosti, 2004: Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik.* [Antiquities, 2004: Kharkov Historical and Archaeological Yearbook]. – Kharkov, 2004. – P. 284–295. (In Russian)

MURATOVA E.G. *U istokov podgotovki arkheologov v Kabardino-Balkarskom gosudarstvennom universitete* [At the origins of the training of archaeologists at the Kabardino-Balkar State University]. IN: *Paradigmy universitetskoi istorii i perspektivy universitetologii (k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ul'yanova): sbornik statei: v 2 t. T. 1* [Paradigms of university history and prospects of university studies (To the 50th anniversary of the Chuvash State University named after I.N. Ulyanov): Collection of articles: In 2 vols. Vol. 1]. – Cheboksary: Izdat. dom «Sreda», 2017. – P. 180–185. (In Russian)

MURATOVA E.G., ORTANOVA Yu.A. *Vuzovskoe istoricheskoe obrazovanie v Kabardino-Balkarii: nachal'nyi etap stanovleniya (1934–1953)* [Higher historical education in Kabardino-Balkaria: Initial stage of formation (1934–1953)]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya».* – 2017. – No. 3. – P. 97–119. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-3-97-119> (In Russian)

NALOEVA E.D. *Nauka byt' Chelovekom (Vospominaniya, perepiska, dokumenty) / Sost. A.S. Mirzoev* [The Science of Being Human (Memories, Correspondence, Documents) / Comp. by A.S. Mirzoev]. – Nalchik: ООО «Pechatnyi dvor», 2018. – 720 p. (In Russian)

NEPOMNYASHCHII A. A. «*Ya sobirayus' privat-dotsentstvovat' v Tavricheskom universitete*»: K. E. Grinevich v Krymu (1919–1921) [“I'm going to be a lecturer at the Tavricheskiy University”: K.E. Grinevich in the Crimea (1919–1921)]. IN: *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser.: «Istoricheskie nauki»* [Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Series "Historical Sciences"]. – 2016. – Vol. 3 (69). – No. 2. – P. 111–122. (In Russian)

NEPOMNYASHCHII A.A. *Vtoraya konferentsiya arkheologov SSSR v Khersonese: iz istorii kommunikatsii v krymovedenii* [The second conference of archaeologists of the USSR in Chersonesos: from the history of communications in Crimean studies]. IN: *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki»*. [Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Series "Historical Sciences"]. – 2018. – Vol. 4 (70). – No. 1. – P. 33–53. (In Russian)

ORTANOVA Yu.A. *Istoricheskoe obrazovanie v Kabardinskom gosudarstvennom pedinstitute v usloviyakh ideologicheskikh kampanii poslevoennogo stalinizma (1946–1953)* [Historical education at the Kabardian State Pedagogical Institute under the conditions of the ideological campaigns of post-war Stalinism (1946–1953)]. IN: *Naučnaâ mysl' Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus]. – 2021. – No. 1 (105). – P. 87–93. (In Russian)

PAPKOV S.A. «*Delo*» *rabotnikov Novosibirskogo kraevogo muzeya (1935 g.)* ["Case" of the workers of the Novosibirsk Regional Museum (1935)]. IN: *Istoricheskii kur'er* [Historical Courier]. – 2019. – No. 1 (3). – Article 3. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-03.pdf> (date of access: 20.07.2021).

SEVAST'YANOV A.V. *Izuchaya drevnost' i sokhranyaya pamyat': problemy istorii material'noi kul'tury i okhrany pamyatnikov v nauchnom nasledii chlenov Rossiiskogo obshchestva po izucheniyu Kryma (1922–1932)* [Studying antiquity and preserving memory: the problems of the history of material culture and the protection of monuments in the scientific heritage of the members of the Russian Society for the Study of Crimea (1922–1932)]. IN: *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo Seriya «Istoricheskie nauki»* [Scientific Notes of the Tavricheskiy National University by V.I. Vernadsky. Series: "Historical Sciences"]. – 2010. – Vol. 23 (62). – No. 1: Special issue «History of Ukraine». – P. 168–179. (In Russian)

Zaklyuchenie po materialam ugolovnoogo dela v otnoshenii K.E. Grinevicha ot 21 marta 1989 g. [Conclusion on the materials of the criminal case against K.E. Grinevich dated March 21, 1989]. IN: Tomsk Memorial Museum "Investigative Prison of the NKVD": website. URL: <https://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/grinevich-konstantin-eduardovich/> (date of access: 20.07.2021). (In Russian)

TsDNI KBR – *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Center for Documentation of the Contemporary History of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

UTsGA AS KBR – *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Administration of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КAVKAZA

УДК 821.512.142.0

DOI 10.31143/2542-212X-2021-3-206-218

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ГОРСКИХ РЕАЛИЙ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ
ПУБЛИЦИСТИКЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ
НАЧАЛА XX ВЕКА: ОЧЕРКИ МИСОСТА АБАЕВА****Т.Ш. БИТТИРОВА**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр РАН»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: tbittirova@mail.ru*

Т.С. ИЗМАЙЛОВА

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный научный
центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
ЧПОУ «Колледж экономики и права»
386101, Респ. Ингушетия, г. Назрань, ул. Победы, 79
E-mail: tanzila-izm@mail.ru*

Аннотация. Предлагаемая статья представляет собой анализ русскоязычного творческого наследия карачаево-балкарского общественного деятеля Мисоста Абаева, публицистика которого знакомила российского читателя с жизнью горского общества в период его интеграции в Российскую империю, а также содержала исторический экскурс в прошлое народа, рассказывала о его быте, культуре, мировоззрении. Автор останавливается на изучении ряда актуальных тем, раскрытых публицистом в кавказской периодике, на предлагаемых им решениях острых вопросов социального характера. Основные темы публикаций М. Абаева были созвучны идеям северокавказских прогрессивных деятелей рубежа веков, статьи и очерки автора освещали социально-экономические проблемы и запросы общества на обновление культуры через просвещение. Представлены результаты анализа опытов создания М. Абаевым художественных текстов (рассказы «Горская легенда», «У могилы Ислама», некрологе-эссе), где публицист явил еще один аспект своего творчества – яркую индивидуальность рассказчика. Творчество М. Абаева впервые рассматривается в контексте народовольческих идей, распространившихся на Кавказе в последней четверти XIX века, влияние этих идей на состояние горского социума.

Ключевые слова: Мисост Абаев; публицистика; северокавказское просветительство; балкарцы; карачаевцы.

**CONSTRUCTION OF MOUNTAIN REALITIES IN THE RUSSIAN-
LANGUAGE PUBLICIST WRITINGS OF THE KARACHAY-BALKAR
ENLIGHTENERS OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY: ESSAYS BY
MISOST ABAEV**

T.Sh. BITTIROVA

*Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budget Scientific Establishment
«Federal Scientific Center 'Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of
Sciences'»*

360000, KBR, Nalchik, Pushkina st., 18

E-mail: tbittirova@mail.ru

T.S. IZMAILOVA

*Federal State Budget Scientific Establishment «Federal Scientific Center 'Kabardino-Balkarian
Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»*

360000, KBR, Nalchik, Pushkina st., 18

PPEI «College of Economics and Law»

386101, Rep. Ingushetia, Nazran, st. Victory, 79

E-mail: tanzila-izm@mail.ru

Abstract. The proposed article is an analysis of the Russian-language creative heritage of the Karachay-Balkar public figure Misost Abaev, whose publicism introduced the Russian reader to the life of the mountain society during its integration into the Russian Empire, and also contained a historical excursion into the past of the people, told about their life, culture, and worldview. The author focuses on the study of a number of topical topics revealed by the publicist in the Caucasian periodicals, on the solutions he offers to acute social issues. The main topics of M.'s publications Abaev's articles and essays were in tune with the ideas of the North Caucasian progressive figures of the turn of the century, the author's articles and essays covered socio-economic problems and society's requests for the renewal of culture through education. The article presents the results of the analysis of the experiments of M. Abaev's creation of literary texts (stories "Mountain Legend", "At the grave of Islam", obituary-essay), where the publicist revealed another aspect of his work – the bright personality of the narrator. The work of M. Abaev is first considered in the context of popular ideas that spread in the Caucasus in the last quarter of the XIX century, the influence of these ideas on the state of mountain society.

Keywords: Misost Abaev; publicism; North Caucasian enlightenment; Balkars; Karachays.

Русскоязычное творчество карачаево-балкарских публицистов, как наследие и других национальных авторов Северного Кавказа, уже несколько десятилетий входит в круг проблем, интересующих представителей различных гуманитарных наук: истории, литературоведения, философии, социологии, культурологии, социолингвистики. Данный феномен часто рассматривают как факт национальной культуры, несмотря на то, что языком творчества авторами намеренно был выбран русский. Русский язык к концу XIX века стал рабочим языком для органов власти Нальчикского округа. На русском языке начали составляться официальные и частные документы и вскоре на базе русского языка зародилась, названная исследователями просветительской, литература.

Горцы сознательно выбирали русский язык для обучения детей, несмотря на то, что в основной своей массе они были мусульмане: «стремление туземцев к обучению своих детей русскому языку весьма ясно показывает, что они вполне сознали превосходство русской цивилизации, и желание усвоить ее пересиливает даже религиозное предубеждение к русским, как к иноверцам», – подчеркивал один из первых исследователей творчества северокавказских публицистов досоветского периода [Туркаев 1987: 77].

Определяя базисные основы творчества первого русскоязычного ингушского автора, этнографа и публициста Чаха Эльмурзиевича Ахриева, Т. Измайлова подчеркивает главный мировоззренческий аспект его творчества, на чем он строил свои идеологические и творческие принципы: «приобщение ингушей к русской и европейской культуре осуществимо лишь тогда, когда происходит близкое знакомство с особенностями их миропонимания» [Измайлова 2019: 95]. И такое понимание возможно было только при изучении, распространении этой культуры.

Одновременно Ч. Ахриев рассуждает о путях приобщения к русской культур: «Туземцы могут симпатизировать учебным заведениям тогда, когда общий характер их деятельности будет соответствовать местным требованиям. Кроме того, начальные школы не только приносят знания школьникам, но они также «вносят русский элемент в ингушский народ» [Ахриев 2000: 98].

Надо отметить, что к концу XIX века северокавказская публицистика накопила определенный художественный опыт и выработала эстетические критерии жанра этнографического очерка, который стал основным в корпусе публикаций северокавказских авторов начала XX века. Важнейшим архетипом в структуре этнографического очерка было стремление выявить этнические черты народа в сравнении с соседними народами, определить характер их взаимоотношений в так называемый «неисторический период».

Публикации национальных авторов в предписанный период – рубеж XX–XIX века носят ознакомительный характер как для читателей, так и для самих авторов, поскольку они реализовывали в них свой личный опыт восприятия русской культуры. К. Хетагуров, Ш. Ногмов, Д. Шихалиев, А. Казембек, М. Османов, Г. Алкадари, Ч. Ахриев, А. Колиев, А. Базоркин, Б. Шаханов и др. заложили основу новой культурной ситуации, синтезировав в своем творчестве национальные художественные традиции и традиции русской литературы.

Карачаево-балкарская художественная публицистика – порождение новых исторических реалий, когда Балкария и Карачай вошли в состав Российской империи и со второй половины XIX века в них начались активные интеграционные процессы. Первыми публицистами были молодые горцы, как правило дети высшего горского сословия – таубиев (таубий – горский князь), обучавшиеся в аманатских школах при русских крепостях. Это – сыновья известного общественного деятеля Исмаила Мырзакуловича Урусбиева – Сафарали и Науруз, его племянник Ислам Крымшамхалов, Мисост Абаев, Басият Шаханов, Ислам Хубиев и др. Они впоследствии получили образование в средних и высших учебных заведениях России и как публицисты своей целью

ставили знакомство российского читателя с историей, бытом, духовной культурой балкарцев и карачаевцев. Их произведения написаны на русском языке, ибо в тот исторический период, как и у всех народов Северного Кавказа, у балкарцев и карачаевцев не было собственной общенациональной письменности.

Художественная публицистика карачаево-балкарцев интересна с позиций сегодняшнего дня не только кругом проблем, поставленных в них, но и как факт истории национальной культуры. В произведениях русскоязычных публицистов Сафарали и Науруза Урусбиевых, Ислама Крымшамхалова, Мисоста Абаева, Хызыра Халилова, Иммолата Хубиева, Ильяса Байрамукова, Наны Токова, Басията Шаханова, Исмаила Акбаева, Фатимы и Исмаила Абаевых, Ислам Хубиева и др., живших и творивших в конце XIX века – в первой четверти XX, зафиксировано не только их мировоззрение, но и состояние национального художественного сознания.

Письменность и вслед за ней литературный процесс зародились в регионе после установления Советской власти. До этого периода авторские произведения существовали в устной передаче или рукописных книгах – дефтерах, которые имели ограниченный круг читателей [Биттирова 2016]. За редким исключением подобная форма передачи литературных традиций не могла быть эффективной и требовала своего развития.

Только благодаря тому, что карачаево-балкарские деятели светской культуры печатали свои произведения в российской периодике, в фондах библиотек стран СНГ, отчасти в архивах, сохранились газеты и журналы, где опубликованы их статьи, очерки, рассказы, эссе, фрагменты из литературных произведений. Сегодняшний читатель имеет возможность ознакомиться с ними и составить представление об их первых творческих опытах. Большею частью – это публицистика, хотя встречаются и отдельные художественные этюды.

Произведения карачаево-балкарских авторов на русском языке предназначались для русскоязычных читателей, как на Кавказе, так и в других регионах. Таким образом, значительно расширилась аудитория, и это обстоятельство сыграло важную роль в освещении различных сторон жизни народа и постановке социально значимых проблем.

Проблемы, волновавшие карачаево-балкарских публицистов, как ярких представителей просветительства, интересны не только с точки зрения определения их мировоззренческих позиций, но и тем, что во многом не потеряли своей актуальности и через сто лет, ибо они поднимали общегуманистические проблемы, пытаясь найти ответ на многие вопросы современной им действительности. Антитетические категории «добра и зла», «света и тьмы», «свободы и воли», на которые ориентирована была карачаево-балкарская публицистика конца XIX века, являясь непреходящими, позволяют судить об идейной направленности большинства авторских художественных произведений.

Необходимо отметить, что творчество первой плеяды карачаево-балкарских публицистов звучало в унисон северокавказской публицистике той эпохи, но имело свое неповторимое лицо, достаточно самостоятельное, чтобы

говорить о национальной самобытности авторов. Это и идейно-эстетические истоки публицистики, определившие в свою очередь тематику и характер художественного анализа, и отражение повседневной жизни народа, и выбор выразительных средств... Жанр, в котором творили карачаево-балкарские публицисты, можно определить, как художественную публицистику и в частности – этнографический очерк. В этом жанре написано большинство произведений карачаево-балкарских публицистов, хотя встречаются и очерки аналитического характера, небольшие статьи и корреспонденции.

Историк, просветитель, общественный деятель Северного Кавказа последней четверти XIX – начала XX века Мисост Кучукович Абаев широко известен, прежде всего, как автор первого исследования по истории Балкарии – историко-этнографического очерка «Балкария» [Биттирова, Сабанчиев 2017: 35–122].

Публицистика М. Абаева, ярко отразившая процессы адаптации горского общества к условиям жизни в империи, привлекала внимание дореволюционных историков, этнографов, педагогов начала 20 века широким охватом социальных и этнокультурных проблем, четкой постановкой вопросов, ждущих незамедлительного ответа, предлагаемыми решениями. К его творчеству апеллировали в своих аналитических статьях современные М. Абаеву авторы. Отдельные сведения об общественной деятельности М. Абаева появились на страницах кавказской периодической печати еще в начале XX-го столетия [Кубанец 1906; Кудашев 1913: 233–280]. Представляет большой интерес и сообщение К.А. Сатунина о ценной коллекции М. Абаева по этнографии Карачая и Балкарии, которую он передал Кавказскому музею в Тифлисе [Сатунин 1908]. После установления Советской власти творчество М.К. Абаева было предано забвению на многие десятилетия, к нему стали обращаться лишь с 80-х годов XX века все, кто интересовался карачаево-балкарской историей и этнографией, художественной публицистикой.

В кавказской прессе рубежа веков увидели свет публикации М. Абаева «Наши миротворцы», «Калым и его последствия», «Интересный документ», «Горские школы», «Открытие Панежукаевского училища», «О горских школах», «Горцам Северного Кавказа», «Большой вопрос», «Кабарда проснулась», «В погоне за славой и пятачком», «О калыме» и др., в которых дается достоверная картина современной автору действительности. Мисост Абаев относится к плеяде литераторов, чья творческая биография была неразрывно связана с их общественной деятельностью. Данное обстоятельство позволяло быть в курсе задач, стоявших перед первой светской интеллигенцией и необходимость решения которых было очевидна.

В начале своей публикационной деятельности М. Абаев рассказывает о различных фактах из аульной жизни, о тех явлениях, которые представляли бы определенный интерес для любознательного читателя. Представляют интерес его корреспонденции о находке эпитафического памятника в Хуламе («Интересный документ»), о некоторых особенностях обычного права балкарцев («Наши миротворцы», «Калым и его последствия»). Со временем в публицистике М. Абаева на первый план выступают уже не ее «интересные»

детали, а вопросы социального характера. Содержание и идеи статей и очерков М. Абаева характеризуют его самого как просветителя, стоящего на позициях активного народничества, это, в первую очередь – серия статей об аграрных вопросах, посвященная положению безземельных и малоземельных крестьян. Данная направленность творчества была обусловлена, несомненно, и судьбой самого автора. В молодости, обучаясь во Владикавказской гимназии, М. Абаев был увлечен идеями народолюбцев, и стал активным членом созданного в 1874 г. «Владикавказского кружка революционных народников». Через два года, привлечаясь по «Тифлисскому делу за революционную пропаганду в Тифлисской и Кутаисской губерниях», но за недостатком улик был освобожден [Деятели... 1929: 1 стб.].

Вторая по важности тема статей М. Абаева – вопросы просвещения. Он постоянно пишет о необходимости открытия начальных школ в аулах, а также сельскохозяйственных школ и училищ в регионе. Почти во всех публикациях М. Абаева в той или иной мере затрагивается тема школьного образования.

Помимо своей публикационной деятельности, М. Абаев, занимая ответственные посты в администрации Терской и Кубанской областей, оказал большое практическое содействие открытию школ и училищ в аулах Карачая, Балкарии, Черкесии, Адыгеи. Серия статей («Горцам Северного Кавказа», «Кабарда проснулась», «Открытие Панежукаевского училища», «О горских школах»), опубликованных в газете «Кубанские областные ведомости», непосредственно посвящены разъяснению роли школы в жизни народов Северного Кавказа. «Исправить нравы – уничтожить кражи, разбои, увозы девушек и т. п. – административными мерами и вообще репрессиями невозможно и умиротворить край и, исправить нравы может только одно образование и воспитание...», – писал М. Абаев, размышляя над социальными проблемами народов Северного Кавказа.

Улучшение материального положения горцев, поднятие их общей культуры М. Абаев, как и другие карачаево-балкарские просветители конца XIX – нач. XX вв., представлял через распространение среди них светского образования и приобщение горцев к грамоте. По его мнению, горских мальчиков, получивших начальное образование, необходимо было обучать техническим профессиям, а в дальнейшем стремиться к увеличению студентов-медиков, юристов, учителей, столь необходимых для решения жизненно важных проблем горских народов Северного Кавказа. Прогрессивным для своего времени было и его отношение к женскому образованию, в то время как кавказское общество не одобряло не только просвещение женщин, но и любые проявления ее индивидуальности за пределами домашнего очага. В частности, добиваясь стипендии для одной из четверых своих дочерей, он писал: «... я надеюсь, господа, что Вы, сознавая необходимость учить девочек, так же как и мальчиков, хоть ради одного того, чтобы будущее наше поколение мужчин могло находить в среде своей таких же воспитанных подруг жизни, не то что сделаете исключение, но особенно сочувственно отнесетесь к моему желанию, и я со своей стороны постараюсь и буду принимать все меры, насколько это будет зависеть от меня, чтобы дочь моя, получивши образование, все-таки была

бы скромной горянкой-мусульманкой» [Биттирова, Сабанчиев 2017: 178–179].

Будучи сам активным публицистом, М. Абаев понимал немаловажное значение освещения в печати «горских аграрных вопросов», как он обозначил основную проблему – проблему малоземелья на Северном Кавказе как итог колонизаторской политики царизма. Он обозначил и круг проблем, связанных с просвещением края и, обращаясь к немногочисленной группе образованных кавказцев, писал: «Как горец, и уже немолодой, я позволю себе обратиться к своим землякам – учителям, фельдшерам и другим грамотным людям с предложением поработать на пользу своих единоверцев и родичей. Ведь, господа, помимо любви и патриотизма, вас должно побудить к этому и чувство долга, т.к. почти все учились на средства общества, потому в свою очередь обязаны учить не только маленьких детей, но и взрослых» [Биттирова, Сабанчиев 2017: 158–159].

Главный труд Мисоста Абаева – очерк «Балкария» был опубликован в выходящем в Париже русскоязычном журнале «Мусульманин» в 1910 году и написан на основе опубликованных в 1905 году в газете «Каспий» статей – «Горские аграрные вопросы», «Горский словесный суд», «Горцы Нальчикского округа», «Наделы осетин» [Абаев 1911а: 586–627]. Здесь автором были обобщены высказанные до него исторические взгляды на этногенез балкарцев, их культуру, быт. В нем М. Абаев проанализировал исторические сведения, доступный археографический материал, фольклорные, нарративные, литературные источники, народные предания и дал развернутую оценку современному состоянию балкарского общества.

Особенность очерка и его значимость заключаются в том, что в нем впервые сомкнулось в одно целое история народа с древнейших времен до начала XX века. В авторе очерка «Балкария» балкарская история обрела своего национального историка. Историческая концепция М. Абаева была направлена против представителей официально-охранительного кавказоведения, отвергавших единство исторического развития отдельных народов, и против либерально-буржуазных схем, в которых стиралось своеобразие национальной истории народов. Автор предваряет свой очерк общей характеристикой, в которой отмечает особенности его повседневного бытия: «Горцы – народ очень трудолюбивый, каждый более или менее удобный клочок земли в тущобах и на крутых склонах гор обрабатывается тщательно, очищается от камней, удобряется навозом, который продается корзинами, орошается водою, которая проводится искусственно иногда верст за 10 по висячим желобам, и стоимость десятины такой удобренной земли в продаже доходит нередко до 2 тысяч руб. Ввиду недостаточности удобных мест для посева хлебов народ занимается преимущественно скотоводством, перегоняя скот с места на место, и, в общем, живет сравнительно небедно. Этот народ, несмотря на свою немногочисленность и неудобство занимаемой им земли, сумел сохранить независимость и самостоятельность до покорения Кавказа Россией...» [Биттирова, Сабанчиев 2017: 36–37].

Перед автором стояла немаловажная задача – рассказать российскому читателю не только об истории народа – о многотрудном процессе выживания в

условиях средневековой военной демократии, позже – в ситуации зарождающихся капиталистических отношениях, об идеологических скрепах, которые помогли сохраниться этносу, о его повседневных заботах, тревогах и надеждах.

В своем обширном исследовании просветитель явил талант и мастерство публициста. Очерк написан увлекательно и в художественном отношении представляет большой интерес, прежде всего, литературными реминисценциями фольклорных текстов. М. Абаев придает им особый смысл и относится как к надежным источникам, когда нет других исторических свидетельств.

Недостаточно исследованным фактом творческой биографии М. Абаева остается его художественное наследие, некоторые страницы которого освещены в двухтомнике «Карачаево-балкарские деятели культуры XIX – начала XX вв.» [Биттирова 1996: 3–10].

Мисост Абаев обладал даром слова, сочинял экспромтом детские сказки и стихи, эпиграммы на друзей и близких, издавал семейный рукописный журнал «Зеркало». Однако ничего из его поэтического творчества не сохранилось кроме нескольких стихотворений в устной передаче. До сегодняшнего дня дошли только те его произведения, которые были напечатаны на страницах российской периодической печати. Их немного: к произведениям, имеющим определенную художественную ценность, можно отнести «Горскую легенду», некролог на смерть Ислама Крымшамхалова и сохраненную в рукописи эссе «У могилы Ислама».

Большое влияние на мировоззрение М. Абаева оказало творчество русских демократов-разночинцев А. Герцена, Н. Чернышевского, Н. Добролюбова и В. Белинского. Имя и творчество Н. Добролюбова были известны в горской среде еще в 70-е годы XIX века, о чем свидетельствовали И. Иванюков и М. Ковалевский, рассказывая о своих встречах с Исмаилом Мирзакуловичем Урусбиевым в очерке «У подошвы Эльбруса»: «Память у князя феноменальная, – писали авторы очерка, – однажды, беседа с нами о русской литературе, в доказательство своей мысли, цитировал несколько мест из Добролюбова» [Вестник... 1886: 94].

Мисост Абаев жил в конце XIX века в слободе Нальчик, с начала XX и до октябрьского переворота – в Екатеринодаре, где служил помощником атамана Баталпашинского отдела. По воспоминаниям потомков Мисоста Абаева, их дом часто посещали толстовцы, художники-передвижники, с которыми балкарский просветитель был в дружеских отношениях на протяжении многих лет. Как и другие прогрессивные деятели Северного Кавказа, М. Абаев в этот период старался вникнуть в неотвратимо надвигающиеся политические процессы, о чем впоследствии писала Л. Аргутинская в романе «Огненный путь», одним из главных героев которого является сын М. Абаева – Исмаил, врач эвакогоспиталя в период 1 мировой войны [Аргутинская 1936].

В творчестве карачаево-балкарских писателей-публицистов мы наблюдаем феноменальное соприкосновение двух художественных систем, ориентированных на разный этнокультурный опыт. Они творят на русском

языке, ориентируясь на традиции русской литературы XIX века и при этом остаются на базе национальной культуры, ориентированной на «восточный культурный канал». Рассказ-притча Мисоста Абаева «Горская легенда» – яркий пример такого соприкосновения. Рассказ написан накануне первой русской революции, в 1903 году и имеет несколько смысловых уровней. Прежде всего, здесь мы слышим отголоски спора среди мусульман о значении мечети. По мнению суфиев, общение с Аллахом не требует торжественных церемоний и специальных обрядов, между верующим и Творцом никого и ничего не должно быть. Здесь и проявление тревожного ожидания революционных событий, которые должны преобразовать горькую участь многих – «правда выйдет из подземелья. Стряхнет оковы свои и рассеет тьму и злобу. И тогда наступят хорошие времена». Правда не может жить в замкнутом пространстве, она должна быть всюду и со всеми, считает публицист. Рассказ отражает идеи своего времени, здесь автор в поисках истины считает константной личную веру, ее незыблемость и свободу от внешних влияний.

Это было не единственное выступление М. Абаева в печати по вопросам религии. До сегодняшнего читателя дошло его письмо в редакцию газеты «Русское Слово». Оно было вызвано публикацией К. Бальмонта в названной газете, где известный поэт позволил себе оскорбительные для мусульман высказывания, назвав Коран книгой, «представляющей из себя бессвязное повторение иудейства и христианства с примесью арабизированных и эллинских» и «созданной из чужих лохмотьев...» [Бальмонт 1910]. Эти и другие сентенции К. Бальмонта оскорбительно трактующие святыню мусульман – Коран и уничижительно характеризующие арабскую культуру, не могли не вызвать протеста среди мусульман России, о чем пишет и М. Абаев в редакцию «Русского Слова». Однако газета не посчитала нужным опубликовать его письмо и поэтому М. Абаев напечатал его в «Мусульманине», назвав свою публикацию «В погоне за славой и пяточком» [Абаев 1910: 235–236].

Некролог, написанный М. Абаевым и опубликованный в журнале «Мусульманин» (издавался в Париже), – «Памяти умершего в Ялте Ислам-бия Крымшамхалова» также можно рассматривать как литературное эссе. Он был посвящен безвременной кончине художника и публициста, общественного деятеля, славного сына Карачая Ислама Крымшамхалова, с которым М. Абаев был в дружеских отношениях. Ислама и Мисоста, очень близких по духу людей, связывала многолетняя дружба, а после женитьбы брата Ислама на старшей дочери М. Абаева – Сафият, и родственные узы.

Автор рассказывает об особой роли творческой среды Петербурга 70–80-х годов XIX века в формировании личности Ислама: «В возрасте 16–17 лет был взят на службу в Конвой Его Величества в Петербург и, служа там в течение 3 лет, самоучкой выучил русский язык и грамоту, и, кроме того, в нем обнаружился художественный талант. Рисовать он начал также без руководителя. Окончив срок службы и произведенный в офицеры, он возвратился домой, где продолжал самообразование путем усиленного и постоянного чтения, писал картины с натуры. Любил больше философские произведения и был поклонником Л.Н.Толстого...» [Абаев 1911b: 430].

Творчество Ислама Крымшамхалова, как и М. Абаева, проникнуто глубоко осознанным и бескорыстным стремлением приобщить родной народ к духовной культуре России и при новых цивилизационных обстоятельствах (стремительной смене общественной формации) смягчить неизбежные потери в этнической культуре.

К личности Ислама Крымшамхалова М. Абаев возвращается вновь в рассказе «У могилы Ислама». Горестные чувства автора не затмевают удивительную гармонию природы, она вечна как жизнь: «...последние новые домики небольшого поселения остались позади. Теперь только деревья чернеют под снегом, близко подступили великаны-горы под чистым своим белоснежным покрывалом» [Биттирова, Сабанчиев 2017: 183]. В небольшом по объему произведении М. Абаев создает поразительно цельную картину единства жизни и смерти, добра и зла: «По дороге медленно движется печальная процессия. Впереди на санях везут тело, за ним верхами едут родные, друзья, односельчане... Сани везут того, кто кончил с этим миром, с его случайными радостями и горем» [Биттирова, Сабанчиев 2017: 183]. Вслед за Исламом М. Абаев считает непреходящими «доброе отношение друг к другу, общую работу во имя любви». Боль потери, осознание ее невосполнимости заставляют М. Абаева вспомнить то главное, ради которого Ислам жил и боролся, он дает характеристику незаурядной личности в скорбных словах, в словах прощания: «Не прозвучит его смелое горячее слово в защиту правды и справедливости на народном сборе. Не звучать его тихой задумчивой речи о вечной правде, о цели жизни, о призвании человека в жизни, не защежит тоской его сердце при виде зла, неправды, творимым... Отдохнет Ислам...» [Биттирова, Сабанчиев 2017: 183]. Но «долгие годы будет приходить еще народ к его могиле, долго будут помнить, что здесь лежит тот, кто в земной своей жизни работал на счастье народа, кто так умел любить родные суровые горы, бедный, темный народ свой с его своеобразными обычаями, с его преданиями, песнями, со славным прошлым и темным, грустным настоящим» [Биттирова, Сабанчиев 2017: 183]. В этих словах дана оценка не только одному Исламу, но и всем, кто участвовал в деле преобразования горской жизни в последней четверти XIX века, когда народы Северного Кавказа активно стали интегрироваться в Российское общество.

Прозу М. Абаева отличают лаконичность и точность, сознательный отказ от многословия, второстепенных деталей и цветистости речи. Данное обстоятельство было обусловлено его практикой публициста, требующей краткости и конкретики.

Богатый и красочный язык, стремление к анализу и обобщению характерны как известным его статьям, так и различным заявлениям, служебным запискам, склонность М. Абаева к художественному обобщению проявляется даже в административных документах, им составленных.

Процесс культурной конвергенции предполагает участие в нем всех заинтересованных сторон для сближения позиций представителей разных конфессий на платформе общегуманистических принципов, потому и были актуальны выступления на страницах российских газет и журналов

прогрессивных деятелей региона Северного Кавказа по различным проблемам жизни горцев. Они были нужны как самим горцам, так и российскому читателю для ознакомления с реалиями жизни окраины империи.

Творчество и общественная деятельность Мисоста Абаева приходится на период интенсивного развития культуры народов Северного Кавказа, обозначенный литературоведами и культурологами как ренессансный. Он был среди тех, кто своим творчеством определил формирование общественного сознания горцев рубежа веков. И необходимо подчеркнуть, что идеи равенства, братства, просвещения, которыми проникнуты его публицистика и художественное творчество, были навеяны русским демократическим движением 70–80-х годов и гениальными творениями русской литературы XIX века.

«Явление двуязычия или многоязычия как результат языковых контактов, языкового взаимодействия, языковой интерференции и конвергенции неизменно присутствовало в разных регионах, у разных народов и в разные эпохи», – пишет И. Хугаев, характеризуя сложившуюся ситуацию в осетинской литературе, когда билингвизм авторов стал привычным явлением и не воспринимается как нечто неординарное, что было в начале XX века [Хугаев 2008: 28].

Мисост Абаев был в числе тех, кто делал первые шаги для создания письменного этапа карачаево-балкарской художественной словесности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абаев 1911а – *Абаев М.К.* Балкария // Мусульманин. – Париж. – 1911. – № 14–17. – С. 586–627.

Абаев 1911б – *Абаев М.К.* И. Крымшамхалов // Мусульманин. – Париж. – 1911. – № 6–7. – С. 430–431.

Абаев 1910 – *Абаев М.К.* В погоне за славой и пятачком // Мусульманин. – Париж. – 1910. – № 4. – С. 235–236.

Аргутинская 1936 – *Аргутинская Л.А.* Огненный путь. – Москва: Молодая гвардия, 1936. – 453 с.

Ахриев 2000 – *Ахриев Ч.Э.* Этнографический очерк ингушского народа с приложением его сказок и преданий // Чах Эльмурзиевич Ахриев. Избранное. – Назрань: ЗАО «Полиграфический комбинат», 2000. – 312 с.

Бальмонт 1910 – *Бальмонт К.* Преддверье в Египет // Русское слово. – Москва. – 1910. – № 130. – 9-го июня.

Биттирова 1996 – *Биттирова Т.Ш.* Карачаево-балкарские деятели культуры начала XX века // Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное в двух томах. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – Том 2. – С. 3–10.

Биттирова Т.Ш., Сабанчиев 2017 – *Биттирова Т.Ш., Сабанчиев Х.-М.А.* Мисост Абаев: историк, публицист, общественный деятель. – Нальчик: Печатный двор, 2017. – 223 с.

Биттирова 2016 – *Биттирова Т.Ш.* Карачаево-балкарская духовная литература: рукописное наследие. – Нальчик: Печатный двор, 2016. – 240 с.

Вестник 1886 – *Вестник Европы.* – Санкт-Петербург. – 1886. – Т. 1.

Деятели... 1929 – *Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь: в 5 т. Т. 2: Семидесятые годы: выпуск 1: А-Е / составлен А.А. Шиловым и М.Г. Карнауховой.* – Москва: [б.и.], 1929. – XXIV с., 406 стб.

Измайлова 2019 – *Измайлова Т.С.* Родоначальник ингушской русскоязычной литературы. Чах Ахриев // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – 2019. – № 1. – С. 95–104.

Кубанец 1906 – *Кубанец*. Ст. Баталпашинская // Терек. – 1906. – № 114.

Кудашев 1913 – *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев: Типо-Литография «С.В. Кульженко», 1913. – 283 с.

Сатуниин 1908 – *Сатуниин К.А.* Деятельность этнографического отделения Кавказского музея // Кавказ. – 1908. – № 96.

Туркаев 1897 – *Туркаев Х.В.* Путь к художественной правде: становление реализма в чеченской и ингушской литературах. – Грозный: ЧИКИ, 1987. – 240 с.

Хугаев 2008 – *Хугаев И.С.* Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. – Владикавказ: Ир, 2008. – 560 с.

REFERENCES

АБАЕВ М.К. *Balkariya* [Balkaria]. IN: *Musul'manin*. – Parizh. – 1911. – No. 14–17. P. 586–627. (In Russian)

АБАЕВ М.К. *I. Krymshamkhalov* [I. Krymshamkhalov]. IN: *Musul'manin*. – Parizh. – 1911. – No. 6–7. – P. 430–431. (In Russian)

АБАЕВ М.К. *V pogone za slavoi i pyatachkom* [In the pursuit of glory and piglet]. IN: *Musul'manin*. – Parizh. – 1910. – No. 4. – P. 235–236. (In Russian)

АХРИЕВ Ch.E. *Etnograficheskii ocherk ingushskogo naroda s prilozheniem ego skazok i predanii* [Ethnographic essay of the Ingush people with the application of its fairy tales and legends]. IN: *Chakh El'murzievich Akhriev. Izbrannoe* [Chakh Elmurzievich Akhriev. Favorites]. – Nazran': ZAO «Poligraficheskii kombinat», 2000. – 312 p. (In Russian)

АГУТИНСКАЯ L.A. *Ognennyi put'* [The Fiery path]. – M.: Molodaya gvardiya, 1936. – 453 p. (In Russian)

БАЛ'МОНТ К. *Preddver'e v Egipet* [The threshold to Egypt]. IN: *Russkoe slovo*. – Moscow. – 1910. – No. 130. – June 9th. (In Russian)

БИТТИРОВА Т.Ш. *Karachaevobalkarskaya dukhovnaya literatura: rukopisnoe nasledie* [Karachay-Balkar spiritual literature: handwritten heritage]. – Nalchik: Pechatnyi dvor, 2016. – 240 p. (In Russian)

БИТТИРОВА Т.Ш. *Karachaevobalkarskie deyateli kul'tury nachala XX veka* [Karachay-Balkar cultural figures of the early twentieth century]. IN: *Karachaevobalkarskie deyateli kul'tury kontsa XIX – nachala XX v. Izbrannoe v dvukh tomakh* [Karachay-Balkar cultural figures of the late XIX – early XX century. Favorites in two volumes]. – Nalchik: El'brus, 1996. – Vol. 2. – P. 3–10. (In Russian)

БИТТИРОВА Т.Ш., САБАНЧИЕВ Kh.-M.A. *Misost Abaev: istorik, publitsist, obshchestvennyi deyatel'* [Misost Abayev: historian, publicist, public figure]. – Nalchik: Pechatnyi dvor, 2017. – 223 p. (In Russian)

Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii: Bibliograficheskii slovar': v 5 t. T. 2: Semidesyatye gody: vypusk 1: A-E / sostavlennyye A.A. Shilovym i M.G. Karnaukhovoi [Figures of the revolutionary movement in Russia: Bibliographic dictionary: in 5 volumes. Vol. 2: Seventies: issue 1: A-E / compiled by A.A. Shilov and M.G. Karnaukhova]. – Moscow: [w.p.], 1929. – XXIV p., 406 columns. (In Russian)

ИЗМАЙЛОВА Т.С. *Rodonachal'nik ingushskoi russkoyazychnoi literatur. Chakh Akhriev* [The ancestor of the Ingush Russian-language literature. Chakh Akhriev]. IN: *Vestnik Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk im. Ch.E. Akhrieva*. – 2019. – No. 1. – P. 95–104. (In Russian)

ХУГАЕВ И.С. *Genезis i razvitie russkoyazychnoi osetinskoj literatury* [Genesis and development of Russian-language Ossetian literature]. – Vladikavkaz: Ir, 2008. – 560 p. (In Russian)

KUBANETS. *St. Batalpashinskaya* [St. Batalpashinskaya]. IN: *Terek*. – 1906. – No. 114. (In Russian)

KUDASHEV V.N. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode* [Historical data about the Kabardian people]. – Kiev: Tipo-Litografiya «S.V. Kul'zhenko», 1913. – 283 p. (In Russian)

SATUNIN K.A. *Deyatel'nost' etnograficheskogo otdeleniya Kavkazskogo muzeya* [Activity of the ethnographic department of the Caucasian Museum]. IN: *Kavkaz*. – 1908. – No. 96. (In Russian)

TURKAEV Kh.V. *Put' k khudozhestvennoi pravde: stanovlenie realizma v chechenskoj i ingushskoj literaturakh* [The path to Artistic truth: the formation of realism in the Chechen and Ingush literatures]. – Grozny: ChIKI, 1987. – 240 p. (In Russian)

Vestnik Evropy. – Sankt-Petersburg. – 1886. – Vol. 1. (In Russian)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КAVKAZA

УДК 821.352.3

DOI 10.31143/2542-212X-2021-3-219-228

**ФОРМИРОВАНИЕ ЖАНРА ПОВЕСТИ В ЧЕРКЕССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ****М.А. ХАКУАШЕВА
Л.Б. ХАВЖОКОВА**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр РАН»*

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

E-mail: dinaarma@mail.ru, lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются некоторые вопросы становления и эволюции жанра повести в черкесской литературе. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, недостаточной разработанностью заявленной темы, с другой – необходимостью выявления тенденций развития национальной прозы, начиная от проблем ее генезиса. В центре исследовательского внимания – идейно-тематическая ориентация черкесской повести преимущественно начального этапа эволюции, т.е. советской эпохи. В частности, рассматриваются повести С. Темирова, И. Амирокова, М. Адамокова, Х. Гашокова и др., заложивших основы жанра в черкесской литературе. В обозначенный период черкесская повесть явилась первой попыткой осмыслить проблемы колхозов, молодежных бригад, советского отношения к труду, круг актуальных проблем молодежи, ее устремлений, формирование критериев советской морали. В ней также нашли отражение разные аспекты Великой Отечественной войны, в основном – как войны за независимость. В исследовании применен метод художественного анализа. Полученные результаты могут быть использованы при составлении спецкурсов по адыгской (кабардино-черкесской) прозе, написании истории литературы народов Северного Кавказа.

Ключевые слова: адыгская литература; проза; черкесская повесть; гендер; соцреализм; революционная тематика; деревенская проза.

**FORMATION OF THE GENRE OF THE STORY IN THE CHERKESS
LITERATURE: IDEOLOGICAL GUIDES AND THEMATIC REFERENCES****M.A. KHAKUASHEVA
L.B. KHAVZHOKOVA**

*Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budget Scientific Establishment
«Federal Scientific Center 'Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of
Sciences'»*

360000, KBR, Nalchik, Pushkina st., 18

E-mail: dinaarma@mail.ru, lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Abstract. The article examines some of the issues of the formation and evolution of the genre of the story in Circassian literature. The relevance of the study is due, on the one hand, to the insufficient development of the stated topic, on the other hand, to the need to identify trends in the development of national prose, starting from the problems of its genesis. In the center of research attention is the ideological and thematic orientation of the Circassian story mainly of the initial stage of evolution, i.e. Soviet era. In particular, the author examines the stories of S. Temirov, I. Amirokov, M. Adamokov, H. Gashokov and others, who laid the foundations of the genre in Circassian literature. During the indicated period, the Circassian tale was the first attempt to comprehend the problems of collective farms, youth brigades, the Soviet attitude to work, the range of urgent problems of young people, their aspirations, the formation of the criteria of Soviet morality. It also reflects various aspects of the Great Patriotic War, mainly as a war for independence. The research uses the method of artistic analysis. The results obtained can be used in compiling special courses on Adyghe (Kabardino-Circassian) prose, writing the history of the literature of the peoples of the North Caucasus.

Keywords: Adyghe literature; prose; Circassian tale; gender; socialist realism; revolutionary themes; village prose.

Центром художественного внимания адыгских писателей КЧР советской эпохи стал новый тип социально-активной, бескомпромиссной личности. Идеологический стержень произведений был подчинен жизни адыгского села начала советской власти, особенностям переходного периода, когда центральным творцом жизненных благ в полной степени являлся человек новой эпохи. Писатели были озабочены проблемами меняющихся семейных ценностей, воспитания в новом духе, урбанизации, ломки патриархального традиционного уклада.

Одной из центральных тем адыгской литературы 20–30 гг. XX в. явилась гендерная тематика, актуальная не только для писателей северокавказского региона, но и мастеров слова обозначенного периода. Однако, учитывая специфику патриархального уклада жизни в республиках Северного Кавказа, «женская» тема выглядела поистине революционной. Это было обусловлено попыткой эмансипации женщины-горянки, активного вовлечения ее во все сферы общественной жизни, нового социалистического строительства. Кроме того, в это время только начинала реализовываться идея женского равноправия, возможно, в силу этого она грешила утопическими представлениями и недостаточной разработанностью своих установок не только в эмпирической, но даже теоретической плоскости.

Гендерные проблемы волновали мастеров художественного слова не только с социальной, но и с психологической точки зрения, – ведь именно здесь таились неисчерпаемые возможности художественного исследования в формировании социально-психологических и моральных качеств нового человека социализма.

Новый тип социально-активной, бескомпромиссной личности становится центром пристального внимания писателей КБР, КЧР, Адыгеи. Выразительные женские образы – знаковый признак для всей молодой адыгской литературы, возможно потому, что в сознании адыгов произошла постепенная, достаточно болезненная коренная ломка в отношении социально-нравственного статуса женщины. Потребность прояснить, отрефлексировать новый женский образ в рамках новой исторической действительности, системе изменившейся аксиологической шкалы становится насущной потребностью почти всех мастеров художественного слова.

В повести черкесского писателя С. Темирова «Радостная жизнь» (1936) находят отражение социально-психологические черты, привнесенные новой действительностью; идеологический акцент ставится, в частности, на женской независимости. Если до советской власти уйти от мужа для адыгской женщины казалось немислимо, то теперь это стало реальностью для главной героини повести – молодой женщины Бабины. Автор пытается увязать качественно новую гендерную характеристику с основами прежней патриархальной морали, которые попросту исключали допущение основных черт женщины социалистической эпохи. Автор сочувственно относится к подобному решению, так как понимает и анализирует женскую мотивацию, тогда как до революции вряд ли такой поступок мог быть кем-то оправдан. В ценностной шкале женских приоритетов происходит определенный сдвиг: советская женщина в первую очередь должна быть активным созидателем новой жизни. Именно такой доминантный ориентир подчиняет себе все остальные моральные женские качества. Соответствующее самовыражение в качестве наиболее активного полезного члена общества придает женщине наиболее высокий социальный статус. В основе характера новой советской женщины становится самостоятельность и борьба за любую форму свободы. Однако образ героини С. Темирова еще недостаточно детализирован, он скорее схематичен. Основной идеологический стержень произведения подчинен жизни адыгского села начала советской власти, особенностям переходного периода, когда центральным творцом жизненных благ в полной степени является человек новой эпохи. «Человек из народа, совершивший октябрьскую социалистическую революцию, сокрушивший старый общественный строй, должен был продемонстрировать свою способность к творчеству новых форм бытия, свой талант хозяина и строителя социалистической жизни. Тридцатые годы явились новым свидетельством созидательных возможностей советского общественного строя, советского человека» [Ломидзе 1971: 56].

Этот период отмечен напряженными художественными поисками образа положительного героя, – таков главный герой повести И. Амирокова «Молодой бригадир» (1935). Композиция повести построена на приеме контраста, наиболее распространенном в те годы, когда негатив прежней жизни соседствует с достижениями социализма, которые позитивно воспринимаются героями художественных произведений. Резко контрастирует, например, полная зависимость адыгских крестьян от земельной собственности феодальной знати, с одной стороны, и виды просторных колхозных полей,

принадлежащих народу, – с другой, новый железный мост, перекинутый через реку Инджидж, который мог быть построен только при советской власти. Л.А. Бекизова отмечает недостаточность типизации, обобщения. «Молодой автор (Ибрагим Амироков. – *М.Х., Л.Х.*), – пишет исследователь, – идет по следам действительных событий, копируя их, сохраняя имена, не стараясь сколько-нибудь обобщать, типизировать, вообразить. Естественно, что герой его получился весьма схематичным; у писателя даже нет стремления проникнуть в его внутренний мир» [Бекизова и др. 1978: 35].

Повесть-трилогия Х. Гашокова «Отец и сын» (1959–1963) построена по принципу семейной хроники. Автор прослеживает судьбу главного героя – батрака Исхака. Автор разворачивает художественное повествование вокруг типичной горской семьи бедняков, с кругом проблем, характерным для этого многочисленного социального слоя. Описываемые события относятся к периоду конца XIX – началу XX в. Исхак, глава семьи, уже несколько лет подряд является наемным пастухом местного феодала Камбота Дугужева. Достаточно красноречива деталь его портретной характеристики с ярко выраженным классовым акцентом (залатанный потрепанный тулуп он обычно носит под подмышкой, ему все время кажется, что его только что выпрягли из ярма). Старый дом, небольшой двор, на котором хозяина встречает худая собака с облезлым хвостом, – вот и все хозяйство Исхака. Не только Исхак, но и его супруга работает поденщицей: прядет, стирает, делает по заказу саман. Последнее обстоятельство является нетипичным для патриархального быта адыгов, к богатым хозяевам нанимались работниками только мужчины, но в начале века были предъявлены новые требования к женщине. Не миновали они и кавказских женщин, поставленных в твердые рамки традиционно-фиксированного уклада. Эволюция классового неравенства и антагонизма в адыгской среде – лейтмотив повести Х. Гашокова. Принцип неравенства один и тот же в разных этносах, но у всех народов – свои особенности его проявления.

Мальчик Халил тоже батрачит с ранних лет. Мать отдает девятилетнего сына известному богачу села Магомету Дагову. Детали портретной характеристики мальчика достаточно красноречиво отражают его тяжелую жизнь: «Кожа на его ногах, никогда не выдавших чувяк, потрескалась. Из ран сочилась кровь. Иногда Халил их прятал под длинным рубищем, а иногда просто садился на колени и наблюдал за происходящим вокруг» [Гъуэщокъуэ 1959: 35].

Однако даже тяжелая жизнь бедняка освещена надеждой, ведь «мир вращается как колесо, и нам достанется какое-то счастье» [Гъуэщокъуэ 1959: 35]. Антагонистом Исхака, Халила является Магомет Дагов, разбогатевший за счет алчности и обмана своих соотечественников. В отличие от главного героя, он «спит в чистой, мягкой постели», после намаза обходит свое обширное хозяйство. Мальчик убегает с побоями и синяками, его труд не оплачивается. Перед Халилом открывается понимание социальной несправедливости, своего рода «эволюция социального неравенства». Автор воплощает в художественном тексте все этапы протеста, который зреет в сознании подростка: сначала это эмоции, затем – внимательное наблюдение за

окружающей действительностью, за социумом. Вскоре Халил постигает общие закономерности, которые движут «порочный круг» структуры окружающего общества.

Судя по накалу детских эмоций, понятно, что это событие становится поворотным в становлении подростка, формировании его личности – теперь он начинает прозревать источник и методы обогащения таких как Дагов. Халил хочет уехать из аула, где царит угнетение и несправедливость, но он еще оглядывается на свою семью: как-то она будет без помощника и будущей опоры? Однако случай с ворованными овцами окончательно повлиял на его выбор, и Халил твердо решил уехать. Это – проявление общего протеста против классового угнетения, которое выражается в разных формах, на разном уровне осознания.

У матери Халила этот протест проявляется наиболее ярко, когда женщина становится свидетелем очередной аферы одного из состоятельных жителей села – Дугужева, который продает ничего не подозревающим односельчанам мясо околевших бычков. В отличие от покорных безропотных женщин старой эпохи, героиня Х. Гашокова находит в себе силу и характер для протеста. Женщина начинает понимать, что без бедняков не могли бы наживаться богатые. Жизнь людей протекает не по человеческим, а по волчьим законам, определяет автор в подтексте, не случайно, думается, отрицательный персонаж назван именем этого хищника («дугуж (дыгъужь)» – в переводе с кабардино-черкесского – «волк»). Автор сумел показать перерастание разрозненного частного протеста в общий народный гнев, который выплеснулся в сцене у мечети, когда люди сплотились в одном порыве против притеснения власть имущих. Главным импульсом, по авторскому умолчанию, становится свершившаяся в России Октябрьская революция, которая дала выход долго сдерживаемому народному недовольству. Повышение народного самосознания освобождает от страха. Вторя этой авторской идее, персонажи озвучивают ее в разных формах: *«Ты забываешь, Камбот, что в наше время у нас нет оснований бояться богачей. Крестьяне теперь не дураки, кое-что понимают. Нельзя играть с огнем, Камбот. А то, что ты сделал, если хочешь знать – это огонь!»* [Гъуэщокъуэ 1959: 102].

Повесть Х. Гашокова выстроена по принципу большинства произведений соцреализма середины XX столетия, когда главный герой, обретая пролетарское классовое самосознание и независимость, включается в активную борьбу за демократию и свободу. Халил находит себя в активном становлении новой жизни, фундаментом которой являются законы социализма. Если формирование и становление протагониста читатель наблюдает в первой части, то во второй и третьей частях Халил – зрелый убежденный человек, твердо ориентированный на социалистический курс развития. Судьба главных героев как показатель судьбы всего народа – такова мысль автора повести.

Критики отмечают некоторые недостатки произведения – растянутость повествования, «вместо действия даны утомительные описания, характеры героев статичны... И все же повесть Х. Гашокова является первым крупным произведением черкесской литературы послевоенного периода. Достоинства и

недостатки ее характерны для всей национальной литературы этого периода» [Бекизова 1964: 172].

По сюжету повести С. Хатуова «На рассвете» (1960) юный пастушок Хамид, сын бедняка Забита, работает по найму у своего зажиточного хозяина Индриса, которому его отдали, когда мальчику исполнилось двенадцать лет. С больным, немолодым отцом они живут в «покосившейся сакле, с соломенной косматой крышей», через маленькое мутное окно в дом заглядывает по ночам «мертвенно-холодная ко всему луна» [Хатуов 1960: 3]. Мать мальчика давно умерла, помощи ожидать не от кого. У него одна цель – за два года получить двух телят. Ему кажется это залогом новой безбедной жизни. Все притеснения и тяжелый труд он терпит только ради одной конкретной мечты. Но гнет работодателя непомерен для ребенка. Несмотря на накал гнева и протеста, мальчик слишком мал для поступка, он только мечтает об абречестве, которое, как ему кажется, является единственным выходом, направленным против угнетения и несправедливости. В России произошла революция, гражданская война, установлена Советская власть. Хамид смутно представляет ее истинное значение в своей жизни. Жизнь сироты в условиях нового строя наполняется теплым содержанием в первую очередь благодаря доброте окружающих людей. Новые люди, люди социализма способствуют удачному разрешению линии судьбы.

Финал повести открыт, но горизонт читательского домысливания остается незамутненным и светлым, так как в рамках соцреализма преобразующая сила нового строя предполагает счастливое будущее для вчерашних бедняков и обездоленных. Обе повести («Отец и сын» Х. Гапокова и «На рассвете» С. Хатуова) объединяют некоторые сюжетные сходжения, которые, вероятно, объясняются общей отображаемой социально-экономической ситуацией, духом эпохи в канун советской модернизации.

В повести М. Адамокова «Аслан и Мадина» нашли отражение тема труда и круг проблем советского человека. Она посвящена проблемам колхозной деревни, соревновательному духу молодежных бригад, советскому отношению к труду. Чаще всего конфликт в подобных сюжетах советской прозы 50–60-х гг. строится на столкновении старых и новых представлений и установок, индивидуалистической и общественно-центристской морали. Первый тип сознания ценностной основой ставит личное благополучие, такие люди стремятся использовать людей и обстоятельства на пользу себе и своей семье. Соответствующий такой модели литературный стереотип достаточно распространен в произведениях периода развитого социализма. Такой «старый» тип сознания, близкий к буржуазному, служил антиподом советскому нравственному эталону, а потому являлся мишенью в произведениях соцреализма.

На пути достижения новой социалистической модели сознания герои переживают серьезные трудности, преодолевают всевозможные испытания. Именно такая проблематика лежит в основе повести М. Адамокова «Аслан и Мадина». Главный герой – юный тракторист, только что закончивший школу, Мадина – звеньевая. Девушка – носитель новой коммунистической морали:

принципиальная, цельная, устремленная на усовершенствование жизни по принципу социалистического нравственного императива, который в первую очередь предусматривает общественные блага. Ее тон по отношению к Аслану несколько назидателен, что в принципе ожидаемо от звеньевского. Заметив срубленные стебли молодой кукурузы, Мадина говорит молодому механизатору о том, что общее качество работы зависит от каждого, и недобросовестное отношение одного человека может испортить самые высокие результаты труда всего коллектива.

Автор представляет новый тип женщины-черкешенки. Терпеливое незаметное трудолюбие кавказской женщины в быту было чем-то разумеющимся и обычным, так как было незаметно мужскому глазу, скорее всего из-за бытовой рутины. Но когда женщина встала вровень с мужчиной, выполняя общественно-полезный труд, ее успехи стали очевидны для представителей сильного пола. Стали меняться былые стереотипы в отношении женщин, резко изменился ее социальный статус. Мадина обладает живым, пытливым умом, она любознательна, целеустремленна, хочет усвоить все премудрости агрохимической науки. Являясь прекрасным специалистом, она еще учится заочно, много читает, весела и доброжелательна с друзьями. Главная героиня столь органична в новой социальной роли, что читатель невольно задается вопросом: дело в способности стремительного роста в изменившейся социальной сфере или неограниченных резервах женской общей адаптации вообще?

Стиль повести определяется значительным фольклорным влиянием, например, в описании портрета Мадины. Ему предшествует чисто фольклорный зачин: «Красоту Мадины не передать словами». Следует соответствующее продолжение: «Я постараюсь передать портрет Мадины так, как он представлялся Аслану». Портрет девушки мало отличается от фольклорного описания: брови «будто нарисованы, изогнуты дугой», «глаза, словно терн», «язык сладкоречивый». Автор применяет приемы, близкие фольклору, и в пейзажных зарисовках. Описание летней ночи передано в унисон чувствам и переживаниям влюбленного Аслана.

При известной тенденциозности и некоторой однозначности подхода к трактовке идей, образов и сюжетов, которая встречается в подобных произведениях этого периода, нельзя утверждать, что поэтика текста не выразительна. Некоторые произведения соцреализма грешили излишним акцентом на теме производства. Однако повесть М. Адамокова содержит мир богатых чувств, личных переживаний, что в сознание читателя привносит ощущение новизны.

Так же, как и в произведении М. Адамокова, в повести М. Ахметова «В родном ауле» (1967), отражаются проблемы современной черкесской провинции [Ахметов 1967]. Автор пытается вывести показатель нравственности людей эпохи социализма, близкий к идеалу. Эта идея осуществляется через конфликт старой психологии с новой, которая только находится на стадии становления. Поэтому неминуемо противоречие между носителями разных, несовместимых типов морали. Через это противоречие подвергается сомнению

старый моральный кодекс – не целиком, а лишь некоторые обычаи и стереотипы, отягощающие новый образ жизни. Через повествовательный художественный дискурс автор пытается разобраться в проблемах нового мироустройства, понять, в какой форме, этическом ключе они могут быть решены в селе, колхозе, отношениях друг с другом. Согласно композиции, автор в каждой главе ставит круг вопросов, на который пытается найти ответ каждый из персонажей. Почти все герои повести обладают отчетливой социальной и нравственной позицией, и ее активно выражают.

В повести К. Дугужева «Подарок» (1976) действие происходит в 60–70 гг. XX века [Дыгъужь 1976]. В центре повествования – жизнь и трудовая деятельность молодежной бригады горного села. В процессе совместного труда проявляются лучшие черты Бориса, Салиха, Мухадина, Шихамбия, Абрека, Сафара. В эту сплоченную молодежную группу не вписывается Жамалдин, его привлекает городская жизнь, он не любит физический труд, ищет легких денег. Главный герой представляет собой типичного аутсайдера социалистических времен. Автор стремится показать производственные отношения молодых людей, так как в этой сфере больше всего раскрываются их сущностные черты. Но процесс личностных отношений складывается также не просто, противоречиво. В них не просто разобраться не только читателю, но и самим героям. В результате тяжелых личных испытаний он преобразуется, становится чутким и внимательным, возвращается Лайма с сыном, восстанавливается семья. Такая причинно-следственная мотивация заметно упрощена, у читателя возникают сомнения относительно возможности столь разительной трансформации, несмотря на тяжелые обстоятельства, пережитые главным героем.

Параллельная сюжетная линия связана с образом Абрека. Юноша представляет собой своеобразный антипод Жамалдина. Он трудолюбив, честен, пользуется авторитетом среди молодежи. Но у него возникает конфликт с женой Лидой, которая хочет жить в городе. Чтобы не разрушать семью, Абрек соглашается на требования жены, супруги с сыном переезжают в город, живут в трудных условиях, несмотря на то, что Абрек подрабатывает грузчиком, и это приносит относительно приличный доход.

Примерные семьи создают Салих и Борис. Убедительны и образы поварихи Гуашедахи, председателя колхоза Султана. Доминирующей темой произведения становится личная жизнь молодежи в условиях переходного периода, когда традиционный патриархальный уклад подвергается коренной ломке.

Особый интерес представляет социальная тематика повести, довольно типичная для начального периода эпохи социализма, когда противоречия между городом и деревней, тяжелый сельский быт определяли небывалый отток сельского населения в города. Так формировалась урбанизация в советских условиях, которая к концу советской эпохи приобрела почти катастрофические размеры, которые привели к запустению и отмиранию значительного пространства провинций огромной страны. В повести отражены

особенности начального этапа советской модернизации, характерные для адыгского быта, образа жизни, специфики взаимоотношений.

Историческая тема всегда была особой сферой, которая неизменно будила художественное воображение адыгских писателей. Особенно актуальными являлся круг проблем, связанный с борьбой за независимость. Такой теме посвящена повесть А. Шорова «Долгое ненастье» [Шорэ 2005]. Действие происходит в Черкесске в 40–60 годы XIX века, то есть во время Русско-Кавказской войны. Главные герои повести Биберд, Жантемир, Маридат являются активными защитниками своей свободы. К ним примыкают русские казаки – Саша и Костя. Сознание этих молодых людей претерпевает радикальные перемены, они переосмысливают происходящее, проникаясь идеями справедливости, свободы, и остаются с черкесами.

Повествование ведется в романтическом стиле, при этом сохраняется некоторый мелодраматический элемент. «Долгое ненастье» – историческая приключенческая повесть. Вместе с тем, автор одним из первых пытается художественно осмыслить, исторически обобщить народную трагедию Русско-Кавказской войны. В произведении пока нет акцента на психологических мотивациях, внутренний мир героев недостаточно полно и глубоко раскрыт. Значительное место занимает описательность, в частности, пейзажная. Особенно хорошо удается автору многообразный кавказский пейзаж. Обращает на себя внимание хороший художественный язык повести, с богатым лексическим потенциалом.

В заключение следует отметить, черкесская повесть явилась первой попыткой осмыслить проблемы современности колхозной деревни, круга актуальных проблем молодежи, ее устремлений, формирования критериев советской морали. Возможно, первые уроки опыта не позволили избежать типичных издержек роста: схематизма, излишней описательности, декларативности, детализации, низкого уровня художественной динамики, мотивации действий и развития сюжета. Эти недостатки были характерны для молодой адыгской прозы данного периода.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ахметов 1967 – *Ахметов М.Х.* Али едет на кош. В родном ауле: Две повести / Пер. с черкес. и предисл. Т. Лихоталь. – М.: Детская литература, 1967. – 96 с.

Бекизова 1964 – *Бекизова Л.А.* Черкесская советская литература. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1964. – 199 с.

Бекизова и др. 1978 – *Бекизова Л.А., Караева А.И., Тугов В.Б.* Жизнь, герой, литература: О прозе писателей Карачаево-Черкесии. – Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, Карачаево-Черкесское отделение, 1978. – 213 с.

Гъуэщокъуэ 1959 – *Гъуэщокъуэ Хъу.Хъ.* Адэмрэ къуэмрэ. Повесть (Гашоков Х.Х. Отец и сын: повесть). – Черкесск: Къэрэшей-Шэрджэс тхыль тедзапIэ, 1959. – 139 н. (на каб.-черк. яз.)

Дыгъужь 1976 – *Дыгъужь Къу.Б.* ТехъэпщIэ (Дугужев К.Б. Подарок) // Дыгъужь Къу. ТехъэпщIэ. Уэхъутэ М. Лабэ кыкIа хъэщIэ (Дугужев К. Подарок. Охтов М. Гость из Лабы). – Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ, 1976. – Н. 3–157. (на каб.-черк. яз.)

Ломидзе 1971 – *Ломидзе Г.И.* Единство и многообразие советской литературы // История советской многонациональной литературы: в 6 т. Т. 2. Кн. 1. – М.: Наука, 1971. – 511 с.

Хатуов 1960 – *Хатуов С.И.* На рассвете: Повесть / Пер. с черк. яз. Л. Епанешникова. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1960. – 57 с.

Шорэ 2005 – *Шорэ А.Л.* Уэлбанэ кЫхь (Шоров А.Л. Долгое ненастье). – Черкесск: Къэрэшей-Шэрджэс республикэ тхьль тедзапэ, 2005. – 286 н. (на каб.-черк. яз.)

REFERENCES

AKHMETOV M.Kh. *Ali edet na kosh. V rodnom aule: Dve povesti* [Ali goes to the kosh. In the native village: Two stories]. – Moscow: Children's literature, 1967. – 96 p. (In Russian).

BEKIZOVA L.A. *Cherkesskaya sovetskaya literatura* [Circassian Soviet literature]. – Stavropol: Stavropol Book Publishing House, 1964. – 199 p. (In Russian)

BEKIZOVA L.A., KARAEVA A.I., TUGOV V.B. *Zhizn', geroy, literatura: O proze pisatelej Karachaevo-Cherkessii* [Life, hero, literature: On the prose of the writers of Karachay-Cherkessia]. – Cherkessk: Stavropol book publishing house, Karachay-Cherkess branch, 1978. – 213 p. (In Russian)

DUGUZHEV K.B. *Podarok* [Gift]. IN: DUGUZHEV K. *Podarok* [Gift]. OKHTOV M. *Gost' iz Laby* [Guest from Laba]. – Cherkessk: Stavropol Book Publishing House, Karachay-Cherkess Branch, 1976. – P. 3–157. (In Kabardin-Circassian)

GASHOKOV Kh.Kh. *Otec i syn: Povest'* [Father and Son: A Story]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. – 139 p. (In Kabardin-Circassian)

KHATUOV S.I. *Na rassvete: Povest'* [At Dawn: A Story]. – Stavropol: Stavropol book publishing house, 1960. – 57 p. (In Russian)

LOMIDZE G.I. *Edinstvo i mnogoobrazie sovetskoj literatury* [Unity and diversity of Soviet literature]. IN: *Istoriya sovetskoi mnogonatsional'noi literatury: v 6 t. T. 2. Kn. 1* [History of Soviet multinational literature: In 6 volumes. Vol. 2. Book 1]. – Moscow: Nauka, 1971. – 511 p. (In Russian)

SHOROV A.L. *Dolgoe nenast'e* [Long bad weather]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Republican Book Publishing House, 2005. – 286 p. (In Kabardin-Circassian)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КAVKAZA

УДК 82-31

DOI 10.31143/2542-212X-2021-3-229-246

**КРИТЕРИИ ЭПОПЕЙНОСТИ И ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ
РОМАНА А. ТЕППЕЕВА «МОСТ СИРАТ»****А.Д. БОЛАТОВА (АТАБИЕВА)**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр РАН»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru*

Аннотация. В статье освещены вопросы, касающиеся жанрообразующих признаков романа-эпопеи, форм проявления эпического в художественном произведении. Рассмотрение означенной проблематики предполагает наличие в структуре работы теоретической преамбулы, отражающей принятые в литературоведении характеристики эпопейности (историзм, героика, широкая панорама народной жизни, воссоздание эпической картины мира, многоаспектное отражение действительности, выраженный драматизм, историко-культурный контекст, социальная типизация, срез эпохи, преломляемый в судьбах людей) и последующий развернутый анализ локальных примеров из эпического текста. С целью выявления искомых качеств (эпопейных черт) в национальном романе, дается целостное представление о закономерностях формирования жанра, определяя эпопею как показатель уровня развития литературы, эволюции историзма мышления художника. Основное внимание в исследовании сконцентрировано на изучении структурно-содержательных особенностей и повествовательных стратегий в романе «Мост Сират» балкарского прозаика А. Теппеева. Применимость выдвинутых критериев оценки при разборе композиционных особенностей произведения обосновывает его позиционирование как эпопейного повествования.

Ключевые слова: роман-эпопея; критерии эпопейности; историзм; народность; героика; драматическое содержание; типология характеров.

**CRITERIA OF EPICNESS AND NARRATIVE STRATEGIES OF
A. TERPEEV'S NOVEL "THE SIRAT BRIDGE"****A.D. BOLATOVA (ATABIEVA)**

*Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budget Scientific Establishment
«Federal Scientific Center 'Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of
Sciences'»*

360000, KBR, Nalchik, Pushkina st., 18

E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru

Abstract. The article highlights the issues concerning the genre-forming features of the epic novel, the forms of manifestation of the epic in a work of fiction. The consideration of the above-mentioned problems provides for the presence in the structure of the work of a theoretical preamble reflecting the characteristics of epopees' accepted in literary studies (historicism, heroics, a wide panorama of people's life, the reconstruction of an epic picture of the world, a multidimensional reflection of reality, pronounced drama, historical and cultural context, social typing, a cross-section of the epoch refracted in the destinies of people) and the subsequent detailed analysis of local examples from the epic text. In order to identify the desired qualities (epic features) in the national novel, a holistic view of the laws of the formation of the genre is given, defining the epic as an indicator of the level of development of literature, the evolution of the historicism of the artist's thinking. The main attention in the study is focused on the study of structural and content particulars and narrative strategies in the novel "The Bridge of Sirat" by the Balkar prose writer A. Teppeev. The applicability of the proposed evaluation criteria when analyzing the compositional features of the work justifies its positioning as an epic narrative.

Keywords: epic novel; criteria of epicness; historicism; nationality; heroics; dramatic content; typology of characters.

На сегодняшний день литературоведение обладает необходимыми аналитическими инструментами для выведения соответствующих методов анализа и характеристики подлинно эпических произведений. Тем не менее, вопрос о критериях эпичности и особенностях самого жанра остается дискуссионным.

Тема возникновения романа-эпопеи прежде не часто обсуждалась в региональной науке, поскольку существует теоретическое мнение, что данная форма и ее масштабы не соотносимы с молодыми литературами. Поскольку это самый поздний и все еще развивающийся жанр, он определяется как «неготовый», находящийся на стадии становления. Более того, по признанию ученых, современный роман несколько отошел от «стихии эпического повествования», эти выводы сводятся к мысли о невозможности эпопеи в настоящее время. Произведения такого масштаба должны отражать народную жизнь, и это качество во многом определяет их соответствие данному определению. «Среди ряда теоретических положений о жанровых признаках эпопеи ведущим остается категория «народность». <...> В теоретических обоснованиях народности как литературоведческой категории значение ее расширилось и вмещает в себя не только типологию художественного мышления художника, но и выбор им сюжета произведения, трактовку тех событий, которые легли в основу его творения; отсюда и признак историзма – неотъемлемая черта современного романа-эпопеи или иного эпического произведения» [Крутов 2006: 27].

Итак, «народность» выдвинута как основополагающий критерий в оценке художественного творчества писателя-эпика. Обозначенную категорию следует понимать как соотнесенность судьбы героя с жизнью народа, которая становится очевидной на фоне значительных исторических трансформаций. Характерными примерами служат «Война и мир» Л. Толстого, «Жизнь Клима

Самгина» М. Горького, «Хождения по мукам» А. Толстого», «Будденброки» Т. Манна или «Сага о Форсайтах» Дж. Голсуорси, транслирующие историю, содержащие рассказ о жизни нескольких поколений в едином циклически структурированном тексте. Писатели стремятся к воссозданию эпического представления о мире, к реализации онтологических тем с использованием ресурсов мифопоэтики как компенсаторного средства, приближающего роман к традиционной поэтике древнего эпоса. На создание такого полноформатного полотна могло уходить не одно десятилетие, ввиду того, что многоплановый сюжет вбирает в себя широкие временные рамки. Под определение романа-эпопеи подпадают произведения с емким содержанием, полифоничной проблематикой, многоуровневой композицией, полноценно разработанными героями («Сто лет одиночества» Г.Г. Маркеса, «И дольше века длится день» Ч. Айтматова и др.). В таких текстах явственны приметы эпохи, по которым читатель может скорректировать собственные представления о ней, соотнести степень авторского вымысла и фактические данные.

В становлении рассматриваемого жанра для многих литератур (и русской в том числе) первоисточником стали западноевропейские традиции, так же и национальная словесность развивалась на примере опыта литератур-посредников. Результатом эволюции художественного творчества стало появление романов-эпопей, в которых заложена наивысшая концентрация эпического, данная форма охарактеризована многими исследователями как «вершина художественно-эстетической трактовки мира и человека». Таких образцов в литературе сравнительно немного. Художественное пространство эпопейного повествования призвано воплотить одновременно историческую действительность, судьбы страны, народа и человека, специфику этнического сознания, нравственный идеал, национальную идею, категории трагического и героического. Иными словами, усилиями писателя-эпика достигается масштабная реконструкция конкретной эпохи.

В процессе развития эпического мышления в определенные моменты происходила нивелировка жанровых признаков, когда к выделенной форме относились произведения, содержащие в себе события эпохального значения, да и сама эпопея не избежала определенных наслоений. Вместе с тем структура такого объемного повествования складывается из трех неотъемлемых элементов: родовой памяти, заключенной в человеке, противостояния пограничных мировоззрений (на фоне войн, катаклизмов, противоречий времени, выраженного драматизма жизненных ситуаций) и не менее значимого бытийного концепта. Немаловажным аспектом становится философское осмысление действительности. Таким образом, в фокусе внимания художников находятся: борьба непримиримых сил, мятущаяся личность в эпицентре исторических событий, широкая панорама народной жизни на примере отдельной семьи. Наличие батальных сцен, внушительное число действующих персонажей, их социальная типизация, подача цельных характеров, включенность героев в значимые события, сопричастность к ходу истории, множественность сюжетных линий и раскрываемых конфликтов составляют жанрообразующие признаки романа-эпопеи. Исходя из обозначенных тезисов,

ведущим принципом, необходимым условием эпоейности следует считать полномасштабное воссоздание реальности.

Исследователями вопроса (Соболенко В., Чернис Д. и др.) уточнена художественная природа и «жанровая суверенность» романа-эпопеи, позиционирование его как ключевой формы словесного искусства. Произведения историко-социального содержания превращаются в развернутые полотна, способные вместить «потенциал времени», как результат – в сознании читателя возникает убежденность, что история творится здесь и сейчас. Наличие выраженной эпической картины мира мыслится значимым атрибутивным признаком эпопеи. Кроме того, тип художественного сознания играет немаловажную роль в выстраивании эпически ориентированного повествования, и в данном случае наиболее проявленными будут мифологический, эпический, символический планы отражения.

В эпопеях задействовано множество сквозных и эпизодических персонажей. Значительными метами времени становятся не только исторические события, но и действующие лица произведения (Григорий Мелехов из «Тихого Дона» М. Шолохова, Пьер Безухов и Андрей Болконский из «Войны и мира» Л. Толстого). Каждый из героев эпопеи узнаваем по типическим чертам, их разграничение осуществляется исходя из принадлежности к определенному классу или прослойке общества. Писателями разъясняются принципы социального поведения представителей выделенных категорий, чаще всего это собирательные, обобщающие образы. Оценка характеров персонажей является прямым следствием психологии личности, ее поведенческих особенностей. Конструируемые автором критические ситуации ставят человека перед необходимостью осознанного выбора. Герои таких романов, как правило, связаны семейными узами либо взаимоотношениями в социуме. Особое внимание уделено их внутреннему миру, отражению специфики языка как этнической составляющей, речевых нюансов в подаче образа.

Отдельного рассмотрения в подобных текстах заслуживают батальные сцены и бытовые подробности, посредством которых достигается максимальная приближенность к исторической достоверности. В содержании произведений находит воплощение судьба человека на фоне историко-социальных преобразований, процесс трансформации его сознания под воздействием жизненных коллизий, раскрываются межличностные конфликты на основе идейно-классового противостояния. Их характеризует многослойный сюжет, раскрытие причин, обуславливающих действия людей. Таким образом, во главе угла оказывается личность ищущая, осознающая свою социальную роль, метущаяся, сомневающаяся в своем стремлении найти место в общем устройстве окружающего мира.

В целом эпопея мыслится гибридной формой, синтезировавшей в себе потенциал эпоса, мифа и романа, и характеризуется эпически широким охватом событий эпохального значения. Повествовательные стратегии в ней выстраиваются в полном соответствии с мифологической «трехмерностью», подчиняясь авторской интенции.

Следует сказать, что на литературной арене в разное время появлялось множество псевдоэпопей, вследствие чего «Возникали сложности по созданию целостной, системной картины развития эпопеи и особенностей адаптации к новым художественно-историческим условиям» [Беглов 2006: 4]. Это объяснимо тем, что признаки указанного жанра адаптированно присутствуют в произведениях разноплановых, относимых как к деревенской прозе, так и к историческому роману, однако в каждом из них «эпическое» проявляется по-разному. Каковы же характерные методы моделирования повествований подобного рода? Если отражение «эпической картины мира» является первоочередной задачей, то способы жанровой типизации также необходимо брать в расчет при обосновании эпопейности произведения. Помимо выделенных признаков следует обратить внимание и на структурные особенности текста.

Эпопею зачастую идентифицируют с историческим романом, однако соблюдение исторической подлинности фактов и событий прошлого не является в данном случае самоцелью, они служат сценой событий, разворачивающихся в судьбах героев. Она вбирает в себя элементы как исторического, так и социального, философского, психологического разновидностей романного жанра. Иными словами происходит соединение различных аспектов содержания в русле осмысления гуманистических идей.

Беглов В.А. называет эпопею «праисточником эпического рода» [Беглов 2006: 7], поскольку она способна в некоторой степени определить «движение литературы во времени» [Беглов 2006: 9], аккумулируя в себе генетическую память народа. В ней соотносятся духовная составляющая, факты этнической истории и нравственно-этический (духовный) потенциал человека. Для данной формы характерна сосредоточенность в определенном времени и пространстве, однако события и ситуации не исчерпывают себя, находят продолжение и развитие в следующей части (кольцевая композиция).

В эпопее проступает глубинная связь человека и мира, и, следуя логике жанра, писатель-эпик стремится создать широкий историко-культурный контекст. Для воспроизведения действительности эпическими средствами автор отбирает материал, руководствуясь историческим мышлением. Свойственное художнику мировосприятие неизменно влияет на характер развития романного сюжета. На основе синтеза категорий исторического и мифологического преломляется коллективное сознание, максимальную выраженность получает национальный характер. Развитое мифологическое сознание, то самое духовное мировидение, а также авторское присутствие в повествовании согласуются со всем вышесказанным.

Собственно романная форма оценивается по типу повествования и способам воплощения эпического начала. Образцы эпопейного жанра снабжены собирательными образами, обобщающей символикой и подтекстом, притчевым толкованием действительности. «Такие произведения как художественные структуры сложились на пересечении двух типов художественного мышления – эпопейного и романного» [Соболенко 1986: 6–7]. Традиции реалистического романа наравне с условными приемами

изображения придают творчеству национальных писателей необходимый ценностный уровень.

Необходимо указать, что эпические тенденции усиливались в моменты наивысшего напряжения в сознании людей. Политическая нестабильность в мире, угроза крушения привычного жизненного уклада порождали состояние страха и неопределенности в собственном будущем. В контексте этой пугающей реальности, становящейся, по сути, побуждающей силой, возникала необходимость в художественном отражении подобных изменений, в поиске духовной опоры. В эпоху, когда в силу объективных причин нарушалась привычная целостность, наступал кризис нравственно-этических представлений общества, наблюдалось отрицание существующего порядка, мир терял свою незыблемость и самодостаточность. Возникла острая потребность в эпопее, как возможности восстановления утраченных связей, средства сосредоточения и сохранения исторической памяти. Именно поэтому темы Гражданской и Великой Отечественной войн, а также события периода депортации явились благодатной почвой для создания романов-эпопей. В национальных литературах масштабной раскруткой данной проблематики характеризуются 1960 – 90-е годы.

Еще одной особенностью романов-эпопей является отражение социально-исторических конфликтов, непереносимое столкновение противоборствующих сил, что придает произведениям одновременно героическое и трагическое содержание. «Сосуществование миров, каждый из которых обладает самостоятельной ценностью и способен воздействовать на другой» [Беглов 2006: 18] лежит в основе любого эпического повествования. С точки зрения проблематики внимание авторов концентрируется на достоверных событиях, динамичных сценах, когда герои активно включены в социально-общественные процессы, подвергаясь испытаниям психоэмоционального порядка, ставятся в пограничные ситуации. В подлинной эпопее прочитывается тот самый национальный идеал, потребность в котором наиболее ощутима в сложные, неоднозначные эпохи. Целостно представленные характеры, высокая степень драматизма, разрастание героико-эпического фона, трактовка исторических событий с полярных позиций – обязательны к реализации. Ракурсы изображения меняются в зависимости от авторского замысла.

Существенным качеством является также слитность «удаленных во времени» реальностей, соотносимых с национальным сознанием. Происходит реконструкция прошлого, хроника настоящего и нацеленность в будущее. Масштабы сюжета подразумевают некоторую незавершенность, определяя сквозные тематические линии, способствуя еще большему углублению во внутренний мир героев. Возможность «приращения» к исходному сюжету нового контекста всегда в приоритете. События и эпохи, а также человек, оказавшийся в их эпицентре, прошлое, оцениваемое через призму настоящего, целостная картина народной жизни и ее перспективы отражены в контексте романов-эпопей.

Писатели детально вырисовывают национальный характер, который полноценно раскрывается в кризисных ситуациях. «Эпопея нового времени

немыслима вне трагического наполнения драматического выражения противоречий, ведущих к позитивному развитию национального сознания» [Беглов 2006: 24]. Выход из кризисного состояния становится доступен героям при условии осознанного выбора, в процессе борьбы, страданий, ошибок, прохождения через всевозможные испытания.

В момент трансформации условий существования общества состояние человека, оказавшегося в ситуации нравственного самоопределения, особенно волновала писателей в их стремлении распознать в малом значительное и донести до сознания читателя животрепещущие вопросы современности. Эпическая картина мира требовала обобщенной подачи, люди, их судьбы, факты из жизни, достоверные исторические события, социальные противоречия спрессованы в единый информационный пласт. Характеры героев формируются на пересечении позитивных и драматических явлений, испытывая душевные потрясения, они обретают способность переосмысливать пережитое, анализировать происходящее. Имеет место прямая авторская оценка героев на основе составленного о них мнения в ходе фиксации всех духовных движений, осознанных действий, внутренних монологов, противоречий, тонкостей психологии, ментальных особенностей и т.д. Героическое содержание, трагическое мироощущение, выявление типологии характеров – составляют своеобразие эпопейного полотна.

В разные эпохи по мере того, как менялся облик окружающей действительности, литературе требовались все новые действенные подходы в отражении реалий времени, наметив исторические перспективы развития романских форм, направление творческих поисков национальных писателей, методов реализации художественных идей. Гуманистическая и нравственно-этическая концепции преобладают, отмечается стремление художников очертить социально-политические конфликты, неизменными остаются ориентированность на разъяснение духовной составляющей бытия, пристальный интерес к внутреннему миру героев. В центре эпопейного повествования находятся несколько поколений рода, их жизнь в переломные периоды народной истории.

Необходимо подчеркнуть, что в современной региональной прозе эпопейный жанр все еще находится в стадии становления. Вместе с тем возможности данной формы в определенной степени получили реализацию в творчестве отдельных писателей. Жанровые предпочтения балкарских авторов отличаются многообразием форм. В процессе генезиса роман претерпел качественные трансформации, вызвав к жизни новые модификации, и в этом плане 1980–1990-е годы выгодно отличаются его форсированным развитием.

Проблематика балкарских романов нового образца («Большая медведица» З. Толгурова – 1982, «Мост Сират» А. Тепеева – 1993) реализуется с позиции нравственно-этических, духовных ориентиров, демонстрируя в своем содержании глубинное отражение специфики эпохи, осмысление судьбы народа в переломные моменты истории. В центре эпического повествования находятся формирующиеся герои, читатель имеет возможность отследить процесс их личностного развития. Изначально не имея подзаголовка «эпопея»,

эпические произведения отличались широтой охвата исторической действительности. В вышеназванных текстах со всей очевидностью проступают эпические черты, благодаря вплетенности человеческих судеб в круговорот значимых событий в судьбе народа и страны в целом. Историческая эпопея как таковая характеризуется эпической глубиной, философскими прозрениями, отсылкой вглубь прошлого. Для эпически ориентированных писателей важны степень реалистичности и драматического напряжения, укрупненная подача привычных тем, нахождение в модусе времени (на пересечении прошлого, настоящего и будущего), фиксация культурного кода, заложенного в этническом сознании.

В контексте выдвинутых тезисов о критериях эпичности в данной статье мы намерены провести разбор эпически ориентированного произведения из балкарской литературы. Объектом анализа избран роман балкарского прозаика А. Теппеева «Мост Сират», как наиболее показательный с точки зрения рассматриваемой проблематики. Для начала уточним тип художественного мышления, приверженцем которого является автор, и далее обозначим ведущие принципы конструирования композиции художественного текста.

Ранее отмечалось, что в повествованиях такого уровня четко определена мировоззренческая позиция создающего, что формирование целостной модели романа-эпопеи напрямую зависит от авторской концепции. Следуя основополагающим принципам реалистического направления в литературе, А. Теппеев стремился синтезировать и максимально эффективно применить в своем творчестве ресурсы мифологии, эпоса и романа. Важным моментом в уяснении специфики анализируемого произведения является логика выстраивания метатекстового пространства, которое складывается из множества важных составляющих. Структура романа «Мост Сират» включает в себя собственно эпический текст, реализованный в его пределах контекст и комплекс интертекстуальных включений. Художественные рамки произведения воспринимаются как поле их взаимодействия, отдельного внимания заслуживают особенности функционирования хронотопа.

Роман А. Теппеева достоин того, чтобы стать объектом серьезного концептуального осмысления, поскольку в нем определяется мощная философская основа, раскрываются глубинные символические смыслы. Панорамность, возможность реконструкции и ретроспекции исторического прошлого дают простор для осмысления противоречивых событий 1930–1950-х годов, предоставляют возможность их объективной оценки. Писатель презентует читателю многомерное эпическое повествование, в котором произведен органический синтез эпических и романских признаков. Мы наблюдаем действие «развернутое в цельном художественном пространстве».

Эпопея ли «Мост Сират» в литературоведческом понимании? Немалый объем, сложная композиция, многослойность сюжетных линий романа, масштабность раскрываемой в нем проблематики, ориентированность на историческое прошлое, многоаспектная и объективная оценка событий позволяют произведению претендовать на этот статус. Учитывая, что писатель

видит главной целью достижение полноты эпического мировидения, создание слепок народной жизни, по всем основополагающим признакам повествование должно быть причислено к подлинно эпическому жанру. Если вести речь о субъективно авторском определении жанровой принадлежности созданного им произведения, несомненно, что художник стремился реализовать в романной форме эпическое содержание. В этом случае возникает необходимость различать роман-эпопею и панорамный исторический роман. Герой ищущий является неотъемлемым атрибутом эпического повествования, это не идеологизированный, готовый (шаблонный) образ, как часто бывало в романах советского времени. Фиксировать процесс становления характеров, их обусловленность средой и жизненными обстоятельствами, показать ценностные установки личности – приоритеты творчества балкарского прозаика. Важными качествами являются эпически широкий охват событий, отражение специфических примет конкретной эпохи для обоснования подобной обусловленности.

В произведении задействовано без малого девяносто главных и эпизодических персонажей. Роман разделен на книги, каждая из которых обращена к определенному этапу жизни действующих лиц. Помимо условных средств отражения автором привлечен достоверный историко-этнографический материал. В качестве иллюстративной составляющей приводятся цифры и факты, реальные документы, нормативные акты, указы и предписания, относящиеся к изображаемому времени и имеющие непосредственное отношение к этнической истории. Так, в повествовании отмечено, что в депортационный период тридцать четыре балкарских аула были расселены на территории среднеазиатских степей (Киргизии и Казахстана), также отмечены люди, вынужденно оказавшиеся в Сибири (ссылка, тюремное заключение, лагеря). Основное внимание сосредоточено на перипетиях судеб жителей двух селений (Секи и Жамауат), освещаются события в годы их пребывания на чужбине. Местами непосредственного расселения выходцев с Кавказа обозначены Карачаевская роща, Покровка и Кегети. «Жизнь героев эпопеи теснейшим образом связана с историей, значительные события в жизни общества и судьба человека взаимосвязаны и взаимообусловлены, семья предстает в эпопее носителем социального и исторического» [Чернис 1988]. Тепшеевым подробно расписаны события из жизни семнадцати балкарских семей во главе со старейшинами рода Кайбергеновых (вековой старец Атто, Бияслан), Кушжетеровых (Хамзат), Чоттаевых (Шоштар), семья кабардинца Басира (выселенного вместе с супругой балкаркой), ссыльного казака Макара, четы киргизов (Рыскул и Айша), принявших изгнанников под свою опеку. В тексте часто упоминаются фамилии Адеевых, Ормановых, Базовых, Чегемовых, Рахаевых и т.д. Произведение насыщено жизнеописаниями, множеством бытовых и политических подробностей, из которых складывается объективное восприятие исторической действительности того времени.

Среди героев романа представлены образы с говорящими именами, они содержат намек на род занятий либо характерологические черты, доминирующие качества, личностные особенности. Показателен в этом

отношении образ Расторгуевой, жены поселкового начальства (коменданта Юдина), промышлявшей выторговыванием у переселенцев ценных вещей в обмен на зерно «вес на вес». Отдельным персонажам соответствуют имена, данные жамауатом (общиной): Левон Посулян, о котором люди говорили «беримдю»/«беримли» – «дароносящий»; «жырчы» (певец из народа) Гезох; «устаке» («мастер» – на киргизском языке) Хамзат, этот персонаж получил в свое время и другое имя – «волчья жила» за стойкость и мужество, проявленные в 1930-е годы в ходе установления советской власти на Северном Кавказе. В первый год местные жители называли переселенцев «бечараклар» – бедные, горемычные, «айдалгандар» – изгнанники. В повествовании эпизодическое, опосредованное участие принимают исторические фигуры (Ленин, Сталин – «усатый», Берия – «четырёхглазый»), чьи действия подвергаются народному осуждению. Довольно интересно обыгран А. Теппеевым сюжет с двенадцатью «апостолами», собравшимися на импровизированной «тайной вечере» в доме Ерту Чегемова (директора типографии, авторитетного, высокообразованного человека, имевшего вес в правительственных кругах Киргизии, ранее служившего в органах НКВД и МГБ), негласным лидером и учителем которых выступил знаток народного фольклора Гезох.

Роль философских обобщений выполняет выраженная символика романа. «В ходе повествования в сознании читателя с определенной периодичностью фиксируются числовые символы: восемь сыновей старика Бияслана; эшелон со спецпереселенцами под номером 13; тринадцать мужчин, собравшихся на «ныгыш» и обсуждающих происходящие события по аналогии с библейским мотивом» [Болатова, Гергокова 2015: 28]. Посредством знаковых образов определяется авторское отношение к происходящему, писатель анализирует действительность, исследует душевную природу своих героев, дает оценку времени и человеку в нем. Ключевым символическим образом в смысловом контексте рассматриваемого произведения является *Могучая Сосна* (мифологический аналог Мирового дерева), которую срубил главный герой романа в надежде построить новый дом – пристанище изгнанника на Чужбине. Это воображаемый мост Сират, перекинутый через адское пламя (устойчивый архетип, условная модель мира).

В символическом ключе представлены также: *оберег* Музафара с землей из Тагылы кол (Родниковой долины); «глаза» *родников* как жизнеутверждающий символ, знаменующий собой освобождение от оков; ишачий *подседельник*, зашиваемый вековым старцем Атто в день выселения (олицетворяет собой крушение вековых устоев); *деревянная веранда*, достроенная главным героем в ночь накануне изгнания; семь заготовленных Хорасан (супругой Хамзата) саванов перед отправкой в Киргизию; шестнадцать серебряных *газырей* – неприкосновенный талисман, оберегавший Мухтара – «залог еще живой связи рода Кушжетеровых с родной землей, на которую они надеялись вернуться»; *буханка хлеба*, завернутая в газету «Сталинский путь» (указание на ошибочность ожиданий народа от власти) как «кусоч самой жизни»; колосья пшеницы, проросшие в стене дома (надежда на спасение

умирающей от голода семьи); *косы* Лейли, отданные на откуп ради освобождения Хамзата из тюрьмы. Тем же функционалом наделены и другие образы: золотые немецкие *часы* на руке Шоштара и *сапоги* с чужой ноги (интерпретируются как тяжкое бремя грехов, сковывают движения подобно кандалам); последнее стихотворение Кязима, изобличающее действия власти и чудом сохранившееся благодаря сплоченности людей; *посох* Гезоха – атрибут путника и расколовшаяся надвое *трость из рябины*, служившая Хамзату опорой восемь лет.

Мотив странствий и скитаний (производный от темы выселения) реализован через образы Шонтука (отца Хамзата и Зулкарнея Кушжетеровых), который в свое время отправился в Турцию в поисках лучшей доли для своих сыновей, однако умер вдали от родины в окрестностях Измира и обрек потомков на тяжелые испытания; Мисирхан (горемычной матери, потерявшей сына – подросток Ахмат отстал от поезда по пути на чужбину); Гезоха, пытавшегося отыскать свою дочь в Чуйских степях; Хамзата, который хотел добиться правды и справедливости в отношении Мадины, осужденной за нарушение действующих предписаний. Каждому из них сопутствовали в дороге *палка*, *посох* либо *трость*, как символы, соответствующие облику скитальца. В увязке с обозначенной проблематикой упоминаются Хызир и Ильяс (в карачаево-балкарском фольклоре почитались как покровители путников). Аналогичный момент раскрыт писателем в романе «Тяжелые жернова». Исследуя художественные особенности текста, Сарбашева А.М. отмечает: «Сломанная палка старика, разваливающийся на две части камень Дебета репрезентуются как знаки (символы) надвигающейся трагедии в жизни народа – депортации» [Сарбашева 2019: 114]. Эта тема реализована и в произведении балкарского прозаика З. Толгурова «Большая медведица». «Один из персонажей романа говорит о том, что «люди разбросаны, словно одинокие былинки, у каждого свой посох, на него и опирается идущий человек». < > Поэтому у каждого героя своя дорога, свой выбор» [Сарбашева 2001: 112]. Из приведенных примеров можно сделать вывод о достаточно емком смысловом наполнении и знаковом характере данного образа в народном сознании.

Тема исторической, родовой и этнической памяти красной нитью выведена в произведении (поход Хамзата с внуком в Тагылы кол – Родниковую долину, его рассказы о героическом прошлом, осознание себя частью народа, неистребимое желание передать потомкам незыблемые традиции, память об истоках, назидания Гезоха о важности веры, необходимости сохранения опыта предков, песенной культуры и т.д.). Она отражается в содержании романа посредством различных художественных инструментов.

В тексте «Мост Сират» освещен процесс устранения «кулачества» как класса, к которому в годы репрессий многие были несправедливо причислены (мельник Макар – лишен нажитого имущества и выслан из казачьей станицы), узденей (род Чегемовых) и фамилий княжеского происхождения (таких как Шакмановы). На их примере писатель выявляет противоречия мировоззрений, идейные столкновения. Навешивание ярлыков, противоборство сторон не ослабевало и после планомерного уничтожения дворянского сословия. Гнев

большевизма обрушивался на каждого, кто относил себя к оппозиции, возвращая в сознании людей неприятие зажиточных слоев населения.

Примечателен эпизод, когда собравшиеся вместе авторитетные люди из числа переселенческой интеллигенции полемизируют, обсуждая вопросы политики, выражают несогласие со сложившейся ситуацией притеснения и активной пропаганды межклассовой розни. В данном случае «многоаспектность событий подчеркивается перекрестным комментированием одних и тех же фактов различными персонажами» [Чернис 1988]. Спор между Ерту Чегемовым (ортодоксальным коммунистом, свято верящим в идеалы всеобщего блага, равноправия и свободы) и Рачикау Шакмановым по поводу идеологических ухищрений, стратегий манипулирования сознанием масс. Каждый трактует происходящее по-своему, однако конфликт убеждений разрешается сам собой. Рачикау («осколок разбитого аристократического класса») заметно превосходил оппонентов по уму, ориентировался в постулатах социализма лучше убежденных коммунистов, с легкостью цитируя сочинения главных идеологов страны. Никто не мог противопоставить его доводам весомого аргумента. Все, что прежде казалось неоспоримым, не просто ставилось под сомнение, радикально менялась интерпретация – подмена понятий, идеализирование системы, ее правила и установки из аксиомы превращаются в факт намеренного оболванивания людей с целью абсолютного контроля. Не случайно на чаше весов, оценивающей их деяния, между Сталиным и Гитлером ставится знак равенства, поскольку в исторической перспективе их политические рычаги воздействия привели к масштабному геноциду. Писателем формируется тезис о том, что жестокость советского режима была сродни фашизму (они в равной степени уличены в угнетении народа).

В развенчании навязанных стереотипов наиболее запоминающимися являются соображения Гезоха. В монологах героя использованы ключевые метафоры, смысловой потенциал которых угадывается автоматически. «Нет проку искать виноватого, клеймить и разоблачать. Нет смысла искать следы медведя, когда он сам на виду», слова певца как нельзя более точно характеризуют происходящее: «Люди пытаются оправдать собственную жестокость благородными целями. Сети лицемерия искусно плетутся» [Теппеев 2001: 326]. Этим мыслям созвучны слова Абу: «Самый главный злодей обычно предстает в облике доброго и справедливого отца. Людям кажется, что он творит добрые деяния, а насилие будто бы делается во имя всеобщего блага» [Теппеев 2001: 363]. Размышления персонажей вскрывают истинные причины преступлений прошлого. Притчевый характер романа обусловлен стремлением автора прояснить ситуацию, когда под видом исторической необходимости вычищался путь к власти.

Многие из героев, представленных в романе, прошли годы ссылок в лагерях, отбывали срок, будучи обвинены в проявлении неприязни к правящему режиму. Велика массовая доля тех, кто в разное время подвергся идеологическому прессингу, ощутил на себе «систему правосудия» в действии. Это и Хамзат Кушжетеров, которого по ложному доносу арестовали в 1938

году, затем отпустили по амнистии, позднее в период депортации обрекли на четыре года лагерей за нарушение ограничительных мер по отношению к переселенцам, предусматривающих находиться в пределах мест настоящего проживания. Это и его сын Мустафа, считавшийся пропавшим без вести, однако на самом деле отбывал десятилетний срок за нахождение в немецком плену. Это и Рачикау Шакманов, сосланный в 1929 году из-за принадлежности к высшему сословию, и Батыр Адеев, что был отправлен на двадцать лет тюрьмы, и Кайыт Арынчиев, репрессированный в 1937 году и приговоренный к десяти годам лагерей, и Гезох, которого также осудили на десять лет за «побег» в другую республику в поисках пропавшей дочери. Командир десантного полка подполковник Геллер осужден военным трибуналом на восемь лет с лишением звания и всех наград за то, что открыто осудил действия власти в отношении призывников балкарцев, достойно воевавших на фронтах Великой Отечественной войны (яркий пример тому лейтенант Абу Кайбергенов, награжденный орденами Красной Звезды и Александра Невского).

Повествование перемежается рассказами о фронтовых буднях и подробностями из жизни выселенцев на чужбине. Сюжет произведения вместил длительный процесс их адаптации, налаживания быта в новых условиях. В раскрытии ключевой проблематики романа немаловажны воспоминания героев, предыстории развития описываемых событий. Рассказы об историческом прошлом, включение этнографических деталей вносят весомую лепту в выстраивание художественной целостности эпического текста. Отдельного внимания заслуживают описания Карачаевской роци и национальностей, собравшихся здесь (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев), в этой местности обосновалась вся интеллигенция из среды репрессированных народов.

Существенное значение в структуре романа имеют прецедентные включения религиозного характера. В тексте приводятся жизнеописания пророков Ноя (Нуха) и Моисея (Муссы), в сопоставительно-оценочном ключе представлены имена известных поэтов и писателей, исторических личностей и политических деятелей. Так, в произведении проигрывается ситуация, аналогичная истории, описываемой в священном писании: собрание тринадцати «апостолов» (в числе которых роль Иуды отведена Итлуку Китарову) во главе с «учителем» (Гезохом). Автором проанализированы поведенческие установки героев, их мировоззренческая позиция, духовное становление, психология личности. Оценка их действий осуществляется исходя из множества побуждающих и обуславливающих факторов, что нагляднее всего проиллюстрировано на примере образа отступника.

В эпическом творчестве А. Тепеева первостепенными задачами являются реализация принципа историзма, показ глубинной связи человека и мира. Многофункционален в романе эпический параллелизм, обратная временная перспектива (нарушение хронологической последовательности описываемых событий, переменное обращение то к прошлому, то к настоящему) сообщает содержанию полновесность. Обращают на себя внимание и степень драматического накала, и философские размышления на

темы нравственно-этического порядка. В качестве значимого момента следует выделить притчевый характер раскрытия проблем современного общества сквозь призму этнического сознания, духовно-ценностных ориентиров.

В раскручивании эпоейности романного повествования немаловажно освещение социальных конфликтов, столкновение героев на почве несоответствий индивидуального мироощущения. В этом плане наиболее выпукло обрисованы противоречивые взаимоотношения Хамзата и Шоштара. Это типические характеры психологических антиподов с диаметрально противоположным восприятием действительности. Образ Хамзата возведен писателем до уровня народного идеала со всеми присущими качествами, в нем сосредоточены основы духовности, заложенные в этнокультуре. Шоштар же являет собой пример психологии жертвы, в его представлении он ущемленная сторона. На примере этого героя писателем прорисован тип приспособленца, которым движут сугубо эгоистичные побуждения, а позиция выжидания становится привычной формой поведения. Хамзат называет односельчанина «боккабар» (самодельный тряпичный мяч для игры в хоккей на траве) дьявола – метафора, позволяющая выразить скрытую суть души, преисполненной ненависти к людям, неистребимой злобой, завистью и тщеславием. Шоштар участвовал во многих преступлениях, напоминанием о них служили *деревянные бирки* (привязывались к ногам умерших каторжников) и немецкие *кирзовые сапоги*, которые никак не изнашивались, с каждым днем жали ноги все сильнее, поэтому беглец мечтал снять их и омыть ноги в реке Юрду (своеобразная проекция, означающая избавление от груза прошлого).

Склонность к самоанализу и философским раздумьям отличает образ Хамзата, процесс выбора истинного пути дается сложно. Писателем затронут вопрос нравственного самоопределения героя, мучительные колебания и сомнения личности, оказавшейся в пограничной жизненной ситуации. Момент общенародной катастрофы обнажает назревшие конфликты и противоречия между людьми. «Эпопея по своей природе тяготеет к таким историческим периодам, когда сложившаяся веками система традиций чревата взрывом, изжила себя и сама себя отрицает» [Соболенко 1986: 50]. Глазами героев романа «Мост Сират» читатель видит реальные события, они размышляют о ходе истории, задумываются о месте и роли, отведенным в обществе, в попытке осмыслить смысл своего существования, отыскать единственно верное решение.

Психология отдельных социальных общностей раскрывается на примере конкретных персонажей различной классовой принадлежности. Расслоение общества на два непримиримых лагеря, следствием чего становятся личные драмы героев, трагические повороты народной судьбы и еще множество философских аспектов бытия человека находят отражение в романе. Чтобы усилить национальный колорит, для большей убедительности писателем использован комплекс языковых средств (различные речевые обороты, набор диалектных выражений, словесных идиом).

Автору удалось художественно отразить социальный опыт людей разных поколений, носителей определенного социального статуса, их внутренний мир,

противоречивые мысли, диалоги с самими собой в стремлении осмыслить и понять происходящее. Последствия социально-политических преобразований и их влияние на человеческое существование в полной мере раскрыты в содержании романа «Мост Сират». Энциклопедический охват исторического прошлого народа, прочувствованность и достоверное изображение национального характера отличает данное произведение, его ценностный уровень зиждется на гуманистической составляющей. Писателю было важно в локальном художественном пространстве воспроизвести драматический характер эпохи, передать трагизм человеческих судеб в годы войны и насильственной депортации.

Описания быта значимы для передачи специфики той среды, в которой проходило становление личности. Семейные взаимоотношения зеркально отражают социальные конфликты, процессы, характерные для конкретного исторического времени. Герои становятся заложниками непримиримой вражды, испытывая на себе разрушительное воздействие идеологического отчуждения, внушаемого на протяжении долгого времени. Деструктивным явлением в авторском понимании предстает классовое разобщение общества, раскол в умах людей приводит к драматическим последствиям, ломает судьбы, трансформирует психику. Результатом такого давления становится перекраивание сознания. Подстраивание под сложившиеся обстоятельства отличает социальный тип приспособленца, для которого характерно проявление жестокости, цинизма, иногда и агрессии. В таком качестве в романе представлены образы Шоштара Чотчаева, Жорты Избирова, сотрудника службы НКВД Итлука Китарова, коменданта Юдина, секретаря парткома Жоро Култаева. В обрисовке выделенной группы персонажей автор не скупится на негативные краски.

Авторское отношение к изображаемому проявляется через пристрастность в оценке действительности и поступков героев. Писатель стремится к разъяснению причин, обуславливающих их действия. Таким образом, «не ставя задачу исчерпать событие, художник отбирает материал < > необходимый для раскрытия характера героя» [Чернис 1988]. Контрастная обрисовка персонажей, их социальная типизация, соблюдение эпической дистанции способствуют полновесному отражению главных противоречий времени.

Так как в романе отражены закономерности исторического порядка, ключевые эпизоды биографии героев (1930-50-е годы) совпадают с событиями эпохального значения (установление советской власти, коллективизация, раскулачивание, репрессии, Великая Отечественная война, депортация). В разработке исторической темы писателем использован принцип двойной хроники, когда освещение истории государства реализуется посредством отражения перипетий жизни отдельно взятой семьи, через сопоставление антагонистических сил, непримиримость идей, присутствие в повествовании исторических личностей. Круг проблем, затронутых А. Тепшеевым, казалось бы, неподъемен с точки зрения художественной реализации, однако зримо проступающий историко-социальный контекст позволяет сориентировать

читателя, предложить схему выведения системы нравственно-этических координат, комплекса духовных ценностей. Прием кодирования дает возможность в соответствии с уровнем индивидуального восприятия определить специфику времени и в какой-то степени домысливать итоги эпического сюжета.

В романе А. Тепшеева «Мост Сират» мы наблюдаем новый формат художественного образа. Изменившаяся реальность продуцирует такой тип героя, который призван осуществить попытку выхода из кризисных условий существования, это личность с активной гражданской позицией и объективным толкованием реальности. Действующие лица произведения все чаще размышляют о ходе истории, задумываются о первопричинах происходящего в попытке отыскать приемлемое решение, находятся в поиске духовной опоры. В подобных текстах достигается контакт автора, читателя и героя, улавливается взаимосвязь «субъекта-повествователя» и «субъекта-героя».

На примере конкретных персонажей раскрываются варианты социального поведения, психология отдельных слоев общества. Писатель анализирует характеры, исследует человеческую душу, дает оценку эпохе и личности в ней, ему удается отразить действительный опыт людей, их колебания и внутренние противоречия, балансирование между «за» и «против», принятие или отрицание социально-политических явлений. В этой связи одним из ключевых становится вопрос самоопределения в ситуации общенациональной катастрофы, каковыми явились репрессивные меры в отношении некоторых народов. Деструктивным явлением стала и классовая неприязнь. Нагнетаемая в те годы атмосфера разобщения социума привела в итоге к трагическим поворотам, о чем свидетельствуют личные драмы героев романа. Внутрисемейные отношения Кушжетеровых, Кайбергеновых и Чотчаевых зеркально отражают процессы, характерные для описываемого периода.

Трагедийное содержание, выраженный драматизм – специфическая черта романа-эпопеи. Такое произведение подвержено постоянному обновлению, как «живая субстанция», что мы и наблюдаем в развитии эпического повествования «Мост Сират».

Писатель выступает в качестве обозревателя событий, его опосредованное присутствие является значимой стилиевой тенденцией (она находит применение в творчестве ведущих балкарских прозаиков). Используя прием потока сознания, автором развернуто анализируются глубинные вопросы человеческого бытия. Должный эффект достигается посредством философских отступлений, призванных разъяснить причины сложившихся социальных конфликтов, подвести читателя к осмыслению сиюминутно творимой истории. Эпопея характеризуется эпическим масштабом, событийной плотностью, всеохватностью и онтологической глубиной содержания, историческими прозрениями, суть которых начинает проясняться с течением времени.

Размышляющее начало, выраженный психологизм, драматизация исторических событий, их объективная оценка – признаки, позволяющие относить данное произведение к анализируемому жанру. И дело не столько во внушительном объеме текста или глубоком идейно-художественном

содержании, это срез целой эпохи, преломляемый в судьбах людей и отдельных семей, что является достаточным основанием эпопейности. Герои романа обогащаются ценнейшим опытом в переломные этапы жизни. На их примере автор стремится разъяснить закономерности исторического порядка и духовные поиски представителей разных социальных слоев. Что касается временной логики повествования, она не ограничивается привязкой к категории пространства, а мыслится намного шире.

В произведении существенную роль выполняют национальная идея, героика, массовые сцены эпохального значения, раскрываются родовые связи главных действующих лиц, отслеживается эволюция персонажей, процесс их личностного самоопределения. Масштабное эпическое полотно вместило «субстанциональное содержание народной жизни» (Гегель), «художественную концепцию мира» (Н.К. Гей) и обобщенный взгляд на действительность» [Болатова 2020: 194]. Таким образом, эпопейные черты проступают на всех уровнях романного повествования. Освещение полифоничной проблематики определяет поэтико-стилевые особенности текста.

Специфика исторического мышления писателя, степень проявленности этнического сознания, полнота отражения эпической картины мира заслуживают высокой оценки. В процессе исследования художественного пространства романа А. Теппеева «Мост Сират», анализа повествовательных стратегий, схемы выстраивания композиции выявлено максимальное соответствие произведения отмеченным в теоретических выкладках критериям эпопейности (глобальное содержание, выраженный историзм, народность, драматический накал, глубокое осмысление противоречий времени, полномасштабная реконструкция эпохи, эпический параллелизм, раскрытие типологии характеров и т.д.). Балкарский прозаик достиг весомых результатов в деле освоения жанра романа-эпопеи и его становления в национальной литературе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Болатова 2020 – *Болатова (Атабиева) А.Д.* Теоретическое осмысление проблемы художественной циклизации (карачаево-балкарская поэзия и проза) // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 3. – С. 187–204. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-3-187-204>

Болатова, Гергокова 2015 – *Болатова (Атабиева) А.Д., Гергокова Л.С.* Интерпретация числовой символики в карачаево-балкарском фольклоре и литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8 (50). – Часть 3. – С. 26–29.

Беглов 2006 – *Беглов В.А.* Эпопея в русской литературе XIX – XX вв.: становление и трансформации. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 50 с.

Крутов 2006 – *Крутов Ю.И.* Генезис и трансформации эпопейных жанровых признаков в прозе XX века. Дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2006. – 315 с.

Сарбашева 2001 – *Сарбашева А.М.* Формирование историзма мышления и балкарский роман. – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2001. – 148 с.

Сарбашева 2019 – *Сарбашева А.М.* Трансформация фольклорных традиций в балкарской литературе (на материале прозы). – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2019. – 172 с.

Соболенко 1986 – *Соболенко В.* Жанр романа-эпопеи (Опыт сравнительного анализа «Войны и мира Л.Н. Толстого и «Тихого Дона» М. Шолохова). – М.: Художественная литература, 1986. – 205 с.

Теппеев 2001 – *Теппеев А.М.* Мост Сират. Перевод с балк. М. Эльберда. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 488 с.

Чернис 1988 – *Чернис Д.* О жанре романа-эпопеи // Вопросы Литературы. – 1988. – № 3. – С. 199–206.

REFERENCES

BEGLOV V.A. *Epopeya v russkoi literature XIX–XX vv.: stanovlenie i transformatsii. Avtoref. diss. ... k. filol. nauk* [Epic in Russian literature of the XIX–XX centuries: formation and transformation. Abstract of dissertation for the candidate of philological sciences degree]. – М., 2006. – 50 p. (In Russian)

BOLATOVA (ATABIEVA) A.D. *Teoreticheskoe osmyslenie problemy khudozhestvennoi tsiklizatsii (karachaevo-balkarskaya poeziya i proza)* [Theoretical understanding of the problem of artistic cyclization (Karachay-Balkar poetry and prose)]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2020. – No. 3. – P. 187–204. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-3-187-204> (In Russian)

BOLATOVA (ATABIEVA) A.D., GERGOKOVA L.S. *Interpretatsiya chislovoi simboliki v karachaevo-balkarskom fol'klоре i literature* [Interpretation of numerical symbols in Karachay-Balkar folklore and literature]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2015. – No. 8 (50), Part 3. – P. 26-29. (In Russian)

CHERNIS D. *O zhanre romana-epopei* [About the genre of the epic novel]. IN: *Voprosy Literatury*. – 1988. – No. 3. – P. 199–206. (In Russian)

KRUTOV YU.I. *Genesis i transformatsii epopeinykh zhanrovnykh priznakov v proze XX veka. Diss. ... d-ra filol. nauk* [Genesis and transformations of epic genre features in the prose of the XX century. Dissertation for the degree of Doctor of Philology]. – М., 2006. – 315 p. (In Russian)

SARBASHEVA A.M. *Formirovanie istorizma myshleniya i balkarskii roman* [The formation of historicism of thinking and the Balkar novel]. – Nalchik: Izdatel'stvo KBNTs RAN 2001. – 148 p. (In Russian)

SARBASHEVA A.M. *Transformatsiya fol'klornykh traditsii v balkarskoi literature (na materiale prozy)* [Transformation of folklore traditions in Balkar literature (based on the material of prose)]. – Nalchik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2019. – 172 p. (In Russian)

SOBOLENKO V. *Zhanr romana-epopei (Opyt sravnitel'nogo analiza «Voiny i mira L.N. Tolstogo i «Tikhogo Dona» M. Sholokhova)* [The genre of the epic novel (The experience of comparative analysis of "War and Peace by L.N. Tolstoy and "The Quiet Don" by M. Sholokhov)]. – М.: Khudozhestvennaya literatura, 1986. – 205 p. (In Russian)

TEPPEEV A. M. *Most Sirat / Perevod s balk. M. El'berda* [Sirat Bridge. Translated from Balkar by M. Elberd]. – Nalchik: El'brus, 2001. – 488 p. (In Russian)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

УДК 398+821.512.142

DOI 10.31143/2542-212X-2021-3-247-259

**АЛГЪЫШ (БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ) В ФОЛЬКЛОРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ
КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ: СПЕЦИФИКА ЖАНРА,
ТАКСОНОМИЯ, ПОЭТИКА****Ж.М. ЛОКЪЯЕВА
Ф.Т. УЗДЕНОВА**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр РАН»*

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

E-mail: lokyaeva.zh@mail.ru, uzdenova.kbigi@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию жанра *алгъыш* (благопожелание), активно функционирующего в традиционной словесной культуре карачаевцев и балкарцев. На основе анализа фольклорных текстов и литературных произведений представлена таксономия благопожеланий, с учетом специфики рекреативно-витабельных практик и лингвостилистических характеристик; отмечены основные употребительные модели: в связи с утратой (соболезнование) и др.; рассмотрены признаки этикетного речевого жанра благопожелания, степень его изученности, коммуникативная роль, поэтика языкового воплощения; особое внимание уделено репрезентации активно используемой в современной национальной литературе форме – *стилизации под алгъыш*. Синхронический подход к проблеме – исследование дефиниций, связанных с определением психоэмоционального фона, обусловленного этнической принадлежностью, когнитивно-гносеологическими процессами, грамматическими языковыми структурами, влияющими на формирование национальной картины мира. Методы исследования: структурно-описательный, историко-типологический, гносеологический.

Ключевые слова: *алгъыш* (благопожелание); стилизация под *алгъыш*; малые жанры; карачаево-балкарский фольклор; поэзия; адресант; адресат; таксономия.

**ALGYSH (GOODWILL) IN THE FOLKLORE AND LITERATURE OF
KARACHAIS AND BALKARS: SPECIFICS OF GENRE, TAXONOMY,
POETICS****Zh.M. LOKYAEVA
F.T. UZDENOVA**

*Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budget Scientific Establishment
«Federal Scientific Center 'Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of
Sciences'»*

360000, KBR, Nalchik, Pushkina st., 18

E-mail: lokyaeva.zh@mail.ru, uzdenova.kbigi@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of the *algysh* (goodwill) genre, which is actively functioning in the traditional verbal culture of the Karachais and Balkars. Based on the analysis of folklore texts and literary works, the taxonomy of goodwill is presented, taking into account the specifics of recreational-vital practices and linguo-stylistic characteristics; the main used *algysh* models are noted: in connection with marriage, birth of a child, festive events, loss (condolence), etc.; the features of the etiquette speech genre of goodwill, the degree of its study, the communicative role, the poetics of linguistic embodiment are considered; special attention is paid to the representation of the form actively used in modern national literature – stylization under the *algysh*. A synchronous approach to the problem is a study of definitions, associated with the definition of the psycho-emotional background due to ethnicity, cognitive-epistemological processes, grammatical linguistic structures that influence the formation of the national picture of the world. Research methods: structural-descriptive, historical-typological, epistemological.

Keywords: *algysh* (goodwill); stylization as *algysh*; small genres; Karachay-Balkarian folklore; poetry; addressee; addressee; taxonomy.

Алгышла къарачай-малкъар халкъны кёлден чыгъармачылыгыны гитче жанрларыны бир уругуна саналадыла. Ала асламысында жашау болумла бла байламлы, адамны жашауун суратлагъан, игилик тежеу халда Тейриге, Аллахха, къадаргъа айланып айтылгъан, энчи белгиленип жюрютюлгенден сора да, нарт жырлада, айтыулада, сүймеклик жырлада, жомакълада, таурухлада эм фольклорну башха жанрларында да дайым тюбеген, тюрлю-тюрлю болумла бла (сёз ючюн: юйюр къурагъанда, сабий туугъанда, бешикге салгъанда, биринчи чач жюлюгенде, биринчи атлам этгенде, тиш чыгъаргъанда, Ораза, Къурман, Науруз, миллетни къыраллыгы къайтарылгъан) байламлыкда жюрютюлген айтыуладыла.

Бу жанрны магъанасына, төре жорукъларына алимлини биринчилерини санында болуп кеслерини илму ишлеринде Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова къарагъандыла [Агапкина, Виноградова 1994: 168–208]; андан сора татар халкъны алгышларыны жанр энчиликлерине И.Г. Закирова [Закирова 2017], орус тилни вологод диалектинде жюрютюлген алгышла миллет культурада къаллай жерни алгъанларына Л.Ю. Зорина [Зорина 2012], къалмукълуланы харкюнлюк жашауларында айтылгъан алгышланы суратланыу, жюрютюлюу энчиликлерине Н.Д. Михайлова [Михайлова 2013], якутланы алгышларыны поэтикасына, жанр энчилигине Л.С. Ефимова [Ефимова 2013] эм дагыда башхала къарагъандыла.

Алтайчы фольклорист С.С. Каташны оюмуна кёре, алгышла мажюсю динде, табийгъатны жаны болгъанына ийнаныуну мурдорунда къуралгъан, жашау сынауну бирикдирип, табийгъатда тюбеген затланы, аурууланы, тюрлю-тюрлю къыйынлыкъланы хорлар ючюн къуралгъан чыгъармаладыла [Каташ

1978]. Белгиленген затла алгыш бурун заманладан бери энчилиги сакланган эски жанрларындан бири болганын шартлайдыла.

Къарачай-малкъар фольклорда алгышланы жанрча белгилеп, аланы юслеринден (жанрны юсюнден) Хаджиланы Танзиля жазганды. Аны оюмуна кёре, фольклорну гитче жанрларына алгышла бла къаргышла, антла, ырысла, белгиле, илишанла, жоралаула, нарт сёзле бла нарт айтыула, къанатлы сёзле, элберле киредиле [КъМФ 1996: 6].

Белгили фольклорист, филология илмуланы доктору Малкъондуланы Х.Х. кесини монографиясында поэзияны бек эски формасы (алгышла) бурун заманлада Къарачайда бла Малкъарда тейрилеге табыныуда хайырланылганын, уучулукъ, жашау-адет эм фольклорну башха жыр жанрлары бла къаты байламлы болганын чертгенди [Малкондуев 1996].

Къарачай-малкъар фольклорда алгышланы жюрютюлюу амалларына бла хайырланыу энчиликлерине «Особенности и функциональная роль благопожеланий (алгыш)» [Локьяева 2020] деген статьяда да къаралады. Анда жанрны баш мураты адамгъа насып, саулукъ, байлыкъ, жюрек тынчлыкъ, игилик тёрелеу болганы белгиленеди.

Тил илмуну келечилери «Алгышла бир ненча кесекден къуралып, тилек формада айтылган, кёбюсюнде, «болсун» деген этим бла бошалган айтыуладыла» [Кетенчиев и др. 2018: 83], – деп шартлайдыла. Алгышла къысха айтылыргъа, неда талай назму тизгинен къураладыла эм асламысында «болсун», «толсун», «берсин», «келсин», «этсин» дегенча этимле бла бошаладыла:

*Атны чабханын берсин,
 Ёгюзню тартханын берсин,
 Ушкокну атханын берсин,
 Къойну тюклюсюн берсин,
 Ийнекни сютлюсюн берсин,
 Арбаны жюклюсюн берсин!
 Туугъан уланы алгышлы болсун,
 Ыстауаты малдан толсун!* [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Папка 3.

Паспорт 8]

Алгышны, фольклорда жюрютюлген формасына келишип, магъанасы кенг да, терен да болуп, назму тизгинлеге сыйыннганын да эслерге боллукъбуз. Бегийланы Абдуллахны «Алгыш» деген назмусуна эс бёлейик.

*Жылыгъыз кюле келсин,
 огъурлу кюнде келсин, –
 сау келсин, жюклю келсин,
 ырысхы тюклю келсин, –
 ыстауатха къой киргенча,
 арбазгъа уа той киргенча!*

*Къызыбыз къызлы болсун,
 жашыгъыз ызлы болсун,
 башыбыз къутлу болсун,*

ахшы умутлу болсун!

*Ана туудукълу болсун,
ата саурукълу болсун,
бала зауукълу болсун!*

*Къартыбыз кеп болсун,
«Нартыбыз!» – деп болсун,
сэзююз бек болсун!* [Бегийланы 1996: 124].

Бу тизгинледе халкъны келден чыгъармачылыгында «келсин», «болсун» деген этимле алгъышны кючлейдиле.

Адабият илмуда белгиленнгенге кере, XX-чы ёмюрню ахырында суратлау сэзюу усталары кеслерини чыгъармаларында алгъыш жанрда жазылгъан назмуладан сора да, алагъа ушагъан айтыулары (стилизация под алгъыш) миллет поэзиябызгъа эркин кийиредиле [Узденова 2018: 94]. Ала да, магъаналары жаз тилге байланышып, назму кепге сыйынып айтыладыла. Ол зат къарачай-малкъар поэзияда жангы ангыламды. Юлгюге Мусукаланы Сакинатны «Китабымы ахырында» деген назмусун келтирейик:

*Ариу сэзюм – тангны тазалыгына,
Кюнлюм бетни кюлдюре тургъан кюннге,
Ариу сэзюм – элек болгъан умутну
Атын кьоймай, кесине кьысхан жаннга...*

*Ариу сэзюм – ариу сабий ёсдюрюп,
Миллетине кьуллукъ этдиргенлеге...* [Мусукаланы 2001: 294].

Бу тизгинледе «ариу сэз» алгъышым деген магъананы тутады, болсада, туура айтылмай, алгъышха ушагъан айтылыу формада бериледи.

Поэтни «Бспас» деген назмусу да ол формадады:

*Бспас сизге, эр кишиле,
Къайгы, ачыуну ичинде
Бизге билек болалгъанла,
Шургулукъну хорлагъанла!
Бспас сизде халаллыкъгъа,
Бспас сизге адамлыкъгъа,
Бспас сизге – къартха, жашиха,
Сиз сакълагъан Ата таиха!* [Мусукаева 1988: 68].

*Мен тилейме санга игилик...
Жолоучуду адам дуняда.
Насыбым а – азат кийигим,
Жол тапсын ол сени уянга!*

*Жазынгы, кюзюнгю да бетин
Жарытсын бу ариу суюмеклик* [Мусукаланы 2007: 4].

Ёзденланы Альбертни «Къарачай» деген назмусу да алгъышха ушатъу халда жазылгъанды:

*Алан халкъны аслан кёллю баласы,
Тау намысны оюлмазлыкъ къаласы,
Хар не тюрлю хазнадан да джеринг бай,
Акъыл сёзлю, дугъум кёзлю – Къарачай!*

*Тау башлада эримеучю къарынгы,
Субай санлы джашил наратларынгы
Тоялмайма кёзлерим бла ийнакълай,
Акъ баилыкълы, джашилченген Къарачай!*

*Алма терек чакъгъан кюнде, эшикде
Джукълаб тургъан балачыкълны бешикде
Тылпыуундан тогъугъанча, мен алай
Солуучанма тау хауангы, Къарачай! [Ёзденланы 1998: 18].*

Семенланы Азретни назмуларыны тил шатыклыгъы, байлыгъы, суратлау амалланы уста хайырланууу, жашауну философия теренлигин ачыкъллауу аны поэзиясы къарачай халкъ поэзияны сайламаларына къаршы болгъанын кёргюзтеди. Аны назмуларында туура алгъышла, алгъышха ушагъан айтыула да аз тюбемейдиле. Сёз ючюн, поэтни «Окбуучу» деген назмусуну тизгинлери:

*Тереклени чирчик эте,
Чакъгъанларын.
Чучхурланы мынчакъ бюрке,
Акъгъанларын.*

*Сюймекликни къазаныны
Къайнагъанын.
Учунууну джюрекледе
Ойнагъанын.*

*Адамлыкълны кертиликде
Джакъланыуун.
Ана тилни кёз гинджича
Сакъланыуун.*

*Джарыкъл чамла, ойлашыулау
Тюбешиуле;
Кёлкъалдыла, гурушхала,
Илешуле –*

*Басынышыб, эсни бери
Бургъанларын.
Талпынышыб, сени сакъллаб
Тургъанларын [Семенланы 2002: 5].*

Неда, поэтни «Ана тилим» деген назмусуна кьарасакъ – ол миллетине айтхан алгыш сёзюдю дерге эркинбиз.

*Сен миллетими мутхуз бюгюню,
Джиберме кьолдан хар бир игини.
Намысны, сыйны, джорукъну, джолну,
Адамда адамлыкъ сакъланса болду.*

*Сен таулу халкъны джарыкъ тамбласы,
Тиллени ичинде тас болмай джаша!
Тазалыкъгъа да, теренликге да,
Аралгъа тюйюл, Байкалгъа уша.*

*Сен тюрк тиллени чынг эртдегили
Суу кьошулмагъан таза джууурту.
Сенден кьалгъанла узайгъандыла,
Алай чакъларын бираз унутуб.*

*Аны себебли, сени сакълауда,
Сыйлы борч бла терен магъана;
Не ючюн десенг, кьалгъан тюрк тиллеге,
Сен ётер кёпюр, аумаз багъана! [Семенланы 2002: 14–15].*

Дин бла байламлы алгышла кьарачай-малкъар фольклорда аслам тюбегенлери даулашсызды, алада «Аллах», «Къуран», «дин», «ийман», «кыбыла» деген сёзле эркин хайырланылгъанлары да шартды. Болсада, архивледе сакъланган вариантла бла басмаланган китаплада тюбеген жазулада бир кьауум энчилик эсленеди. Ол да неди дегенде, басмаланган текстлени бир кьауум сёзлери тюрленип, алышынып, неда кьошулмай турадыла. Баям, ол зат, кьыралны политика жорукъларына кёре, зарфха ургъан заманда этилген тюрлениуледиле:

*Къуран кьолугъузгъа болсун,
Ийман ауузугъузгъа болсун,
Кьалгъаныгъыз кыбылагъа болсун,
Кьуллугъузгъуз Аллахха болсун,
Ичген сууугъуз шербет болсун,
Жатхан жеригиз мамукъ болсун [Архив ИГИ КБНЦ РАН. П. 3.*

Пасп. 13].

Бюгюнню поэзияда Аллахха, аны кючюне ийнаныу кёп тюрлю суратлау амалла бла бериледи.

*Былай насып берген Аллах
Сюе болур бизни.
Турады ол, кёкден кьарап,
Сынай экибизни.*

*Барабыз биз. Хатерлиги
Уллуду кьадарны.
Аны бизге этгенинде*

Кёреме мен аны.

Насып, сынау да – келечи

Бизге жаратхандан.

Къадар, жазыу да – бир энчи,

Бары да – Аллахдан! [Мусукаланы 2007: 94].

Алгъышла асламысында бетден-бетге айтыладыла. Болсада, аланы башха адамны юсю бла айтыргъа да тюшеди. Сёз ючюн: «*Насыбына зар кёз къарамасын! Жашауна къууанганлай турсун ол ариу баланг!*». Быллай алгъыш атагъа-анагъа айтылады, болсада, алгъышны иеси аланы сабийлери болгъаны баямды.

Къарачай-малкъар миллетде юйюрню магъанасы хар заманда да бек уллу болгъанды. Ол себепден, адам кесине этилген алгъышдан да бек баласына төреленген алгъыш сёзю даражалы, сыйлы да кёргенди, сабийине тынчайгъандан уллу насыпха затны санамагъанды.

Къарачай-малкъар фольклор текстледе «*Я Аллах*», «*Аллах*», «*Тейри*» дегенча сёзле къатланыу формада эркин хайырланыладыла. Ала алгъышны кючлер муратда айтыладыла: *Я Аллах, Я Аллах, насыплы бол, кесинг суйгенча жаша!*; *Аллах бир ариу жашау берсин! Аллах ыразы болсун!*; *Тейри берсин сабырлыкъ, Тейри берсин дамырлыкъ, Тейри жарытсын жолунгу!* эм д.а.к.б.

Ол энчиликни къарачай-малкъар поэзияда да эслерге боллукъбуз:

Я Аллах, Я Аллах, сен къура

Жарытырча дин, Къуран.

Сен къура бу халкъымы,

Биригирча акъылы.

Берчи аллай тазалыкъ –

Алалырча Азатлыкъ,

Берчи аллай эс, акъыл –

Къайтарыр кибики атын.

Жал барама, жалынып –

Кетмесин деп жангылып.

Жан аурут къулларынга,

Сау атдыр сен хар тангны!.. [Бегийланы 1996: 129–130].

Неда Лайпанланы Билалны «Гъарш ариулуку» деген назмусуна эсибизни бёлейик:

Я Аллах, сен сакъла аны

Биз билген, билмеген хатадан, палахдан.

Аны насыблы этерге къолумдан келсе эди,

Ёмюрде джукъ тилемез эдим

Джазыудан-къадардан-табийгъатдан-Аллахдан [Лайпанланы

1992: 10].

Бу тизгинледе поэт насыпны, бар игиликни да жазыудан, къадардан, табийгъатдан, Аллахдан да бирча тилейди. Алгъышны, алгъыш тилекни бу формасы фольклорда, поэзияда аз тюбемейди. Нек дегенде, адам улу асламысында кесини тилегин Тейриден, Аллахдан, къадардан, жазыудан,

табийгъатдан бирине айланып айтады. Алай битеу ол кючлени барысын да бир тизгиннге сыйындырып, «Я Аллах» деп тилекни кючлеп алгъыш этген форма уа хазна жюрютюлмейди.

Алгъышлада эпитетле, тенгleshдириуле, жаз тил бла айтылгъан айтыула да эркин хайырланыладыла.

Белгилисича, къарачай-малкъар фольклорну битеу жанрлары бирча сакъланып, жюрютюлюп, тинтилип турмайдыла, аланы бир къауумлары (булжутуула, тилбургъучла, ётюрюкле, къозутуула, санаула, айтышла) унутула, магъаналарын тас эте барадыла, башха къауумлары уа (алгъышла, ойберле, таурухла, чам хапарла) айный, кючлене, бюгюннгю фольклорну байыкъдыра барадыла.

Алгъышла адамны келир жашаууна игиликле тежейдиле, ийнаныуун кючлейдиле, бир бирге тюбегенде, жолоучулукъгъа тебирегенде, сабий туугъанда, байрамлада, тойлада, ауругъанны кёре баргъанда, тап, къайгъы сёз берген заманда да айтыладыла, алгъыш айтханны, жораланнганны да бирча кёллерин кётюредиле.

Фольклор илмуда **къайгъы сёз берген заманда айтылгъан тилеклени** да алгъышны бир тюрлюсюне санаргъа тийишлиди. Нек дегенде, адам дуниясын алышхан заманда жууукъларына: «*Аллах гюняхларын кечсин!*»; «*Жаннет эшиклери ачылсынла!*»; «*Энди замансыз ачыу сынамагъыз!*»; «*Къалгъанларыгъызгъа ачыусуз жашау берилсин!*» деп къайгъы сёз бередила. Бу ёлгеннге, къалгъанларына да төреленнген алгъыш тилекледиле. Аланы юсюнден тынгылы айтыргъа тийишлиди, алай бу статьяда биз кесибизге ол борчну салмайбыз.

Адамны жашауунда хар белгили жумуш алгъыш бла байламлыды. Къудайланы М.Ч. белгилегеннге кёре, къууанч къанганы артында «малкъарлылада бла къарачайлылада, Кавказны кёп башха миллетлериндеча, эм сыйлы аякъгъа *гоппан* саналады. Аны эки къулагъы жугъутурну бла къочхарны башларыны формасында ишленеди. Жангы къуралгъан юйюрню тойларында гоппанны энчи магъанасы барды: жаш юйюрню бу аякъны эринича (тёгерегича) тауусулмазлыкъ узакъ жашауу, маллары, мирзеую кёп болсун деп жоралайдыла. Башха къоншу миллетледе да *гоппан* аллай магъананы тутады» [Кудаев 1988: 67].

Ёзденланы Альбертни «Алгъыш» деген назмусунда да алгъыш сёз аякъны къолгъа алып этилгенин, анга «боза аякъ», «алгъыш аякъ», «айран аякъ» (ичине къуюлгъанына эм къууумгъа кёре), ата-бабадан келген гоппан аякъны сыйы уллу болгъанын, ол алгъышланы толурну энчи кюч салгъанча магъана берилгенин кёргозтеди:

*Гоппан аякъны мен къолгъа алыб,
Алгъыш этейим таулагъа:
Сюймегенле да сюйсюнле бизни,
Ол нюзюрюмдю джаулагъа.*

Боза аякъны мен къолгъа алыб,

*Алгыыш этейим таулагъа!
Сюймегенле да сюйсюнле бизни,
Ол нюзюрюмдю джаулагъа [Ёзденланы 1998: 35].*

Тойлада, къурманлыкълада гоппаны (агъач аякъны) айрандан неда бозадан толтуруп, таматагъа тутдурадыла, ол алгыыш сёзюн айтады. Бир-бир къууанчлада гоппанга боза къуяргъа жарамайды. Сёз ючюн, Ораза, Къурман байрамлада, бешик, сюннет къурманлыкълада, аякъны жаланда айрандан толтуруп кётюредиле.

Алгыышланы асламысында «гоппан аякъны», «боза аякъны», «алгыыш аякъны», «айран аякъны» деп айтылгъаны да къууумну сылтауу бла байламлыкъны шартлайды.

Той алгыышла халкъны кёлден чыгъармачылыгъыны энчи бёлюмюдюле. Алада жангы къуралгъан юйюрге, аланы ёсдюрген ата-аналарына ахшылыкъла тежейдиле, насыплы жашау этерлерин, саулукълу сабийле ёсдюрюрлерин, намыс бере-ала, жууукъ-тенгни сыйлай, жюрюте билерлерин тилейдиле. Келин сайлагъанда, ариулугъундан эсе, тёзюмлююгюн, жарашыулугъун (сёзге кызыу болмай, айтырын тергеп сёлеширигин), жангы юйюрге намыс-сый бере, сие, багъалай, этер ишин биле келлигин излегенлерин насийхат халда алгыышха сыйындырадыла.

Той алгыышлада асламысында жангы юйюрге биринчи сабий жаш болурун тилегендиле. Ол зат миллетни жашау болуму бла, юйюрню таянчагъы эр киши сабий боллугъуна ийнаныу бла байламлы болгъанды. Алай жашауну терклиги дунялыкъ къарамны тюрлендиреди. Бюгюнлюкде жангы къуралгъан юйюрге жаш, кыыз тууарын энчилемей, тутхучлу юйюр къурарларын эм саулукълу сабий ёсдюрюрлерин тилейдиле.

Къарачай-малкъар той алгыышланы энчиликлерини бирине алгыыш бла къаргъыш къатыш айтылгъанын санаргъа боллукъду. Баям, ол зат жангы юйюрге къажаулукъ этерге боллукъ къара кючлени, зар адамланы къоркъутурча чыгып, ардан-артха уа асламысында тойну оюннга, чамгъа бурургъа себеплик этгенди. Сёз ючюн:

*Хар муслийманны затар зери женнетди.
Келген келинни этеклерин
Ургъан зел къайырмасын.
Эки зууукъну бир бирисинден
Оноучу Аллах айырмасын.
Келген келинни кёкюреги
Эрини кёкюрегине жарашсын,
Эки кёолу тёрине зарашсын.
Аны сюймеген къатын болса,
Цыкъсын да, сабанлада итле бла талашсын.
Юйге киргенде от башында олтурсун,
Бут кибик уруцукъ толтурсун.
Аны сюймеген къатын болса,
Бурула, сырыла олтурсун [Архив ИГИ КБНЦ РАН. П. 3. Пасп.*

4].

Сабий туугъанда айтылгъан алгъышланы да бир къауум энчиликлери бардыла. Сёз ючюн, жаш тууса – «*тукъум-жукъ болсун*», кыыз тууса, «*атасыны-анасыны кёлюн алыучу болсун*» дейдиле, «жаш туугъанда, къартлыкъларында атасына бла анасына къарар адамлары болгъанына, кыыз тууса уа, атаны бла ананы ёлген кюнлеринде жилиулары этер адам барды деп болгъандыла» [Кучмезова 2003: 79]. Бу эки зат миллетни керти кюнлерин теренден оюмлагъанларыны бир шартыды.

Даулашсыз, алгъыш сёзю сыйы алтын бла тенг болгъанды, аны кюнчюне тамам ийнангандыла, кыралгъа, миллетге, ёсюп келген тёлуге, кышша, жазгъа, кюзге, жашауну хар бир болумуна да тежегендиле:

*Жазыбыз жауунлу болсун,
Кюзюбюз кюнлю болсун.
Кыралыбыз нюрлю болсун,
Кышыбыз къарлы болсун,
Халкъыбыз малы болсун,
Хар затыбыз барлы болсун.
Ахшыларыбыз акъыл, ши юйретсинле,
Жашла, кызла да аны этсинле.
Урунуп жашайыкъ,
Халал кыйын ашайыкъ,
Бир бирге болушайыкъ.
Аллах сюйгенледен болайыкъ* [Архив ИГИ КБНЦ РАН. П. 3.

Пасп. 5].

Ол зат къарачай-малкъар поэзияда да дайым тюбейди.

Миллетде **сабийни биринчи чачын (итлик чачын)** алыуну къурманлыкъ этип белгилегендиле, алгъыш айтхандыла, биринчи чач аргъы дуня бла байламлы болгъанына, ол алынмай кёз тийсе, саулукъгъа заран тиеригине ийнангандыла, сабийни жамауатха къошулгъаннга итлик чачы жюлюннгенден сора санагъандыла. Андан сора да, **сабийни биринчи атламына** тегерек къалач этип, аны аякъларыны ортасы бла тёнгеретип «*Къууанч бла атлап кет, женгил аякълы бол!*»; **биринчи тиш чыгъаргъанына** жырна этип, «*Къарыулу, саулукълу тишле чыгъар!*», **биринчи сёзлерине** къууанып «*Бал тилли, сёзюнг адамланы жюрегине илешиучю адам бол!*» деп алгъыш этип болгъандыла. Алгъышха тынгылагъанла, алгъыш айтханла да аны айтылгъаныча толлугъуна, тилекни Уллу Аллах эшитиригине толу ийнангандыла, бирча «Амин!» дегендиле.

Дуня жаратылгъанлы бери да ананы алгъышына, къаргъышына да аслам эс бурула келеди. Миллетде не уллу иш башлардан алгъа ананы жюрек ыразылыгъын, алгъыш сёзю эшитирге излегендиле, аны алгъышы ишни онгуна бурлугъуна ийнангандыла.

Аслам жюрютюлген, не уллу алгъышны ич ёзегин къурагъан айтыуладан бири «*Насыплы бол!*» деген алгъышды. Нек дегенде, ол айтыу кесине талай ангыламны сыйындырады эм хар адам «*насыпха*» кесича магъана береди.

Белгилей келгенибизча, алгъышла адамны харкюнлюк жашауунда аслам жерни аладыла: сабий туугъанда «*Къууанч бла ёссюн!*»; сабийи болмагъан

юйюрге «Къууанч бла ата-ана болугъуз!»; жангы жууукълагъа байлашханлагъа «Татлы жууукъ юлюш болугъуз!»; къызлары тышына чыкъгъан ата-анагъа «Баргъан жеринде тынчайып, толу юйюр болсун!»; бушууу болгъаннга «Аллах муну унутур къыйынлыкъ бермесин!»; жангы быстыр кийгеннге «Къууанчха кий! Огъурлу болсун!»; затын тас этгеннге «Къууанч бла къолунга буюрулсун!»; жолоучулукъда адамы болгъаннга «Сау-саламат жыйылсын!»; саусузу болгъаннга, неда кеси ауругъаннга «Аллах кийик саулукъ берсин!»; жангы юй ишлей тургъаннга «Ичине къууанч бла жыйыл!»; терек орнатханнга «Къууанч бла кёгетин ашаргъа буюрулсун!»; тамата адамгъа «Аллыбызда кёп жылланы оноу эте, саулугъунг бла жаша!»; адам чючкгюрге «Узакъ ёмюрлю бол! Саулукълу бол!» эм д.б.

Адам улу атхан тангнга, кечеге, ахшамгъа Аллахдан тилек эте, алгъышы бла тюбейди: «Огъурлу кюн болсун!»; «Тынч кечели болайыкъ!»; «Сау тангнга чыгъайыкъ!» эм д.б.

Алай бла, тинтиуюбюз кёргюзтгеннге кёре, саулай да алгъышланы, алгъышлагъа ушагъан айтыуланы (стилизация под *алгыш*) юсюнден айтханда, алада тилни байлыгъы, кирсизлиги, шатыклыгъы сакъланады, огъурлулукъ тежеу суратлау амалланы юсю бла тюрлю-тюрлю формада бериледи. Алгъышла адамланы араларында халны тюзетирге, кючлерге да болушадыла. Ол затла уа къарачай-малкъар халкъны кёлден чыгъармачылыгъыны бу жанрыны бюгюнлюкде да айныууна, адабиятха да киргенине себеплик этедиле.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Агапкина, Виноградова 1994 – Агапкина Т.А., Виноградова Л.Н. Благопожелание: ритуал и текст // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал. – М.: Наука, 1994. – С. 168–208.

Бегийланы 1996 – Бегийланы А. Бет: назмула (Бегиев А.М. Совесть: стихи). – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 256 бет. (на кар.-балк. яз.)

Ефимова 2013 – Ефимова Л.С. Якутский алгыс: специфика жанра, поэтика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Элиста, 2013. – 55 с.

Ёзденланы 1998 – Ёзденланы А. Чолпан (Узденов А.М. Звезда). – Нальчик: Эльбрус, 1998. – 496 бет. (на кар.-балк. яз.)

Закирова 2017 – Закирова И.Г. Жанр благопожеланий в татарском фольклоре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10 (76): в 3 ч. Ч. 3. – С. 15–18.

Зорина 2012 – Зорина Л.Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры. – Вологда: ВГПУ, 2012. – 216 с.

КъМФ 1996 – Къарачай-малкъар фольклор (Карачаево-балкарский фольклор): хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 592 с. (на кар.-балк. яз.)

Каташ 1978 – Каташ С.С. Мифы, легенды горного Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1978. – 112 с.

Кетенчиев и др. 2018 – Кетенчиев М.Б., Додуева А.Т., Девеева А.А. Вербализация семьи в карачаево-балкарском фольклоре // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 1 (22). – С. 81–84.

Кудаев 1988 – Кудаев М.Ч. Карачаево-балкарский свадебный обряд. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 128 с.

Кучмезова 2003 – Кучмезова М.Ч. Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 214 с.

Лайпанланы 1992 – *Лайпанланы Б. Джуртда Джангыз Терек: назмула* (Лайпанов Б.А. Одинокое дерево на Родине: стихи). – М.: Молодая гвардия, 1992. – 256 бет. (на кар.-балк. яз.)

Локьяева 2020 – *Локьяева Ж.М.* Особенности и функциональная роль благопожеланий (*алгыши*) (на материале карачаево-балкарского фольклора) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2020. – № 6 (98). – С. 302–311. DOI: <https://doi.org/10.35330/1991-6639-2020-6-98-302-311>

Малкондуев 1996 – *Малкондуев Х.Х.* Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев (жанровые и художественно-поэтические традиции). – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 272 с.

Михайлова 2013 – *Михайлова Н.Д.* Калмыцкие народные благопожелания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Элиста, 2013. – 25 с.

Мусукаева 1988 – *Мусукаева С.* Эртден чыкьда (Мусукаева С.А. По утренней росе). – Нальчик: Эльбрус. 1988. – 72 бет. (на кар.-балк. яз.)

Мусукаланы 2001 – *Мусукаланы С.* Аллыма кьара (Мусукаева С.А. Встречай меня). – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 304 бет. (на кар.-балк. яз.)

Мусукаланы 2007 – *Мусукаева С.* Санга (Мусукаева С.А. Тебе). – Нальчик: Эльбрус, 2007. – 96 бет. (на кар.-балк. яз.)

Семенланы 2002 – *Семенланы А.* Магъана (Семенов А.И. Смысл). – Черкесск: Кар.-Черкес. гос. изд-во, 2002. – 250 бет. (на кар.-балк. яз.)

Узденова 2018 – *Узденова Ф.Т.* Карачаево-балкарская поэзия: генезис и жанровое своеобразие. – Нальчик: Принт Центр, 2018. – 232 с.

Архив ИГИ КБНЦ РАН – *Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук – Балкарский фольклорный фонд.*

REFERENCES

AGAPKINA T.A., VINOGRADOVA L.N. *Blagopozhelanie: ritual i tekst* [Benevolence: ritual and text]. IN: *Slavyanskii i balkanskii fol'klor: Verovaniya. Tekst. Ritual* [Slavic and Balkan folklore: Beliefs. Text. Ritual]. – М.: Nauka, 1994. – P. 168–208. (In Russian)

BEGIILANY A. *Bet: nazmula* [Conscience: poems]. – Nalchik: El'brus, 1996. – 256 p. (In Karachay-Balkarian)

EFIMOVA L.S. *Yakutskii algys: spetsifika zhanra, poetika: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Yakutsk algys: specificity of the genre, poetics: Abstract of dissertation for the degree of Doctor of Philology]. – Elista, 2013. – 55 p. (In Russian)

EZDENLANY A. *Cholpan* [Star]. – Nalchik: El'brus, 1998. – 496 p. (In Karachay-Balkarian)

K"arachai-malk"ar fol'klor: khrestomatiya / sost. T.M. Khadzhieva [Karachay-balkarian folklore: Readings. Compiled by T.M. Khadzhieva]. – Nalchik: El'-Fa, 1996. – 592 p. (In Karachay-Balkarian)

KATASH S.S. *Mify, legendy gornogo Altaya* [Myths and legends of the Altai mountains]. – Gorno-Altaysk: Gorno-Alt. otd. Alt. kn. izd-va, 1978. – 112 p. (In Russian)

KETENCHIEV M.B., DODUEVA A.T., DEVEEVA A.A. *Verbalizatsiya sem'i v karachaevo-balkarskom fol'klоре* [Verbalization of the family in Karachay-Balkar folklore]. IN: *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*. – 2018. – Vol. 7. – No. 1 (22). – S. 81–84. (In Russian)

KUCHMEZOVA M.Ch. *Sotsionormativnaya kul'tura balkartsev: traditsii i sovremennost'* [Socionormative culture of the Balkars: traditions and modernity]. – Nalchik: El'-Fa, 2003. – 214 p. (In Russian)

KUDAEV M.Ch. *Karachaevo-balkarskii svadebnyi obryad* [Karachay-Balkar wedding ceremony]. – Nalchik: El'brus, 1988. – 128 p. (In Russian)

LAIPANLANY B. *Dzhurtda Dzhangyz Terek: nazmula* [Lonely tree in the homeland: poems]. – М.: Molodaya gvardiya, 1992. – 256 p. (In Karachay-Balkarian)

LOK'YAEVA Zh.M. *Osobennosti i funktsional'naya rol' blagopozhelanii (alg'ysh) (na materiale karachaevo-balkarskogo fol'klora)* [Features and functional role of well-wishes (alg'ysh) (based on the Karachay-Balkarian folklore)]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2020. – No. 6 (98). – P. 302–311. DOI: <https://doi.org/10.35330/1991-6639-2020-6-98-302-311> (In Russian)

MALKONDUEV Kh.Kh. *Obryadovo-mifologicheskaya poeziya balkartsev i karachaevtsev (zhanrovye i khudozhestvenno-poeticheskie traditsii)* [Ritual and mythological poetry of Balkarians and Karachais (genre and artistic and poetic traditions)]. – Nalchik: El'-Fa, 1996. – 272 p. (In Russian)

MIKHAILOVA N.D. *Kalmytskie narodnye blagopozhelaniya: avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk* [Kalmyk people's good-wishes: Abstract of dissertation for the degree of Candidate of Philology]. – Elista, 2013. – 25 p. (In Russian)

MUSUKAEVA S. *Ertden chyk"da* [In the morning dew]. – Nalchik: El'brus, 1988. – 72 p. (In Karachay-Balkarian)

MUSUKALANY S. *Allyma k"ara* [Meet me]. – Nalchik: El'brus, 2001. – 304 p. (In Karachay-Balkarian)

MUSUKALANY S. *Sanga* [For you]. – Nalchik: El'brus, 2007. – 96 p. (In Karachay-Balkarian)

SEMENLANY A. *Mag"ana* [Meaning]. – Cherkessk: Kar.-Cherkes. gos. izd-vo, 2002. – 250 p. (In Karachay-Balkarian)

UZDENOVA F.T. *Karachaevo-balkarskaya poeziya: genezis i zhanrovoe svoeobrazie* [Karachay-Balkar poetry: Genesis and genre originality]. – Nalchik: Print Tsent, 2018. – 232 p. (In Russian)

ZAKIROVA I.G. *Zhanr blagopozhelanii v tatarskom fol'klоре* [Genre of good-wishes in Tatar folklore]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2017. – No. 10 (76): in 3 parts. Part 3. – P. 15–18. (In Russian)

ZORINA L.Yu. *Vologodskie dialektnye blagopozhelaniya v kontekste traditsionnoi narodnoi kul'tury* [Vologda dialect benevolence in the context of traditional folk culture]. – Vologda: VGPU, 2012. – 216 p. (In Russian)

Архив IGI KBNTs RAN – *Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук – Балкарский фольклорный фонд* [Archive of the Institute for Humanitarian studies of the Kabardian-Balkarian scientific center of the Russian Academy of Sciences – Balkarian folklore fund]. (In Russian)

Наши авторы

Биттирова Тамара Шамсудиновна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук».

E-mail: tbittir@mail.ru

Болатова (Атабиева) Асият Даутовна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник сектора балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru

Боров Аслан Хажисмелович – канд. истор. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: aslan-borov@mail.ru

Гунаев Евгений Александрович – канд. юр. наук, старший научный сотрудник отдела истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

E-mail: gunaevea@kigiran.com

Дзуганов Тимур Аликович – канд. истор. наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: dzughanov@mail.ru

Измайлова Танзила Салмановна – аспирант Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН» (г. Нальчик), заведующая учебным отделом ЧПОУ "Колледж экономики и права" (г. Назрань)

E-mail: tanzila-izm@mail.ru

Кажаров Артур Гусманович – д-р истор. наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: artur-kazharov@yandex.ru

Локьяева Жаухар Магомедовна – младший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: lokyaeva.zh@mail.ru

Муратова Елена Георгиевна – д-р истор. наук, профессор, профессор кафедры истории России Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: lenugm@mail.ru

Ортанова Юлия Аслановна – аспирант ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: yulia-kabardinka@mail.ru

Прасолов Дмитрий Николаевич – канд. истор. наук, доцент, заведующий сектором этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»
E-mail: dmprasolov@gmail.com

Тхамокова Ирина Хасановна – канд. истор. наук, старший научный сотрудник сектора этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
E-mail: omarakana@mail.ru

Узденова Фатима Таулановна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
E-mail: uzdenova_kbigi@mail.ru

Фоменко Владимир Александрович – канд. истор. наук, доцент, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
E-mail: fva2005@gmail.com

Хаблиева Лариса Черменовна – канд. педагог. наук, доцент, доцент ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова»
E-mail: lara6715@yandex.ru

Хавжокова Людмила Борисовна – канд. филол. наук, зав. сектором кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Хакуашева Мадина Андреевна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук».
E-mail: dinaarma@mail.ru

Хубулова Эда Владимировна – канд. истор. наук, старший научный сотрудник, заместитель директора по научно-организационной работе Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала ФГБУН ФНЦ «Владикавказский научный центр Российской академии наук»
E-mail: hubul@yandex.ru

Яновский Вячеслав Сергеевич – канд. истор. наук, краевед, кавказовед, научный сотрудник Информационно-культурного центра «Музей А.И. Солженицына» в г. Кисловодске – экспозиционного отдела Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля.

E-mail: vyacheslavyanovsky@yandex.ru

Электронный журнал

Кавказология

Caucasology

№ 3 / 2021

DOI: 10.31143/2542-212X-2021-3